

Л.В. Смирнягин

Районы США:

портрет
современной Америки

Москва «Мысль» 1989

ББК 26.89(7 США) С50

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

Л. И. Карпов, В. П. Ковалевский, Д. А. Лисоволик

ISBN 5-244-00158-2

© Издательство «Мысль». 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно найти другую зарубежную страну, к которой советский читатель проявлял бы больший интерес, чем США. Это и понятно: крупнейшая капиталистическая держава, обладающая могучим экономическим и военным потенциалом, эта страна стала одним из главных, определяющих элементов современного мира, и от процессов, протекающих в американском обществе, во многом зависят наши отношения с этой страной. Для того чтобы правильно судить о перспективах этих отношений, нужно попытаться понять США - понять прихотливые зигзаги общественного мнения этой страны, причины противоречивости взглядов ее политических лидеров, запутанные на первый взгляд факторы общественного развития и социально-психологические мотивы поведения американцев.

Понять же эту страну непросто, притом даже европейцу, хотя эта страна родилась и развивалась на почве именно европейских культурных традиций. Слишком своеобразна географическая среда, в которой складывалась американская нация, неповторима история этой страны, пестр и разнороден состав ее населения, включающий потомков иммигрантов со всех концов света. Проблема этого своеобразия и необычности волнует каждого, кто пишет о США, будь то ученый или путешественник. «О чем думает рядовой американец?» - вот типичный вопрос путевых заметок об Америке. «Рядовому американцу свойственно...» - вот типичное начало фразы в таких сочинениях. В них отражено стремление «схватить» американскую специфику, выразить ее четкой формулой.

Между тем в американской специфике есть одна важная черта, которая, пожалуй, вообще лишает смысла попытку найти образ «среднего» или «типичного» американца. Эта черта - удивительная географическая неоднородность американского общества, его региональная мозаичность, из-за которой в каждой части такой мозаики есть свой «средний американец», непохожий на соседа. Сами американцы остро чувствуют подобную неоднородность. Американской культуре присуще на редкость яркое региональное самосознание граждан, в силу которого они четко ассоциируют себя с определенным районом или даже местностью своей страны, именно ему или ей адресуют в первую очередь свой патриотизм и постоянно противопоставляют себя, порой весьма жестко, другим районам страны и их жителям. При этом речь идет не просто о месте обитания, но о специфической, присущей только

этому месту культуре в самом широком смысле этого слова - от бытовых привычек до системы ценностей. Иными словами, речь идет об осознании себя членом особой территориальной общности людей, которая оказывается наиболее широкой из всех социальных общностей - профессиональных, этнических или классовых.

Территориальные общности есть в любой стране, особенно много их в крупных странах. Но мало найдется государств, в которых этот феномен достиг таких, как в США, размаха и значимости для всех сторон общественного бытия. Причин этому немало: и обширность самой территории США, и контрастность ее физико-географических условий, и заселение разных ее частей в разные периоды истории, и старинная традиция сегрегированного расселения, в силу которой американцы стремятся жить среди себе подобных по достатку, национальной принадлежности предков, образу жизни, это и само федеративное устройство США, которое отличается здесь особой изоциренностью, немалыми правами штатов и местных властей, причем права эти реализуются с большой активностью.

Региональное самосознание - это не только отождествление граждан с определенной территориальной общностью, но и противопоставление себя членам других общностей, у которых другой выговор в речи, другие привычки, а главное--другие интересы. Соединенные в федерацию штаты не только отличаются друг от друга - они сплошь и рядом противостоят друг другу в решении многих проблем, стоящих перед американским обществом. Именно подобного рода противостояние однажды уже довело страну до Гражданской войны между Севером и Югом, а сегодня межрайонные коллизии в США достигли такой остроты, что широкая пресса принялась было говорить о «новой войне между Севером и Югом», имея в виду отток хозяйственного потенциала с Индустриального Северо-Востока в южные штаты «солнечного пояса».

Одним словом, невозможно составить о США реальное представление, если рассматривать их как точку, отвлекаясь от внутренней неоднородности. Очень многие сведения о США, которыми мы привыкли пользоваться, являют собою результат механического усреднения крайне разнородных данных об отдельных штатах или районах страны, причем среди них мало или вообще нет таких, которые можно было бы характеризовать средними по стране данными (плотность населения, доля черных и т. п.). Получается, что данные по США как бы повисают в воздухе, оказываются статистическими фокусами. Характеризуя страну в целом, они не характеризуют ни одну по сути дела из ее частей, и ни одна из этих частей не похожа на этот усредненный портрет страны. Портрет этот обязательно надо делать, так сказать, групповым, а это значит, что без географа здесь не обойтись.

Советские географы-страноведы не раз писали о США, притом писали обстоятельно, посвящая этой стране большие монографии. Почти все они, впрочем, были написаны не в страноведческом (т. е. комплексном), а в экономико-географическом ключе; основное, если новее, внимание в них было сосредоточено на географии хозяйства этой страны или его отраслей, реже - на проблемах расселения и урбанизации, но тоже с акцентом на экономические аспекты. Экономико-географический подход стал традиционным для советской географической американистики.

Эта же книга нарушает сложившуюся традицию: ее главной темой служит не география хозяйства США, а география американского общества книга написана не столько о производительных силах этой страны, сколько о населяющих ее людях. Это, на взгляд автора, более строго соответствует тематике страноведения, которое нацелено на комплексное изучение страны во всех ее существенных аспектах, а не только в экономико-географическом.

Сегодня проблема перехода от географии хозяйства к географии общества в целом стала одной из самых актуальных для советских географов. Этого перехода требует от них сама практика социалистического строительства в нашей огромной стране, остро нуждающаяся в разработке научных основ управления территориальным развитием всего общества, а не только его производительных сил. Решение этой задачи осложняется, однако, тем, что оно связано с необходимостью разработки новых подходов, новой методологии и более широкого круга знаний в дополнение к тому багажу, который уже накоплен в экономической географии. Речь идет о непосредственном изучении «человеческого фактора», притом не только как дополнительного стимула развития экономики, но и как главной и единственной цели всякого хозяйствования.

Хороший «полигон» для подобных разработок - США, страна на редкость разнообразная и богатая традициями социокультурного регионализма, который ярко отражен в обильной литературе и статистике. Из анализа этого материала особенно удобно черпать те обобщения, которые могут представлять методологическую и теоретическую ценность - если, разумеется, ставить этот анализ шире чисто экономико-географической тематики, т. е. возвращая страноведению его изначальную подлинно комплексную основу, охватывая, говоря словами Н. Н. Баранского, спектр вопросов «от геологии до идеологии».

В свете таких задач и написана данная книга. Она посвящена не только географии американского общества, но и попыткам выявить в ходе анализа этой географии те методологические установки и подходы, которые могут послужить решению более общих проблем зарождающейся у нас общественной географии. Главной здесь оказалась проблема методологических основ районирования общества. Территориальные общности не даны априори, их контуры на карте отнюдь не очевидны, и для того, чтобы правильно их анализировать, нужно прежде всего научиться правильно их выделять. С другой стороны, для разработки подходов к такому выделению нужно было вникнуть в конкретику региональной жизни американского общества.

Двойственностью главной задачи книги объясняется и ее структура. Книга открывается главой, посвященной изложению теоретико-методологических тезисов районирования общества. В последующих главах эти тезисы воплощены в конкретном районировании США. При этом анализ каждого из выделенных районов можно рассматривать и как аргументацию исходных тезисов, и как реализацию страноведческого, т.е. комплексного, подхода, при котором исследуется региональная взаимосвязь всех главных сторон территориальных общностей людей, а не только их хозяйственная деятельность. Книга завершается попыткой подытожить некоторые уроки районирования конкретного общества, обсудить их значимость для исследований по другим странам.

Объем книги оказался слишком скромным для того, чтобы в его рамках претендовать на исчерпывающее решение и методологических вопросов, и задач глубокого анализа каждого из районов этой огромной и сложной страны, стоит напомнить, что лучшая до сих пор страноведческая работа по США, созданная Институтом географии АН СССР четверть века назад, заняла три объемистых тома. Поэтому данное исследование поневоле пришлось ставить как своего рода «разведку боем» в малознакомой области региональной географии общества, как предварительный этап, на котором позволительны скороговорки, неполнота и нарочитый акцент только на некоторых, наиболее важных вопросах. В частности, сознательно допущена сильная неравномерность в распределении объема по районам: о некоторых из них (прежде всего старопромышленных) рассказано лишь вкратце, о других - гораздо подробнее. Последнее относится в первую очередь к районам Юга, потому что именно здесь за последнюю четверть века произошли наиболее важные изменения, и сегодняшний Юг особенно разительно отличается от того, который был описан в монографии Института географии, а потому особенно остро нуждается в углубленном анализе. Тем не менее даже здесь изложение оказалось гораздо более сжатым, чем то, которого заслуживала тема: из-за ограниченности объема пришлось исключить из книги обширные, притом уже написанные, фрагменты о таких важных для понимания Америки городах, как Атланта, Мемфис или Хьюстон, о таких интересных частях США, как подрайоны Нового Юга.

Сказалось это и на насыщенности книги цифровым материалом. Американская региональная статистика исключительно обильна, притом по самым разным вопросам. Сегодня она широко доступна советскому специалисту - не в пример тем условиям, в которых работали в свое время авторы трехтомника Института географии. Невиданные возможности для обработки этой статистики открывает ныне мощная вычислительная техника. С ее помощью на географическом факультете МГУ уже составлен обширный, хорошо оснащенный программами банк данных «Каунти» с 7 социально-экономической статистикой в разрезе более 3 тыс. округов США (авторы А. В. Новиков, В.А.Мячин и И. В. Иванова), завершается сочленение этой геоинформационной системы с автоматическим картографированием. Все это открывало широкие возможности для обильного оснащения книги самыми разнообразными количественными параметрами почти по любому из затронутых вопросов. Однако узость рамок объема книги заставила выбирать между фактографическим акцентом и курсом на обобщенную подачу материала. Выбор был сделан в пользу последнего как более важного для избранного «жанра» исследования.

У этого выбора было еще одно обоснование. После многолетнего молчания советской географической американистики сегодня в этой области назревает настоящий «информационный взрыв». Развернута работа по созданию капитального двухтомного справочника по США в издательстве «Советская энциклопедия» (под эгидой его географической редакции и Института США и Канады АН СССР); готовится к изданию объемистый комплексный географический Атлас США; журнал «США» начал публикацию серии статей о штатах, рассчитанную более чем на 3 года. Данную книгу надо рассматривать в совокупности с этими изданиями, которые должны дополнять друг друга. Читателям, которым будет не хватать в этой книге фактических, цифровых

сведений, можно рекомендовать обратиться к энциклопедическому справочнику, а тем, кому порайонный анализ покажется менее удобным, чем анализ по штатам, - к серии статей в журнале «США». В качестве картографического приложения к книге можно рассматривать Атлас США. Остается добавить, что автор книги принял активное участие в географической части энциклопедического справочника, написании статей о штатах в журнале «США» и составлении Атласа США, и это должно было обеспечить тесную увязку его книги с перечисленными изданиями. **-8-**

Часть 1 РАЙОНИРОВАНИЕ США

Почему нужно районировать США

Вряд ли существуют в мире страны, которые можно понять, не вникая в особенности их внутреннего территориального разнообразия. Даже в самых мелких островных государствах многое в их культурной, хозяйственной или иной специфике объясняется различиями, скажем, между поверхностью суши, внутренней лагуной и прибрежным морем за кольцом атолла. Когда же речь идет о крупных странах с разнообразной территорией, то внимание к внутренним географическим различиям становится неременным залогом достоверности научного исследования.

В этом отношении Соединенные Штаты занимают совершенно особое место. Для их изучения учет внутренних географических особенностей имеет огромное значение, сравнимое лишь с важностью этого аспекта для изучения СССР. Недаром В. И. Ленин, приступая к изложению своего исследования по США, начал его после короткого введения словами, которые известны сегодня, наверное, каждому советскому американисту: «Гигантская площадь Соединенных Штатов, немногим уступающая целой Европе, и громадное разнообразие условий хозяйства в различных концах страны, - все это вызывает безусловную необходимость отдельного рассмотрения главных районов, существенно неоднородных по своему экономическому положению»

* Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 135-136.

Для подобного рассмотрения практичные американцы чаще всего используют административно-территориальное деление (АТД). Административные границы пересекают территорию США на 50 штатов, более чем на 3 тыс. округов, примерно на 20 тыс. муниципалитетов. За каждой ячейкой АТД стоят свои власти, обладающие в США значительными полномочиями. Многие функции управления переданы на уровень округов и муниципалитетов, отдельные задачи (пожарную охрану, школьные дела др.) выполняют специальные дистрикты. Важно иметь в виду, что **-9-** каждый из этих уровней управления обладает немалой финансовой автономией, так как имеет право собирать в свою пользу налоги с местного населения и корпораций, а также получает средства от верхних эшелонов власти. И по размаху, и по характеру регулирования отдельные штаты, округа и муниципалитеты сильно отличаются друг от друга, поэтому условия хозяйствования и социальной жизни в них весьма различны.

Велико значение административно-территориальных границ и в культурном отношении. Регионализм в общественном сознании способствует

привитию гражданам чувства местного патриотизма, которое часто адресуется «своему» округу или муниципалитету, но особенно сильно выражено на уровне штатов.

Немало американских исследований, посвященных географическому разнообразию общественной жизни, построено именно на разделении США по ячейкам АДД, прежде всего по штатам [73, 120].

Однако в этих работах, построенных на «поштатном» описании страны, легко найти свидетельства того, что границы штатов совершенно не совпадают с границами тех частей, из которых состоит в реальности американское общество. И Гантер, и особенно Н. Пейрс завершали описание каждого штата анализом его неоднородности - и сразу обнаружилось, что не только почти каждый штат состоит из весьма контрастных частей, но, что особенно важно, во многих случаях такие части больше похожи не на своих соседей по штату, а на соседей по другую сторону штатных границ. Иными словами, эти границы сплошь да рядом рассекают районные целостности, и следовать таким границам при комплексном анализе территориальной организации американского общества - значит обрекать его на искаженное представление о действительности.

Сетка АДД, допустимая в популярных политологических очерках, не может удовлетворить географа американиста. Уже при беглом взгляде на эту сетку ученый без труда обнаруживает, что она даже не попадает в пространственный ритм реальной организации общества: штаты, как правило, слишком велики для экономических районов, округа малы для социальных, потому что в них не умещаются даже агломерации, но велики для отдельных городов (кроме самых крупных), муниципалитеты же почти всегда **-10-** слишком малы для реальных городов и охватывают в основном лишь центральные их части [15].

Такое несовпадение порождает большие трудности в управлении территориальной организацией общества. Слишком часто территория единого района расчленяется границами АДД на части, подчиняющиеся различным властям, мероприятия которых, распространяясь по внутрирайонным каналам связей, оказывают серьезное воздействие на сопредельные части района по другую сторону границ АДД, откуда в свою очередь могут поступать импульсы, порожденные автономными мерами совсем других властей.

Все это говорит о том, что в американских условиях АДД не отражает территориальной организации общества с достаточной полнотой. Его можно рассматривать лишь как своего рода внешнюю форму этой организации. Как говорил К. Маркс, если бы форма всегда совпадала с содержанием, всякая наука была бы излишней. В данном случае о совпадении не может быть и речи, поэтому для выявления этой организации необходимо обратиться к научным методам познания.

Именно таким задачам и посвящено районирование - одно из главнейших подразделений географии как науки. Районированием США занималось немало географов как в этой стране, так и за ее пределами, и здесь уже накоплен немалый опыт.

Как ни странным может показаться, но в географии самих США так и не сложилось традиции экономико-географического районирования. Интересно, что еще в 1921 г. М. Ф. Владимирский, отмечая сходный феномен равнодушия к научному районированию в Западной Европе, говорил на второй сессии ВЦИК: «Причины этого понятны. Достаточно указать на то, что в этих

странах в течение многих веков естественным путем образовались определенные культурно-исторические области с определенным культурно-историческим укладом» [8].

Американские географы используют районирование прежде всего для организации своих описаний страны. Поскольку же у каждого исследователя свои представления об удобстве этой организации, сетки районирования сильно отличаются у разных авторов. Это хорошо видно на рис. 1, где представлены варианты районирования США, предложенные разными авторами за последние полвека.

В нашей стране первое полноценное географическое районирование США было создано Л. Я. Зиманом [12]. Значение монографии Зимана, изданной в 1959 г., вышло далеко за рамки американистики, в ней с особой силой и убедительностью прозвучали многие из главных теоретических установок советской школы экономического районирования.

Традиции, заложенные Л. Я. Зиманом, были развернуты в более обширном и детальном исследовании, опубликованном в 1950-1966 гг. группой ученых из Института географии АН СССР - В. М. Андреевой, В. М. Гохманом, В. П. Ковалевским, М. Е. Половицкой [2, 23, 24]. Это исследование уже не содержало теоретических разделов - по-видимому, в связи с тем, что авторы полностью разделяли теоретические установки Зимана. Коллективу авторов удалось провести исследование гораздо глубже, осветить его результаты гораздо подробнее, привлечь куда более обильный фактический материал. Поэтому их сетки районов выглядят более совершенными.

В дальнейшем работы по районированию США в нашей стране долгое время не велись. Между тем в самих США эти работы за последнюю четверть века были ознаменованы важными достижениями. Главные из них - преодоление засилья однородного районирования, разработка узлового районирования, поворот от территории к обществу и, конечно, накопление богатого эмпирического материала, во многом уже осмысленного с новых методологических позиций и представленного в целом наборе интересных сеток районирования. Районирование перестало быть чисто кабинетным делом, оно все шире используется для самых разных практических целей - от районной планировки до предвыборной борьбы; им все активнее интересуется широкая общественность.

В то же время многие застарелые пороки остались неискорененными. Все еще популярен тезис о субъективности районов, хотя он все больше выглядит данью моде, поскольку теоретическое его обоснование явно ослабевало по мере выхода районирования в планировочную практику. Как и прежде, американское районирование чуждается классовых подходов. Даже те свежие веяния, которые наметились в американской географии с оживлением ее радикального крыла, обошли проблематику районирования. Две наиболее интересные и преуспевающие ветви американского районирования - узловое и культурное - развиваются изолированно, их методологические достижения не используются в экономическом районировании достаточно широко. Одним словом, частные районирования - социальное, культурное, экономическое - отнюдь не сливаются в единое направление, которое могло бы вывести на комплексное районирование общества. Более того, набранная этими частными районированиями инерция движения вновь заставляет сделать вывод о том, что этого слияния пока что не предвидится.

Как районировать США сегодня

Со времени выхода в свет советского академического трехтомника о районах США прошла почти четверть века. За это время многое изменилось в США - и в хозяйстве, и в общественной жизни, и, конечно, в территориальной организации общества. Бурные общественные движения 60-х годов, экономические потрясения 70-х, наступление реакции и милитаризации 80-х - все эти и подобные им явления оставляли глубокие следы в географической структуре современных США. Вполне очевидно, что назрела задача нового районирования США.

Нынешние условия для решения задачи разительно отличаются от тех, в которых работали Л. Я. Зиман или авторы академического трехтомника. Кардинально улучшилась статистическая обеспеченность работы, в научный обиход внедрена могучая вычислительная техника, открывающая невиданные возможности для эффективной переработки статистических «монбланов». Накоплен и готов к научному осмыслению обширный новый материал о социальных, политических, культурных сторонах жизни США, - материал, которым не располагали (по крайней мере в таком изобилии) советские географы-американисты четверть века назад. Существенно продвинулись вперед теория и методология районирования, усложнились их представления, методический аппарат стал гораздо более изощренным. Наконец, - и это едва ли не самое главное - у нас теперь есть опыт экономического районирования США, запечатленный в трудах Л. Я. Зимана, В. М. Андреевой, В. М. Гохмана, В. Л. Ковалевского, М. Е. Половицкой.

15

Все это позволяет ставить перед новым «туром» районирования США новые, более сложные задачи. Суть их новизны состоит в том, чтобы перейти от районирования экономического к районированию общества, т. е. от районирования хотя и самой важной, но все-таки только одной стороны общества к районированию всех его сторон в совокупности и взаимосвязи - экономической, социальной, культурной, политической.

Казалось бы, нет нужды доказывать, что эти задачи не сводимы одна к другой. Каждой стороне общества присуща своя самоорганизация в пространстве, каждый вид общественного взаимодействия испытывает свое, специфическое «трение» расстояния, имеет свой пространственный «шаг». Например, в США средняя дальность трудовой поездки около 12 км, а средняя дальность перевозки единицы товара (по стоимости) около 400 км. Эти виды деятельности общества размещаются по территории сопряженно, взаимообусловленно, но отнюдь не одинаково. И хотя взаимодействия людей в ходе производственной деятельности можно считать главными, ведущими, экономическое районирование не может представлять «от имени» отдельных других видов или тем более их совокупности в целом. Более того, эти взаимодействия во многом противоречат друг другу в своем пространственном выражении. Развертываясь на одной и той же территории, они могут конкурировать за нее, за ее ресурсы, их морфогенетические поля накладываются друг на друга, но развиваются в пространстве по существенно разным законам. С точки зрения исторического материализма именно эти противоречия нужно считать главным двигателем развития территориальной организации общества.

Следовательно, районирование общества нуждается в специальной разработке его методологических основ и, возможно, методического аппарата. Разумеется, эти основы должны включать многое из накопленного в экономическом районировании опыта. Однако уже в силу того, что районирование общества - проблема заведомо более широкая, нежели районирование экономическое, этот багаж должен быть пересмотрен и дополнен. Задача подобного переосмысления (а тем более дополнения) сложна, ее решение под силу только всему отряду советских страноведов. Применительно к более частной задаче районирования США ее **-18-** можно решать только в виде рабочей гипотезы, которая нужна для научного обоснования новой сетки районов данной страны. Эту гипотезу мы изложим по схеме, которая становится все более традиционной в литературе сходного характера: начнем с теоретических предпосылок районирования общества, затем перейдем к его методологическим основам, а завершим изложение обсуждением методических вопросов.

Теоретические предпосылки

В советской школе экономического районирования уже прочно сложились некоторые установки теоретического уровня, которые хотя и не всегда формулируются самими авторами, но неукоснительно служат опорой для их исследований. Некоторые из них можно считать обязательными и при районировании общества. Рассмотрим их.

Объективная сущность района. Район есть территориальная форма существования общества, продукт его объективной пространственной самоорганизации, не зависящей от воли отдельных людей. Такая форма носит неявный, сложный характер, и задача районирования - выявить объективно существующие районы, чтобы вооружить общество знанием своей территориальной организации и дать ему научное обоснование для ее совершенствования, исходя из тех задач, которые ставит перед собой данное общество в целом (или, если речь идет об антагонистическом обществе, господствующий в нем класс). Этот тезис противостоит расхожему тезису американской географии, согласно которому район есть способ упорядочения данных о пространственной дифференциации, избираемый ученым исходя из задач его исследования или изложения.

Следует, впрочем, отметить, что и в советской школе районирования допустимо менее жесткое толкование названной предпосылки, когда речь идет о выделении экономических районов как объектов управления, создаваемых прежде всего для плановой организации производительных сил. Здесь районы могут выглядеть как бы не полностью объективными, а созданными волей планирующих органов. Однако это отнюдь не уступка тезису о субъективном районировании. Это отражение конструктивного начала районирования в условиях социалистического общества. Разумеется, такое районирование не должно быть волюнтаристским. Оно исходит из объективно сложившейся территориальной организации общества, однако не просто следует ему, а показывает как бы перспективную картину, отражая не только сегодняшний день, но и желаемое состояние, в которое предстоит отлиться обществу под воздействием планомерных, научно обоснованных мер.

Целостность района. Район есть территориальная (т. е. расположенная на одной территории) совокупность элементов, обладающая двумя главными

свойствами: спецификой, которая отличает ее от соседей, и целостностью, которая, говоря словами Э. Б. Алаева, есть «объективное условие и закономерный результат развития данной территории» [1]. Советская школа отвергает принцип однородности, популярный в географии США, и делает упор на функциональные взаимосвязи и отношения тех территориальных ячеек, которые она объединяет в районы. В этом советская школа районирования видит залог целостности района. В таком смысле район выглядит не общим понятием «любая часть территории», которое отражает скорее термин «ареал». Район здесь - только такая территория, в пределах которой изучаемое явление обладает известной целостностью. Иными словами, сложилась традиция использовать «район» как термин таксономический, а не общий. В географии общества район - внутренне целостное, но отнюдь не самодовлеющее образование. Напротив, он является органической частью системы взаимосвязанных районов, которые образуют новую целостность - общество.

Ф о р м а ц и о н н а я о б у с л о в л е н н о с т ь. Сущность района предопределена характером той общественной формации, которая господствует на данной территории. От ленинских работ идет традиция районирования по уровню развития капитализма, и в советском экономическом районировании капиталистических стран отношения собственности на средства производства считаются ключевой проблемой в подходе к факторам районообразования, его формам и т. д. Правда, среди советских географов нет единства в вопросе о том, существовали ли районы в докапиталистических формациях. Можно, однако, заметить, что растет число сторонников точки зрения, которую,

20

например, Б. М. Ишмуратов формулирует так: «Нет общества не организованного районно, развивающегося однородно, недифференцированно, - район есть конкретное бытие общества, вернее, историческая форма совокупной жизни людей, воплощение его территориальности, конкретной его пространственно-временной определенности» [14]. И далее: «Территориализация равно присуща всем общественно-экономическим формациям, является условием и формой их развития. Территориализация, можем мы сказать, - необходимое условие и форма материализации, конкретно-исторического воплощения той или иной общественно-исторической формации» [14]. Применительно «районированию общества следовало бы добавить, что этот формационный тезис не должен превращаться в примат экономического оптимума над всем остальным. Хозяйство отнюдь не цель общественного развития, а лишь его средство, условие, хотя и жизненно необходимости в этом смысле экономический оптимум подчинен социальному. Стоит напомнить, что в годы первых пятилеток молодая Советская республика шла на размещение значительной части промышленных новостроек не в передовых районах страны, а на окраинах, т. е. на размещение заведомо не- оптимальное с узкоэкономической точки зрения, и шла на это ради решения более важных социальных задач коренного преобразования окраин.

Т е р р и т о р и а л ь н о е р а з д е л е н и е т р у д а. В советской экономической географии главным фактором районообразования считается территориальное разделение труда (ТРТ). Именно оно обеспечивает

целостность и единичному району, и системе районов. В докапиталистические эпохи внутрирайонное ТРТ явно господствовало, район складывался прежде всего как самодовлеющая целостность, и ТРТ исчерпывало себя в районных рамках почти полностью. Увязка же районов друг с другом была слабой, и это открывало большой простор для перераспределения районов в разные политические объединения. В географическом смысле развитие общественного производства - это нарастание роли межрайонного ТРТ и уменьшение относительной роли внутрирайонного, которое в наиболее развитых странах размыто сегодня настолько, что подчас осложняет использование ТРТ для выявления целостных экономических районов. При переходе от экономического районирования -21- к общественному необходимо сделать важное уточнение к тезису о роли ТРТ в районообразовании. С чисто экономической точки зрения ТРТ, как и общественное разделение труда в целом, является глубоко позитивным фактором. К. Маркс не раз говорил о том, что об уровне развития данного общества лучше всего судить по тому, насколько развито в нем общественное разделение труда. Но если расширять рамки исследования за пределы экономического оптимума то неизбежно встает вопрос, которому К. Маркс тоже уделял немало внимания, - вопрос о негативных социальных последствиях общественного разделения труда, и в особенности ТРТ. «Мануфактура уродует рабочего, - писал К. Маркс, - искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя ынр его производственных наклонностей и дарований, подобно тому как в Аргентине убивают животное для того, чтобы получить его шкуру или его сало» * Связывая невиданное обострение этих социальных последствий именно с мануфактурой, К. Маркс писал: «Некоторое духовное и телесное уродование неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом» (там же, с. 376). Советский философ и историк В. Ф. Асмус писал об этом так: «Всякий новый способ производства, всякий успех в области техники или науки подчиняется общему принципу разделения труда и замыкает мыслящих и чувствующих людей в узкие и душные рамки мелких и мелочных профессиональных интересов» [3].

Здесь мы сталкиваемся с диалектическим противоречием общественного развития, которое не звучало так резко в экономическом районировании, поскольку последнее было посвящено лишь одной стороне этого развития, притом именно той, где разделение труда является несомненным благом. При переходе же к районированию общества в целом необходимо изучать это противоречие во всей его полноте и трагизме--' тем более что в территориальном разрезе оно получает едва ли не самую разительную форму.

Выход за рамки экономического районирования, восхождение к районированию общества вынуждают добавить к сказанному еще несколько предпосылок теоретического плана, которые для экономического -22- районирования были либо необязательны, либо почти не использовались.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 373.

. Т е р р и т о р и а л ь н а я о б щ н о с т ь л ю д е й. Экономическое районирование нацелено на выявление территориальных общностей производительных сил и их ресурсов - от природных до трудовых, а в районировании общества речь идет прежде всего об общественном человеке, о выявлении территориальных общностей людей. Этот поворот влечет за собой немало очень важных последствий. Экономический оптимум, на который

ориентировано экономическое районирование, подчинен социальному, а в районировании общества социальный оптимум, на который оно нацелено, не подчинен ничему, потому что общество не имеет цели за пределами самого себя. Общественный человек как объект районирования является субъектом социально-экономического развития. В отличие от производительных сил он наделен свободой воли и реализует ее в пространстве в соответствии со своим восприятием среды, причем это восприятие может сильно отличаться от «реального», геометрического, потому что оно опосредствовано культурно-историческим «пытанием общественного человека. Отсюда возникает незнакомая экономическому районированию проблема пространственной перцепции - отражения и переосмысления свойств пространства человеком, который строит свою общественную деятельность в пространстве в соответствии с этой перцепцией, как бы далеко ни уводила она его от «реального» пространства. Новый объект районирования гораздо богаче связями, в нем больше вероятностного, чем в хозяйстве, его труднее параметризовать, исчислить.

Противоречия как двигатель развития. Данный тезис, вполне традиционный для исторического материализма, не получил должного развития в нашем экономическом районировании, хотя недавно стали появляться работы на эту тему [22]. В районировании же общества такой тезис должен стать одним из ключевых. Противоречия между интересами района и отрасли, района и страны, между районами - все это отражение противоречивости развития общества как полиструктурного образования, где каждая структура развивается по-своему, хотя и сопряженно с остальными. Образование районов - одна из форм разрешения этих противоречий в ходе практической деятельности людей, притом разрешения -23 - временного, которое нарушается новыми условиями и новым обострением противоречий, ведущим к изменению региональной структуры общества. Очевидно, этим не исчерпываются теоретические предпосылки, которые лежат в основе советской школы районирования или должны быть привнесены сюда в связи с восхождением от экономического районирования к общественному. Здесь отмечены лишь те из них, которые представляются наиболее важными для дальнейшей разработки районирования общества применительно к США. Однако этот перечень будет не полным, если мы обойдем ключевую для этой разработки проблему - определение понятия «район» как территориальной части общества.

Определение понятия «район». На первый взгляд определение это сделать легко, если сказать, что район - это целостная территория, занятая одной специфической территориальной общностью людей (ТОЛ). Однако понятие «ТОЛ» разработано еще слишком слабо. А. В. Петров подчеркивал, что ТОЛ-«ключевое понятие социальной географии» [22], но его работа на эту тему - одна из очень немногих в советской географии. Эта проблема все активнее и успешнее разрабатывается в социологии. Вот некоторые из определений ТОЛ, данных социологами: «исторически сложившаяся и находящаяся в непрерывном развитии устойчивая социально организованная совокупность людей, объединенная единством проживания на одной хозяйственно освоенной территории» [10], «компоненты конкретно-исторического общества, в которых воспроизводятся целостные общественные структуры. Ими могут быть только территориальные общности людей» [31]; «общности, члены которых связаны узами общих отношений к территории, на

которой они проживают, и узлами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории (Я. Щепаньский, цит. по [22]).

Стоит, впрочем, добавить к этому слова другого видного социолога, О. И. Яницкого: «В целом, судя по количеству и характеру публикаций на эту тему, проблематика территориальных общностей находится на периферии нашей социологии» [33]. В самом деле, публикаций еще немного, но разноречивых во мнениях очень большой. Даже насчет территориального «адреса» ТОЛ единого мнения еще нет. По А. А. Долинину, М. Н. Межевичу и А. С. Пашкову, это единицы административно-территориального деления, по А. В. Петрову и В. К. Бугаеву - части систем расселения, а по мнению воронежских географов во главе с К. В. Поросёнковым - «основной экономической район». Обзор этих мнений приведен у А. В. Петрова [22].

Поэтому для нашего исследования, хотя и вполне частного по своим целям, приходится формулировать собственный подход к проблематике ТОЛ - хотя бы в виде гипотезы и с использованием некоторых формулировок упомянутых выше авторов.

Во-первых, ТОЛ, как отметил А. В. Петров, это «разновидность социальных образований, складывающаяся в обществе независимо от воли и сознания людей» и «обусловленная определенными социально-экономическими условиями конкретного общества» [22]. Во-вторых, это устойчивые целостные образования, в которых «имеются все элементы и отношения общественной структуры общества - производительные силы, технико-организационные отношения и производственные отношения, классы и социальные слои, социальные отношения, культура и т. д. Благодаря этому рассмотренные общности могут функционировать как относительно самостоятельные социальные образования» [10]. Однако самостоятельность и целостность ТОЛ относительна: у нее всегда есть дефицит, который восполним только в рамках всего общества и обуславливает непереносимое вхождение каждой ТОЛ в общественную систему в качестве элемента, звена, необходимого для других звеньев и скрепленного с ними связями и отношениями разного рода - от производственных до идеологических. Подобный дефицит может быть самым разным, вплоть до чрезмерно большого, что делает данную ТОЛ ущербной. Так бывает при отсутствии у ТОЛ крупногородского ядра (например, на Горном Западе США) или при нехватке других важных элементов общественной системы. В этом смысле ТОЛ отнюдь не обязательно является уменьшенной копией всего общества.

В-третьих, к ТОЛ применимо представление об иерархических уровнях. В зависимости от полноты целостности они могут быть крупными, когда охватывают, все стороны общественной жизни вплоть до системы ценностей (например, Юг в США), или локальными, если общность скреплена прежде всего системой расселения и трудовых поездок (как «функциональные районы» БЭА). Это позволяет говорить о **-25-** регионе, районе и подрайоне как о местонахождениях конкретных ТОЛ, о вхождении меньших ТОЛ в большие, о дроблении больших ТОЛ на меньшие.

В-четвертых, ТОЛ обладают разной силой территориальной обособленности и разной яркостью своей специфики, которые отличают их от окружения. Эти свойства могут быть выражены по-разному: особенностями пространственной структуры систем расселения, четкостью регионального самосознания и др. В этом смысле можно говорить о модуле ТОЛ и района, т.

е. о силе его выраженности на фоне других (прежде всего соседних) ТОЛ и районов.

В-пятых, единство территории является залогом следующих главных факторов обособления и сплочения ТОЛ: интенсификации социальных контактов между членами ТОЛ благодаря их пространственной сближенности, сходства их исторических судеб и единства особой природно-ресурсной среды, которое придает специфические черты их общественной деятельности. Чем меньше расстояния между взаимодействующими людьми, тем сильнее их взаимодействие, чем ярче и специфичнее географическая среда, в которой протекает взаимодействие, тем сильнее отражаются на нем особенности среды, и чем дольше существуют условия взаимодействия, тем прочнее закрепляются в данной ТОЛ особенности, отличающие ее от других ТОЛ, включая самобытную систему ценностей, развитое региональное самосознание и т. п.

Методологические установки

Все указанные выше теоретические предпосылки во многом определяют и методологические подходы к районированию общества. Немало в таких подходах и традиционного для экономического районирования, но некоторые аспекты связаны именно с переходом к районированию общества. Это новое порождено особенностями более широкого объекта исследования, и прежде всего сложностью ТОЛ по сравнению с территориальными общностями производительных сил, наличием у нового объекта свободы воли, с вероятностным характером закономерностей.

Сложному объекту - гибкая методика. Чем сложнее объект исследования, тем более гибкой и «мягкой» должна быть методика этого -26 - исследования, иными словами, объект и методика должны быть адекватны. Простому, легко членимому объекту нужна четкая, недвусмысленная методика, но если так же подходить к объекту сложному, то многие его существенные черты будут упущены или искажены, а представление о нем окажется сильно обедненным, примитивизированным.

У районирования общества объект сложнее, чем у экономического районирования, и если в последнем с успехом применяют ясные, нередко формализованные методики, подчас сводимые к четким алгоритмам, то здесь их применять вряд ли целесообразно. Нужны специальные приемы, которые придали бы методическим процедурам большую мягкость. Ниже предлагаются несколько приемов такого рода.

Глубокая иерархизация. Районированию предстоит отразить все богатство территориальных форм жизни общества. Учитывая это, сетку районирования не следует делать слишком жесткой, подгоняющей это богатство под априорные представления географа. В ней нужно предусмотреть несколько иерархических уровней, чтобы в них нашлось место для ТОЛ самых разных масштабов и их переходных состояний - так сказать, и для тонов, и для полутонов. Подобная «игра масштабами», как любил говорить Н. Н. Баранский, одно из главных орудий географического подхода, и надо сделать так, чтобы сетки районирования использовали преимущества такого подхода в максимальной степени.

Главные составляющие общества - это экономика, социум и культура. Как уже подчеркивалось, им присущи свои, специфические формы реакции на

пространство и самоорганизации в нем, что находит отражение в пространственных масштабах этих форм. Различия в масштабах - один из источников противоречий, которые служат факторами районообразования, и в каждый данный момент система районов страны - это территориальная форма разрешения таких противоречий.

Одной из форм такого разрешения является, по-видимому, своего рода разведение противостоящих структур общества по разным масштабным уровням, на каждом из которых одна из структур получает преимущественное выражение по сравнению с другими. Если обобщить картину, сознательно ее огрубляя, то можно заметить, что социальные структуры играют **-27-** решающую роль на «нижних этажах» районообразования. Они определяют складывание весьма четких узловых районов в системе расселения. Маятниковые поездки, трудовые и прочие, сильно реагируют на «трение» пространства, их интенсивность быстро затухает с ростом расстояния. Поэтому районы, которые складываются на социальных взаимодействиях, сравнительно невелики по размеру, их диаметр измеряется обычно десятками километров. Зато они обладают большей сплоченностью, яркой сфокусированностью связей на ядро и вообще большей упорядоченностью территориальной структуры, которая хорошо описана моделями многих авторов - от Леша и Кристаллера до Лоури и Алонсо. К ним часто приурочено яркое региональное самосознание в виде известного «чувства места», потому что именно в этих рамках замыкается основная масса практических действий человека в пространстве. Поэтому межрайонные взаимодействия в социальной сфере сравнительно слабее, и недаром именно с такими районами связывают свое представление о ТОЛ многие авторы, например Г. В. Еремичева. Число таких социальных районов гораздо больше, чем хозяйственных.

У хозяйства размах взаимодействия более крупный, измеряемый сотнями километров, его районы обширнее, но связи в них гораздо запутаннее, потому что хозяйственным центрам не присуща та строгая иерархическая соподчиненность, которая царит в системах расселения людей. Подобные экономические районы занимают обычно средние этажи районирувания. Они спаяны в основном хозяйственными связями предприятий, а не людей, и внутренняя целостность ТОЛ на этом уровне обеспечена не столько непосредственными контактами между людьми, сколько отношениями их взаимозависимости, импульсы которой передаются хозяйственными связями. Например, трудовая деятельность рабочих комбайновых заводов в иллинойской Пеории сильно зависит от того, как складывается трудовая деятельность фермеров Кукурузного пояса, хотя рабочий и фермер, может быть, никогда не вступают в непосредственный контакт друг с другом. Межрайонные связи играют здесь гораздо большую роль, и экономические районы отнюдь не обладают той самостоятельностью, которую отмечала у социальных районов Г. В. Еремичева. Напротив, они существуют (по крайней мере в такой развитой стране, **-28-** как США) только как элемент более широкого хозяйственного комплекса, только как плод ТРТ.

Еще сложнее особенности культурного взаимодействия людей, территориальная дифференциация культурных структур общества. Как правило, здесь существенные различия удается обнаружить только между обширными районами, которые занимают «верхние этажи» районирувания. На этих этажах все структуры общества представлены особенно полно, но

целостность таких районов оказывается обычно весьма рыхлой. Она слабо выражена в материальной форме, потому что главный носитель целостности на этом уровне - культурные особенности и связи - относятся к области сознания и выражается прежде всего в сходстве систем ценностей, в общем взгляде на узловые проблемы общественной жизни, в единстве тех черт культуры, которые обуславливают специфичные для данной ТОЛ пространственное видение и поведение. Важно подчеркнуть, что это вовсе не означает, будто жители такого региона одинаково оценивают узловые проблемы. Заведомо ясно, что у негра и потомка плантаторов будут диаметрально противоположные оценки расовой проблемы американского Юга, но и тот, и другой обязательно поставят эту проблему в число главных в своей жизни, и как раз это и позволяет выделять Юг как яркий район, притом сплоченный прежде всего культурными чертами. Именно это позволяет не путать его, скажем, со Средним Западом, где расовая проблема считается второстепенной. Важным фактором сплочения культурных районов оказывается региональное самосознание, которое чаще и ярче всего проявляется именно на этом уровне.

Разумеется, подобное разведение разных общественных структур по разным районным масштабам не следует понимать слишком буквально. На практике встречаются и небольшие районы с яркой культурной спецификой, и региональное самосознание в мелких ячейках систем расселения. Речь шла всего лишь о соотношении значимости этих структур на разных этажах районообразования - о том, что на нижних этажах особо важную роль играют чаще всего социальные взаимодействия, на средних - экономические, а на верхних--культурные, но на каждом таком этапе присутствуют, разумеется, и другие структуры общества. -29 -

Важно различить, наметить эти три уровня и зафиксировать их в специфических терминах. Общепринятой терминологии здесь не сложилось, но привычным стало выделять такие уровни с помощью приставок макро-, мезо- и микро- или слова «регион», которое обозначает нечто большее, нежели «район». Поэтому мы назовем верхний этаж «макрорегионом», средний - «макрорайоном», а нижний - «микрорайоном», оставив термины «мезорегион» и «мезорайон» для промежуточных уровней, которые призваны придать сетке мягкость, более полно отразить богатство форм районирования.

Лакуны. Традиционное экономическое районирование исходит обычно из принципа кратности сеток районов и подрайонов, т. е. из «принципа матрешки»: сетка районов как бы обобщает сетку подрайонов, последняя не пересекает сетки районов, и на каждом иерархическом уровне существуют либо районы, либо подрайоны. Изредка встречаются некоторые вольности: на районы делят не всю страну, а только достаточно развитую ее часть, подрайоны выделяют не во всех районах. Но случаи эти редки, а «иерархического сосуществования» районов и подрайонов вообще не встречается. Между тем районирование общества вовсе не следует принципу «матрешки», его пространственные формы куда разнообразнее. Для того чтобы районной сеткой не сводить это разнообразие к примитиву, необходимо допустить возможность сосуществования районов разного иерархического уровня. Иными словами, нужно предусмотреть варианты, при которых между районами могут оставаться части территории, не заслуживающие ранга «район», - своего рода разрывы, лакуны в районной сетке.

Типичным примером такого рода может служить Пенсильвания. Ее восточная часть вполне очевидно тяготеет к Филадельфии, а западная - к Питтсбургу, но в центре залегает полоса немалой ширины, в которой нет отчетливого преобладания одного из этих центров, да и вообще их влияние сильно ослаблено. Центральная Пенсильвания-край гористый, лесистый, малонаселенный, он «не тянет» на отдельный район, сравнимый по размерам с Питтсбургским или Филадельфийским. Подгонять ситуацию под стандартную сетку районов, относя эту полосу целиком к одному из них или деля ее между ними, значило бы грубо исказить реальность, стереть одну из важных черт -30-пространственной организации общества в Пенсильвании, упустить из виду наличие в ее центре обширной «ничейной» земли.

Лакуны в сетке районов - тезис непривычный, он не знаком ни экономическому, ни физико-географическому районированию. Однако для районирования общества он необходим.

Плавающие признаки. Еще один способ придания гибкости районированию - тезис «плавающих признаков». В экономическом районировании чаще всего используется единый, заранее обусловленный набор признаков для выделения районов, их разграничения и характеристики. В районировании же общества слишком много признаков, которые могут оказаться важными для этих процедур, но при этом важность их оказывается, как правило, далеко не повсеместной: часто случается так, что для одной части страны решающую роль играет одна группа признаков, для другой части - другая. Более того, у одного и того же района могут оказаться разными те признаки, которые отличают его от разных соседей. Например, северную границу Нового Юга с Кукурузным поясом удобно проводить по соотношению кукурузы и хлопчатника в земледелии и по соотношению сторонников демократической и республиканской партий в голосованиях на президентских выборах, а восточную границу - по доле черных в населении. Для характеристики Флориды как района важнее всего такие признаки, как доля возрастной группы 65 лет и старше, особо высокий уровень доходов от туризма, сильное отставание созданного в районе дохода от потраченного в нем и т. п. Однако стоит ли проследивать колебания всех этих весьма специфических показателей по всей территории США? Пожалуй, правильнее будет придерживаться принципа «плавающих признаков», позволяя каждому из них то возникать в качестве важнейшего для данной границы или района, то уступать место другим - в полной зависимости от реальной ситуации, а не от заранее отобранного списка.

На первый взгляд единый список признаков и тезис «плавающих признаков» не противоречат друг другу. Ведь можно задаться единым списком, а потом в соответствии с конкретикой отбирать из него для характеристики района или границы только некоторые, важнейшие, не принимая во внимание остальные, -31- если они здесь отсутствуют или слабо отклоняются от средних по стране значений. В экономическом районировании часто так и поступают, однако в районировании общества такой список пришлось бы делать огромным, поскольку трудно определить заранее, будет ли данный признак иметь значение для какой-нибудь части территории или нет. Важнее, впрочем, другое: за этими тезисами стоят разные подходы к процессу районирования. Единый список предусматривает районирование «сверху»-разбивку всей территории с помощью этого набора признаков, притом сначала

разграничение, а вслед за этим уже характеристику районов по тем признакам, которые в пределах полученных контуров принимают наибольшие значения. Тезис же «плавающих признаков» исходит из районирования «снизу». Здесь сначала нужно различить район с помощью какой-то более сложной, зачастую непараметризуемой процедуры, сформировать представление о «сущности района», а уж потом, исходя из этого представления, можно выявлять специфические для района признаки, сопоставлять их с признаками соседей, искать границы по несовпадениям.

По-видимому, нет нужды доказывать, что набор признаков должен быть специфичным не только для районов, но и для масштабных уровней. С помощью данных о маятниковых поездках можно с успехом выявлять низовые районы, но никак не крупные, для выделения которых нужны связи хозяйственные, которые "не работают» при выделении районов нижнего звена, потому что у них слишком широкий пространственный «шаг». Из этого, впрочем, отнюдь не следует, что у низового района не может быть своего хозяйственного лица, но все же хозяйственные признаки чаще играют районообразующую роль в среднем звене районирования, так же как культурные признаки - в верхнем.

О методике районирования

В научном районировании есть 3 процедуры, которые хотя и взаимообусловлены, но все же во многом автономны. Это различение районов, их осмысление и разграничение. Принято считать районирование законченным, когда выполнены все три процедуры, т. е. когда установлены сами -32- районы, дана их содержательная характеристика и указаны границы между ними. Однако сравнительная значимость этих процедур может сильно колебаться в зависимости от предмета районирования, подхода к нему, а то и от личных пристрастий исследователя. Так, районирование «сверху», нацеленное на поиск однородных районов, базируется на приоритете процедуры разграничения. Здесь, как правило, сначала komponуется набор признаков, затем прослеживается их дифференциация по исходным ячейкам территории и проводятся границы, притом таким образом, чтобы внутри контуров значения признаков колебались как можно меньше, а между контурами - как можно больше. В результате такого разграничения получают сетки контуров, по которым можно различать районы, а уж затем наступает черед истолкования их сути в соответствии с тем, какие значения принимают данные признаки в данных контурах.

Иное дело - районирование узловое. Тут важнее всего установить ядра изучаемого явления, уловить соподчиненность этих ядер, и лишь потом наступает черед вопроса о границах. Впрочем, здесь этот вопрос выглядит второстепенным: в узловых районах интенсивность явления падает от ядра к периферии, границы между ядрами заведомо расположены там, где явление принимает свои минимальные значения, а поэтому особой точности в нанесении границ и не нужно, поскольку ошибки мало скажутся на характеристике каждого района. Таким образом, в узловом районировании различение заведомо важнее разграничения. Отсюда нередко вырастает утверждение, что ядра районов объективны, а границы субъективны.

В теоретической географии сложилось представление, согласно которому однородное районирование отражает дискретное представление о

пространстве как о совокупности внутренне однородных частей, жестко отделенных друг от друга, а узловое районирование - континуальное представление, где явление мыслится варьирующим по территории с известной плавностью, без разрывов видимых границ. Естественно, что для однородного районирования установка на «дискретизацию» реализуется в тщательном проведении границ, а для узлового районирования установка на континуальность - в известном игнорировании этих границ. Районирование общества имеет дело с реальностью **-33-** слишком сложной, чтобы ее можно было однозначно свести к однородной или узловой картине, хотя ко второй оно тяготеет больше, потому что в ней, как и в узловом районировании, решающую роль играют связи, учет которых, чужд однородному районированию. Если вдуматься, какая из трех процедур - разграничение, различение или осмысление - важнее для районирования общества, то нужно будет указать на последнюю - на осмысление.

Казалось бы, это звучит парадоксально: как можно осмысливать район, не только не оконтурив его, но даже и не различив среди других? Но речь идет не столько об осмыслении конкретного района (хотя и об этом тоже), сколько об осмыслении всего процесса районообразования на данной территории, самой районной проблемы данной страны и особенностей территориальной организации данного общества. Только на этой основе можно различать районы не как мозаику, а как части единой общественной совокупности, и результаты подобного осмысления должны стать руководством к различению районов. Что же касается процедуры разграничения в районировании общества, то о ней надо сказать особо.

Безграничное районирование. Советское страноведение уже накопило солидный опыт районирования зарубежных стран. За последние 40 лет у нас в стране вышли десятки страноведческих монографий, которые непременно завершаются районными разделами. Правда, районы в них почти всегда названы «экономическими», но по замыслу авторов они часто претендуют на более широкое понимание. Для того чтобы осмыслить методологию и методику этого опыта, были просмотрены 30 таких монографий по разным странам, в том числе четыре переводные, и три вузовских учебника (книга Л. Я. Зимана не рассматривалась).

Результаты этого просмотра оказались неожиданными. Выяснилось, что авторы монографий уделяют общим вопросам районирования, как правило, 3-4 страницы, да и то посвящают их в основном сетованиям на нехватку статистики, общим замечаниям о трудностях районирования развивающихся стран и т. п. В 13 работах даже не упоминается слово «граница», в 5 работах границы районов не нанесены на карту. Лишь в 3 работах собственно методологическим вопросам уделено более чем по пять фраз. **-34-** Полноценное обсуждение районной сетки встретилось лишь у Н. М. Польской, А. Е. Слуки и О. В. Витковского [32]. Все это выглядит весьма странно в свете заверений Н. Н. Баранского, что «мы уже давно привыкли считать глубокое обоснование районирования совершенно обязательным» [6]. Возникает подозрение, что эти слова относились либо только к экономическому районированию СССР, либо ко временам давно минувшим, а сейчас-де такое обоснование уже давно не считается обязательным.

Еще удивительнее, однако, другое: почти все сетки районирования в этих монографиях выглядят убедительно, районный анализ выполнен в них на

хорошем, как правило, уровне, и многие из этих книг стали несомненными достижениями в области советского страноведения. Иными словами, отсутствие обоснования районирования не помешало авторам достичь хороших научных результатов.

Возникает своего рода парадокс безграничного районирования: значение границ в районировании общеизвестно, обоснование их проведения считается «совершенно обязательным», но на практике и тем, и другим пренебрегают, притом без особого ущерба для качества работы.

Причин у этого феномена несколько. Во-первых, как было показано выше, безграничное районирование вполне допустимо методологически для некоторых классов задач, к которым относится и районирование общества, точнее говоря, в таких задачах разграничение-процедура желательная, но вовсе не первостепенной важности. Во-вторых, большинство авторов этих монографий не располагало, очевидно, достаточной географической информацией, чтобы проводить разграничение как строгую процедуру. В-третьих, в таком отказе от обоснования сказались, по-видимому, сознательная позиция авторов, понимающих всю сложность, многозначность районирования общества и крайнюю условность его отражения в однозначном расчленении территории, да еще с помощью «волосяных линий», которыми принято изображать границы. Наверное, даже тем ученым, которые не склонны к методологической рефлексии по поводу своей исследовательской деятельности, подобное разграничение казалось насилием над реальностью. В таком свете их устранение от суждений по этим вопросам выглядит не изменой тем традициям, о которых говорил -35- Н. Н. Баранский, а скорее своего рода научным пуризмом, осторожностью ученого, который не располагает ни методологическими достижениями теоретической географии в этой области, ни добротным инструментарием для картографического отображения феномена границы во всей его сложности, ни соответствующей исходной информацией. Решать же эти задачи самостоятельно, на узком плацдарме отдельно взятой страны, казалось просто не корректным. Разумеется, в ходе исследования авторы уделяли разграничению немало времени, но для освещения этой работы в тексте не хватало разработанных, общепринятых понятий и терминов, не хватало методологических установок.

В сходном положении, увы, находимся и мы. Правда, исходная географическая статистика по США весьма обильна, теоретическая география имеет немалые достижения в области районирования (в первую очередь благодаря трудам Б. Б. Родмана). Однако достижения эти далеко не полностью решают проблему и отнюдь не общепризнанны, а статистика посвящена в основном экономическим и некоторым социальным деталям, весьма полезным для однородного районирования, но не слишком ценным для районирования общества во всех его ипостасях. В этих условиях приходится снова идти на безграничное районирование. Однако на этот раз оно воспринимается не как конечный результат, а лишь как первый этап всей работы, предшествующий этапу разграничения, если само разграничение ставить как серьезную исследовательскую задачу, а не проводить его только с целью выработки «адресной системы». Разграничение заслуживает такого серьезного отношения. Ведь как научная процедура оно обладает большой эвристической силой. Оно нацелено на те части территории, куда как бы стягиваются и где разрешаются в виде границ главные процессы

районообразования. Самым ценным результатом разграничения оказывается на практике не столько обнаружение точного положения границ, сколько получаемые попутно новые знания о каждом районе, о характере районообразования в данной стране, о районировании вообще.

В этом смысле районирование как исследовательский процесс должно выглядеть процессом часто повторяемым, циклическим, с неоднократным чередованием отдельных процедур. Осмысление территориальной организации общества на первом этапе помогает выявить систему районов в качестве рабочей гипотезы, процедура их разграничения выступает как ревизия этой гипотезы и заставляет вернуться к переосмыслению региональных проблем данного общества, после чего может наступить черед ревизии границ.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что у осмысления, различения и разграничения совсем разные методики. Различение районов - сложный научный процесс, связанный с освоением самой различной информации и нацеленный на получение качественных по преимуществу результатов. Такой процесс вряд ли можно формализовать, его ход во многом зависит и от характера исходного материала, и от личных особенностей исследователя. Вряд ли стоит искать здесь жесткие методические рекомендации, которые были бы обязательны для всех авторов-страноведов и годились бы для районирования любых стран. Разграничение же, напротив, процесс весьма четкий, связанный с изучением количественной (по преимуществу) информации, его часто формализуют, сводят к недвусмысленным алгоритмам. Более того, можно смело утверждать, что практически все современные методики районирования - это методики разграничения и только разграничения; едва ли не единственное исключение - методика «регионального синдрома» А. В. Новикова и В. Л. Каганского, нацеленная на характеристику уже оконтуренных районов [20].

В данной работе содержатся результаты лишь первых этапов районирования США - осмысления территориальной организации американского общества в самом общем виде и различения его системы районов, но без специального обоснования разделяющих эти районы границ, которое предполагается как следующий этап работы. Предложенная здесь сетка границ всего лишь дань традиции изображения районов на карте с помощью «волосняных линий», - та дань, которая необходима для привычной организации статистического материала. Эта сетка - рабочая гипотеза, предмет ревизии на следующем этапе, где предстоит внимательно рассмотреть положение каждой межрайонной границы с помощью четких методик. Совмещение этих этапов в одной книге затруднительно хотя бы по соображениям объема. Тщательное проведение границ - процедура весьма трудоемкая, несмотря на четкость применяемых здесь методик. Их подробное - **37-** описание и обоснование могут занять много места - наверное, не меньше, чем характеристика самих районов на первом этапе. Поэтому мы опускаем это описание и обоснование, тем более что предложенное районирование носит пока гипотетический характер, характер «разведки боем». Это, впрочем, не избавляет от необходимости изложить принципы выбора иерархии районов, к которой мы и переходим.

Иерархия районов. Не много есть в мире стран, которые с такой ясностью распадались бы на крупные части, как США. Север, Юг и Запад - эти части очевидны и для любого американца, и для почти любого географа. Они четко

закреплены всей историей страны, на них давно основана официальная статистика. Их использовал и В. И. Ленин, который дал меткую характеристику главной сути каждого из них: «промышленный Север», «бывший рабовладельческий Юг» и «колонизуемый Запад». С тех пор прошло семь десятков лет, но значение этого разделения США ничуть не потускнело. Время добавило к нему лишь одну важную деталь, которую, кстати, предвидел Ленин: в ходе дальнейшего развития страны все более стали сказываться различия между промышленным Северо-Востоком и заселенным уже после революции промышленно-аграрным Средним Западом. Поэтому ныне правильнее говорить о 4 главных районах США - что, кстати, и делает американская официальная статистика с 80-х годов. Назовем этот «верхний этаж» макрорегионами, имея в виду, что в нашем языке слово «регион» воспринимается как обозначение чего-то большего, чем «район».

Макрорегион - это обширное и внутренне мозаичное территориальное образование. Его спаянность определяется в основном культурно-исторической общностью проживающих здесь людей, сходством специфики местных общественных отношений. Хозяйственная жизнь макрорегионов обычно весьма разнородна, и эту разнородность призваны отразить «макрорайоны», которые, по-видимому, в наибольшей степени сходны с традиционными «экономическими районами» в советском страноведении. Это, так сказать, «средний этаж» районирования общества. Здесь решающую роль играют хозяйственные связи, особенности пространственной организации производительных сил, хотя этим, конечно, не исчерпывается содержание макрорайонов как элементов территориальной структуры **-38-** общества. Они тоже могут оказаться насыщенными ярким культурным смыслом, отражать общность жителей и во внеэкономических сферах. Для того чтобы отразить это, мы постараемся и здесь пользоваться теми региональными названиями, которые наиболее употребительны в американской культуре и научной литературе.

«Нижний этаж» - это микрорайоны, в основном отражающие систему расселения и те ее ячейки, которые образуются как зоны тяготения главных городских центров. Как правило, они носят яркий узловый характер и скреплены прежде всего маятниковыми поездками населения - трудовыми, потребительскими, рекреационными и др. Социальная жизнь рядовых американцев замыкается в основном именно в рамках таких микрорайонов. Она явно сфокусирована на их центры, и подобные районы удобно именовать по названиям таких центров.

Конечно, формы районообразования гораздо разнообразнее, чем предложенная трехэтажная сетка. Для придания ей большей гибкости следует ввести в нее промежуточные уровни. Так, иногда соседние макро- районы обладают немалым сходством по некоторым существенным дополнительным признакам, и тогда их следует объединять в мезорегионы как составные части макрорегионов. Например, в глазах многих американцев Новая Англия и Верхний Нью-Йорк (северная часть штата Нью-Йорк) выглядят единой «страной янки» (Янкиленд), В. Зелински объединял их в культурный район «расширенной Новой Англии» - Нью-Ингленд икстендед(1). По-видимому, это состоящий из двух макрорайонов типичный мезорегион, который можно назвать «Янкиленд». Точно так же макрорайоны Старый Юг, Глубокий Юг, Дэлта, Пайни-Вудс и Каджунский Галф выделяются на фоне остальных

повышенной долей чернокожих, что придает много специфического их общественной жизни. Чтобы подчеркнуть это сходство, можно объединить их в мезорегион Черный Юг.

Нередко мезообразования возникают и внутри макрорайонов. Например, макрорайон Новая Англия явственно распадается на две части - Лесную Новую Англию и Новоанглийский Мегалополис. На первую часть приходится две трети территории, но только четверть населения, а на вторую - всего треть площади, но три четверти жителей Новой Англии. Они **-40-** резко различаются даже по облику, но каждая из них состоит из многих микрорайонов и других региональных образований. Словом, мезорайоны --тоже довольно рыхлые по структуре совокупности районов, объединяемых по признакам хотя и ярким, но все же второстепенным.

Главная арена, на которой вскрывается многообразие региональных форм организации общества,--это промежуток между иерархическими ступенями микрорайона и макрорайона. (Такие промежуточные формы можно назвать подрайонами.) Микрорайон - это четко выраженная узловая ячейка систем расселения, сфокусированная на значительный город и представляющая зону его тяготения. Однако город городу рознь. Вокруг крупнейших городов страны образуются обширные зоны, включающие немало больших городов, каждый из которых сам мог бы служить ядром в системе расселения, если бы не располагался в «тени» большого города. Такие скопления нельзя приравнивать к ячейкам в разреженной части систем расселения, где они (ячейки) нередко достигают больших территориальных размеров, но фокусируются на сравнительно небольшие города. К тому же есть немало территорий, где узловой характер расселения либо ослаблен, либо вовсе заслонен другими факторами районообразования - хозяйственными, культурными, административными. Здесь могут возникать районные образования другого типа, нежели узловой микрорайон, и в них на первый план выходят признаки однородности. Таким образом, здесь районирование протекает в виде противостояния факторов однородности и узловой связности, которое к тому же осложнено фактором масштаба района. Стоит заметить, что в местах разрежения системы расселения могут возникать образования явно меньшие по масштабу, нежели микрорайон, подчас не имеющие ясной внутренней организации и различимые прежде всего благодаря их внутренней однородности.

Выявление всех форм районообразования в США - дело кропотливое и долгое, требующее глубокого знания конкретных деталей при исследовании и отдельного места для изложения. Вдаваться в такие детали невозможно в данной работе, которая представляет собой общий очерк региональной организации американского общества. Для целей этой работы достаточно отметить, что все промежуточные формы между микрорайонами и мезорайонами будут называться подрайонами, а малые микрорайоны - ареалами, если у них ослаблена сфокусированность связей и невелика людность. Однако для того, чтобы пояснить высказанные выше соображения, приведем детально **-41-** иерархизованную схему районирования на примере макрорайона Новая Англия (рис. 3). Общая же схема районирования США, которой будет следовать дальнейшее изложение, показана на рис. 2.

Остается добавить, что компоновка этих районов на данном этапе велась по сетке округов, по которым публикуется основная масса американской

географизированной статистики. Эта сетка достаточно дробна (более 3 тыс. ячеек) для районирования на верхнем и среднем этажах, да и на нижнем этаже она причиняет неудобства лишь изредка.

часть вторая **СЕВЕРО-ВОСТОК**

На фоне истории человечества США выглядят страной совсем молодой, но у американцев свои мерки, и по ним Северо-Восток страны - олицетворение всего самого старинного в их истории. Эта территория была освоена и заселена белыми поселенцами еще в колониальную эпоху. Тут было сосредоточено 2/3 населения будущих США, концентрировалась львиная доля фабричной деятельности. Северо-Восток стал главной ареной борьбы за независимость, на его территории разыгрались решающие события этой борьбы - и яркие общественные движения, и битвы с англичанами, и политические акты, ознаменовавшие появление нового государства. Словом, для американцев Северо-Восток - воплощение «древней истории» их страны, а эта «древность» придает Северо-Востоку много решающих черт отличия от других районов.

Эти черты явственно проступают в географии Северо-Востока, потому что процессы районообразования тоже обладают здесь рекордной для США длительностью и интенсивностью. Благодаря этому на Северо-Востоке сложился самый четкий и «полнокровный» район страны - Новая Англия, вызрела такая сложная и мощная региональная структура, как Мегалополис, образовалось несколько крупнейших центров во главе с Нью-Йорком. Общественная жизнь в этом макрорегионе наиболее устоявшаяся, прошедшая длительную эволюцию, благодаря которой она лишена тех многих крайностей, которые все еще осложняют развитие некоторых частей США.

Развитие Северо-Востока после революции - это история постепенной утраты им своей доли во многих сторонах жизни США, история сокращения его относительных размеров. Если в 1790 г. первая перепись населения США зафиксировала, что на Северо-Восток приходится 60% граждан страны, то в 1820 г., эта доля упала до 50, к началу нынешнего века - до 30, а ныне составляет менее 25%.

Северо-Восток первым стартовал в промышленной революции, он долго господствовал в американской -45- индустрии совершенно непререкаемо, но с конца прошлого века начал быстро сдавать свои позиции. Его хозяйственная структура становилась все более архаичной, основные фонды ветшали, лучшие кадры уходили на запад. Родимым пятном района стали затяжные кризисы, которые постигали города и целые ареалы, и стало привычным смотреть на Северо-Восток как на район тяжелой хозяйственной судьбы, обуреваемый застарелыми пороками, лишенный динамизма и размаха, чуждый той свежести и новизны, которой так гордятся жители Среднего или Дальнего Запада.

Подобный стереотип, однако, грешит преувеличениями, и недаром ему сопутствуют в американской «культурной мифологии» другие стереотипы, которые рисуют Северо-Восток совсем в ином свете. Прежде всего его ассоциируют с Уолл-стритом как символом американского капитализма. Теряя роль в промышленности, Северо-Восток цепко сохранял свое главенство в финансовой сфере. Его капиталисты не только первыми разбогатели на промышленной революции, они первыми накопили навыки современного

бизнеса и возглавили индустриальное развитие остальных районов США. Именно на Северо-Востоке сложились первые американские монополии, и до сих пор Северо-Восток- Восток остается главным средоточием штаб-квартир крупнейших компаний и банков, откуда тысячи нитей управления и контроля протягиваются в самые отдаленные уголки страны и далеко за ее пределы. Представление о Северо-Востоке как о «логове» крупного капитала Америки ярко запечатлено в общественном сознании жителей многих районов США. Развитие таких районов постоянно осложнялось противостоянием местной обществу напором алчных монополий Северо-Востока.

Хозяйственное доминирование Северо-Востока дополняется его огромным культурным влиянием на остальную страну. Хорошо освоенный и густонаселенный. Северо-Восток издавна служил мощным источником внутренней миграции. Его природные ресурсы сравнительно невелики, аграрная деятельность, и без того небольшая, осложнялась мощной системой Аппалачей и густыми лесами на севере. Это выталкивало растущее население на новые, зааппалачские земли, в освоении которых жители Северо-Востока сыграли большую роль. Они несли с собой яркую и самобытную культуру, которая успела сложиться на **-48-** Северо-Востоке еще до революции. Под ее определяющим или заметным влиянием складывалась культура, многих зааппалачских штатов, и недаром все пространство к северу от р. Огайо вплоть до подножий Скалистых гор долгое время считали единым регионом под названием Север - настолько сходными казались культурные черты различных его частей. На всем пространстве этого региона было принято смотреть на Северо-Восток как на культурную родину, относя ее конкретное местопребывание то к Новой Англии, то к Нью-Йорку, то к Филадельфии. Отражением таких представлений остается непререкаемый авторитет Нью-Йорка в вопросах моды, массовой информации, театральной жизни. Но особенно важно то, что Северо-Восток неоднократно оказывался первоисточником новых явлений, которые, возникнув здесь, потом прокатывались, словно волны, по всей территории США.-

Известно, что ранним заселением Северо-Восток обязан прежде всего географическому положению как самая близкая к Европе часть США. Это обстоятельство и в дальнейшем сыграло свою роль в развитии Северо-Востока. Он надолго стал главной зоной контакта США с внешним миром, зоной тем более активной, что Юг, тоже выходящий на океан широким фронтом, по культурным причинам вяло контактировал с Европой. Через Северо-Восток шла львиная доля иммигрантов в США, основная масса товаров внешнеторгового обмена. Общественная жизнь на Северо-Востоке всегда была открыта в широкий мир, подвержена его влияниям. Ей чужд затхлый изоляционизм, распространенный на Среднем Западе, а на Юге доходящий порой до настоящей ксенофобии. К тому же многие иммигранты оседали в местных городах и со временем стали могучим элементом общества. Иммигрантские общины постоянно пополнялись новыми отрядами земляков и служили для них первым оплотом в Америке, позволяя смягчать болезненность «культурной, трансплантации». Подобные общности, даже потеряв связь с родиной, долго не поддавались полной ассимиляции. Поэтому в Америке принято считать Северо-Восток неким «Вавилоном», наименее типичной для США частью, что конечно же не соответствует действительности.

Открытость Северо-Востока во внешний мир вкупе с концентрацией здесь крупнейших корпораций привела к тому, что именно Северо-Восток стал источником **-49-** наиболее экспансионистских устремлений американского империализма. Корпорации Северо-Востока отличаются особой внешнеэкономической агрессивностью, именно здесь гнездятся основные транснациональные монополии США. Нью-Йорк - главный капиталистический «глобальный город», гигантский фокус международных экономических связей, средоточие бирж, банков, международных организаций.

Региональная структура Северо-Востока претерпела длительную эволюцию. Двести лет назад ее главными элементами были Новая Англия как самый сложившийся район страны, юго-восточная Пенсильвания с Филадельфией и процветающим аграрным окружением, а также Большой Нью-Йорк. Их окружали ареалы пионерного освоения: Верхний Нью-Йорк, заселение которого только разворачивалось, глушь Лесной Новой Англии, пенсильванские Аппалачи, ведомые только охотникам. После проведения в 1825 г. Эри-канала началось бурное развитие Верхнего Нью-Йорка, следом наступил расцвет тяжелой индустрии на питтсбургских склонах Аппалачей, и здесь сложились еще 2 значительных макрорайона. Крупнейшие портовые города на Атлантическом побережье постепенно срастались в сплошную полосу, которая неуклонно росла на юг, охватывая новую столицу страны, а ныне вызрела в Мегалополис - уникальную по масштабам геоструктуру, довольно рыхлую по связям слагающих ее частей, но по размерам населения и экономического потенциала превосходящую остальные районы Северо-Востока, вместе взятые.

Новая Англия

Новая Англия - пожалуй, самый «очевидный» район США, и это неудивительно: он расположен в крайнем северо-восточном «углу» страны, около 40% его контура приходится на государственную границу с Канадой, примерно столько же - на морской берег, а от остальной части страны его отделяет почти прямая административная граница со штатом Нью-Йорк, которая с редкостной точностью (кроме крайнего юга) совпадает с физико-географической и культурно-исторической границами района. Ни у жителей самого района, ни у жителей остальных США обычно не возникает сомнений в существовании этого района, **-50-** притом именно в составе шести штатов - Массачусетса, Коннектикута, Род-Айленда, Вермонта, Нью-Гэмпшира и Мэна.

Американские географы не раз отмечали, что если бы освоение Северной Америки иммигрантами шло не с востока, а с запада, то Новая Англия, наверное, не стала бы столь заселенной - так бедна она природными ресурсами. Холодный климат, скудные каменистые почвы, бедность полезными ископаемыми - лишь на Аляске и в немногих местах Горного Запада природа США еще менее щедра.

Однако именно сюда, на берега Массачусетского залива, в 1620 г. прибыло из Англии судно «Мэйфлауэр» с поселенцами, которые основали первую на севере будущих США колонию. За последующие полтора века колонисты полностью освоили район, а затем превратили его в один из важнейших центров культурной и экономической жизни Америки. Здесь история лишней раз доказала несостоятельность географического

детерминизма как плоской трактовки идеи зависимости развития человеческого общества от природных условий.

Причины успеха этой колонизации многообразны. На первых порах поселенцам вполне хватало немногочисленных участков плодородных почв (особенно на побережье и в долине Коннектикута, а впоследствии именно) нехватка земель побуждала их искать другие виды занятий и новые источники доходов. Важную роль сыграло благоприятное сочетание таких особенностей района, как множество бухт на изрезанном побережье, обилие рыбы в прилегающих морях, ресурсы строевого леса, наконец, относительная близость к Европе. Все это позволило жителям Новой Англии стать первоклассными кораблями, мореходами и рыбаками еще в XVIII в. Морские порты усеяли побережье района от Бангора в Мэне до Нью-Хейвена в Коннектикуте. Купцы нажили огромные состояния на посреднической торговле патокой, ромом и рабами в знаменитом «треугольнике» Англия - Африка - Вест-Индия, а позже - на торговле с Китаем. Были времена, когда Нью-Бедфорд считали общепризнанной мировой «столицей китобоев», Глостер - рыбаков, Бангор - лесоторговцев. Мировую славу завоевали ново-английские клипперы - самые быстроходные корабли эры деревянных судов.

Однако залогом успеха стали особенности людей, **-51-** заселивших Новую Англию. Ими оказались пуритане - религиозные изгои, переселившиеся сюда из Великобритании и Голландии, спасаясь от притеснений англиканской церкви. Главное, чего они жаждали, - это независимой жизни на свободной земле, а уж «ресурсом пустынности» район располагал в изобилии. Кальвинистское трудолюбие, предприимчивость, бережливость, неприхотливость в быту делали пуритан жизнестойкими колонистами. Религиозная одержимость вела к сплоченности и дисциплине, нетерпимость к инакомыслию ускорила заселение района, поскольку заставляла несогласных уходить в его неосвоенные части (именно такие «еретики» основали Коннектикут и Род-Айленд). В неустанной борьбе с английской короной колонисты создали необычные формы политической организации в виде «низовой демократии», основанной на совместном участии граждан-единомышленников в решении общественных дел.

Так сложился яркий и самобытный этнос янки. Он оказал на формирование американской культуры огромное воздействие, явно непропорциональное той скромной доле, которую занимает Новая Англия в населении и площади страны. Это связано не только с тем, что Новая Англия сыграла особую роль в эпоху революции и явилась ее главной ареной, получив название «колыбель американской демократии». Огромное значение имело то, что за ней издавна закрепилась репутация духовного центра страны, сохранившаяся в значительной мере и по сей день. Высоко ценя образование, пуритане с первых шагов стали создавать густую сеть школ, именно они основали рядом с Бостоном первый на континенте Гарвардский университет. Новая Англия дала стране первых ее крупных писателей и мыслителей - В. Ирвинга, Г. Торо, Р. Эмерсона, позже Г. Лонгфелло, У. Уитмена, Г. Бичер-Стоу и др. Долгое время Новая Англия была не только культурной законодательницей страны, но и кузницей ее учительских кадров, которые разносили по стране культурные стереотипы янки. Сами янки деятельно участвовали в освоении зааппалачских земель, и сегодня такие штаты, как

Канзас, **-52-** Висконсин, Орегон, считаются более «новоанглийскими», чем сама Новая Англия.

* В это время здесь было всего около 5 тыс. индейцев, которые, кстати, дружелюбно встретили первых пуритан, и без их помощи Плимутская колония не пережила бы первой же зимы.

Америка усваивала культуру янки во всей ее полноте, вместе с пороками и противоречиями, а их было немало. «Колыбелью американской демократии» оказалась довольно суровая массачусетская теократия. Свободолюбие янки адресовалось лишь себе подобным, и везде, кроме Род-Айленда, ему сопутствовала жесткая нетерпимость к инакомыслящим, которая прослеживается от сожжения «сейлемских ведьм» в 1692 г. до казни рабочих Н. Сакко и Б. Ванцетти в 1927 г. «Низовая демократия» пуритан была насквозь буржуазной, открыто ограниченной высокими имущественными цензами. Недаром эта «колыбель демократии» породила чисто американскую аристократию - надменных бостонских богачей - «браминов», круг которых сложился к 20-м годам прошлого века и с тех пор остается достаточно замкнутым. Демократизм янки был замешан на индивидуализме, который вечно противостоял пуританскому строгому регламентированию морали и быта. Все эти благочестивые нормы отнюдь не сковывали янки в экономической области, где они прослыли весьма ловкими и оборотистыми торговцами. Позже из их среды вышли самые беспощадные «акулы» большого бизнеса вроде Дж. П. Моргана. Именно от янки унаследовали американцы привычку измерять достоинства человека его кошельком. Даже почтение янки к образованию оказалось оскотиненным глубокой религиозностью, к которой сводилась в основном их духовная жизнь. Здесь процветала по сути лишь литература, да и то с явным морализаторским уклоном. Можно сказать, что это было образование без подлинного просвещения, в европейском его понимании.

Особую роль в экономической истории США сыграла тяга янки к техническим новшествам. Из их среды вышло много изобретателей, чьи имена известны всему миру: С. Кольт, Э. Уитни и др. Лишь первыми усвоили уроки промышленной революции. Именно здесь, близ Потакета, в 1789 г. построил первую машинную фабрику С. Слейтер, которого с легкой руки президента Э. Джексона стали называть «отцом американской промышленной революции». Новая Англия первой стартовала в индустриализации, и это надолго предопределило важнейшие преимущества ее экономического развития. **-53-**

По классическим канонам капиталистической индустриализации она началась с легкой промышленности - текстильной и обувной. В середине прошлого века у речных порогов южной Новой Англии стали возникать многочисленные «миллтауны» - фабричные городки с текстильными предприятиями. Они тяготели к долинам рек Коннектикут (Спрингфилд, Холиоук, Хартфорд), Мэрримак (Манчестер, Лоуэлл, Лоренс, Хейверилл), Блэкстон (Потакет, Провиденс), но из-за ограниченности запасов энергетических ресурсов рек городкам приходилось рассеиваться вдоль долин, поэтому они не разрастались в крупные города. Вокруг Бостона сложилась группа кожевенных и обувных центров. Одновременно из старинных отхожих промыслов выросло много предприятий по тонкой обработке металла - от метизного и оружейного производств в Коннектикуте до ювелирного дела в

Род-Айленде. Такое размещение производств обусловило очень узкую специализацию каждого центра, но зато многие из них гордо именовали себя «национальными столицами» - например, женской обуви (Линн), мужской обуви (Броктон), ювелирного дела (Провиденс), часового (Уотербери), оружейного (Бриджпорт и Спрингфилд), метизного (Нью-Хейвен) и других производств.

Индустриализация подспела в Новую Англию вовремя, так как ее старые хозяйственные устои ветшали: морскую торговлю перехватили Балтимор и Нью-Йорк, на смену деревянному флоту шел железный, а сельское хозяйство хирело из-за конкуренции более богатых зааппалачских земель. Развитие различных отраслей промышленности требовало нового притока переселенцев, тем более что многие янки уходили все дальше на запад. Первые крупные партии иммигрантов прибыли сюда в 40-х годах прошлого-века. Это были ирландцы, которых сотнями тысяч выталкивала с родины страшная картофельная чума. Нищие ирландцы не имели средств для продвижения далее на запад, да и недавние ужасы сельского голода заставляли их предпочесть городскую жизнь. Они почти полностью осели в Новой Англии.

Это был совершенно иной этнос, схожий с янки разве что своим индивидуализмом. К тому же ирландцы были истовыми католиками, и поэтому они сразу же испытали на себе наихудшие проявления религиозной нетерпимости янки. Остро нуждаясь в дешевых **-54-** рабочих руках, буржуазия янки не препятствовала иммиграции, но всеми силами старалась удержать приезжающих на низших ступенях общественной лестницы. Первые десятилетия жизни ирландцев в Америке ознаменовались самыми отвратительными проявлениями дискриминации и расизма, обнажившими лживость свободолюбия янки. В районе сложилось жесткое противостояние двух этносов, которое обострялось тем, что этническое размежевание совпадало с религиозным и, главное, развивалось на основе социально-классовых противоречий.

Вполне логично приобрело оно и политическую окраску. Янки, будучи яркими противниками рабства, со времен Гражданской войны поддерживали республиканскую партию, а ирландцы примкнули к демократам, тем более что они видели в черных своих конкурентов в получении работы и были заражены расовыми предрассудками. Прибытие новых иммигрантов из Восточной и Южной Европы, а также из французской Канады не изменило характера противостояния, а, лишь усилило позиции ирландцев, которые захватили положение лидеров оппозиции. К концу века это размежевание стало приобретать и географические черты: города оказались буквально заполненными иммигрантами, янки же сохраняли большинство в сельской местности.

Натравливая этнические группы иммигрантов друг на друга, республиканцы-янки долго сохраняли господство в местной политике. Однако уже с конца прошлого века ирландцы заняли ведущее положение в крупнейших городах. Первый ирландец был выбран мэром Бостона около ста лет назад, и с тех пор бостонскими мэрами избирались, как правило, только ирландцы. Правда, с помощью джерримендеринга, т. е. дискриминации городов в пользу сельской местности, республиканцы еще удерживали власть на уровне штатов, но в годы «великой депрессии» демократы буквально ворвались на этот уровень в Массачусетсе и Коннектикуте, а позже в Нью-

Гэмпшире и Род-Айленде. В 50-х годах потомок польских иммигрантов Э. Маски создал мощную демократическую партию в Мэне, и сегодня во всех штатах района идет борьба двух партий.

Контакты этносов означали, разумеется, не только противостояние, но и взаимное влияние. Новоанглийские республиканцы во многом утрачивали свой **-55** -консерватизм и стали проявлять известную либеральность. Во многих этнических группах выросла собственная буржуазия, которая приобрела немало черт янки. Большой вес завоевали богатые ирландские кланы, наиболее известный из которых - клан Фицджеральдов-Кеннеди - дал президента страны и влиятельного сенатора-демократа. Ирландской буржуазии присуща нетерпимость похуже пуританской из-за нее Бостон приобрел репутацию самого антисемитского города США.

Культурный кризис Новой Англии перерос в XX в. в кризис экономический. Капиталисты-янки вложили немало денег в строительство железных дорог, фабрик и заводов на Среднем Западе, и Новая Англия по сей день играет роль некоей метрополии, в которую стекаются прибыли из других районов страны. Однако пуританские капиталисты не сумели вовремя переключить хозяйство самой Новой Англии с текстильно-обувной специализации на более передовые и динамичные отрасли. В этом сказался порок чрезмерное осмотнительного пуританского предпринимательства, видевшего в накопительстве, по словам К. Маркса, предел экономической мудрости. К тому же в XX в., Новая Англия все более стала уступать первенство в текстильной промышленности Югу, где рабочая сила была гораздо дешевле. После «великой депрессии» началось настоящее «бегство» текстильных фабрик на Юг, обувных - на Средний Запад, и Новая Англия на долгие годы стала классическим примером старого депрессивного района с огромной безработицей, низким уровнем жизни, ветхим жильем и производственным фондом.

Трагизм положения усугублялся пороками территориальной структуры хозяйства - чрезвычайно узкой специализацией промышленных центров, которая вела к тому, что отраслевой кризис тут же перерастал в кризис городов или целых ареалов, как это было с долиной Мерримака или округом Бристол на юге Массачусетса. Казалось, что Новой Англии остается уповать лишь на свои исторические памятники и нетронутую природу северных окраин для привлечения туристов из процветающих районов страны.

Однако столбовая дорога экономического возрождения Новой Англии проходила в другом направлении. За долгие годы индустриального развития в Новой Англии был накоплен огромный фонд **-56-** производственной инфраструктуры, сформировался крупный отряд рабочего класса с ценнейшими навыками индустриального труда. Хозяйственный спад «высвободил этих рабочих для нового использования. Сохранилось и главное достояние района - мощная сеть первоклассных вузов во главе с Гарвардским и Йельским университетами и знаменитым Массачусетским технологическим институтом. Именно это стало привлекать сюда после второй мировой войны фирмы новых самых современных отраслей промышленности - приборостроения, тонкого машиностроения, радиоэлектроники. В Коннектикуте, получившем в свое время название «арсенал нации» за производство оружия для революционной армии, сложилась мощная военно-промышленная корпорация дюжиной заводов в главе с заводом авиадвигателей в Ист-Хартфорде. Гротон стал главным

центром строительства подводных лодок. В бывшей «обувной столице» Линне выросли крупные предприятия компании «Дженерал электрик», на окраинах Лоуэлла - ракетные заводы фирмы «Рейтион». Даже в глухом по общеамериканским меркам Вермонте корпорация ИБМ построила в 1958 г. крупнейший для того времени завод запоминающих устройств для ЭВМ. Особенно плотно такого рода предприятия сосредоточились в полосе вдоль окружного шоссе № 128 вокруг Бостона. В 70-х годах эти новые отрасли намного превзошли по числу занятых текстильную и обувную промышленность вместе взятые.

На рубеже 70-х и 80-х годов в США началось форсированное развитие наукоемких отраслей производств, основанных на самых последних достижениях технических наук, и научно-инженерный потенциал Новой Англии оказался для них весьма притягательным. Новое строительство перенеслось с окраин Бостона в южный Нью-Гэмпшир и даже в южный Мэн. Безработица в районе упала, рост дохода населения стал обгонять средненациональные темпы.

Наметившаяся экономическая трансформация Новой Англии оказалась весьма противоречивой в социальном плане. Усердствуя в попытках завлечь сюда новые предприятия, власти штатов и городов всячески зажимали инициативу профсоюзов, пытаясь создавать благоприятный для большого бизнеса деловой «климат». В результате относительный уровень зарплаты в промышленности, несмотря на перестройку, -57- продолжал падать. Если сто лет назад он существенно превышал средненациональный уровень, то в середине 80-х годов оказался на 10-15% ниже этого уровня.

Новые отрасли отличаются высокой производительностью труда и в гораздо меньшей степени приводят к росту занятости, чем старые. Смена профессии оказалась очень болезненной для высококвалифицированного пролетариата Новой Англии и по сути дела означала расхищение его бесценного потенциала. Ему не нашлось места в наукоемких отраслях, которым, как правило, нужны лишь специалисты (ученые, инженеры, управляющие) и простые исполнители невысокой квалификации. Вымывание среднего звена трудящихся неминуемо ведет к нарастанию социальных диспропорций. Подобные перекосы назревают медленно, но чреваты труднообратимыми негативными переменами, которые со временем могут в корне подорвать основы экономического возрождения Новой Англии.

Облик современной Новой Англии - это результат множества исторических напластований, весьма контрастных, противоречивых, которые все еще не сложились в гармоничную картину. Трудно согласиться с Бернаром Де-Вито, который еще полвека назад утверждал, что «Новая Англия - это законченное место» (finished place). Нет, она продолжает меняться, бурлить, и это мешает напластованиям отстояться, слиться в некое целое. И дело не только в том, что за долгую историю Новой Англии их накопилось слишком много. Виргиния не моложе Новой Англии, но просто несопоставима с ней по динамизму развития.

История Новой Англии - непрерывная череда глубоких трансформации, сопровождающихся взлетами и падениями. Примечателен механизм этих трансформаций: зарождаясь именно в Новой Англии, они потом охватывали всю страну, словно не уместаясь в этом небольшом районе, и новые силы,

поднявшие было Новую Англию на вершину региональной пирамиды страны, покидали ее ради более обширных и «тучных» районов, обрекая Новую Англию на депрессию - до новой вспышки «нововведений», которые с удивительным постоянством возникали именно здесь, будь то морская торговля, кораблестроение, железные дороги, **-58-** «низовая демократия», индустриализация, массовая иммиграция чужеродных этносов, субурбанизация или джентрификация (облагораживание) городских центров.

Ранний старт и малые размеры - гордость и проклятие этого района. Новые процессы развивались в Новой Англии во всей своей первозданной силе, со «семи негативными побочными эффектами. Другие же районы, участвуя на опыте Новой Англии, имели возможность загодя принять меры для предотвращения негативных последствий, и в них восприятие нововведений могло идти менее болезненно. Подобная роль «национального полигона нововведений» дорого обошлась району, хотя и обеспечивала ему почетное место в региональной структуре страны. Расплата за эту роль - неуклонное сокращение относительных размеров Новой Англии на фоне страны, ее доли в населении, национальном доходе, промышленности за последние сто лет эта доля уменьшилась почти вдвое. Тем самым сокращаются ее возможности удерживать у себя новые процессы достаточно долго, возрастают перерывы между трансформациями, глубже и болезненнее становятся депрессивные периоды. Все дальше отодвигается Новая Англия от эпицентра развития страны, от его главной оси. Если на заре республики Бостон был всего в 600 км от географического центра населения США, то сто лет спустя - уже более чем в 1 тыс. км, а сейчас - в 2 тыс. км.

Угроза превращения района в некий историко-культурный заповедник, в котором населению будет отведена роль прислуги, все еще витает над Новой Англией. Альтернативный же путь эволюции, наметившийся сейчас с приходом наукоемких производств, тоже не выглядит радужным, потому что в условиях рыночной экономики он чреват обострением социальных диспропорций, растратой накопленного «человеческого капитала», размывом либеральных традиций, столь ценных в условиях современных США, где политическая жизнь упрямо сползает вправо. Ясно по крайней мере одно: роль Новой Англии как пионера нововведений, как национального полигона может и сохраниться, но ее относительное значение для страны будет все дальше сокращаться, постепенно низводя Новую Англию с уровня макрорайона к более низким рангам. **-59-**

Мегалополис

В северо-восточной части урбанистической структуры США есть участок, где обычное размеренное чередование крупных, средних и мелких городов резко нарушается и города внезапно сгущаются в гигантскую сплошную полосу от Бостона до Вашингтона. Они сложились в 50 агломераций, которые охватывают территорию примерно в 100 тыс. км и непосредственно граничат друг с другом сплошной застройкой. 30 из них слились в 5 сверхагломераций,

которые в США называют консолидированными ареалами. Правда, кое-где разрывы в этой застройке все-таки есть - в восточном Коннектикуте, между ареалами Нью-Йорка и Филадельфии и др.* но они гораздо уже, чем диаметры прилегающих к ним урбанизированных ареалов. На северо-западе эта полоса быстро переходит в зону густых лесов и живописных гор; уже через час езды от центра Нью-Йорка на шоссе появляются дорожные знаки, предупреждающие, что здесь дорогу переходят олени.

Поэтому полоса явно выделяется на карте и своей слитностью, и отчужденностью от окружения. Но главная ее черта - громадные размеры сосредоточенного в ней людского и экономического потенциала. Здесь, менее чем на 2% территории смежных штатов страны, проживают около 40 млн человек - почти 1/5 населения США. Восемь агломераций полосы имеют людность более 2 млн жителей, 3 из них (Нью-Йорк, Филадельфия и Бостон) входят в десятку крупнейших в стране. В одном только Нью-йоркском районе валовой региональный продукт больше, чем в Канаде - или во всех странах Африки, за вычетом ЮАР, а в самом Нью-Йорке он больше, чем во всей Индии. Главные города этой полосы - крупнейшие в стране средоточия финансового дела, контор корпораций, транспортной деятельности. Велика их роль в культурной, политической жизни США. Нью-Йорк - неоспоримый законодатель моды и культурных веяний, Бостон издавна считается «американскими Афинами». Филадельфия - «колыбель» американского государства, его первая столица, Вашингтон - столица нынешняя.

* Недаром разрыв в восточном Коннектикуте служит своеобразным ориентиром для пилотов ночных авиарейсов на маршруте Нью-Йорк-Бостон, потому что в сплошном море городских огней он выглядит единственным заметным темным пятном [116]

-60- Именно здесь сосредоточены самые старые в стране крупные города, прошедшие самую сложную эволюцию, и на фоне молодой зааппалачской Америки весь этот район выглядит в глазах американцев словно подернутым патиной истории. Все это придает полосе Бостон-Вашингтон неоспоримую общностью запечатленную даже в обыденном сознании американцев. Недаром в массовой литературе США эту полосу часто называют «Босуош» - по начальным слогам названий крайних городов. В научной же литературе ее принято именовать Мегалополисом - с легкой руки французского географа Ж. Гетмана, который в 60-х годах посвятил этому району капитальное исследование "Мегалополис» [71]. Ныне мегалополисами принято называть все урбанистические сверхструктуры, которые нередко образуются и в других странах.

Среди главных факторов образования мегалополисов обычно выделяют сближенность крупнейших хозяйственных центров страны, которые своей мощностью как бы искажают силовые линии в демографическом поле; пространство между ними приобретает особую ценность с точки зрения экономико-географического положения (ЭГП) и поэтому заселяется особенно активно [16].

Можно, однако, заметить, что во многих случаях такая сближенность не порождает мегалополисов. Не сложилось их, например, между Торонто и Монреалем - в Канаде, Сиднеем и Мельбурном - в Австралии, Ленинградом и Москвой в нашей стране - и это несмотря на то, что связи между такими

центрами являются главными в этих странах и оснащены мощными "инфраструктурными жгутами» (выражение И. М. Маергойза). Более того, подобные центры, как правило, растут в разные стороны. Даже нарочитое размещение столиц Канады и Австралии между главными городами не изменило положения.

Дело, по-видимому, в том, что в приведенных примерах оба центра обладают принципиально разным ЭГП. Торонто-часть североамериканского Приозерья, а Монреаль «смотрит» на восток, на Европу; Москва - сердце Европейской России, а Ленинград - «окно в Европу» и базовый центр европейского Севера. Именно поэтому подобные центры сильно отличаются друг от друга, дополняют друг друга, именно поэтому так активны связи между ними, но разделяющая их полоса оказывается «ничейной», не обладающей ярко **-61-**выраженным экономико-географическим положением. Поэтому плотность населения здесь невелика.

У городов Мегалополиса, наоборот, ЭГП в принципе одинаковое. Это старинные базы колонизации страны, ее ворота трансокеанических связей. Ни одному из них не было под силу монополизировать эти роли - слишком велика обслуживаемая ими страна. Можно сказать, что единое ЭГП оказалось приуроченным здесь не к точке, а к целой полосе, в пределах которой все точки обладали примерно одинаковой ценностью. Именно поэтому она как бы «заросла» однотипными по своим ролям городами. Этим же можно объяснить и неразвитость Мегалополиса в глубь страны, слабость ближних хинтерландов его главных центров. Ведь ЭГП, послужившее основой для образования Мегалополиса, остается почти неизменным по его продольной оси, но быстро теряет свои качества в поперечном направлении, хотя в этом немалую роль играет, конечно, и близлежащая стена Аппалачей. Главный хинтерланд этих центров-вся страна, а не прилегающие местности, которые сами по себе не могли породить такие крупные города, да еще в такой близости друг от друга.

В связи с этим встает весьма актуальный для районирования вопрос - о соотношении морфологических и функциональных признаков районообразования. Принято считать, что они противоречат друг другу: сходство территориальных ячеек, по которым выделяют морфологически единые районы, делает ненужным взаимосвязи таких ячеек, а потому не обеспечивает им функционального единства, последнее же считается обычно главным признаком для выделения «полноценного» района. Между тем единство Мегалополиса как района зиждется именно на морфологическом сходстве. Его города не только сливаются друг с другом чисто физически, но и похожи в самом главном. Они выросли прежде всего на связях с остальной страной, а не друг с другом. Тем не менее их принадлежность к единому району совершенно неоспорима. Значит, и морфология сама по себе может служить достаточным районообразующим признаком, если она выражена настолько ярко, что способна заслонить собой относительную слабость признаков функциональной дополненности и связности частей в единый район. Этот пример лишний раз убеждает в том, что методика районирования должна быть **-62-** гибкой, чтобы учитывать многообразие реальных форм районообразования.

Впрочем, связи внутри Мегалополиса тоже весьма велики - и хозяйственные, и социальные. Их олицетворение - мощный инфраструктурный жгут вдоль всего Мегалополиса, основой которого служит так называемый Северо-Восточный

коридор длиной 730 км, первая скоростная пассажирская трасса в стране, где поезда, двигаясь со скоростью 190 км/ч, связывают Нью-Йорк с Бостоном менее чем за 4 часа, а с Вашингтоном - за 2 часа 40 мин. * Ведущие центры Мегалополиса существенно отличаются по структуре промышленности. Нью-Йорк специализирован на швейной промышленности и полиграфии, Филадельфия - на химии, Балтимор - на металлургии. Бостон - на наукоемких отраслях, поэтому они дополняют друг друга в рамках районного комплекса и оживленно обмениваются грузами.

Есть, однако, еще один фактор, который во многом снижает единство района. Все главные его города зародились почти одновременно, с разрывом не более полувека (за исключением, разумеется, Вашингтона), но характер их дальнейшего развития оказался совсем разным. В северной части Мегалополиса культурная специфика столь ярка, что заставляет отступить морфологический признак. В отличие от остальных центров Мегалополиса Бостон-порождением прилегающего района, столица Новой Англии. К тому же он отрезан от внутренних частей страны ближним хинтерландом Нью-Йорка. Поэтому данную часть Мегалополиса правильнее отнести к Новой Англии, за исключением, пожалуй, округа Фэрфилд (в шт. Коннектикут), который является ближним пригородом Большого Нью-Йорка **. Остальные части Мегалополиса тоже обладают немалой спецификой.

В рамках собственно Мегалополиса (т. е. за вычетом новоанглийского участка) ядра тоже резко отличаются друг от друга по облику, генезису и «духу»,

* Traffic Quarterly. 1980. 34. 1~1. P. 46.

** Н. Бероун и Цедре подчеркивают, что жители Фэрфилда: четко ощущают себя ньюйоркцами: они смотрят телевидение Нью-Йорка, читают его газеты, болеют за его команды, а не за команды Коннектикута. Ж. Гарро замечает, что автомобилист, который едет из Нью-Йорка на восток, лишь после Бриджпорта, покидая округ Фэрфилд, ощущает существенный спад дорожной напряженности, которая не оставляла его весь предыдущий путь. -63-

К тому же здесь легко заметить явное распадение Мегалополиса на 3 морфологические части - Ньюйоркскую, Филадельфийскую и Столичную (с Балтимором и Вашингтоном).

Нью-йоркский район

Апогеем главных черт Мегалополиса можно считать Нью-йоркский район. Здесь на площади около 30 тыс. кв. км сгрудились 12 агломераций суммарной численностью около 18 млн. человек, из которых 16 млн. живут в едином урбанизированном ареале, расплывшемся на 7,5 тыс. кв. км вокруг Нью-йоркской бухты. Именно ей, этой лучшей гавани Атлантического побережья Америки, обязан город своим возникновением. В 1624 г. голландцы построили на южном конце о. Манхаттан форт Новый Амстердам, который англичане, захватив в 1664 г., переименовали в Нью-Йорк. Здесь впадает в море р. Гудзон, прямая и полноводная, по которой морские суда могли подниматься вплоть до Олбани к плодородным местностям Верхнего Нью-Йорка. Когда же в 1825 г. от Гудзона был проложен к Великим озерам знаменитый Эри-канал, -именно Нью-Йорк стал главным звеном самого

дешевого водного пути между океаном и зааппалачскими землями. Другие города Мегалополиса были отгорожены от этих районов стеной Аппалачей, которой им, несмотря на отчаянные усилия, так и не удалось преодолеть с помощью каналов. Ко времени внедрения железных дорог, которые лишили Нью-Йорк этого преимущества, он уже набрал огромный потенциал, захватил среди городов всей страны бесспорное лидерство и до сих пор не уступил его никому.

Большой Нью-Йорк - образование не только грандиозное, но и сложнейшее, и в этом кратком очерке мы коснемся лишь некоторых его сторон, важных для главной цели нашего исследования (Подробнее см. Новиков А. В., Смирнягин Л. В. {21}).

Прежде всего надо подчеркнуть, что Нью-Йорк вопреки мнению многих иностранцев отнюдь не «лицо» Америки, не воплощение всего самого американского. Скорее это причудливая смесь разнородных черт, во многом чуждых этой стране. В глазах среднего американца Нью-Йорк прежде всего «город-Вавилон». В разгар иммиграции на рубеже веков около 80%

64

прибывших в США сходили на берег именно в Нью-Йорке, на пресловутом о. Эллис, через который прошло ~ около 20 млн иммигрантов. Почти все они пережили ~ период адаптации в многочисленных земляческих кварталах Нью-Йорка - чайнатаунах, «малых Италиях», еврейском Ист-Сайде и др., многие же оседали здесь навсегда. Поэтому доля выходцев из других стран или их прямых потомков в Нью-Йорке все еще велика - около 40% против 16% в среднем по стране. Принято подчеркивать, что в Нью-Йорке больше пуэрториканцев, чем в Сан-Хуане, ирландцев - чем в Дублине, евреев - чем в Тель-Авиве и т. п. Это придает всей культуре Нью-Йорка космополитический привкус. Он заметен во многом - не только в калейдоскопе чайнатаунов и разноязыкости уличной толпы, но и в известной культурной открытости, либеральных традициях местной политики, повышенной роли общественной жизни на фоне частной.

Отличается Нью-Йорк от остальной страны и по другим чертам - например, по сильному развитию общественного транспорта, которым при поездках на работу пользуются 45% трудящихся (в среднем по стране только около 5%), притом 25% едут знаменитой Нью-йоркской подземкой, которая осталась практически единственной в стране (на нее приходится 90% пассажиров американского метро). Это крупнейшее в мире, но далеко не лучшее метро. Большую роль в жизни жителей Нью-Йорка играют крайне редкие в США пригородные электрички, соединяющие его с Нью-Джерси и Лонг-Айлендом, средняя дальность поездок по ним превышает 55 км.

Весьма необычна специализация мощной промышленности района. Как правило, у крупных промышленных узлов специализация выражена гораздо слабее, чем у мелких, просто потому, что большие размеры позволяют вмещать множество предприятий самых разных отраслей. Здесь же каждая часть района обладает ярким промышленным профилем. Сам г. Нью-Йорк выделяется резкой специализацией на швейной промышленности, развитие которой во многом связано с притоками еврейской бедноты в начале века. Сейчас в отрасли занято около 150 тыс. человек - почти 1/4 рабочих города. Выделяется город полиграфией, ювелирным делом. На западной, материковой части ареала сложился мощный сгусток тяжелой промышленности (химия, металлургия, -65- Л. В. Смирнягин-

машиностроение) во главе с Ньюарком. В долине р. Хакен- сак еще в конце XVIII в. возник текстильный ареал новоанглийского типа (Патерсон, Клифтон). На о. Лонг-Айленд растет машиностроение (в том числе производство военных самолетов в Фарминдейле » Бетпейдже), в северных, пригородах - радиоэлектроника.

Однако промышленность все более отступает на второй план в хозяйственной структуре района - как, впрочем, и портовые функции. Некогда крупнейший в мире, Нью-йоркский порт уступил первенство Новому Орлеану (соответственно 140 млн. и 170 млн. т в 1981 г.). Его хинтерланд, охватывавший половину страны, сильно съезжился, и сейчас около 1/3 генеральных экспортных грузов дает порту сам штат Нью-Йорк, около 30% - Нью-Джерси, 5% -Новая Англия и 15% - штаты Приозерья.

Город все более переключается на функции высшего порядка - финансовые, управленческие, обще- культурные. Здесь расположены главные товарные биржи капиталистического мира и, главное, громадная фондовая биржа. На Нью-Йорк приходится более половины мирового оборота акций - втрое больше, чем на Токио. На одном только Манхаттане суммарная площадь контор превышает 30 млн. кв. м (в Лос-Анджелесе - 10, а в лондонском Сити - только 5,5 млн. кв. м). Здесь размещаются штаб-квартиры 70 из 500 крупнейших корпораций США, 5 из 7 крупнейших банков. Непререкаем авторитет Нью-Йорка в культурной жизни США. Головные центры трех главных телекомпаний страны находятся здесь; здесь же издаются самые престижные и авторитетные журналы и газеты страны. Бродвейские театры все еще играют «законодательную» роль в мире зрелищ.

Сильное впечатление производит и сам облик Нью-Йорка, особенно его знаменитые небоскребы. Две- башни Мирового центра торговли вздымаются над южным Манхаттаном на 405 м, и хотя чикагская башня «Сирс» выше (436 м), но в Нью-Йорке три десятка зданий имеют высоту более 200 м, тогда как во всей остальной Америке таких зданий всего 20. Дома-гиганты, улицы-каньоны даунтауна и мидтауна Манхаттана стали зримым олицетворением уникальных размеров этого города, где современный урбанизм достиг, казалось бы, своих предельных масштабов. -66-

Филадельфийский район

Совсем иной мир - Филадельфия с ее окружением. Город был заложен в 1682 г. главой английских квакеров Уильямом Пенном. Напоминая пуритан религиозностью, бытовой скромностью, сплоченностью, трудолюбием, квакеры в то же время декларировали пацифизм и веротерпимость, поэтому к ним присоединялись гонимые протестантские общины (амиши, бретены и др.). Уже с 1683 г. сюда начали прибывать немцы. Примечательно, впрочем, что квакеры старались не смешиваться с иноверцами территориально и отводили им отдельные участки-сначала Джерман- таун у северных окраин Филадельфии, а потом западную часть прилегающих равнин, которая со временем получила название Датчленд*.

Филадельфия была заложена едва ли не в самой удобной части современного Мегалополиса: в низовьях полноводной р. Делавэр, куда свободно заходили самые крупные морские суда, на обширной плодородной равнине, которую быстро заселили тысячи разноплеменных иммигрантов. Порожистые реки Саскуиханна, Делавэр, Скуйлкилл изобиловали даровой

гидроэнергией, их долины открывали удобный путь в Аппалачи, к обильным ресурсам леса, угля, руд. Поэтому Филадельфия в отличие от других ядер Мегалополиса обладает развитым ближним хинтерландом.

В середине XVIII в. Филадельфия была самым крупным городом английской Америки, и в годы революции она по праву сыграла роль главного политического центра. Именно здесь в 1774 г. собрался первый континентальный конгресс, а в 1776 г. в Индепенденс-Холл была разработана и провозглашена Декларация независимости. Филадельфия была столицей США вплоть до 1800 г., когда федеральные власти переехали в Вашингтон.

Все это придало местной культуре с ее квакерскими традициями не только столичный лоск и респектабельность, но и авторитет некоего образца, положившего начало культурным традициям всей срединной части США, которую американские социологи обычно отводят так называемой «индивидуалистской субкультуре». Поэтому в отличие от Нью-Йорка -67-

* Искажённое «Дойчланд» (Германия); по-английски «Датчленд» звучит как «голландская страна», что иногда приводит к недоразумениям. 67

Филадельфию вполне можно считать родоначальницей многих типичных для США черт, притом во всей их противоречивости. Набожность здесь сочетается с веротерпимостью, хотя последняя часто выливается в некую разновидность апартеида, поскольку предусматривает раздельное расселение разных общин; жесткость бытовых правил уживается с деловой предприимчивостью. Квакерский дух до сих пор чувствуется и в самом облике Филадельфии, который удивлял многих приезжих отсутствием небоскребов *, обилием добротных старинных зданий, потемневших от времени, скудностью вечерних развлечений. Все еще справедлива популярная в стране поговорка: «Я был в Филадельфии, но там было закрыто». Кстати, из-за этого Филадельфия имеет в США репутацию «сонного» города с несколько замедленным ритмом деловой жизни; это связывают с квакерской осторожностью, привычками «делать дело, но не гнать волну».

Главное же, чем олицетворяет страну Филадельфия - это ее индустриализм, за который она издавна получила название «американского Рура». В самой Филадельфии развиты едва ли не все отрасли промышленности, тогда как ее спутники сильно специализированы. Напротив соседнего Трентона - громадный металлургический комбинат «Фэйрлес» монополии «Ю. С. Стил»; левобережный спутник Камден был известен как крупный центр судостроения, где в годы войны трудилось более 30 тыс. человек, а берега эстуария Делавэра во главе с Уилмингтоном часто называют «химической долиной», потому что это одно из крупнейших в стране средоточий химической промышленности. Важную роль в развитии этих отраслей играют портовые сооружения низовий Делавэра» которые образуют самый большой в мире пресноводный порт с грузооборотом около 60 млн т/год.

Старинными промышленными центрами являются и многие средние по численности города ближнего хинтерланда Филадельфии. Не менее 1/3 их рабочей силы занято в обрабатывающей промышленности. В городах Датчленда Ланкастере и Йорке она представлена в основном машиностроением и металлообработкой, в Рединге - промышленной электротехникой. В долине р. Лихай сложились важные центры черной металлургии -68- в Бетлехеме

(«родина» монополии «Бетледем стил») и машиностроения в Аллентауне. В средней части долины Саскуиханны - старинная добыча антрацита и промышленные центры Скрантон и Уилкс-Барре, известные в свое время текстилем.

* Согласно традиции, в городе до последних лет не строили зданий выше «макушки Пенна» - статуи, которая венчает башню ратуши, возвышаясь над землей на 165 м.

Столичный район

В южной части Мегалополиса тесно соседствуют 2 крупные агломерации, которые слились своими при- городами; Балтимор и Вашингтон. Именно здесь расположена столица США, и именно это определяет специфику южной части Мегалополиса. Тем не менее сами города сильно отличаются друг от друга. По своему происхождению Балтимор - религиозная община, но не квакеров, а католиков, которых в 1663 г. вывез сюда из Англии лорд Балтимор; как и У. Пени, он тоже насаждал веротерпимость и привлекал иммигрантов любого толка. Для географа Балтимор особенно интересен как воплощение «промежуточности». С одной стороны, для северян это первый по-настоящему южный город. Серой по цвету, чопорной по духу Филадельфии Балтимор противостоит своим обликом, в котором преобладают светлые тона, обилие веранд, широкие улицы, и чисто южным стремлением к аристократизму, авантажности * Некоторые из этих черт сложились под влиянием французов, переселившихся сюда в 1793 г. с Гаити. Но в основном они связаны с традициями рабовладения, которые порождают типичное для Юга «белое чванство», -недаром в Гражданскую войну балтиморцы откровенно сочувствовали южанам.

С другой стороны, для южан Балтимор - первый северный город. Рабство здесь лишь признавалось, но не культивировалось по существу; в 1830 г. из 80 тыс. жителей около 15 тыс. составляли свободные негры. Для южного города Балтимор всегда был слишком индустриален. Здесь издавна существовало мощное судостроение (именно здесь строились самые быстрые и самые крупные клипперы), крупнейшая пищевая промышленность, особенно мукомольная и мясная, выросшая на обширном сельском хинтерланде Мэриленда и Делавэра и на переработке привозного сырья -69- (как с запада, так и из-за океана). Рядом с городом находится огромный металлургический комбинат «Спарроус-Пойнт», работающий на импортной железной руде.

* Принято считать, что самые красивые в стране женщины живут именно в Балтиморе [114].

Главная причина индустриального развития Балтимора - две важные особенности его экономико-географического положения. Во-первых, это здесь знаменитая «линия водопадов» - уступ Пидмонта, по которому реки спадают на Береговые равнины, - вплотную подходит к эстуариям, и портовую деятельность можно сочетать с использованием гидроэнергии. Во-вторых, из всех городов Мегалополиса (кроме Вашингтона) Балтимор - самый южный, а потому и самый близкий к зааппалачским землям, путь к которым пробегает к тому же через удобный Камберлендский проход. Поэтому Балтимор давно стал одним из крупнейших портов страны, главным экспортным выходом для аграрной продукции Приозерья и для угля северных Аппалачей. Однако окраинное положение Балтимора в Мегалополисе все же

негативно сказалось на темпах его развития. В середине прошлого века это был 2-й по людности город страны, но к началу нынешнего века он отошел на 6-е место, а сейчас занимает лишь 10-е.

Совершенно уникальным явлением выглядит *Вашингтон*. И выбор местоположения, и планировочное развитие города, и его функциональное назначение - все явилось результатом чисто политических решений. Место для новой столицы США было выбрано Дж. Вашингтоном, который решил поместить ее в совершенно новом месте, на стыке Севера и Юга. Позже эта идея вызвала немало подражаний в других молодых государствах (Канада, Австралия), не раз воспроизводилась она и в новых штатах самих США для активного воздействия на структуру расселения, скрепления территориальной организации общества в слабых местах.

Дж. Вашингтон рассчитывал на то, что новая столица со временем станет крупнейшим в стране хозяйственным центром с могучей промышленностью. Этому должны были способствовать и близость Камберлендского прохода, ведущего за Аппалачи, и пороги на р. Потом ак, и приморское положение (при впадении р. Анакостия в Потом ак было задумано оборудовать огромный порт). Под столицу отвели квадрат 10x10 миль на границе штатов Мэриленд и Виргиния, **-70-** изъяв эту территорию из их юрисдикции; позже правобережье было возвращено Виргинии. Автор плана инженер Ланфан расчертил весь квадрат прямоугольной сеткой улиц, причем широтные улицы отметил буквами, а долготные - цифрами; эту сетку он рассек диагональными авеню, названными в честь штатов - основателей страны. Центр занял Капитолий, от него к Потомаку проложили широкую парковую авеню Молл, по сторонам которой разместились правительственные учреждения.

Современникам план Ланфана казался плодом мании величия. Действительно, город долго имел довольно жалкий вид. Даже к Гражданской войне в нем не было ни водопровода, ни мощеных улиц. Региональная промежуточность столицы, на которую Дж. Вашингтон возлагал такие надежды, сыграла в его развитии роль скорее роковую: город уже не обладал в полной мере преимуществами географического положения Мегалополиса, а на роль центра южной территории не мог претендовать из-за конкуренции Балтимора на севере и Ричмонда на юге. Город оставался монофункциональным, и, пока государственная власть играла в капиталистической Америке скромную роль, столица страны была заштатным городом, который лишь в 20-х годах начали благоустраивать по соображениям престижа.

Только после того, как США вступили в эпоху государственно-монополистического капитализма, именно эта специализация Вашингтона на административной деятельности обеспечила ему стремительный расцвет. Со времен «великой депрессии» и «нового курса» Вашингтон стал быстро расти и превратился в один из крупнейших городов страны, место принятия важнейших политических решений, и ныне его значение в урбанистической структуре США трудно переоценить.

Во внешнем облике города эти перемены отразились своеобразно. Он сильно вырос, в нем появилось много добротных зданий, мемориалов, монументов, построенных, как правило, с нарочитой помпезностью, с несколько наивным подражанием классическим образцам. Но он остался очень зеленым городом.

На фоне столь сильных различий между главными городами Мегалополиса - различий по генезису, истории развития, структуре - особенно примечательным -71- выглядит то единообразие, с каким протекали в них за последние десятилетия процессы хозяйственной и территориальной перестройки. Одними из первых в стране вступили эти города в период субурбанизации, округ Вестчестер к северу от г. Нью-Йорк принято считать первой в стране современной субурбией, которая сложилась здесь еще в 30-х годах. Уже тогда рост центральных городов Мегалополиса замедлился, потом остановился, а с 60-х годов сменился упадком, и в середине 80-х годов в Нью-Йорке было на 10% меньше жителей, чем в 1950 г., а в Филадельфии, Балтиморе и Вашингтоне - примерно на 17-20%. Если в 1940 г. Филадельфия и Вашингтон превосходили свои пригороды по людности в 1,5 раза, а Балтимор даже вдвое, то теперь Филадельфия и Балтимор уступают им вдвое, а Вашингтон даже в 4 раза. Центральные города все более теряли роль фокусов внутренних связей Мегалополиса и своих агломераций. Так, обследования по Филадельфии показали, что 60% жителей ее пригородов крайне редко посещают центр города, 80% не только живут, но и работают вне его* В Нью-Йорке доля челночников в рабочих местах упала на 20%, и это самый низкий показатель среди 50 крупнейших агломераций страны.

Отрущобливание, безработица, разгул преступности, финансовый кризис городских ядер - все эти явления, сопровождавшие субурбанизацию почти во всех агломерациях США, здесь приобретали особенно сильный размах. Негры и пуэрториканцы составляют 45% населения в Нью-Йорке и Филадельфии, 55% в Балтиморе, 70% в Вашингтоне. «Южный Бронкс,-- пишут авторы «Альманаха американской политики» о районе Нью-Йорка, - стал общенациональным олицетворением трущоб. Раз в четыре года кандидаты в президенты тащатся сюда и столбенеют, открыв рот, при виде развалин, а потом исторгают избитые сравнения с Берлином после окончания военных действий. Кандидаты, губернатор, сенатор, мэр-все обещают сделать для Южного Бронкса хоть что-нибудь, но ничего существенного до сих пор так и не сделано. За 70-е годы Южный Бронкс потерял половину своего населения - больше, чем любой другой избирательный округ в стране» 142]. В самых тяжелых формах пережили эти -72-

* Geographical Magazine. 1979. N 1. P. 505.

города и субурбанизацию промышленности. Численность занятых в ней за 1947-1977 гг. сократилась в г. Нью-Йорке с 1 млн до 450 тыс. человек, в Филадельфии - с 330 тыс. до 155 тыс., в Балтиморе - со 120 тыс. до 73 тыс. человек. Этот процесс охватил практически все значительные города Мегалополиса, потому что промышленность уходила не столько в пригороды, сколько за пределы района. Совершенно запустел Камден, некогда крупный центр судостроения, в нем не осталось ни одного универмага или отеля *. Втрое сократился отряд металлургов в долине Лихай - базовом ареале монополии «Бетлехем стил» **. О Нью арке, который входит в число крупнейших индустриальных центров страны, «Альманах американской политики» писал в 1974 г.: «Некоторые ученые-урбанисты полагают, что именно Ньюарк станет первым американским городом, который умрет. Всего 20 лет назад это был вполне процветающий город с крупнейшим в Пьет-Джерси даунтауном и зелеными кварталами доме., заселенных средним классом. Сегодня же основная часть Ньюарка напоминает разрушенный

войной Берлин» (это сравнение стало дежурным в американской прессе применительно к подобным явлениям).

Опасения насчет «смерти» этих городов стали перерастать в уверенность, когда финансовый кризис городов Мегалополиса дошел до того, что власти Нью-Йорка были готовы в 1975 г. объявить город банкротом. Однако с конца 70-х годов в них почти одновременно наметилось оживление, которое с 80-х годов перешло в настоящий подъем.

Причин этому было немало. Известную роль сыграл и отток населения, что снизило нагрузку на обветшавшую инфраструктуру. Главное, однако, заключалось в том, что экономический и людской потенциал, накопленный Мегалополисом, не мог пропасть втуне; дело было лишь за перестройкой его использования, которая слишком затянулась в силу пороков, присущих частнокапиталистическому укладу США. Ключом к изменениям послужило втягивание США в мировую экономику, и здесь Мегалополису предстояло сыграть роль важнейшего соединительного звена. И если в чисто индустриальном плане он явно утратил свои **-73-** былые преимущества, то в качестве средоточия финансовой и управленческой деятельности все еще не имел себе равных.

* Financial Times. 1985. 5VII. P. 13.

** Wall Street Journal. 1982. 8.11.

Настоящий строительный бум охватил нью-йоркский Манхаттан, где ежегодно строится примерно по 0,5 млн кв. м конторской площади, возле Централ-парка развернулось строительство небоскреба выше чикагской башни «Сирс», который вернет Нью-Йорку мировое первенство. В Филадельфии лихорадочное строительство охватило Сентер-Сити - старинное ядро города между Делавэром и Скуйлкилом; здесь ежегодно вводится по 200 тыс. кв. м конторской и торговой площади **. Под напором этой лихорадки пала традиция «макушки Пенна»~ три новых небоскреба в 1988 г. были уже выше соседней ратуши. Филадельфия дала один из самых ярких образчиков джен-трификации: в трущобном районе Сосайети-Хилл, на юго-востоке Сентер-Сити, отреставрированы 900 домов постройки XVIII и XIX вв., а за несколько лет цены на них выросли с 30 тыс. до 300 тыс. долл. В Балтиморе район внутренней гавани расчищен от пакгаузов, причалов и трущоб и превращен в своего рода витрину достижений американского градостроительства.

Особенно многозначительным выглядит наметившийся здесь подъем промышленности, развивающейся по тем же канонам, что и в Новой Англии: старинные престижные университеты и вся богатейшая научная инфраструктура Мегалополиса стала приманкой для новейших наукоемких отраслей. Крупный аналог бостонского «коридора 128» возник на западных окраинах Филадельфии, вдоль федеральной автострады 202, где обосновались около 150 заводов на 45 тыс. занятых; около 100 таких предприятий возникло в «кресте» **-74-** дорог № 70 и 38 *. Зарождается подобный пояс и в виргинских пригородах Вашингтона, притом с ориентацией именно на столичные его функции, а не на университетскую базу, которую здесь еще предстоит создать.

* Правда, в последние десятилетия из Нью-Йорка уходили не только заводы, но и штаб-квартиры. В 1965 г. там квартировали 128 корпораций из числа 500 крупнейших в промышленности страны, а в 1980 г. их осталось лишь 73.

Однако большинство из них осело в пригородах Нью-Йорка, и прежде всего в коннекти-кутском округе Фэрфилд, который издавна пользовался репутацией одного из богатейших в стране. По словам Н. Пейрса, ныне он превратился в выставку современной конторской архитектуры. В этом следовало бы видеть не столько утрату Нью-Йорком центральных функций, сколько приобретение их всем прилегающим районом [116]. ** U/S/ News and World Report 1982. 10.V. P. 55.

Синхронность, с которой начался «ренессанс» ядер Мегалополиса, еще раз подчеркивает его единство как района. Одинаковой, впрочем, оказалась и жесткая приуроченность этого подъема только к центральным кварталам городов (если не считать наукоемких поясов и конторских анклавов в некоторых пригородах). Учитывая точечный характер проявления главных факторов, лежащих в основе подъема, трудно предположить, что он охватит и прилегающие территории района. Поэтому такой «ренессанс» ведет не столько к возрождению всего Мегалополиса, сколько к обострению противоречий между его частями.

С новой остротой встает еще одна жгучая проблема районирования общества-проблема выявления районов и подрайонов внутри таких сверхкрупных узлов общества, как ядра Мегалополиса. Каждое из них - мощный сгусток потенциала, равновеликий целым странам, но занимаемая этими ядрами площадь очень мала. Они похожи на сверхтяжелые звезды, внутри которых под действием сверхвысокой плотности пространство как бы свернулось, выродилось до масштаба, который не поддается, казалось бы, районированию привычными методами.

Между тем внутренние различия в этих ядрах громадны. Именно в силу «коллапса пространства» в таких городах сплошь и рядом оказываются сближенными, а то и вовсе соседствуют предельно разные по своему укладу и облику территориальные общности людей, и это порождает здесь контрасты столь вопиющие, что структурная неоднородность ядер становится совершенно очевидной. Характерно, что в «Альманахе американской политики» цитировавшийся очерк о Южном Бронксе начинается словами: «Географически Южный Бронкс находится всего в миле от шикарного манхаттанского района Аппер-Ист-Сайд, но по своей обыденной жизни он - словно на другом конце света» [41].

.*Geographical Magazine. 1985. No 2. P. 106-124.

Контрасты в ядрах, как правило, не калейдоскопичны, они складываются в довольно упорядоченную **-75-** картину. Так, в среднем по Манхаттану душевой доход вдвое (!) выше, чем по всему Бронксу, и в данном случае речь идет о районах, в которых живет более чем по 1 млн. человек. Значит, районирование выводит г. Нью-Йорк на какие-то целостности, весьма значительные по людности. Присущая американскому обществу сильная сегрегированность расселения еще более усугубляет эти контрасты, превращая части города в самодовлеющие миры, традиция же «низовой демократии» обычно придает им четкое организационное оформление.

Это делает районирование сверхгородов не только необходимым, но и не слишком сложным. Однако территории этих «миров» столь малы, что такое районирование, по-видимому, нуждается в весьма специфической методике.

Верхний Нью-Йорк

Основную часть территории шт. Нью-Йорк в американской литературе - как специальной, так и массовой - чаще всего именуют Апстейт (Верхний Нью-Йорк), имея в виду ее положение выше по р. Гудзон и общую гористость. Она кажется типичным «выморочным» районом - неким остатком после вычленения Новой Англии и Мегалополиса, зажатым между ними и канадской границей, район лежит явно на отшибе и лишен единого организующего центра. Несмотря на это. Верхний Нью-Йорк - вполне зрелый, полновесный район со своим специфическим обликом и видной ролью в судьбе страны.

Прежде всего это достаточно большой район - с населением около 6 млн человек и площадью больше 100 тыс. кв. км. Около 3/4 его территории занято живописными горами, покрытыми густым лесом; на севере это обширный массив Адирондак (ныне национальный парк), на юге - край Аллеганского плато, иссеченный пальцеобразными озерами (местность так и называется Фингер-Лейкс). Но центральную широтную полосу занимают довольно ровные плодородные земли, заселенные давно и плотно. Долина среднего Гудзона была заселена еще голландцами в XVII- XVIII вв., долина Мохока - перед самой революцией, а сразу после нее были заняты равнины, прилегающие к оз. Онтарио, которые быстро превратились в -76 - житницу Нью-Йорка (здесь у берегов озера вызревает даже виноград). В середине прошлого века в Верхнем Нью-Йорке находились 5 из 50 крупнейших городов страны - Олбани (10-е место), Рочестер, Трой, Сиракьюс и Ютика; еще в 1900 г. их было здесь 4.

Верхний Нью-Йорк никогда не был «медвежьим углом». Напротив, его роль в духовной жизни страны постоянно оказывалась весьма заметной. Недаром именно здесь состоялись несколько битв войны за независимость, а позже Верхний Нью-Йорк стал «родиной» таких важных культурных движений, как мормонизм, спиритуализм, аболиционизм, суфражизм. Еще 50-60 лет назад столица штата Олбани считалась вторым после Вашингтона важнейшим политическим центром страны.

Подобная культурная активность района стала, по-видимому, следствием того, что он оказался первой ареной колонизации новоанглийских янки-уже после того, как они сложились в самобытный этнос на «своей» территории. Осваивая край без вмешательства других американских субкультур, и притом в непосредственном соседстве с Новой Англией, янки сумели придать Верхнему Нью-Йорку черты настолько яркие, что они сохранились даже после того, как в конце прошлого века сюда хлынули десятки тысяч иммигрантов. Примечательно, что если в самой Новой Англии иммигранты во многом повлияли на янки, то в Апстейте скорее янки влияли на иммигрантов. Недаром Верхний Нью-Йорк до сих пор слышит оплотом республиканизма линкольновского толка, ему привержена здесь даже часть этнических групп, которые вне Верхнего Нью-Йорка неукоснительно следуют за демократами (многие поляки, итальянцы).

Трудолюбие и деловая сметка янки рано сделали Верхний Нью-Йорк важным промышленным районом. Вполне в духе новоанглийской традиции многие городки Верхнего Нью-Йорка превратились в национального уровня «столицы» отдельных производств. Чаще всего это было связано с почти случайным зарождением в некоторых из них каких-либо промыслов в доиндустриальную эпоху. В Гловерсвилле, например, еще в XVIII в. начали

делать рукавицы, а в XIX в. он стал «перчаточной столицей» США, еще в 30-х годах в Гловервилле и соседнем Джонстауне производилась половина кожаных изделий страны. Из местной добычи меди родилась репутация Рома как одного -77 - из главных центров США по обработке этого металла. Такой же генезис «стеклянной столицы» кернинг и башмачного дела в Элмайре. В 1819 г. домохозяйка Х., Млнтагу из Троя изобрела пристяжные воротнички, а вскоре Трой стал главным в стране центром производства мужских сорочек (40% в 30-е годы). Ютика уже с середины прошлого века считалась «столицей трикотажного дела». Некоторые крупные центры выросли на местных природных ресурсах. Так, близ оз. Онондага издавна были известны фонтанирующие залежи рассола, и со временем на их базе вырос крупнейший в стране центр основной химии Сиракьюс, который до сих пор дает большую долю производства соды в США. Сочетание процветающего земледелия и обильной гидроэнергии водопадов р. Дженеси превратило Рочестер в мощный центр пищевой промышленности.

Авторитет важного индустриального района и позже привлекал в Верхний Нью-Йорк новые отрасли промышленности. В Скенектади выросли первые электротехнические, заводы Эдисона, послужившие ядром могучей монополии «Дженерал электрик». Уже в начале нашего века на них работало 15 тыс. человек, а еще 8 тыс. человек - на соседнем заводе «Америке» локомотив», который, по словам путеводителя Бедекера, выпускал самые большие и быстрые паровозы в мире [39]. В 1888 г. житель Рочестера Дж. Истман изобрел фотокамеру «кодак», и вскоре Рочестер стал бесспорной «столицей фотодела»; сейчас на заводах «Истман Кодак» в Рочестере работают около 20 тыс. человек. Мощный стимул для развития дал знаменитый Эри-канал. Широкая полоса Верхнего Нью-Йорка оказалась самым удобным проходом, ведущим от моря через Аппалачи к Великим озерам и далее в самые недра Среднего Запада. В 1818--1825 гг. здесь по трассе в 810 км был проложен канал шириной 22,5 м и глубиной 3,6 м. Фрахт на маршруте Буффало - Нью-Йорк упал со 100 до 5 долл./т, срок доставки - с 20 до 8 дней. По всему Среднему Западу развернулось строительство каналов, а потом и железных дорог для выхода к Великим озерам, и основная доля связей с ним прошла через этот район к Нью-Йорку. Еще в 1870 г. по Эри-каналу в Нью-Йорк поступало больше грузов, чем по железной дороге. Сейчас старый Эри-канал, закрыт, местами его используют для -78- рекреации, в Рочестере по руслу канала прошла подземка, в Сиракьюсе - бульвары. Но значение его для развития района оказалось непреходящим. Правда, в географической литературе это значение нередко преувеличивают, подавая цепочку городов вдоль канала как прямое его порождение. Это не так. Лишь для Буффа-ло его значение оказалось решающим, поскольку этот город стал своего рода озерным аванпортом Нью-Йорка; здесь вдоль берегов оз. Эри и р. Ниагары выросло множество элеваторов, мельниц, металлургических заводов, а после строительства ГЭС на Ниагарском водопаде-заводы электрохимии.

Главное значение Эри-канала для Верхнего Нью-Йорка в том, что он обеспечил основной полосе района инфраструктурную монолитность, превратив эту цепочку городов в «самую длинную улицу США». Вдоль этой четкой оси сложился коридор развития, придающий несомненную территориальную целостность всему району и в этом качестве вполне искупающий отсутствие у района единого центра.

Следует, впрочем, заметить, что по мере развития региональной системы своеобразные черты Верхнего Нью-Йорка стали все более тускнеть - и в первую очередь потому, что он долго находился на главной трассе, соединяющей районы гораздо большего размера и ранга-Средний Запад и Мегалополис. Из-за этого вдоль коридора развития сложился явно заметный градиент перехода между этими районами.

По мере углубления в район от г. Нью-Йорк типичный для последнего демократический либерализм постепенно слабеет. В округе Рокленд он еще преобладает благодаря обилию бывших горожан, но в округе Ориндж уже уступает республиканской ориентации. Далее к северу лежит Олбани, где «машина» демократов в свое время стяжала славу самой продажной в стране (ее часто называли «клоака максима»); эта черта позже стала типичной для многих городов Среднего Запада. Лишь в центральной части Верхнего Нью-Йорка республиканизм сохраняет былые умеренные традиции, а далее к западу быстро уступает место консервативным настроениям, столь типичным для глубинки Среднего Запада. Центры Буффало и Рочестера уже вполне «посреднезападно-му» запружены потомками иммигрантов из Восточной и Южной Европы, к тому же более 1/4 их населения составляют негры, которых очень мало в более -79- восточных городах Верхнего Нью-Йорка. «В западной части штата Нью-Йорк, удаленной на 400 миль от г. Нью-Йорк, к этому городу относятся почти так же, как на Среднем Западе,- пишет «Альманах американской политики», - и популярные в этом городе политики вроде Нелсона Рокфеллера или Роберта Кеннеди, проводя здесь свои предвыборные кампании, всегда чувствовали себя словно в южной Айове» [41]. Многие географы (например, У. Уотсон) относят Буффало к Приозерью, отрывая его от Северо-Востока [152].

Можно сказать, что Верхний Нью-Йорк целостен как район - и не только несмотря на подобный градиент перехода, но даже благодаря ему, так как его устойчивость, наличие на всем протяжении главной оси района и строгая приуроченность к этой оси позволяют считать этот градиент одной из важных специфических черт района, его районообразующим признаком.

Ныне район находится в трудной полосе своего развития. Окраинность его положения сказывается все сильнее-как и чрезмерная специализация центров на промышленности вообще и застойных отраслях в особенности. Почти во всех городах района людность сегодня ниже, чем полвека назад (в Рочестере и Олбани-на четверть, в Буффало даже на треть), лишь Буффало входит в число 50 крупнейших городов страны. Людность большинства агломераций за последние 15 лет выросла всего на 3-5% (в Буффало даже сократилась на 10%). Лишь у Рочестера сохраняются перспективы развития благодаря давней специализации на таких наукоемких отраслях, как фотооборудование и приборостроение.

Питтсбургская Пенсильвания

На западе Пенсильвании сложился район, который по своей территориальной структуре может быть отнесен к числу самых целостных. У него есть бесспорный единый центр - Питтсбург. Почти из любого уголка района гидрографическая сеть выводит через лабиринт аппалачских хребтов и долин именно сюда, к слиянию Аллегейни и Мононгахилы, с которого начинается р. Огайо. Ради положения в этом естественном фокусе транспортных путей и был

заложен Питтсбург-сначала как военный форт Дюкенъ (1724 г.), -80- за обладание которым спорили французы, англичане и американцы, а потом как ворота в плодородную долину Огайо.

Между тем главное, что предопределило историю и облик района,-это уникальное по размерам, обилию и качеству сочетание полезных ископаемых. Самым важным из них оказался, конечно, каменный уголь. Мощные угольные пласты нередко выходили в борта долин, их можно было отрабатывать штольнями. Уголь знаменитого Коннелсвиллского пласта считался лучшим в мире металлургическим углем вплоть до внедрения коксования. Район изобилдовал и железной рудой, запасы которой были исчерпаны в 80-х годах прошлого века. Именно здесь, в долине Аллегейни, зародилась в США добыча нефти (1859 г.). Обильны были и выходы природного газа, который с 1874 г. стали использовать в производстве металла и стекла, а позже и в домашнем хозяйстве.

Уже в 40-х годах прошлого века Питтсбург имел репутацию «Айрон-Сити» - «металлургической столицы» США. Перед Гражданской войной здесь было сосредоточено около половины американского производства стали, треть производства стекла, 53 нефтеперерабатывающих завода.

Постепенно Питтсбург превратился в некое олицетворение американского индустриализма. Сам облик этого города производил сильное впечатление на современников. Из-за гористого рельефа заводам приходилось тесниться в узких долинах рек, по которым шли и железные дороги. Перед пассажирами поездов, проходивших через Питтсбург, открывался поразительный мир пламени и чада, лязга и грохота, копоти и смрада. Остальной город оставался «за кадром»: деловой центр на стыке трех рек (так называемый «золотой треугольник») скрывала плотная пелена дыма, а жилые кварталы были разбросаны по плато высоко над долинами, причем они были сильно рассредоточены из-за нехватки ровных мест, и город долго напоминал скопище отдельных поселков. Еще в начале нынешнего века главные заводы Питтсбурга держали мировые рекорды в своей отрасли: гигантский комбинат «Хоумстед» был крупнейшим в мире по производству брони, «Эдгар Томпсон»-рельсов, на заводе «Дюкенъ уоркс» стояли крупнейшие в мире домны, на заводе «Джон энд Лафлин»-прокатные станы. По производству кокса (около 20 млн. т/год) -81- **6 Л. В. Смирнягин** -Питтсбургский район уступал только английскому Да-рему. На речной порт Питтсбурга приходилось около половины грузооборота всех портов бассейна Миссисипи-Огайо.

Питтсбург можно считать родиной современного американского капитализма - не патриархального капитализма новоанглийских янки, стремившихся навязать своим рабочим отеческую опеку, а безжалостных агрессивных «королей» и «баронов» от угля, стали и нефти- Карнеги, Фликов, Швабов, Вестингаузов, Рокфеллеров, Меллонов. Здесь зародились такие могучие монополии США, как «Юнайтед Стойте стил», «Галф ойл», «Алкоа», «Вестингауз электрик». Их штаб-квартиры до сих пор находятся в Питтсбурге.

Славные боевые традиции имел питтсбургский пролетариат. Сложившийся в основном из иммигрантской бедноты, он издавна отличался особой непримиримостью борьбы со своими классовыми врагами. Примечательно, что питтсбургские фабриканты пытались удержать монопольное положение Питтсбурга в металлургии чисто географическими методами - с помощью знаменитой системы «Питтсбург-плюс». Согласно этой системе, цены на сталь

в любой части страны устанавливались исходя из цены в Питтсбурге плюс расходы на транспортировку из Питтсбурга в данный район. Система заведомо лишала любого местного производителя стали тех преимуществ, которые он мог извлечь из расположения при рынке сбыта.

Тем не менее примерно с 20-х годов роль Питтсбурга в черной металлургии страны стала падать. Истощение местных железных руд заставило еще в прошлом веке перейти на сырье ~из месторождений вокруг Верхнего озера. Ради этого в 1855 г. между озерами Верхнее и Гуран в обход порогов был построен канал, а после его расширения в 1896 г. поток железной руды достиг 40 млн. т/год [39]. Это открыло возможность для строительства заводов на пути следования руды мимо крупных промышленных центров Приозерья, и уже в начале нынешнего века в них оседало около ~1/4 этого потока. После войны новые конкуренты Питтсбурга появились на побережье, поскольку США стали все больше зависеть от импорта железорудного сырья. Все сильнее стали сказываться негативные последствия положения Питтсбурга - в глубине страны, в отрыве от самых дешевых водных путей, - а также обветшание его заводов и **-82-** инфраструктуры, репутация района с искаленной природной средой. По итогам переписи населения 1970 г., Питтсбург оказался единственной в стране агломерацией-миллионером, где за 60-годы была отмечена абсолютная убыль населения (правда, лишь на 0,2%).

Но особенно тяжелыми для района оказались 70-5 годы, когда вся черная металлургия страны вошла в полосу затяжного кризиса, порожденного победоносной заокеанской конкуренцией. Доля агломерации Питтсбурга в промышленной занятости США, еще в 1967 г. превышавшая 1,5%, к началу 80-х годов упала до 1%, в черной металлургии осталось менее 50 тыс. занятых. Узкая специализация на некогда процветавших, а ныне упадочных отраслях тяжело сказалась на его экономике. За 70-е годы Питтсбург потерял почти 20% своего населения, людность агломерации сократилась почти на 5%.

В 80-х годах этот упадок принял масштабы катастрофы. За первое пятилетие из черной металлургии и смежных отраслей в Большом Питтсбурге было уволено около 100 тыс. человек, в могучих некогда комбинатах едва теплилась жизнь. Кризис охватил весь район. В долине Махонинг, где первая домна была задута еще в 1803 г., а в 1925 гд было выплавлено 4 млн т стали в год, число безработных превысило 50 тыс. человек, из которых у 20 тыс., по мнению местного профсоюза, уже не было надежды найти работу. Корреспондент «Уолл-стрит джорнэл», проехавший здесь в 1983 г. через сплошную полосу заводских центров Янгстаун, Стратерс, Кэмпбелл, Джирард, Найлс, Уоррен), назвал долину «некрополисом» и добавил: «Условия здесь если и меняются, то лишь от плохих к безнадежным» [121]. Даже построенные здесь в 70-х годах автомобильные заводы «Дженерал моторз» в Лордстауне (возле Уоррена) и «Фольксваген» в Стаунтоне (к югу от Питтсбурга), привлеченные высвобождающейся рабочей силой и посулами местных властей, работают с большой недогрузкой.

Надежды на возрождение Питтсбурга связаны с коренной перестройкой его хозяйственной структуры - от металлургии к наукоемким отраслям, от промышленности к сфере услуг. База перестройки - прочный авторитет Питтсбурга как одного из ведущих центров страны по подготовке инженерных кадров и ученых естественных наук. Питтсбургский университет, университет Карнеги - Меллона, десятки, крупных **-83-** исследовательских центров и

лабораторий служат магнитом для новых отраслей. Сказывается и то, что Питтсбург - старинный центр управления, сгусток штаб-квартир мощных монополий. К тому же сам облик города быстро улучшался по мере угасания тяжелой промышленности. Сегодня это один из самых чистых городов США, живописный, изобилующий добротными зданиями; в «золотом треугольнике», где развернулся настоящий строительный бум, небоскребы поднимаются на высоту 200-250 м.

Однако темпы хозяйственной перестройки здесь настолько стремительны, что дезорганизуют социальную жизнь, еще недавно весьма устойчивую. Рабочие-металлисты относились к числу наиболее высокооплачиваемых в стране, их доход нередко был выше, чем у служащих штаб-квартир, Питтсбург даже успел заслужить репутацию консервативного, «ура-патриотического» города * Ныне десятки тысяч металлистов внезапно и разом оказались без работы и без надежды на ее получение. «Я в отчаянии, - сказал один из «их, Ф. Гросс из Уоррена, уволенный в августе 1982 года. - Я не знаю, что делать. Куда податься, чем заняться? Я вынужден торчать здесь, потому что не умею ничего другого» **. В эту обстановку попадают приезжие «белые воротнички», которые привносят сюда совсем иной уклад жизни. Они покупают новые дома по 125 тыс. долл., тогда как безработные металлисты не могут свои дома сбыть хотя бы за 30 тыс. долл. В северо-восточном предместье Питтсбурга Шейдигроув 1/4 населения прибыла в Питтсбург не ранее 5 лет назад, а за это время знаменитый Хоумстед, слывший «мировой столицей стали», потерял 1/3 своего населения. Прямой результат этих перекосов - волна насилий и вандализма, прокатившаяся по району в середине 80-х годов. Обездоленные рабочие, низвергнутые из верхней прослойки рабочего класса в положение изгоев, вымещали свое отчаяние в погромах отделений банка Меллонов, потасовках, алкоголизме...

Со временем жизнь в Питтсбургском районе войдет, по-видимому, в более устойчивую колею, - колею новую, сильно отличную от старой. Но не забудутся те социальные издержки, которых стоит хозяйственная перестройка.

* Wall Street Journal. 1984. 21.VIII -85-

Часть III СРЕДНИЙ ЗАПАД

Обширная срединная часть США была заселена американцами уже после революции, когда Соединенные Штаты стали самостоятельной державой, притом в «свободных» условиях, потому что к северу от р. Огайо рабство было запрещено еще по ордонансу 1787 г. Это решающим образом предопределило судьбу освоения и развития региона, придав ему черты, отличные и от Северо-Востока, освоенного в колониальную эпоху, и от Юга, в котором и после революции культивировалось рабство.

В наши дни этот регион принято называть Средним Западом (Middle West), но название это закрепилось за ним далеко не сразу. Сам процесс складывания

такого топонима и «путешествие» по региону представляют немалый интерес для географа.

Термин «Средний Запад» появился в 20-х годах прошлого века, но отнюдь не в качестве некоего промежуточного звена между освоенным Востоком и «диким» Западом, как можно было бы предположить, имея в виду большую насыщенность этих топонимов культурным смыслом. Как показали исследования Д. Шортриджа [139], здесь первоначально имелась в виду оппозиция не широтного, а меридионального направления: Средним Западом обозначали территорию Теннесси, противопоставляя его «Северо-Западу» (Огайо и Индиана) и «Юго-Западу» (Алабама и Миссисипи). Термин не прижился, но полвека спустя появился снова - и снова в оппозиции «север - юг», а не «восток-запад», потому что к этому времени «Северо-Запад» передвинулся в Миннесоту и обе Дакоты, а «Юго-Запад» - в Техас и будущую Оклахому, Средним же Западом стали называть к этому времени Канзас и Небраску. Термин быстро оброс культурным контекстом после того, как Канзас и Небраска в 1877-1896 гг. пережили жестокий аграрный кризис и вышли из него сильно обновленными, переключившись на интенсивное хозяйство агропромышленного типа. -85-

Благодаря этому термин закрепился за данным районом настолько четко, что сохранился здесь даже после того, как оба его оппонента снова передвинулись - на этот раз на самый край страны: с XX в. Северо-Западом именуют Вашингтон и Орегон, а Юго-Западом-Южную Калифорнию, Аризону и реже Нью-Мексико. Более того, после ухода оппонента» границы Северного Запада быстро охватили оставленные территории, и после первой мировой войны стало общепринятым называть Средним Западом все пространство от Канзаса на север до канадской границы и на восток до штата Огайо включительно. Термин полновластно вошел в «большую» литературу (Ш. Андерсен, С. Льюис), отражением его популярности явилось быстрое внедрение сокращенной версии «Мидуэст» (Midwest). По своей культурной осмысленности он встал в один ряд с топонимами «Запад» и «Юг» и делал все менее употребительным термин «Север», заставляя все чаще заменять его терминами «Ми-дуэст» и «Северо-Восток».

Природная среда Среднего Запада обладает несколькими яркими чертами, которые оказали на сложившуюся здесь территориальную общность людей воздействие настолько сильное, что многие ученые не раз пытались использовать этот регион или его части в качестве примеров обусловленности общественного развития географической средой. Средний Запад раскинулся в самом центре материка Северная Америка. Удаленность от океанов и огромность размеров (около 2 млн. кв. км) придали его развитию самодовлеющий характер. Регион отличается редкостным для такой обширной территории единообразием природных условий. Определяющая черта его облика - строгая равнинность. Здесь господствуют открытые плоские степи. Средняя высота региона над уровнем моря всего около 450 м, лишь на западных его окраинах встречаются отметки выше 1 тыс. м. Регион располагает хорошим в среднем увлажнением и отличным» водными путями: на севере он широким фронтом выходит к Великим озерам, а по центру рассечен (вернее, увязан воедино) «крестом» могучих рек - Миссисипи с севера на юг, Миссури с запада на восток и Огайо с востока на запад.

Главное достояние Среднего Запада - превосходные агроклиматические

условия. Если в Африке и Южной Америке центральные части материков **-86-** заняты тропическими лесами, в Азии-горными системами, а в Австралии - пустынями, то Северную Америку природа одарила обширным ареалом с тучными пашнями, ровной поверхностью и достаточно влажным климатом (притом с максимумом осадков именно в период вегетации). В основной своей части регион весьма напоминает Западную Европу, притом лучшие ее части, и европейские переселенцы могли возделывать почву привычными агротехническими методами.

Неудивительно, что Средний Запад стал настоящей житницей страны. Занимая всего пятую часть территории США, регион дает 45-50% ее сельскохозяйственной продукции. Из 12 ведущих по этому показателю штатов страны восемь расположены именно здесь, причем Айова, Иллинойс и Миннесота постоянно входят в первую пятерку штатов. Ежегодно Средний Запад дает стране около половины пшеницы (более 30 млн. т), более 600/0 сои, 85% кукурузы (170-180 млн. т). Здесь сосредоточено примерно по 50 млн. голов крупного -рогатого скота и свиней - соответственно 40 и 80% их поголовья в США.

Средний Запад стал символом американского аграрного рая, неким воплощением «великой американской мечты», в которой неизменными элементами всегда были собственная ферма, труд на собственной земле, материальная независимость и процветание, зависящее только от собственного трудолюбия. Поколения фермеров, выросшие в этих благодатных условиях, постепенно привыкли считать свое преуспевание не даром природы или судьбы, а плодом своего особого умения хозяйствовать. В это умение входили не только трудолюбие и деловая сметка, но и чуткость к нововведениям, доходящая порой до мании, непредвзятость подхода к новым идеям и машинам, своеобразный техницизм сугубо прагматической заправки («не надо объяснять мне, как устроена эта машина - покажи, как она работает»). На этой почве укоренились такие черты, типичные для жителя Среднего Запада, как демократизм, уверенность в себе, оптимизм (иногда показной), открытая ориентация на чисто материальные приобретения - а заодно и индивидуализм, презрение к неудачникам и чужакам, включая и вашингтонские власти. Уже в конце нашего века здесь сложилась традиция смотреть на свой район как на воплощение всего лучшего в Америке, противопоставляя его прогнившему якобы Востоку, полуфеодалному **-87-** Югу и «дикому» Западу. За таким взглядом стояла идея жизненного цикла «юность - зрелость - старость», где Среднему Западу хотя бы по чисто географическим причинам отводилось срединное место между дряхлеющим Востоком, полным иммигрантов к всяческой скверными «диким» Западом, полным спас- Настей и неустроенности. Но в этом культурном мифе зрелость Среднего Запада принималась за непреходящее состояние - ведь не могло же измениться географическое положение его между Западом и Востоком.

Надо признать, что подобный культурный штамп~ получил признание и за пределами Среднего Запада.. «Сердце нации», «самая американская Америка», «воплощение среднего американца»-все эти расхожие~ к.ч11ше отражали представление о Среднем Западе как. о типичной и даже лучшей части страны, жители которой имеют право на некое моральное превосходство, поскольку они воплощали пасторальный идеал американского общества. Любопытно, что «певцам» Среднего Запада долго удавалось

игнорировать сильнейшую индустриализованность региона; промышлен- нести отводилась роль островков в аграрном океане,- и Средний Запад рисовался как мир средних и мелких городков, населенных работающими, демократичные ми и преуспевающими людьми.

Правда, уже с первой мировой войны этот ореол, стал постепенно тускнеть. Упала вера в патриотичность жителей Среднего Запада, так как в силу своего изоляционизма они были против участия США в войне. Поскольку же именно они сильно обогатились за счет высоких цен военного времени, под сомнение было поставлено и их моральное превосходство. Тридцатые годы ознаменовались катастрофической эрозией- полей в западных частях региона, превратившихся в печально знаменитую «Пыльную чашу», и это подорвало доверие к агротехническому искусству фермера» Среднего Запада. Прямолинейность, наивная вера в технику, упрощенность подходов жителей Среднего Запада все чаще встречали насмешливый прием. «Повсюду (на Среднем Западе - Л.С.) заземленность разговоров материальными темами оставляет мало места для иронии и юмора, - писал географ Р. Гастил. Это самый простодушный район страны - сколько бы докторов наук ни выпускали местные университеты. Самими американцами не раз было -90- замечено, что в социальных науках ученые Среднего Запада склонны к буквоедству и даже тупости, постоянно делая упор на математические методы в ущерб смыслу» [68]. Кстати, это заметно и в американской географии: местные ученые обычно являются главными поборниками математических методов и узкого экономизма, склонного сводить любые общественные процессы к долларовому выражению (особенно чикагская школа).

К середине 80-х годов образ Среднего Запада изменился еще сильнее. Его индустриализованность уже нельзя игнорировать: ведь здесь сосредоточена треть промышленных рабочих страны, продукция промышленности на порядок больше по стоимости, чем товарная продукция сельского хозяйства. Велика выручка от экспорта, а это резко сужает плацдарм изоляционистских настроений. Не в пользу Среднего Запада изменилось и его соотношение с соседними регионами: Юг стал символом стремительного экономического развития, отраженным в новом культурном мифе о «солнечном поясе», упадок промышленности Востока охватил и Приозерье, которое в прессе все чаще называют «Ржавой чашей»; на Западе сложились крупные и влиятельные культурные центры. Средний Запад окончательно утратил репутацию прогрессивного района, открытого всему новому. Ее сменил ореол консерватизма, который нашел яркое воплощение в том постоянстве, с которым основная часть этого региона (кроме крупнейших городов и северной части) служит бастионом республиканской партии.

Подытоживая этот поворот в культурных судьбах Среднего Запада, Р. Гастил писал в начале 70-х годов: «В свое время район уверенно смотрел вперед, рассчитывая стать экономическим и культурным лидером страны. Но этого не произошло. В культурном отношении район выглядит явно отсталым по сравнению с Калифорнией, Верхним Нью-Йорком и Новой Англией, и ему, как и Филадельфии, придется смириться с этим» [68].

Однородность Среднего Запада, о которой говорилось выше, довольно относительна и выливается не столько в отсутствие контрастов между его частями, сколько в плавность переходов. Эти переходы подчинены хорошо различимым ритмам: по мере продвижения с востока на запад климат

становится все суше (особенно за Миссисипи), а с юга на север - все **-91-** холоднее. Ортогональность этих ритмов придает природной среде региона ячеистую структуру. На природные ритмы накладываются ритмы социокультурные: с востока на запад неуклонно падает плотность населения и меняется соотношение видов его занятий, а с юга на север следует череда переходов чисто культурных, которые связаны с особенностями заселения этого края. Вдоль его южной полосы заселение шло сравнительно спора и в основном завершилось уже к Гражданской войне, т. е. до периода массовой иммиграции. В нем активное участие приняли выходцы с Юга, причем в предвоенные годы они вступили в жестокий конфликт с колонистами-северянами в замиссисипских землях, но до этого довольно органично вливались в культуру Огайо, Индианы и особенно Иллинойса в Миссури. Эта часть первое время «смотрела» на юг, куда вела Миссисипи. Побережье же оз. Эри осваивалось в основном янки, но дальнейшее их продвижение было заторможено болотистой местностью на северо-западе шт. Огайо, которая, так сказать, скомпрометировала репутацию земель Мичигана и Висконсина. Их массовое заселение развернулось лишь после Гражданской войны, уже при активном участии иммигрантов из Германии и Скандинавских стран, которые нашли в этих лесистых районах много похожего на свою родину. Янки сохраняли в этом освоении руководящую роль, южан же здесь почти не было.

Эта и без того пестрая картина, образованная природными и культурными градиентами разных направлений, осложнена цепочкой крупных городов, выросших вдоль южных берегов озер Эри и Мичиган в ходе иммиграции совсем иного рода - сначала из Восточной и Южной Европы, а потом с Юга. Вместе с типичной для Среднего Запада плавностью переходов и отсутствием четких орографических рубежей все это делает районирование Среднего Запада весьма трудной задачей. Правда, главные трудности состоят здесь в проведении границ и вычленении районов низших иерархических рангов. Что же касается определения главных частей, на которые распадается Средний Запад, то оно представляется делом довольно очевидным, если следовать «ядерной» методике районирования, позволяющей до времени оставить в стороне вопрос о границах.

Таким районным ядром можно прежде всего считать цепочку приозерных городов - Индустриальное **-92-** Приозерье. Достаточно ярко выделяется на общем степном фоне Среднего Запада и Лесное Приозерье. Весьма однородная полоса интенсивного земледелия протягивается по всей южной половине региона. Ее обычно называют Кукурузным поясом. К востоку от р. Миссисипи она включает множество индустриальных центров и по характеру своего хозяйства гораздо сложнее западной половины, поэтому ее целесообразно рассечь по р. Миссисипи на Огайские равнины и собственно кукурузный пояс и рассматривать их как два разных района. В соответствии с климатическим градиентом северо-запад оказывается непригодным для возделывания кукурузы из-за холода, а юго-запад - из-за сухости, и здесь кукурузу заменяет пшеница - яровая на севере и озимая на юге. Эти части можно выделить как Яровой пшеничный и Озимый пшеничный пояса.

Индустриальное Приозерье

Вдоль южных побережий Великих озер от Чикаго до Кливленда протянулась цепочка крупнейших и крупных городов, которая во многом напоминает

Мегалополис. Как и он, эта полоса порождена единством транспортно-географического положения - на выходе обширных плодородных земель кукурузного пояса к дешевому водному пути, соединяющему их с внешним миром. Главные города этой полосы-важные озерные порты; у Чикаго и Топило годовой грузооборот превышает 20 млн. т, у Индиана-Харбор, Детройта, Коннеота, Кливленда и Лорейна- 10 млн. т.

Правда, масштабы урбанизации здесь скромнее, чем в Мегалополисе. В этом районе всего 20 агломераций, и живут в них не 35 млн. а менее 20 млн человек. Это неудивительно: хинтерланд у этой полосы имеет региональный масштаб, а не национальный, как у Мегалополиса, да и водная артерия, на которую она выходит по Великим озерам и р. Св. Лаврентия, во многом утратила былое значение.

Если Мегалополис заметно изолирован от остальной системы расселения в морфологическом смысле, то здесь к цепочке приозерных городов непосредственно примыкает плотная и развитая сеть расселения, составляющая с ней единое целое, крупные и средние города этой сети имеют весьма сходную - **-93-** индустриальную - ориентацию, сходна и специализация их промышленности на машиностроении, электротехнике и других товарах длительного пользования, эту часть страны нередко называют Машиностроительным поясом.

Главное, что позволяет считать Индустриальное Приозерье отдельным районом,-это признаки социально-культурного характера. Район содержит несколько крупнейших агломераций, ставших ярким воплощением американского урбанизма со всей его грандиозностью и всеми пороками: высшие достижения высотной архитектуры - безобразнейшие трущобы, невероятная скученность населения - раздробленность социальной жизни. В них много признаков «коллапса пространства», который порождает вопиющие контрасты изобилия и нищеты, заставляя соседствовать кварталы, находящиеся словно в разных социальных мирах; характерные для структур типа Мегалополиса, эти признаки почти незнакомы районам, прилегающим к этой полосе с юга. Знаменитые чикагские бойни, заводы Маккормика и Пульмана, комбинаты Гэри, автогиганты Детройта - все это было подлинным символом американского индустриализма. Словом, уже сама громадность масштабов индустриальных и урбанистических явлений, их территориальная скученность в узкой полосе и в ее ядрах порождают черты, которые на Среднем Западе встречаются лишь здесь, в Индустриальном Приозерье.

Но самой, пожалуй, яркой своей спецификой район обязан характеру своего заселения. Созданные на гребне развития капитализма в США главные города района ставили мировые рекорды скорости роста численности населения: Чикаго - в середине прошлого века, Кливленд - во второй половине, Детройт - в нашем веке. Стремительность этого роста была обеспечена массовым притоком иммигрантов из стран Южной и Восточной Европы. Иммигранты принесли сюда культурные установки, которые сильно отличались от культуры янки, основавших эти города, и буквально похоронили ее под своими напластованиями. Разноязыкая армия неимущих иммигрантов стала объектом самой беспощадной эксплуатации, ничуть не прикрытой тем фарисейским патернализмом янки, который был характерен и для Новой Англии, и для многих других промышленных центров Среднего Запада. Можно сказать, что именно здесь, в Индустриальном **-94-** Приозерье,

худшие черты американского капитализма проявились в самой откровенной форме. Недаром богатые южане не раз кололи глаза северянам тем, что на застойном Юге даже черные рабы содержатся в лучших условиях, чем рабочие в стремительно растущих городах Приозерья; "wage slaves" - рабы на зарплате - эта кличка, рожденная на Юге, прочно закрепилась за пролетариатом Приозерья в прошлом веке.

Под стать этому была и общая социокультурная обстановка в приозерных городах-гигантах. Лихорадка обогащения любыми средствами, разгул чистогана вели к дегуманизации, распаду социальных связей, своего рода атомизации общества, в котором простой человек ощущал себя щепкой в житейском море, полностью зависимым от грозных внешних сил. Спасение виделось лишь в этнических общинах, где можно было рассчитывать на поддержку земляков-иммигрантов, но это породило распад громадных городов на множество замкнутых ячеек, слабо взаимодействующих друг с другом. Подобная территориальная сегрегация, присущая почти любой части Соединенных Штатов, стала родимым пятном приозерных агломераций, потому что здесь она достигает особенно высокого развития.

Иммигрантский пролетариат Приозерья оказался одним из самых боевых отрядов американского рабочего класса. Его неустанная борьба за свои права отмечена многими яркими событиями. Недаром именно в Чикаго в 1886 г. родился интернациональный праздник трудящихся - Первое мая. Борьба эта дала немалые плоды - правда, в основном в сугубо экономической области, и ныне автостроители и металлурги-главные группы рабочих Приозерья - относятся к числу наиболее высокооплачиваемых категорий американских трудящихся. Однако многие пережитки старого живы здесь и по сей день. Трудовые отношения в Индустриальном Приозерье считаются едва ли не самыми напряженными в стране, а формы эксплуатации-самыми грубыми за пределами Юга,

Не улучшил этой обстановки и послевоенный наплыв мигрантов с Юга - негров из глубинки и белых из бедствующих районов Аппалачей. Сильно зараженные расизмом, белые из Кентукки и Теннесси очень обострили здесь расовую проблему. Ныне чернокожие составляют большую (а часто и большую) часть населения городов района, которые именно этим **-95-** особенно разительно отличаются от своих более южных соседей на Огайских равнинах.

Урбанизированная полоса прослеживается в Приозерье от Милуоки до Питтсбурга включительно, однако Милуоки слишком тесно спаян по социокультурным признакам с Лесным Приозерьем (почти как Бостон с Новой Англией), а Питтсбург обязан своим развитием не транспортно-географическому положению, а изобильным ресурсам прилегающей территории. Поэтому в строгом смысле Индустриальным Приозерьем следует считать лишь полосу Чикаго - Кливленд. Агломерации здесь лишь соседствуют, но не сливаются, а в некоторых местах между ними есть заметные разрывы. Эти разрывы позволяют легко выделить три части, существенно различные и по многим своим чертам,- Кливлендскую, Детройтскую и Чикагскую.

Кливлендское Приозерье - отличный пример градообразующего механизма экономико-географического положения, притом, так сказать, не одноразового, а постоянного действия. Основанный в 1796 г. при впадении Койахоги в оз.

Эри, город стал развиваться лишь после того, как в 1834 г. из этой реки провели канал к р. Огайо и массовые грузы из обширного хинтерланда пошли через Кливленд к Буффало и далее через Эри-канал к Нью-Йорку. Немалая часть грузов оседала для переработки в самом Кливленде, и здесь, на лугах в низовьях Койахоги, выросло много пищевых фабрик. По мере развития железнодорожного транспорта значение каналов падало, но росло значение того обстоятельства, что Кливленд был ближайшим озерным портом для Питтсбурга. В нарастающем количестве здесь стали перегружать железную руду Верхнего озера на пути к Питтсбургу и питтсбургский уголь - на пути к озерным центрам. В месте перегрузки, как это часто бывает, возникла черная металлургия, на берегах Койахоги были построены крупные комбинаты. Здесь же основал свою империю Рокфеллер, поставив на койахогских лугах огромный завод для переработки нефти, добывавшейся в Пенсильвании. Завод стал ядром сгустка химических предприятий, и еще полвека назад весь этот район именовали «химическим берегом». На рубеже веков Кливленд стал бы родиной американского автомобилестроения, и, хотя позже его «столица» переместилась в Детройт, Кливленд остался важным центром этой отрасли. Зато расположенный южнее Акрон **-96-** надолго остался «шинной столицей» США, в нем разместились штаб-квартиры и головные заводы всех главных шинных монополий страны.

Благодаря этому Кливленд накопил огромный потенциал. На фоне других городов Приозерья (да и всего Среднего Запада) он отличался большим разнообразием отраслевого состава, и это долго позволяло Кливленду «держаться на плаву» даже в годы кризисов, потому что спад в одних отраслях порой уравнивался подъемом в других. Если в 1830 г. в городе было всего около 1 тыс. жителей, то в 1860 г. уже 43 тыс., в 1880 г. их численность достигла 160 тыс., а в 1900 г. перевалила за 380 тыс. человек. В 1910 г. Кливленд был четвертым по людности городом страны, ухоженным, зеленым и процветающим, со множеством больших заводов и штаб-квартир крупных корпораций. Рост обеспечивала обильная иммиграция в основном из Восточной Европы, очень пестрая по национальному составу. Иммигранты селились кучно, языковыми кварталами, которые здесь называют «космо». За время второй мировой войны в город приехало много негров для работы на перегруженных заказами заводах. Они осели в основном в восточной части города.

К 50-м годам людность Кливленда подошла к рубежу в 1 млн жителей, но так и не перешла его - и не столько из-за развернувшейся в стране субурбанизации, сколько из-за нарастающего кризиса, который постепенно охватил все отрасли специализации района. Начало кризису, пожалуй, положило «вымирание» химической промышленности; в 1964 г. закрылся даже знаменитый рокфеллеровский завод. Затем все более стала сказываться близорукая политика хозяев американской черной металлургии, которые явно отстали от Японии и стран Западной Европы в переключении с мартенов на кислородные конвертеры. Еще в 50-х годах в Кливленде продолжали строить большие мартены, а первый конвертер появился здесь лишь в 1966 г. К тому же Койахога стала мала для огромных озерных рудовозов, и их пришлось разгружать вдали от комбинатов. В результате условия для черной металлургии становились в Кливленде все хуже, с 60-х годов «Юнайтед Стойте стил» начала останавливать свои кливлендские домны, а в 1983 г. полностью закрыла свой

комбинат «Койахога». К середине 80-х годов вдвое сократилась занятость - **97-Л. В. Смирнягин**- на комбинатах «Рипаблик стил» и «Джонс энд Лафлин», стоящих напротив друг друга на Койахоге. Если в 1970 г. Кливленд и соседний Лорейн имели более 6% мощностей черной металлургии США, то в 1985 г. - лишь около 3%.

Упадок охватил все отрасли. Многие компании буквально бежали из Кливленда, который успел заслужить репутацию одного из самых грязных городов страны*, города рекордной преступности, с распавшейся социальной жизнью, развалившейся коммунальной инфраструктурой. В 1978 г. город даже отказался платить свои долги, т. е. объявил себя банкротом. За 1977-1983 гг. занятость в обрабатывающей промышленности Кливленда упала на 20%, почти до уровня 1910 г. (примерно 65 тыс. человек). Бегут из города и штаб-квартиры. За 70-е годы их число в Кливленде сократилось примерно на треть.

Кризис хозяйства усугублялся пороками территориальной структуры Большого Кливленда, где расово-социальная сегрегация достигла удивительного даже по меркам США уровня. В полное запустение пришла центральная часть города - индустриальная зона Флэтс, протянувшаяся вдоль Койахоги; здесь медленно разрушались потухшие домны и десятки заброшенных фабрик, фундамент знаменитого рокфеллеровского завода превратился в гравийный карьер. Этот «провал» в центре города власти надеются превратить в парк или застроить многоквартирными домами **, а пока что он служит пограничной линией: к востоку от нее живут почти исключительно негры, а к западу - только белые, в основном рабочие. Резко сегрегированы и ближние пригороды Кливленда, особенно южные и восточные. Так, Мейфилд-Хейтс заселен преимущественно потомками итальянцев, Солон-сербов, Юклид - венгров, Парма - поляков и украинцев, Бичвуд и Университи-Хиллс-евреями, тогда как Гейтс-Миллс, Пеппер-Хейтс и особенно Шейкер-Хейтс - это оплоты состоятельных коренных протестантов. Основная часть богатых пригородов расположена к западу от Кливленда, вдоль берега оз. Эри (Лейквуд, Роки-Ривер, Бей-Виллидж).

* Промышленные сбросы заводов превратили Койахогу в настоящую клоаку. Дело дошло до того, что в 1969 г. река... загорелась; сообщение об этом обошло мировую печать, что не прибавило Кливленду славы (Wall Street Journal. 21.1.1.984).

** Правда, этот упадок привел к тому, что Койахога стала, гораздо чище, и теперь в ней можно даже купаться. -**98** -

В середине 80-х годов в деловом центре Кливленда намечилось некоторое оживление. В октябре 1982 г. в несколько секунд были снесены взрывами небоскребы «Койахога» и «Уильямсон», которые долгое время определяли силуэт города *. На их месте развернулось строительство 45-этажной башни «Стандард ойл оф Огайо» стоимостью 200 млн. долл. Это породило надежды на возрождение города, который все еще обладает большим экономическим потенциалом и репутацией старинного культурного центра, заложенной еще янки. Однако в кливлендских «космо» ничто не меняется к лучшему. Да и в центральных жилых кварталах нет и признаков джентрификации, хотя дома здесь стоят в 2-3 раза дешевле, чем в пригородах, слишком далеко зашли здесь деградация социальной жизни, отрущобливание, разгул преступности. Главный планировщик города Дж. Сполдинг прямо заявил корреспонденту «Уолл-стрит джорнэл» в 1982 г.: «Кварталы Кливленда

мало похожи на идеальное место для вложений в жилищное строительство, их надо сначала оживить. А пока что жители здесь баррикадируют свои двери на ночь и держат по две овчарки» . **

Мичиганское Приозерье начинается от Толидо и в основном состоит из Детройта и двух полос агломераций, которые протянулись от него к северу и западу.

Детройт был основан еще в 1701 г. французом Кадиллаком в виде форта в стратегически важном месте-возле сужения р. Детройт, где лежал самый удобный сухопутный проход через систему Великих озер. Форт успешно выдержал несколько индейских атак, в том числе под водительством вождя Понтиака, в 1760 г. перешел к англичанам, а в конце XVII в. вошел в состав США. Рост города начался лишь после открытия Эри-канала, потому что через него из Буффало поступали в Мичиган колонисты--сначала янки из Верхнего Нью-Йорка, потом беженцы из Германии (~после революции 1848 г.). В 1820 г. в Мичигане насчитывалось всего 9 тыс. жителей, в 1830 г. - 32 тыс., а в 1840 г. - уже более 200 тыс. Освоение благодатного края смешанных лесов шло спора, и после Гражданской войны население Мичигана пере- залило через 1 млн. жителей. Детройт стал важным городом страны, в начале этого века его людность достигла 300 тыс. человек.

*International Herald Tribune. 1982. 9.X. P. 10.

**Wall Street Journal. 1982. 26.II. - 99-

Однако подлинный расцвет Детройта связан, как известно, с автомобилестроением. Почему же оно п- лучило столь сильное развитие именно здесь, на ок- ранце американской ойкумены, вдали от главных промышленных центров? Ведь зародилось оно на Северо-Востоке, и в 1900 г. в Детройте имелся всего один завод отрасли из тех 327 мастерских, которые счита- лись в то время заводами. Зато уже в 1914 г. в отрасли было 470 заводов, и полсотни крупнейших из них размещались именно в Детройте.

Обычно это объясняют простой случайностью- тем, что именно в этом районе родились или жили почти все «отцы-основатели» отрасли: Форд - в Детройте, братья Олдс - в Лансинге (фирма «Олдсмобил»), Дюран - во Флинте (фирма «Бьюик»), Леланд («Кадиллак») и Додж («Додж») - в Детройте; слияние последних четырех привело к созданию «Дженерал моторз». Были тому, конечно, и сопутствующие причины: обилие подделочного леса в этом районе, уже имевшем репутацию в строительстве карет, косность промышленников Востока, которые делали ставку на паровой и электрический двигатели, потому что бензиновый двигатель внутреннего сгорания казался им слишком экзотическим. Решающим, однако, явилось то, что именно здесь Генри Форд внедрил в автостроение поточную систему производства. Это позволило кардинально удешевить продукцию и поистине превратить автомобиль из роскоши в средство передвижения. Если в 1909 г. знаменитая фордовская модель «Т-3» по прозвищу «жестяная Лиззи» стоила 950 долл., то в 1922 г. - лишь 290 долл. Перед автомобилем открылся массовый рынок, производство стало расти семимильными шагами, а вместе с ним и сам Детройт, куда хлынули и капиталы, привлеченные процветанием новой отрасли, и тысячи рабочих-иммигрантов.

Период 1910-1930 гг. был золотой эрой для Детройта. Годовой выпуск автомобилей поднялся со 180 тыс. до 2,8 млн. штук, парк вырос с 0,5 млн. до 23

млн штук, и подавляющее большинство из них было произведено в Мичигане. Детройт вырос в 3,5 раза и с 1,6 млн. жителей стал четвертым городом страны, далеко обогнав Балтимор, Бостон и Кливленд. Поляки, итальянцы, другие выходцы из Европы буквально -100 - затопили Детройт, почти не оставив следа от былого «духа янки». Окраины города, на которых, как пра-вилло, строились автозаводы, и прилегающие окрестности быстро превратились в скопища семейных домиков. Все в городе было подчинено автопромышленности, все зависело от трех ведущих монополий отрасли, чьи штаб-квартиры обосновались именно здесь «Дженерал моторз» - в центре города, «Крайслер» - в городе-анклаве Хайленд-Парк, а «Форд» - в соседнем Дирборне.

Стремительно росли и автосателлиты Детройта: людность Пойнтиака, Флинта и Лансинга выросла вчетверо, из небытия возник за эти годы Дирборн с громадным фордовским комбинатом.

Новым подъемом ознаменовались послевоенные годы. Население Детройта перевалило за 1,8 млн. человек, но затем стало сокращаться из-за субурбанизации. Зато резко увеличилась людность десятков прилегающих к Детройту городков. Рост их людности был связан в основном с наплывом южан - белых из бедствующих районов Теннесси и Кентукки негров с Глубокого Юга. Этот наплыв породил стремительную перестройку социальной структуры города. В считанные годы обширные части города были оставлены белым населением, их место заняли негры. Если в 1930 г. негры составляли лишь 8% населения города, то в 1960 г. - уже 30%, а в 1970 г. - даже 45%. Приток южан обострил межрасовые отношения, часть рабочего класса оказалась зараженной расизмом, многие рабочие кварталы ожесточенно сопротивлялись въезду чернокожих. Социальная жизнь Детройта осложнилась, резко возросла территориальная сегрегация, и ныне вся агломерация состоит из множества ячеек, крайне контрастных по расе, языку, доходам, жители которых мало общаются друг с другом. Элита отселилась в дальние северные пригороды и в прибрежную полосу выше по р. Детройт, где возникла серия богатых поселков «Гросс-Пойнт». Негры заняли в основном северную половину города, за исключением города-анклава Хамтрамк, который считается крупнейшей в Америке этнической общиной лиц польского происхождения. Белый рабочий класс обосновался в западных и южных пригородах - чем состоятельнее, тем дальше. (Подробнее см. Шомина Е. С. [29].)

На эти трудности в социальной жизни города **-101-** наложился спад, который наметился в 60-е годы из-за того, что рост отрасли шел в основном вне Мичигана; доля последнего в автосборке упала за 1947--1972 гг. с 50 до 37%. Емкость Мичигана, казалось, была уже исчерпана автомобилестроением. Оно давно уже вышло за пределы самого Детройта, где остались лишь огромные заводы «кадиллак» и «Плимут» компании «Дженерал моторз» и головные заводы «Крайслер». Одним из крупнейших в мире предприятий стал фордовский комбинат «Руж-Ривер» в Дирборне (около 30 тыс. занятых~, где было сосредоточено почти все нужное для выпуска автомобиля - от домен и производства стекла до лакокрасочных заводов. Вид на «Руж-Ривер» с автострады № 75 считается одним из самых впечатляющих индустриальных пейзажей США. Главный же сгусток автозаводов - в основном "Дженерал моторз" - сложился на линии Детройт - Понтиак - Флинт. Во Флинте, где базируются отделения «Шевроле» и «Бьюик», компания «Дженерал моторз» господствует настолько безраздельно, что официальная американская

статистика не приводит почти никаких сведений о промышленности этого города, поскольку это было бы равносильно разглашению данных об отдельной компании, что запрещено правилом деловой секретности» (статистические органы гарантируют любой компании соблюдение этого правила в обмен на получение от нее переписных сведений~. Эта полоса протягивается и до Сагино, где «Дженерал моторз» построила крупнейший в мире завод узлов рулевого управления. В Лансинге отделение этой компании «Олдсмобил» выпускает очень популярные в стране «пикапы», крупным центром производства автомобилей и узлов стал Ипсиланти к западу от Детройта.

Замедление развития в 60-х годах оказалось небольшой заминкой по сравнению с жестоким кризисом, который поразил всю отрасль в 70-х годах. Начало ему положил нефтяной кризис, а в конце десятилетия он превратился в настоящую катастрофу из-за массового вторжения иностранных (прежде всего японских~ машин на американский рынок, безраздельно принадлежавший до этого «большой тройке». Выяснилось, что «зажиревшие» без конкуренции американские автокомпании сильно отстали от японских и по организации производства, и по его оснащению робототехникой. Производительность труда японских -102 - автостроителей была вдвое выше, а зарплата - на 20-30% ниже. В результате годовой выпуск автомашин в США за 1978-1982 гг. упал с 9,2 млн до 5,7млн штук, занятость в отрасли-с 780 тыс. до 515 тыс. человек, и «большая тройка» только за 1980-1982 гг. понесла убытки в 7 млрд долл. «Крайслеру» удалось спастись только благодаря государственной помощи и продаже танкового отделения в руки «Дженерал дайнэмикс».

Узкая специализация Детройта сказалась на его экономике самым фатальным образом. За 70-е годы его людность упала на 20%, и сейчас-она меньше, чем полвека назад. Безработица в 1980 г. достигла 20%, во Флинте-27, в Понтиаке 28% - и это при среднем для США уровне в 9,7%. Ниже официальной черты бедности оказались 20% жителей этих городов. Вопиющих размеров достигла сегрегация. За 70-е годы численность белого населения в Детройте сократилась с 840 тыс. до 415 тыс. человек, а темнокожего выросла с 660 тыс. до 760 тыс., т. е. до 2/3 общей численности, причем 27% из них составляли «официальные бедняки» (среди белых - 9%). В городе исчезло понятие «гетто», потому что они охватили всю территорию города, и на этом фоне сколько-нибудь благополучные кварталы выглядели островками.

Кварталы черной бедноты вплотную подошли к пресловутым Гросс-Пойнтам, от которых их отделяет ныне лишь улица Олтер-роуд. Согласно переписи населения 1980 г., детройтский Ист-Сайд был негритянским на 85%, а в Гросс-Пойнтах на 60 тыс. жителей удалось насчитать лишь 87 (?) негров. Журналистка А. Беннет сравнила детройтскую сторону улицы с западным Бейрутом, а восточную - с Диснейлендом; негритянские дети вынуждены учиться в школах, где по коридорам расхаживает полиция, а в Гросс-Пойнтах дети учатся музыке, развлекаются с домашними компьютерами. «Детройтская сторона, - пишет А. Беннет, - это разбитые машины и выгоревшие дома, покрытые надписями, по ее замусоренным улицам бродят группы людей, оставшихся без дела. А в сотне метров отсюда, в пределах прямой видимости, - аккуратно подстриженные живые изгороди и цветные ставни, мир газонкосилок и горничных, гаражей на два автомобиля и выпускных балов»*.

* Wall Street Journal. 1982. 15.X. P. Л, 20. -103 -

Как и во многих других больших городах Америки, в центре Детройта намечалось оживление. Главное событие--строительство громадного пятибашен- нґго комплекса «Ренессанс-Сентр» стоимостью более 350 млн долл. Власти Детройта уже многие годы вынашивают крайне амбициозный план коренной реконструкции города, которым они собираются поразить всю Америку. В частности, разработана программа стоимостью 2,3 млрд долл. по сооружению новой системы общественного транспорта. Ее ядро-автоматическая надземка длиной 4,6 км в центре города, Дело, однако, движется медленно. Надземку собирались пустить в 1984 г., потом перенесли пуск на 1990 г. А тем временем прекратилось движение электричек, связывавших Детройт с Понтиаком и Анн-Арбором, отменен проект строительства торгового комплекса «Кадиллак» на 250 млн. долл. *

Тем не менее было бы ошибкой ставить, так сказать, крест на этом районе. Слишком много вложено в него средств, слишком сильно переплелись его судьбы с судьбами ведущих монополий США. За годы кризиса «большая тройка» предприняла отчаянные усилия, чтобы устоять перед конкурентами. Ее программы инвестиций в 7 раз превышают по стоимости космическую программу «Шаттл». Форсированными темпами идет роботизация автостроения, где к 1990 г. намечается установить 15-25 тыс. роботов, притом треть из них - в Мичигане. Налажен вы- пуск более компактных моделей, удельный расход топлива снижен на треть. В середине 80-х годов здесь появились признаки возрождения. Уже в 1983 г. продажа легковых автомобилей местного производства выросла до 6,5 млн штук, занятость-де 660 тыс. человек; « большая тройка» получила прибыли в 5,7 млрд. долл. Однако этот подъем лишь частично коснется Детройтского района, львиная его доля придется на немичиганские заводы.

*Mass Transport. 1984. Vo1. 11. » 9. P. 112-113; Transportation Engineering Journal. 1981. Vo1. 107. No 6. P. 597.

Южный Мичиган нередко называют «Автомобильным поясом». Это не совсем точно. К чисто автомобильным центрам помимо упоминающихся выше можно отнести лишь Саут-Бенд в северной Индиане, да и то условно, потому что знаменитая компания «Студебекер», основанная здесь при самом зарождении -104- отрасли, переехала отсюда в Канаду, и Саут-Бенд гораздо раньше пережил тот кризис, который позже охватил Детройтский район. Тем не менее Саут-Бенд сохраняет сам «дух» автомобильного центра, в нем много потомков иммигрантов, в основном католиков, и он резко отличается этим от соседних городов Индианы. Однако многие другие города на линии Детройт-Чикаго отнюдь не обладают ни духом, ни специализацией такого рода. Так, Батл-Крик считается в США «столицей быстрых завтраков», снесь для них выпускает громадный завод «Келлог». В Каламазу господствует фармацевтическая фирма «Апджон», в Бонтон-Харборе и Сент-Джозефе - «Зенит» и «Уирлпул», известные своей бытовой радиоэлектроникой. Соседний с Детройтом Анн-Арбор - это прежде всего престижный Мичиганский университет. И если Детройт по праву считается бастионом демократической партии с весьма либеральными конгрессменами - непримиримыми противниками вьетнамской войны, Никсона, Рейгана, то многие более западные города Мичигана - оплоты республиканцев. Джексон даже считается

родиной этой партии, он вполне сохранил традиции первооснователей-янки и выходцев из Германии, чьи потомки все еще преобладают в его окрестностях. Практически единственное, что позволяет говорить о непрерывности Индустриального Приозерья между Детройтом и Чикаго, - это слитность, с которой следуют эти агломерации друг за другом, если судить об этом по их официальным границам. Имея в виду, что морфологический признак-ведущий при оконтуривании мегалополисов, можно счесть это соображение достаточным.

В отличие от Мичиганского *Чикагское Приозерье* - это плотный сгусток из 6 агломераций общей площадью 15 тыс. кв. км, спаянный единым урбанизированным ареалом и насчитывающий около 9 млн. жителей; его региональная целостность неоспорима.

Чикаго представляет огромный интерес для географа тем, что многие географические процессы, обычно поддающиеся наблюдению с известным трудом, здесь выступают обнаженно и протекают с большой скоростью. Поражает прежде всего неизбежность, с которой возникла здесь непрерываемая столица Среднего Запада, - вопреки всем трудностям, пожарам и конкуренции соседей. В микрогеографическом **-105-** смысле место это, казалось бы, малоудачное: очень плоская прибрежная равнина с очень плохим дренажом, вечно затопляемая при затяжных дождях, с очень ветреной и непостоянной погодой. Однако макрогеографические преимущества этой точки с лихвой перекрывали подобные недостатки; она оказалась крайним юго-западным углом системы Великих озер, ближайшим к ядру плодородных прерий. К тому же здесь издревле существовал самый удобный волок между бассейнами Миссисипи и Великих озер, которым воспользовались еще французские первопроходцы Жольетт и Маркетт в 1673 г.

Чикаго был основан сравнительно поздно. Форт, построенный здесь в 1804 г., уже в 1812 г. был сожжен индейцами. Лишь в 1837 г. Чикаго получил статус города (при 4170 жителей), и к 1850 г. в нем жило почти 50 тыс. человек, тогда как в Нью-Йорке - около 700 тыс., а в Цинциннати-115 тыс. человек. Тем не менее Чикаго оказался уже в состоянии вступить в схватку за первенство на Среднем Западе с Сент-Луисом с его 80 тыс. жителей. Гражданская война подкосила конкурентные позиции Сент-Луиса и Цинциннати. В 1860 г. людность Чикаго превысила 100 тыс. жителей, а в 1870 г. - 300 тыс., иными словами, в первые полвека людность Чикаго утраивалась каждое десятилетие. Неудивительно, что коммунальное хозяйство города не поспевало за таким стремительным ростом, и к 1870 г. жилой облик грязного, прокопченного, в основном деревянного города, улицы которого превращались в трясину после каждого хорошего дождя, отнюдь не соответствовал тому положению города-лидера, на которое он претендовал и которым уже обладал в немалой степени - особенно после того, как именно от него была проведена первая в стране трансконтинентальная железная дорога (открыта в 1870 г.).

Коренному обновлению города «помог» катастрофический пожар, который в октябре 1871 г. оставил без крова около 100 тыс. жителей. Город отстроился с поразительной быстротой и с невиданным размахом, который подогревали тысячи спекулянтов недвижимостью, игравшие, так сказать, на повышение - на превращение Чикаго в подлинную столицу Среднего Запада. Уже в 1880 г. Чикаго со своим полумиллионным населением обогнал Сент-Луис, а с 1890 г., перейдя рубеж миллионной людности, надолго стал **-106-**

вторым городом страны, оставив позади и Филадельфию, и Бостон, и Балтимор.

Этот рост был обеспечен прежде всего массовой иммиграцией из-за океана. В 1900 г. в Чикаго насчитывалось 1,7 млн жителей, но только 350 тыс. из них были коренными американцами, тогда как немцев было 550 тыс., ирландцев - 250 тыс., скандинавов - 225 тыс., поляков - 160 тыс., англичан и шотландцев - 100 тыс. человек.

После 1893 г., когда в Чикаго прошла Всемирная выставка в честь юбилея плавания Колумба, Чикаго превратился в своего рода 'легенду, в символ американизма с его индустриальной мощью, динамизмом, грандиозностью масштабов - от небоскребов, которые родились именно в этом городе, до знаменитых чикагских боен площадью 200 га, где работали около 30 тыс. человек и ежегодно забивалось по 3-4 млн. коров, 7-8 млн. свиней, 4-5 млн. овец на сумму около 350 млн долл. 1-10 уже тогда Чикаго заслужил и репутацию самого бесчеловечного города, «капища маммоны», и никакие филантропические усилия местных воротил (вроде пожертвования Рокфеллером 23 млн. долл, Чикагскому университету) не могли набросить флер на это царство самой бесстыдной наживы. Несколько позже разгул преступности превратил Чикаго в вотчину мафиози вроде пресловутого Аль-Капоне. Этот облик Чикаго нашел отражение и в массовой культуре, которая приписывает чикагцам самоназвание «таф гайс» - «крутые парни».

Чикаго одним из первых в стране вступил в полосу субурбанизации. Уже с 30-х годов людность города, достигнув 3,4 млн. жителей, стала расти все медленнее, все большая доля населения Чикагского района приходилась на его окраины. С 50-х годов началась абсолютная депопуляция Чикаго. Поскольку же людность района продолжала расти, доля пригородов выросла к 1960 г. до 50%, а к 1980 г. - почти до 2/3. Ныне в самом Чикаго не осталось и 3 млн. жителей - это меньше, чем полвека назад.

*Первым небоскребом принято считать чикагское здание «Хоум иншуренс» в 25 этажей, которое уже снесено. -

Тем не менее Чикаго остается по-прежнему крупнейшим в стране промышленным центром. В его конурбации сосредоточено около 1 млн. промышленных рабочих, т. е. выше 5% их численности в США. -107- Структура промышленности здесь претерпела коренную эволюцию. Закрылись чикагские бойни, оттеснены на второй план заводы Пульмана, но зато сильно выросло значение Чикаго в электротехнике, особенно в производстве средств проводной связи, трансформаторов, реле (примерно пятая часть производства в стране). Несмотря на упадок черной металлургии, Чикаго сохранил роль одного из ведущих ее центров, поскольку в нем и соседнем Гэри сосредоточена примерно пятая часть мощностей отрасли. Здесь, правда, почти нет заводов-гигантов (кроме комбинатов Гэри), зато структура промышленности отличается редким для США разнообразием. Пожалуй, легче перечислить отрасли, которые не получили в Чикаго особого развития: это текстильная, швейная, деревообработка, обувная, транспортное машиностроение. За исключением крупной полиграфии, главные отрасли специализации относятся к тяжелой промышленности.

Есть еще две функции, развитие которых в Чикаго подчеркивает его уникальную роль как центрального места высшего ранга. Во-первых, Чикаго является непреерекаемо крупнейшим транспортным узлом страны: сюда

сходятся 30 железных дорог (в 1.5 раза больше, чем к Нью-Йорку), 20 автодорог, это второй по грузообороту озерный порт (30 млн. т/год). Главный чикагский аэропорт «О-Хэйр», названный в честь летчика-героя войны с Японией, - крупнейший в стране и, вероятно, в мире. Через него ежегодно проходят почти 50 млн. пассажиров. Во-вторых, Чикаго издавна считался вторым после Нью-Йорка центром хозяйственного управления. Здесь сравнительно мало крупнейших штаб-квартир, но общий размах этой деятельности громаден.

Территория района невелика и весьма монотонна по природному облику, но размещение здесь человеческой деятельности отличается исключительной контрастностью. Резко выделяется центральное ядро «Луп» («Петля», образованная линиями надземки). Это подлинная выставка лучших достижений американской высотной архитектуры, в создании которой участвовали такие знаменитости, как Ф. Л. Райт, Л. Салливен, Л. Мис ван дер Роэ и др. Здесь десяток небоскребов более 200 м высотой; это меньше, чем в Нью-Йорке и даже Хьюстоне, но зато башня «Сирс» считается самым высоким в мире зданием (436 м), В отличие от Нью-Йорка чикагские небоскребы стоят - **108** - свободно, не превращая улицы в каньоны, и хорошо поддаются обзору, особенно с обширной набережной, которая стала парковой зоной длиной более 30 км. Еще в начале века общественность города во главе с пионером борьбы за охрану природы М. Уордом добилась того, что озерный фронт города остался свободным от индустриальной застройки, и теперь прямо в центре Чикаго можно купаться, загорать, заниматься рыбалкой, парусным спортом.

Однако «Луп» остается небольшим островком в громадном море малоэтажной унылой застройки, многие части которой обветшали, а местами переходят в настоящие трущобы - как, например, в обширном негритянском гетто Саут-Сайд к югу от «Лука». Саут-Сайд - одна из самых старых и зрелых городских негритянских общин, с 1928 г. она выбирает в нижнюю палату конгресса США только негров. Отсюда вышел и Г. Вашингтон, ставший в 80-х годах мэром Чикаго. Быстро «чернеет» и главная промышленная зона Чикаго, расположенная вокруг оз. Калумет. В северной же части города негров очень мало, здесь живут в основном рабочие пригородов, сильно зараженные расизмом.

Пятно сплошной застройки расплзается далеко за административные пределы г. Чикаго и центрального округа Кук и даже за пределы Иллинойса - в Висконсин (включая Кеношу) и Индиану, куда вдоль оз. Мичиган протягивается чикагская промзона. Скопление могучих металлургических заводов в Гэри принято считать одним из наиболее впечатляющих пейзажей индустриальной Америки. В целом это пятно охватывает около полусотни городов людностью не менее 25 тыс. жителей. Примерно половина из них - типичные города-спальни, из которых не менее 2/3 трудящихся (обычно гораздо больше) выезжают на работу в другие города. Главными фокусами притяжения оказывается Чикаго, где около трети рабочих мест ежедневно занимают примерно 0,5 млн «челночников», а также Джолиет, Ист-Чикаго, Нортбрук, Орора, Сисеро, Дес-Плейнс, Скоки, Шомбург, где приезжие занимают больше половины рабочих мест. В целом из 850 тыс. трудящихся, проживающих в городах близ Чикаго, более 60% выезжают на работу за пределы своего города. Благодаря этому весь ареал оказывается пронизанным густой сетью трудовых поездов.

109 Однако эта сеть отнюдь не придает Чикагской конурбации социальной целостности. Наоборот, раздробленность едва ли не самая яркая черта социальной жизни района, восходящая ко времени массовой иммиграции. Еще сегодня хорошо заметно, что потомки выходцев из Ирландии тяготеют к южным пригородам (Калумет-Сити, Долтон, Лансинг), из Италии и Чехословакии - к западным (Оуэн-Парк и Сисеро),- евреи - к северным (Скоки), поляки - к северо-западным окраинам Чикаго. На деле же дробность этих ячеек еще мельче. «Чикаго, - писал американский журналист М. Эндрю, -это не столько один город, сколько огромное скопление разобщенных соседних общин, каждая со своим языком, традициями, вывесками, меню и прочими нуждами» * Раздробленность ведет к отчужденности, социальной «атомизации», которая оказывается удобной питательной средой для преступности, достигшей в Чикаго размаха, удивляющего даже Америку, Правда, времена Аль-Капоне прошли, но ныне преступность пронизала всю социальную ткань общества. Молодежные банды, членами которых кое-где состоят почти все старшекласники, терроризируют целые районы города. Недаром чикагские учителя бастуют особенно часто, хотя по уровню зарплаты они занимают одно из первых мест в стране. Дело дошло до того, что местные власти запретили подросткам младше 17 лет появляться на улице без сопровождения взрослых после 22.30 в обычные дни и 23.30 в воскресные; каждые сутки за нарушение этого закона арестовывают не менее 1 тыс. человек. Подобная раздробленность политической жизни усугубляется еще двумя факторами: традициями местной политической жизни и селективной субурбанизацией. Этнические кварталы, столь типичные для городов-гигантов Приозерья, в Чикаго издавна попали во власть местных политических боссов. Власть эта, почти феодальная по своему размаху опиралась, с одной стороны, на средства, полученные от подкупа боссов «денежными мешками», а с другой - на систему патронажа избирателей-земляков. т. е. на беззастенчивую покупку голосов. Союз этих боссов породил одну из самых могущественных и бесстыдных городских «машин» демократической партии -1 10 - и 60-х и 70-х годах во главе этой «машины» стоял пресловутый Ричард Доили, с которым приходилось -заигрывать даже президентам США. Преступность, засилье коррумпированной «машины»-все это сыграло немалую- роль в том, что в Чикаго отток зажиточного населения, тоже типичный для крупных городов страны, принял особенно большой размах. В середине 80-х годов средний душевой денежный доход в Чикаго был на 20% ниже среднего по стране, зато на остальной территории округа Кук он в 1,5 раза выше, чем в Чикаго, а в старинных богатых городах-спутниках к северу от Чикаго - выше в 2-3 раза (Хайленд-Парке, Уилметте, Нортбруке, Скоки, Эванстоне и др.). Из-за «коллапса пространства -тесноты крупной агломерации-богатство и бедность нередко соседствуют бок о бок. Так, в южном пригороде Харви душевой доход составляет лишь 80% среднего по стране, а в расположенном неподалеку Тинкли-Парк он в 3.5 раза выше. Такая имущественная сегрегация как бы надстраивает и без того высокие культурно-этнические барьеры между частями конурбации.

* International Herald Tribune. 1985. 17.V.

В последние годы состоятельные граждане района мигрируют в основном в северо-западную часть округа Кук и в округ Дю-Пейдж, который входит в десятку богатейших округов страны по уровню душевого дохода. Людность

этих местностей быстро растет. Новые мигранты, как правило, это преуспевающие люди средних и молодых возрастов, т. е. типичная опора «новых правых», поэтому здесь прочно сложился сугубо консервативный политический климат. Вместе со старыми консервативными пригородами к юго-западу от Чикаго эти местности образуют вокруг демократического ядра плотное и густонаселенное кольцо яркого республиканизма. Смыкаясь с республиканскими традициями иллинойского «даунстейта», они несколько размывают границу, отделяющую Чикаго от 'среднего Иллинойса, т. е. Индустриальное Приозерье от Огайских равнин. Однако чикагский республиканизм имеет иные корни, многое в нем окрашено противостоянием «Городу», откуда вышло большинство электората пригородов, он зачастую активнее и правее, чем в «даунстейте».

Огайские равнины

Пространство, ограниченное Великими озерами, Аппалачами, реками Огайо и Миссисипи, по природным условиям можно причислить к самым благословенным частям Северной Америки. По крайней мере именно так восприняли его первопоселенцы в XVIII в. Они нашли здесь девственную страну, в природе которой словно слились все лучшие черты их родной Европы: мягкий влажный климат, полноводные реки, изобилующие строительным материалом густые лиственные леса, сведение которых открывало под распашку тучные почвы, обширные пятна «малых прерий», замечательно ровный рельеф, словно приготовленный для беспрепятственного аграрного освоения края, - и все это на огромной площади почти а 200 тыс. км.

Неудивительно, что этот край быстро освоили. Если в 1800 г. здесь насчитывалось всего 50 тыс. американцев, то полвека спустя - уже более 2 млн человек. Индейское население было буквально смято волной иммигрантов, которые, впрочем, использовали при освоении многие элементы индейской «инфраструктуры». По индейским тропам пролегли первые железные дороги - Балтиморско-Огайская вдоль Великой индейской тропы, Нью-Йорк сентрал - вдоль Озерной, Пенсильванская - вдоль тропы Махонинг; некоторые города возникли на месте индейских поселений (Акрон, Дефайанс, Ван-Уэрт).

К 1870 г. в Огайо, Индиане и Иллинойсе жили уже почти 7 млн. человек, т. т.е. немногим более 1/5 населения США. Это был один из ведущих аграрных районов страны с довольно сложной порайонной специализацией сельского хозяйства. Население жило в основном в сельской местности и мелких городках. На плоской, весьма однородной поверхности эти городки образовали четкую геометрическую сеть. Ее опорными точками стали Цинциннати на р. Огайо, Сент-Луис на р. Миссисипи, Кливленд, Детройт и Чикаго на Великих озерах, а стержневой продольной осью - так называемая Старая национальная дорога, послужившая главным сухопутным путем освоения глубинки района. Если провести от Цинциннати лучи к Кливленду, Детройту и Чикаго, то на их пересечении с этой дорогой окажутся Колумбус, Дейтон и Индианаполис - главные города Огайских равнин; -112- большинство остальных городов лежит на линиях, соединяющих упомянутые выше центры.

Таким образом, расселение складывалось в неразрывном единстве с приозерными городами. Сходную с ними специализацию приобрела и промышленность района, которая стала расти здесь на рубеже веков и ныне

достигла внушительных размеров. Как правило, это тяжелая индустрия - черная металлургия в Кантоне и Мидлтауне, множество заводов автомобильных компаний, но чаще всего-общее машиностроение и электротехника. Недаром весь этот ареал - от приозерных городов до Цинциннати - нередко называют Машиностроительным поясом США.

Тем не менее Огайские равнины слишком разительно отличаются от Индустриального Приозерья, чтобы объединять их в один район. Огайские равнины располагают могучим процветающим сельским хозяйством, которое дает стране более 1/10 продукции этой отрасли (по стоимости), в том числе примерно по 1/3 кукурузы и сои, 1/5 свинины. Особенно выделяется сельское хозяйство Иллинойса, где урожаи кукурузы и сои достигают рекордных для США уровней, а по общему размаху сельского хозяйства Иллинойс постоянно делит второе-третье места с Айовой (после Калифорнии).

Главное отличие Огайских равнин (от Индустриального Приозерья) - в социально-культурном облике. Оба района были заселены главным образом янки с небольшой примесью ранних иммигрантов, да и то в основном тех, кто до переселения за Аппалачи успел пожить в старых штатах. Среди иммигрантов преобладали немцы-протестанты, близкие янки по житейскому укладу, предприимчивости, трудолюбию, им район в немалой степени обязан своим индустриальным процветанием (кстати, Цинциннати до сих пор считается одним из самых «немецких» городов США). На Огайских равнинах весьма значительным оказалось влияние южан, которые одними из первых пришли сюда из-за р. Огайо и заселили южные части трех штатов. Однако массовая иммиграция, затопившая приозерные города, почти полностью миновала Огайские равнины. Поэтому уже с 70-х годов прошлого века доля Огайских равнин в населении страны стала неуклонно падать и сократилась вдвое - с 12% в 1870 г. до 6% в 1980 г. Иными словами, более ста лет этот район развивается в несколько - **8 Л. В. Смирнягин -1 13** - изолированных условиях, как бы самодовлеюще, и этим напоминает скорее Юг, чем районы Севера, которые либо постоянно получали подпитку иммиграцией, либо вообще складывались на ее гребне.

В США подобные условия ведут, как правило, к вызреванию весьма консервативных культурных укладов, и Огайские равнины, несмотря на соседство гигантских скоплений иммигрантов в приозерных городах, не стали исключением из этого правила. Богатое фермерство и процветающая буржуазия района стали питательной средой для устойчивого консерватизма. Заквашенный на индивидуализме янки, на их особой любви к «низовой демократии», он приобрел со временем немало реакционных черт вроде необычной (даже по меркам США) узости политического мышления, поглощенности личными или общинными заботами и равнодушия к более широким проблемам. Недаром именно здесь родилось пресловутое Общество Джона Бёрча, здесь расположен штаб Американского легиона [120], до 50-х годов здесь процветал ку-клукс-клан*.

От янки унаследовала местная культура и патерна- листские формы трудовых отношений - стремление хозяев навязать своим рабочим бытовую опеку и требовать за это беспрекословного повиновения. Влияние Юга лишь усугубляло эти черты.

Издавна питая, как и янки, отвращение к институту рабства, жители этого района стали верными сторонниками северян в Гражданской войне, а

после нее составили один из самых сплоченных отрядов республиканской партии **. Именно в этом районе (в иллинойском Спрингфилде) начинал карьеру А. Линкольн, но местные республиканцы, влекомые консерватизмом, быстро отошли от линкольновских идеалов и ныне заняли самый правый фланг в своей партии. Недаром в 1964 г. архиправый республиканский кандидат в президенты Б. Голдуотер именно здесь нашел **-114-** самую активную среди районов Севера поддержку. Примечательно, что за республиканцами здесь идет не только фермерская глубинка, но и города, в том числе и самые крупные; Колумбус и Индианаполис - главные городские оплоты этой партии.

* Американская пресса сочла примечательным тот факт, что консервативный Гудзоновский институт, основанный известным футурологом Г. Канем, решил, переехать из предместья Нью-Йорка в Индианаполис (Business Week. 1984. 2.VII.,P. 44)..

** Партийной приверженности здесь издавна придается большое значение. В конце прошлого века во всех трех штатах была в ходу необычная для США практика сбора партийных взносов (примерно по 2% зарплаты). В Индиане она сохранилась до сих пор, притом за свои взносы сторонники партии вправе ждать от нее определенных услуг (прежде всего при приеме на работу) /41/

Хорошим примером контраста между Индустриальным Приозерьем и Огайскими равнинами может служить сопоставление Акрона и Кантона. Оба они. входят в единую, по демографическим признакам, агломерацию Кливленда; ареалы трудовых поездок из трех этих городов сильно перекрывают друг друга [45]. По специализации промышленности Кантон с его металлургией и подшипниковыми заводами даже больше похож на Кливленд, чем Акрон - знаменитая «шинная столица» США. Однако по социокультурным признакам Акрон явно относится к Приозерью, а Кантон - к Огайским равнинам. Акрон был заложен при активном участии переселенцев из Кентукки и Зап. Виргинии, от которых жители унаследовали различимый южный акцент, но позже город был буквально затоплен волнами иммиграции из Восточной и Южной Европы. Кантон же избежал этого притока и остался типичным «средним городом Среднего Запада - консервативным бастионом республиканской партии, который дал стране 25-го президента- У. Маккинли. Патернализм хозяев-янки процветал здесь вовсю, и рабочих обязывали голосовать за республиканцев под угрозой увольнения. Попытки практиковать патернализм в Акроне натолкнулись на жесткое противодействие иммигрантского пролетариата, и Акрон недаром имеет репутацию одного из самых « классовых» городов страны.

Особо следует сказать и о южной границе Огайских равнин - ведь это граница высшего ранга между макрорегионами Средний Запад и Юг. О ней имеется обширная литература, не только научная, но и популярная, в ней неизменно подчеркивается, что южные части Иллинойса, Индианы и Огайо, вполне очевидно, относятся не к Среднему Западу, а к Югу. Так, Ж. Гарро пишет: «Тридцать один округ штата Иллинойс-это «саузерниллинойс», произносимый в одно слово, хорошо знакомое местным политикам; это «малый Египет» со своим Каиром, и его следует отнести к Югу» [67]. Южные холмы Индианы, по словам Гарро, относятся к Югу «и экономически, и эмоционально». М. Бероун и Г. Юджифуза неизменно **-115-** указывают на шоссе № 40, идущее вдоль Старой национальной дороги от Индианаполиса к Терре-Хоту, как на границу

Юга и Среднего Запада: «К северу жители говорят с резким среднезападным акцентом, а к югу они растягивают слова в манере, напоминающей Дикой. Округа к северу традиционно республиканские, округа к югу традиционно демократические, и вы можете увидеть эту демаркацию даже на картах 60-х годов прошлого века. И более столетия спустя она всплыла снова, когда Джимми Картер из Плейнса, шт. Джорджия, противостоял Джералду Форду из Гранд-Рапидса, шт. Мичиган» [421. Н. Пейрс прямо называет шоссе № 40 «индианской линией «Мэсона-- Диксона»» [120]. Действительно, еще в Гражданскую войну жители южной Индианы открыто поддерживали конфедератов. Особенно очевидным выглядит отпадение от Среднего Запада юго-восточной части шт. Огайо: это Аппалачское плато, заселенное в свое время выходцами из Кентукки и Зап. Виргинии, а ныне отсталый, бедный край.

Благодаря обилию и категоричности суждений об этой границе методика ее проведения оказывается довольно простой. Опорой могут служить такие хорошо параметризуемые признаки, как партийные предпочтения (соотношение голосов на президентских выборах), интенсивность сельского хозяйства (удельная стоимость земли или продукции), средний душевой доход населения. Судя по этим показателям, граница проходит с востока на запад примерно от Уиллинга почти по прямой до Цинциннати, обходит его с юга и затем следует, тоже почти по прямой, до окрестностей Сент-Луиса. Остается добавить, что с севера она просматривается значительно лучше, чем с юга, потому что с севера к ней прилегает весьма монолитный район, а с юга - весьма дифференцированный, и она как бы тонет в «месиве» границ низших рангов.

Внутренним различиям на Огайских равнинах присущи два хорошо выраженных пространственных ритма. Во-первых, это своего рода широтный градиент: при движении с востока на запад фермерское хозяйство становится все богаче, все сильнее ориентированным на кукурузу, а в промышленности четкая специализация на сочетании общего машиностроения и электротехники с автостроением все более опосредствуется машиностроением сельскохозяйственным, **-116-** Боне

вторых, это своеобразная специализация городов разной людности: наиболее крупные города, столицы своих штатов (Индианаполис и Колумбус) несут в основном организационные функции высокого ранга, средние города отличаются резкой специализацией на тяжелой промышленности, мелкие - на пищевой. Это сильно обедняет спектры социальных ролей на нижних этапах городской иерархии. Поскольку же тяжелая промышленность часто представлена здесь крупными заводами, то они с трудом «умещаются» в «средних по людности городах, которые попадают в полную зависимость от одного-двух работодателей. Так, в Малине и огайском Спрингфилде «царит» комбайновая монополия «Интернэшнл харвестер», в Пеории и Декейтер-тракторная монополия «Катерпиллар трэктор», в индианском Колумбусе-«Камминзс

инджин», в Кантоне - «Рипаблик стил» и «Тимкен», заводы «Дженерал моторз» полностью определяют занятость в таких городах, как Андерсен, огайский Мансфилд, Манси (с «Берг Уорнер»), индианский Марион (с «Ар-си-эй»), Мидлтаун (с «Армко»). Наглядным примером опасностей, которыми чревата такая зависимость, может служить недавняя судьба Кокомо - городка с 50 тыс. жителей в центре

Индианы. Около трети занятости в городе приходилось на два громадных завода, стоящих напротив друг друга вдоль шоссе № 31: завода трансмиссий компании «Крайслер» (3 тыс. занятых) и завода авто- электрооборудования «Делко» фирмы «Дженерал электрик» (11 тыс. занятых). С конца 70-х годов эти компании начали свертывать производство в Кокомо, и в 1980 г. безработица здесь подскочила до 23,5% *. Другой пример - Пеория. В 1982 г. администрация Рейгана запретила компании «Катерпиллар» продавать трубокладчики Советскому Союзу по контракту стоимостью в 90 млн долл. контракт был передан японской компании «Камацу», а «Катерпиллар трэк- тор» пришлось уволить со своих заводов в Пеории 4 тыс. рабочих. Разразившаяся безработица едва не стоила места конгрессмену от Пеории Р. Мичелу, лидеру республиканского меньшинства в нижней палате [120].

* Wall Street Journal, 1983. 23.VIII, . P. 1, 18.

Кокомо и Пеория лишь единичные примеры того глубокого кризиса, который с 70-х годов охватил всю **-117-** промышленность этого района и отразился на многих сторонах его жизни. В сельских местностях, затронутых спадом, растут популистские настроения южного толка, в городах рабочие более решительнее порывают с пережитками патернализма и нередко голосуют за демократов только потому, что хозяева голосуют за республиканцев. Все это ведет к странным, казалось бы, подвижкам в культурно-политической жизни района. Одно из их проявлений - успехи демократов в- этом республиканском «заповеднике» в середине 80-х годов демократами были четыре из шести сенаторов от этих трех штатов, а также представители в нижней палате конгресса от главных бастионов республиканской партии - Индианаполиса и Колумбуса, причем в первая либеральный демократ Э. Джекобс занимал этот пост уже более 10 лет.

Впрочем, преувеличивать силу этого «сдвига влево» не стоит. Ведь наиболее активная межпартийная борьба протекает здесь на «нижних этажах», где выборы могут непосредственно сказаться на быте граждан, а к судьбе национальных выборов они остаются довольно равнодушными. В этом лишний раз находит свое выражение узость политического горизонта характерная для местной консервативной культуры которую в США часто выдают за воплощение «среднего американизма». В широкой публике ее имя давно не вызывает особых симпатий. Так, жители Индианы часто называют себя «хузьерами» (hoosiers) **, и Н. Пейрс пишет в этой связи: «Этот термин широко распространен в Индиане, и звучит он здесь как указание на человека великих добродетелей и особого мужества, однако у многих живущих вне Индианы он скорее вызывает в памяти образ неотесанной деревенщины» [120).

* По словам Бероуна и Юджифузы, циничные политиканы никсоновской администрации, обсуждая возможности «проталкивания» своих идей, любили говаривать: «А пойдет ли это в Пеории? [41].

** У. Уилсон считает, что так называли себя в 1820-х годах рабочие, нанятые С. Хузьером для строительства Огайского канала и отличавшиеся, согласно молве, особым трудолюбием и усердием.

Рассмотрев особенности Индустриального Приозерья и Огайских равнин, приходится снова вернуться к вопросу, который не раз возникал в ходе этого рассмотрения, - о районообразующем смысле черт сходства **-118-** и

различия между этими районами. Как мы видели, различия имеют историко-культурные корни и социальные формы проявления, сходство же сказывается в структуре расселения и глубокой общности хозяйственной жизни.

Эта общность порождена прежде всего непосредственным соседством двух районов, благодаря которому Огайские равнины служат для Индустриального Приозерья ближним хинтерландом, а громадные приозерные города самой своей близостью определяют немало черт внутренней географии Огайских равнин - от известной обедненности их крупными городами до деталей размещения сельского хозяйства. Действительно, как подметил географ Д.Мейер, сельское хозяйство Иллинойса уже в середине прошлого века отличалось сложной пространственной структурой (пшеничная зона на севере, кукурузно-животноводческая на западе, пастбищная на востоке, животноводческо-земледельческая на юге), которая явно не соответствовала представлению о движении фронта сплошного освоения с востока на запад, но зато ее нетрудно было объяснить в свете теории Тюнена, если учесть положение Чикаго и Сент-Луиса и направления сходящихся к ним железных дорог [99]. Иными словами, крупнейшие города, расположенные за пределами района, оказывали решающее воздействие на географию его сельского хозяйства.

В промышленном же отношении оба района неразрывно связаны в представлении американцев в некий единый образ, который называют по-разному: Ж. Гарус - «фаундри» (фабрика), Н. Пейрс - «Индустриальным ядром» (Industrial Core), а деловая пресса - чаще всего «Промышленным Мидуэстом» (Industrial Midwest). Реже применяется более емкое и короткое (а потому удобное) название, которое отражает и «ядерную» сущность региона, и его срединное положение, - «Мидленд». Его мы и примем за название этого объединения Индустриального Приозерья и майских равнин в качестве мезорегиона - крупной части макрорегиона, обладающей внутренним сходством по некоторому набору признаков (тут - экономическому).

В 80-х годах при обозначении Мидленда широкое хождение получил ярлык «Rust Bowl»-«Ржавая чаша» (по аналогии с «Dust Bowl»-«Пыльная чаша», как в 30-х годах называли бедствующие аграрные районы Великих равнин). Своим эмоционально негативным содержанием этот термин отразил жестокий кризис, который постиг Мидленд в 70-х годах - а в начале 80-х годов принял катастрофический характер. Встревоженная печать называла разные причины этого кризиса: и близорукость автомобильных монополий, которые не позаботились вовремя переоснастить свои заводы, и раздутые ставки зарплаты, которыми эти монополии старались избавить себя от трудовых проблем, и втягивание США в международное разделение труда, из-за которого ныне 70% американских товаров испытывают давление иностранной конкуренции, тогда как лет двадцать назад ей было подвержено лишь около четверти товаров местного производства. Корень же зла лежал именно в ухудшившихся местных условиях, а не в отраслевой структуре промышленности Мидленда. Так, расчеты по методу «сдвиг-доля» исследовательской группы при губернаторе Мичигана показали, что отрасли специализации района за 70-е годы развивались в среднем по стране достаточно высокими темпами, но именно в данном районе их темпы оказались низкими.

Однако причину краха 80-х годов стали видеть уже - именно в особенностях этой структуры, нацеленной на производство товаров

длительного пользования. По нему особенно больно ударила финансовая политика рейгановской администрации, которая привела к вздорожанию доллара, а с ним и цен на продукцию «Ржавой чаши». Из-за этого ее заводы стали быстро терять не только зарубежные, но и отечественные рынки. На совещании губернаторов приозерных штатов на о. Макино (шт. Мичиган) в августе 1985 г. председатель компании «Форд мотор» Д. Петерсон резко критиковал эту политику, указав, что «сильный доллар» унес из промышленности США около 2 млн рабочих мест, притом прежде всего из «Ржавой чаши»*

*Wall Street Journal, 1985. 27.VIII. P. 23.

Подобные бедствия, охватившие в равной степени и приозерные конурбации, и Огайские равнины, обострили у жителей Мидленда чувство территориальной общности. Оно нашло выражение, в частности, в заявлении главы фирмы «Детройт Эдисон» У. Маккарти на совещании приозерных губернаторов в 1983 г.: «Приозерье конкурирует сегодня как единый район с Северо-Востоком, «солнечным поясом» и Западом, и нам -120 - просто не по карману предаваться излишней конкуренции друг с другом». Да и массовая печать страны перестала различать в унылом образе «Ржавой чаши» какие-либо региональные оттенки; по словам кливлендского банкира Дж. Джаннета, она предрекала всему району «премилое, но не вызывающее восторгов пасторальное будущее, в котором проржавевшие фабрики и заводы зарастут сорняками, а престарелые граждане будут существовать на социальное вспомоществование» * *

Однако крупнейшие корпорации страны оказались слишком сильно связанными с могучей индустрией Мидленда, чтобы дать его заводам «зарастить сорняками». После кризиса 1982-1983 гг. экономика Мидленда стала медленно, но неуклонно возрождаться, корпорации одна за другой объявляли об ассигновании огромных сумм на переоснащение своих заводов; одна «Дженерал моторз» отпустила на это около 6 млрд долл., притом 2,7 млрд-на заводы в Мичигане, около 1 млрд - в Огайо. Многочисленный и искусный пролетариат, обилие потенциальных смежников и потребителей привлекают сюда иностранные корпорации.

Возрождение Мидленда проходит под лозунгом модернизации старой структуры и старых заводов, а не «охоты» за модными наукоемкими отраслями; этот лозунг ставится во главу угла в региональных про-граммах властей. Однако перестройка на деле сказывается неизбежной. Ведь переоснащение заводов Мидленда идет по линии коренной их автоматизации, внедрения гибких станочных систем и других технических новшеств; большая доля этого оборудования про-изводится в самом Мидленде (прежде всего фирмой «Милакрон» в Цинциннати). Но, несмотря на подъем производства, промышленная занятость в Мидленде в начале 1984 г. оказалась на 20%, т. е. на 1 млн. мест, ниже, чем в пиковом 1979 г. Из-за резкого скачка в производительности труда промышленность стала плохо выполнять свою извечную функцию базового сектора экономики, мультипликатор ее подъема оказался гораздо меньше ожидаемого, и подъем этот остался изолированным в экономике региона, которая по-прежнему испытывает большие трудности. Социальные последствия такого поворота событий -121 -довольно тяжелы. Рост промышленного производства не сопровождается ростом занятости. Для новой работы трудящимся приходится в корне менять свою специальность, а

это неизбежно ведет и к общей растрате бесценных накопленных навыков, и к снижению зарплаты труженика, поскольку на новом месте ему приходится начинать все сначала.

*Wall Street Journal, 1983. 12.VII. P. 18.

**Wall Street Journal, 1984. 3.VII, P. 27.

Такое переобучение становится не только социальной, но и острейшей хозяйственной проблемой, потому что только оно способно обеспечить быстроту межотраслевой миграции рабочей силы, необходимую для бесперебойного функционирования хозяйства Мидленда. «Мы вступили в эпоху, - сказал губернатор Индианы Р. Опп, - когда рабочему придется проходить переподготовку 5-6 раз в своей жизни, а' то и чаще, и нам следовало бы тщательно подготовиться к тому, чтобы это стало возможным. Вторая половина его фразы была адресована федеральному правительству, которое упорно сокращает финансирование подобных мероприятий. Так, на переподготовку рабочих для модернизированного штамповочного завода «Дженерал моторз» в Марионе власти Индианы потратили 3 млн. долл., а правительство страны не дало ни цента.

Будущее Мидленда остается туманным. Громадный индустриальный потенциал служит надежным стабилизатором региональному хозяйству, но для простого- труженика неизбежные перестройки в этом потенциале оказываются, напротив, источником непредвиденных потрясений и в условиях частнокапиталистического хозяйствования всегда чреватые тяжелыми бедствиями.

Лесное Приозерье

Часть Приозерья, охватывающая весь Висконсин, северные три четверти Мичигана и северо-восточную половину Миннесоты, выделяется лесистостью, являя разительный контраст открытым пространствам остального Среднего Запада. Правда, в южной части леса сильно прорежены корчевкой под пастбища у пашню, а на севере истощены хищнической вырубкой. Ныне они представлены в основном вторичным лесом, куда менее величественным, чем девственный. Однако -122- здесь все еще покрыто лесом более 20 млн. га - втрое больше, чем на остальном Среднем Западе. Лес определяет весь характер местных ландшафтов, а севернее линии Грин-Бей - Сент-Клауд переходит в настоящие дебри с редким населением из лесорубов, горняков и охотников, к которым ныне присоединяется все больше туристов и дачников. Это позволяет именовать данную часть Среднего Запада Лесным Приозерьем.

*Wall Street Journal, 1985. 27.VIII., P. 35.

Не менее явственно выделяется этот район и характером освоения, предопределившего своеобразие «го современного социокультурного облика. Первыми из белых здесь появились янки, но массовое заселение запоздало и развернулось лишь после Гражданской войны, в период активной и хорошо налаженной иммиграции жителей из Германии и Скандинавских стран. Именно они и заселили в основном этот край, привлеченные сюда его сходством с их родиной по климату и даже по облику. В Висконсине осело особенно много немцев и норвежцев, в Миннесоте - шведов и норвежцев, в Мичигане к ним присоединились голландцы, заселившие восточные побережья

оз. Мичиган, и финны, составившие костяк горнорудного пролетариата северного Приозерья.

У этой иммиграции были по меньшей мере две особенности, резко отличавшие ее от заселения многих других районов Америки. Во-первых, чаще всего она представляла собой так называемую трансплантацию: мигранты из определенной местности европейской страны сплоченной группой переезжали в США и так же сплоченно селились на фронтире, тщательно поддерживая связи с родиной. Эти связи помогали новым поселениям пополняться новыми мигрантами из той же местности, а разочаровавшимся - возвращаться домой. Висконсинский географ Р. Остергрэн детально описал такую трансплантацию шведов из Рэтвика (район Даларма) в округ Исанти в Миннесоте (104), финский географ А. Аланен - трансплантацию финнов из провинции Вааса в северный Мичиган [34].

Ассимиляция таких иммигрантов шла медленно и слабо, о пресловутом «плавильном тигле» не могло быть и речи. Потомки иммигрантов в Лесном Приозерье особенно бережно хранят национальные традиции. В Висконсине, например, с большим размахом проводятся ежегодные национальные фестивали - шведские в долине Сент-Кройо, норвежские в Стоуто-не, швейцарские в Пью-Гларусе (оба к югу от -123 - Мадисона), немецкие в Шебойгане и Милуоки, голландские в Расине (и, конечно, в мичиганском Гранд-Рапидсе).

Во-вторых, это были иммигранты хорошо образованные, трудолюбивые, практичные, с устойчивыми навыками общинной жизни. Такие черты вместе с протестантизмом и мелкобуржуазностью как нельзя лучше совпадали с особенностями культуры янки, смягчая своим коммунализмом жесткий новоанглийский индивидуализм. Слаженное взаимодействие этих черт, протекавшее к тому же при полном отсутствии влияния культуры Юга, породило в Лесном Приозерье такие черты, как тщательная отлаженность местного самоуправления, пристальное внимание к образованию, высокий культурный уровень населения, повышенная гражданственность и общий дух либерализма. Главные местные университеты относятся к числу самых престижных в стране, отличаются особой нацеленностью на практику, на помощь своему штату во всех сторонах его жизни. Недаром Миннесота обязана своему университету в Миннеаполисе такими достижениями, как гибридная кукуруза, позволившая продвинуть ее ареал далеко на север, или обогащение таконитов давшее вторую жизнь железорудному поясу Мисейби на севере штата, недаром Висконсинский университет в Мадисоне имеет девиз: «Границы кампуса-это границы штата». Главные города района славятся театрами, симфоническими оркестрами; в свое время «Миннеаполис трибюн» уверяла, что в этом городе культурные события собирают большую аудиторию, чем футбол и бейсбол, вместе взятые, - а ведь Миннеаполис считается одним из крупных спортивных центров страны.

От янки район унаследовал исконный республиканизм, который господствовал здесь до «нового курса», но по своему духу он совсем не похож на средне-западный и считается самым либеральным к западу от Аппалачей. К политической жизни здесь относятся с большой серьезностью: в выборах принимает участие рекордная для страны доля избирателей. Недаром в свое время этот край породил сильные «третьи» партии весьма левого толка - прогрессивную партию в Висконсине во главе с Р. Лафолеттом и его

сыновьями (в первой трети века) и фермерско-рабочую партию в Миннесоте в 30-х годах (в 1945 г. она формально слилась с местными демократами). * Странное исключение составляет крайняя консервативность мичиганского Гранд-Рапидса с его окружением - крупнейшего в стране скопления потомков голландцев. Авторы «Альманаха американской политики» писали по этому поводу с некоторым сарказмом: «У себя на родине голландцы могут быть либеральными по многим вопросам, но стоит им переехать - будь то ЮАР или западный Мичиган, -- как они становятся жестко консервативными и в быту, и в политических предпочтениях» [41]. Все это закрепило за Лесным Приозерьем репутацию чуть ли не самой либеральной части Америки - спокойной и благоустроенной, свободной от расовых бунтов и классовых боев. Но эта репутация явно преувеличена (чтобы не сказать - иллюзорна). Достаточно напомнить, что из Висконсина вышел ярый антикоммунист сенатор Джозеф Маккарти, и было бы ошибкой считать это неким парадоксом: маккартизм был вскормлен местным мелкобуржуазным ужасом перед коммунистическими идеями, он вырос на местном изоляционизме, который считается неотъемлемой частью местного политического сознания (возможно, из-за того, что в мировых войнах США были против Германии). Современная либеральная репутация Висконсина зиждется на шумных победах, которые здесь одержали на праймериз демократов Дж. Кеннеди и либералы Макговерн и Ю. Маккарти, но, как точно подметил Н. Пейрс, во всех трех случаях на общих выборах Висконсин отдал предпочтение консервативному республиканцу Никсону...

Что же касается «классового мира» в Лесном Приозерье, то это типичная мифология капиталистов-янки, которые в этом районе с особым рвением насаждали свой пресловутый патернализм, используя изолированность горняцких и лесозаготовительных поселков. Многие из таких поселков строились с большой помпой» по единому плану, в духе некоего буржуазного утопизма. Но рабочие быстро почувствовали, что патернализм лишь изошренное орудие дополнительной эксплуатации, и ответили на него побоевому. Финский географ А. Аланен особо отмечает роль иммигрантов из Финляндии, которые занесли сюда социалистические идеи и были в свое время одним из самых боевых отрядов местного пролетариата [34].

Экономическое развитие района тоже связано с особенностями иммиграции. Он издавна известен в США своим Молочным поясом, пивом, лесными ресурсами и железорудными разработками.

Молочный пояс протянулся от северного Иллинойса через южный и центральный Висконсин в **-125-** юго-восточную Миннесоту. Это настоящая американская сельская идиллия: ухоженные пастбища с тучными коровами, ярко окрашенные овины и силосные башни среди пологих холмов перемежаются частыми рощами и полноводными реками. Район дает 15-20% национального удоя молока, подавляя своей конкуренцией остальные ареалы специализированного молочного хозяйства за пределами пригородных зон. Примечательно, что в соседнем Иллинойсе еще в 30-х годах 80% ферм держали молочный скот, а к 80-м таких ферм осталось лишь 10% [97]. В 1983 г. в Висконсине насчитывалось 1 840 тыс. молочных коров - больше, чем в Калифорнии и Нью-Йорке, вместе взятых (второе и третье места); они дали 10,5 млн т молока на 3,1 млрд. долл., т. е. по 5,7 т и 1,7 тыс. долл. на одну корову (и это в среднем!). Еще сильнее сконцентрировано в Висконсине

сыроделие, по многим популярным видам сыра на Висконсин приходится до 3/4 национального производства.

Пищевая промышленность вообще высоко развита в этом районе, притом не только на обильном местном сырье, но и на привозном из соседних районов, на его пути к Великим озерам. Благодаря переработке дакотского зерна крупнейшим в свое время центром мукомольной промышленности стал Миннеаполис. Позже он уступил первенство Буффало, но сохранил неоспоримое лидерство по емкости элеваторов - около 3,4 млн. т; еще 2 млн. т могут храниться в Дулуте - озерных воротах северных степей.

Не меньше, чем сыром и молоком, знаменит Висконсин и пивом - прямым наследием немецкой иммиграции. Милуоки издавна считается американской «пивной столицей», здесь размещались штаб-квартиры главных пивоваренных компаний страны - «Миллер», «Пабст», «Шлитц»; здесь на их заводах занято по 1,5-2 тыс. человек. Правда, ныне эти фирмы захвачены конкурентами, за пределами Висконсина возникло немало крупных центров пивоварения, и значение Милуоки в этой отрасли упало.

Старинной отраслью специализации является и разработка обильных лесных ресурсов. Район далеко опережает остальные по числу бумажных фабрик - правда, не по их суммарной мощности, хотя фабрика «Кимберли-Пларк» в висконсинском г. Нина (4,5 тыс. занятых) считается крупнейшей в стране. Главное средоточие отрасли - долина р. Факс (особенно -126- города Грин-Бей и Аплтон), причем долина выглядит удивительно чистой для такой концентрации «грязных» производств.

Драматична история железорудной промышленности района, занимающей практически монопольное положение в США. Неподалеку от западных и южных берегов оз. Верхнего залегают целые кряжи железной руды - Месаби (одно из крупнейших месторождений мира), Куюна, Вермильон, Гогebик, Маркетт и др. Их разработка началась в 40-х годах прошлого века, и вскоре этот край стал главным поставщиком сырья для могучей черной металлургии Приозерья и Северо-Востока. В этой лесной глуши появилось множество поселков - так называемых «компани таунс», где вся жизнь жестко контролировалась хозяевами рудников. К 50-м годам нынешнего века запасы богатых руд подошли к концу, но внедрение обогащения и окомкования позволило перейти к освоению громадных запасов таконитов - бедных кварцитовых руд. Здесь возникло около 10 горно-обогатительных комбинатов, в 80-х годах их суммарная годовая мощность достигла 85 млн. т окатышей. Однако удаленность от рынков сбыта и, главное, сезонность транспортировки по Великим озерам через Дулут делали местную руду все менее способной противостоять конкуренции заокеанских рудников, где рабочая сила была к тому же гораздо дешевле. Поэтому с 80-х годов железорудная промышленность района находится в тяжелейшем положении. В 1984 г. здесь работали лишь 3 комбината, добыча составила 40 млн. т, поскольку даже в Кливленде импортная руда стоила дешевле миннесотских окатышей. Безработица подскочила до 40%. «Отчаяние, словно ржавчина, расползается по красным холмам и рукотворным пропастям Месаби, - сообщал корреспондент «Уолл-стрит джорнэл», - люди потеряли все свои машины, дома, даже пожитки; дом, купленный в 1977 г. за 30 тыс. долл., теперь трудно сбыть и за 10 тыс.

Несколько особняком стоят на этом фоне главные города района - Милуоки и Миннеаполис - Сент-Пол. Милуоки многим похож на города Индустриального Приозерья. Это мощный индустриальный узел с крупным общим машиностроением, головным заводом «Американ моторз». Милуоки был захвачен волной восточноевропейской иммиграции (особенно из Польши). В отличие от других городов района здесь много негров, часты расовые волнения. Однако Милуоки резко отличается от крупных приозерных городов своим культурным обликом, в котором господствует наследие янки и немцев.

Wall Street Journal, 1984. 26.XI, P. 29.

Миннеаполис и Сент-Пол в Америке часто называют «города-близнецы» (twin cities), но на деле они сильно не похожи. Сент-Пол возник на левобережных холмах Миссисипи как транспортный узел и столица лесного края, его заселили в основном немцы-католики и ирландцы, культурная атмосфера в Сент-Поле отличается консерватизмом, засильем толстосумов, особенно семьи Бушей, которые владеют крупной корпорацией «Миннесота майнинг энд мэнюфэкчуриг». Миннеаполис, наоборот, лежит на плоской местности левобережья в 10 км к западу. Основанный немцами-протестантами и скандинавами, он слывет очень либеральным городом, терпимым и культурным, с отличной застройкой. Основой его промышленности долго были многочисленные мельницы, молотившие зерно прерий, носа временем (и с немалой помощью Миннесотского университета) здесь получила развитие радиоэлектроника, притом гораздо раньше, чем в Силиконовой долине, и силами в основном местных компаний («Хониуэлл», «Контрол дейта» и др.).

Сент-Луисский район

Среди городов внутренних районов США трудно найти такой город, который природа наградила бы лучшим географическим положением, чем Сент-Луис. Он стоит на правом, обрывистом берегу величайшей реки материка-Миссисипи, которая пересекает с севера на юг всю территорию страны. Неподалеку от Сент-Луиса в нее впадают два главных притока- Миссури и Огайо, открывающие водные пути далеко на запад и на восток. Казалось бы, городу, расположенному в центре такого гигантского креста дорог, предопределено блистательное будущее, а положение в центре страны предписывает ему стать самым типичным городом США, воплощением всех главных черт американской урбанизации.

На деле же, однако, Сент-Луис исключительно своеобразный город, который резко отличается от **-128 -** своих соседей, а поэтому с ним связан едва ли не самый сложный случай в районировании США. И причины этого кроются прежде всего в особенностях его географического положения. Он стоит на стыке 3 главных регионов страны (Среднего Запада, Запада и Юга), и каждый из этих районов наградил жизнь Сент-Луиса своими чертами, которые переплелись в нем весьма причудливо. Эта причудливость была усугублена и весьма своеобразной историей развития Сент-Луиса.

Сент-Луис был заложен французскими мехоторговцами в 1764 г. как фронтальный пост, за сотни километров от океана или обжитых европейцами районов, поэтому начальный период его жизни был сугубо «западным» по духу и сути. Однако уже тогда он был очень тесно связан с Новым Орлеаном, где находили отличный сбыт свозимые в Сент-Луис меха и шкуры. В то же время

это был отнюдь не примитивный торговый пост «дикого» Запада с его убогим бытом, грубыми нравами и текучестью жителей. Напротив, французские купцы, разбогатевшие на мехоторговле, имели привычку строить здесь добротные дома, обставлять их роскошной мебелью, обзаводиться картинами и библиотеками в духе европейского Просвещения. Когда в 1804 г., после присоединения французской Луизианы к США, над Сент-Луисом взвился звездно-полосатый флаг, в городе было всего 1,5 тыс. жителей, но это был богатый, ухоженный город со своей устоявшейся культурой.

В 1804 г. в Сент-Луисе было всего две американские семьи, но вскоре все ключевые посты в хозяйстве и социальной жизни захватили американцы-южане или янки. Бизнес перешел на английский язык, главной стала роль Сент-Луиса как форпоста в колонизации Среднего Запада. Внедрение пароходства преобразило его жизнь, а в 40-х годах прошлого века к Сент-Луису подошел с востока рубеж сплошного освоения, и постепенно Сент-Луис перенял у Цинциннати значение столицы американской экспансии по долине Огайо и далее на запад. Еще в 1804 г. из Сент-Луиса вышла в свой знаменитый поход экспедиция Льюиса и Кларка, а после открытия золота в Калифорнии Сент-Луис стал настоящими воротами на Запад, главным отправным пунктом переселенческих караванов. Именно здесь, в Сент-Луисе, родилась в 50-х годах идея трансконтинентальных железных дорог.

9 Л. В. Смирнягин 129

Тем не менее, несмотря на многократный рост Сент-Луис удивительным образом сохранил следы своих первичных французских корней. Французское население было растворено в ходе переселенческих бумов, но остались многие его обычаи, дух свободомыслия, галантности. Городская элита старательно воспроизводила французские бытовые обычаи - от особняков до дуэлей. Этому способствовало, конечно, сходство подобных традиций с обычаями южан, влияние которых укреплялось не только связями Сент-Луиса по Миссисипи, но и тем, что в шт. Миссури, где расположен Сент-Луис, было легализовано рабство. Правда, негров здесь было немного, около трети из них были свободными, но культурный отпечаток рабства был явственным. Словом, перед Гражданской волной Сент-Луис уже обладал той культурной сложностью, которая отличает его до сих пор, - чисто северной деловой активностью, острой нацеленностью на нужды Запада и франко-южной культурной основой.

Середина прошлого века - это как раз то время, когда наиболее реальными казались надежды на превращение Сент-Луиса в один из крупнейших городов страны. Сент-Луис вел напряженную конкуренцию с Чикаго за столичность на Среднем Западе, и лишь Гражданская война, оторвавшая Сент-Луис от его обширного южного хинтерланда, решила борьбу в пользу Чикаго. Тем не менее уже в 1870 г. население Сент-Луиса перевалило за 300 тыс. жителей, он стал четвертым по размерам городом страны, крупнейшим ее речным портом, могучим промышленным центром. Стремительно расцветавшее сельское хозяйство района питало его пищевую промышленность, на огромный рынок кожевенного сырья «съезжались» обувные фабрики, в том числе из Новой Англии. С 50-х годов город облюбовали немецкие колонисты, которые принесли сюда навыки работы с металлом и, конечно, пивоварение. Сент-Луис - столица одной из крупнейших американских пивоваренных компаний, «Анхойзер-Буш», чей головной завод до сих пор работает в самом центре

города. Сент-Луис по-прежнему был четвертым городом страны, притом одним из самых богатых и процветающих.

В дальнейшем, правда, развитие Сент-Луиса затормозилось, словно он оказался не на стыке районов, а в некоей «мертвой зоне» между ядрами этих районов. Не принадлежа полностью ни одному из них, - **130** - Сент-Луис не разделил с ними их исторических судеб. Своего максимума по людности (857 тыс. жителей) он достиг в 1950 г. Затем развернулась субурбанизация, которая стала выкачивать из города его жителей. Состоятельные семьи отселялись на запад, стремительно росли городки вроде Университи-Сити, Керквуда, Уэбстер-Гроувса или Лэдю. Рабочие выезжали в основном на север (Оверленд, Беркли, Флориссант) и на иллинойский берег (Гранит-Сити, Олтон), а потомки немецких иммигрантов - на юг. 1~ пригородам было приурочено и новое промышленное строительство. На северной окраине Сент-Луиса, неподалеку от аэропорта «Ламберт», выросли гигантские авиазаводы «Макдоннелл-Дуглас», где собирают истребители для ВВС США. Еще севернее, в Хейзлвуде, построила крупный автозавод компания «Форд», а на юге, в Фентоне, «райслер» (в самом Сент-Луисе расположен завод «Дженерал моторз»). Мощный сгусток тяжелой «индустрии сложился на другом берегу Миссисипи: черная металлургия - в Гранит-Сити («Нэшнл стал») и Олтоне, цветная металлургия - в Ист-Сент-Луисе, химия - в Вуд-Ривер.

Благодаря этому Сент-Луис превратился в обширную агломерацию, население которой в 1950 г. перевалило за 1,5 млн. человек, а в 1960 г. - за 2 млн. Доля же самого Сент-Луиса в этой агломерации, которая до войны превышала 2/3, упала до половины в 1950 г. и 1/3 в 1960 г.

Однако худшие дни для Сент-Луиса были еще впереди. В 70-х годах его постиг тяжелый кризис. Население города сократилось к 1980 г. до 455 тыс. человек (т. е. до уровня 1890 г.), и это падение на 27% оказалось рекордным среди 75 ведущих городов страны. Белое население уменьшилось за это время втрое, «го место заняли черные, которые ныне составляют почти половину жителей города и особенно многочисленны в его северной и западной частях. Сент-Луис стал ставить «рекорды» по уровню преступности, обветшанию жилого фонда. Кризис охватил и пригороды, упала людность всей агломерации (правда, лишь «а 5%). Особенно тяжелое положение сложилось на левобережье Миссисипи, и вид на него из центра города-это скопище зловонных и чадающих заводов, унылых трущоб и вопиющей бедности. Ист-Сент-Луис- самый нищий из «50-тысячников» страны, 95% его населения составляют черные, половину из них - **131** - статистика относит к беднякам Сравнительно благополучно лишь в южных, «немецких», пригородах и на дальних окраинах вроде Сент-Чарлза, где население по-прежнему растет.

Тем не менее Сент-Луис остается одним из самых важных в стране сгустков населения и хозяйства. Это второй в стране центр автостроения, причем здесь выпускают самые популярные в Америке модели вроде «аэроstars» компании «Форд». Это самый крупный американский речной порт, второй в стране железнодорожный узел, к которому сходятся 17 магистралей. В городе четыре университета и 26 колледжей. В 80-х годах в Сент-Луисе намечилось оживление: людность агломерации перестала падать, безработица упала почти до среднего по стране уровня, зарплаты промышленных рабочих стали заметно выше. В центре города развернулось строительство контор и гостиниц за один 1985 г. в него было вложено около 1 млрд. долл.

Прежним остается и промежуточный характер культуры и экономики Сент-Луиса, и это заставляет выделять Сент-Луис и его окружение в особый район Среднего Запада, подчеркивая этим его «ничейность».

Кукурузный пояс

В американском обиходе Кукурузным поясом (Corn Belt) принято называть клинообразную полосу, которая, расширяясь с востока на запад, пересекает посередине штаты Огайо, Индиана и Иллинойс, занимает всю Айову и заходит в восточные части штатов Канзас и Небраска, северную часть шт. Миссури и юго-западную часть шт. Миннесота. В 1950 г. Министерство сельского хозяйства США отнесло к Кукурузному поясу 494 смежных округа в 11 штатах. Здесь имелся в виду особый тип так называемого «смешанного хозяйства» (mixed farming), где фермер выращивал зерно либо на продажу, либо на фураж для товарного скота, а чаще всего для того и другого, устанавливая соотношения в зависимости от соотношения цен на зерно и мясо. Считается, что этот тип хозяйства был завезен задолго до революции немецкими иммигрантами в Пенсильванию, а в XIX в. их потомки внедрили его при освоении долины р. Майами -132- (шт. Огайо), которая послужила своеобразным зародышем Кукурузного пояса.

Долина р. Миссисипи явственно делит эту полосу на две части. К востоку от нее «кукурузность» местного сельского хозяйства как бы перекрыта активной промышленной деятельностью и многочисленными городами, увлажнение гораздо обильнее, оно равномерно распределено по сезонам. К западу же аграрно-промышленный комплекс играет определяющую роль в хозяйстве, климат суше и резче. В нашем районировании Кукурузным поясом названа лишь западная часть этой полосы, включая и саму долину Миссисипи с прилегающей частью Иллинойса.

Кукурузный пояс без всякого преувеличения можно назвать благословенной для земледельца страной, настоящим аграрным раем с почти идеальными агроклиматическими условиями. Он занимает знаменитые высокотравные прерии, где злаковники из бородача, ковыля, пырея и других трав достигают порой двухметровой высоты. Здесь достаточно влажно (600-650 мм осадков в год), лето жаркое и длинное. Ничто не препятствует распашке - ни рельеф, ни леса, но это не унылая плотская степь: поверхность оживлена пологими холмами, широколиственные леса не так уж редки (около 1,5 млн. га).

Главное достояние района - бруниземы (черноземовидные почвы огромной естественной продуктивности). В них много гумуса, питательных веществ, у них отличная структура, благоприятный водный и воздушный режим. В пахотном слое от 4 до 7% органического вещества, черный гумусовый горизонт достигает мощности 30-40 см. Словом, это одна из плодороднейших в мире почв. Говорят, знаменитый американский поэт Роберт Фрост, уроженец каменистого Вермонта, сказал, впервые увидев почвы прерий, что их можно есть, не превращая предварительно в растения.

Неудивительно, что этот благодатный край освоен к сегодняшнему дню с рекордной интенсивностью. Три четверти его поверхности распаханно, и небольшой по размерам штат Айова (25-е место в стране занимает лидирующее положение по уборочной площади (около 10 млн. га), второе среди штатов место - по стоимости продукции ферм (более 10 млрд. долл. в год), третье - по стоимости фермерской земли и зданий на ней (50-60 млрд. долл.). С большим

отрывом от других держит **-133** - Айова первое место в стране по сбору кукурузы (пятая часть национального сбора), делит с Иллинойсом первое-второе места по сбору сои (15-17%), по поголовью крупного рогатого скота уступает только Техасу и Небраске (7 млн. голов). Свиной в Айове гораздо больше, чем людей, - свыше 16 млн. голов, почти 30% их поголовья в стране, и здесь первенство Айовы среди американских штатов непоколебимо.

Сильное впечатление производит облик края ранней осенью: не море - целый океан могучей кукурузы в 2-3 м высотой, на котором ветер рождает громадные валы, острова темно-зеленого сорго, бесконечные поля сочной сои, тучный скот в загонах, бело-красные строения ферм. Все это выглядит ухоженным, процветающим - и недаром: ведь от внешнего вида фермы не в последнюю очередь зависят размеры кредита, который согласится дать фермеру местный банк, и фермер готов потратить на краску последние, что называется, центы.

Сейчас трудно поверить, что еще полтора столетия назад высокотравные прерии производили на американцев удручающее впечатление своей безлесностью, буйством разнотравья. «Территория Иллинойса - писал, например, Д. Монро, - представляет собой равнину, которая с самого своего возникновения не имела * и еще многие века не будет иметь ни единого кустика. Эти округа никогда не будут иметь населения, достаточного для образования штатов» [12]. Край и вправду оказался нелегким для освоения по старинке: тяжелая почва забивала плуг, и его приходилось вынимать для очистки чуть ли не через каждые 3 м, могучее разнотравье с корнями в палец толщиной делало подъем целины похожим на корчевку.

* В этом будущий президент ошибался: эта зона оптимальна для произрастания широколиственных лесов, развитию которых помешало антропогенное воздействие - осенние палы, с помощью которых местные индейцы загоняли стада диких копытных.

В 30-х и 40-х годах прошлого века здесь возникло пастбищное животноводство, откормленный скот огромными гуртами отгоняли на восток, ключевую роль в освоении играли выходцы с Юга. С 50-х годов начался переход на пшеницу, возделыванием которой занялись в основном янки. Когда же удалось освоить под пшеницу Высокие равнины, пшеница «ушла» в эти засушливые края, а здесь сложилось «mixed farming» - фуражное зерновое хозяйство со стойловым **-134** -мясным животноводством. Главной культурой стала кукуруза, обычно в севообороте с овсом и сеянными травами, но нередко и как монокультура. В развитии хозяйства активное участие приняли многочисленные иммигранты из Европы, в основном скандинавы, немцы, голландцы. Этот тип господствовал здесь более 70 лет, именно ему обязан район своим названием.

В основе этого хозяйства лежала так называемая семейная ферма, которую американский географ из Миннесоты Дж. Ф. Харт определяет так: «Это предприятие, которое обеспечивает достаточный уровень жизни для отца, сына и их семей, а наемная рабочая сила применяется на тех стадиях демографического цикла, когда сын слишком молод, чтобы стать полноценным помощником, или когда отец слишком стар» [78]. В 40-м годам в таком хозяйстве стали назревать кризисные явления. Все тяжелее сказывалась та беспечность, с которой оно опиралось на могучее естественное плодородие бруниземов, не знавших удобрений, кроме навоза. За 70 лет распашки айовские бруниземы потеряли 30-40% азота, калия, фосфора, более 40% органического

вещества, эрозия унесла от 5 до 40 см верхнего слоя почвы [19]. Традиционное смешанное хозяйство все более заходило в тупик.

*Харт особо подчеркивает огромную роль «невоспето́й героини» - фермерской жены: «По традиции она «всего лишь» вела дом, доила корову, растила детей, кормила цыплят, возилась в огороде, вела бухгалтерию, но со временем все больше втягивалась в полевую работу как своего рода неоплачиваемый работник» [78]. -

Выходом из этого тупика стала настоящая революция в сельском хозяйстве, которая охватила кукурузный пояс после втором мировом войны и за четверть века буквально преобразила район. Последовала цепь нововведений, где одно звено тянуло за собой другое. Еще в 30-х годах на полях появилась гибридная кукуруза невиданной урожайности, которая за последующие полвека поднялась с 40 бушелей далеко за 100 бушелей с акра, т. е. за отметку 74 цент/га. Гибридизация давала должный эффект только вкуче с химизацией, и если до 1940 г. поля района почти не знали минеральных удобрений, то уже в 1950 г. на каждый гектар их вносилось в среднем по 60 кг, в 1960 г. - 150 кг, а в 1980 г. - почти полтонны. Широко вошли в практику пестициды и гербициды. Вместе с удобрениями они -135 -позволили исключить паровой клин, сократить посе́вы овса и трав, а позже внедрить минимальную и нулевую обработку земли. Огромного уровня достигла механизация. Среднее число тракторов на одну ферму за 1940-1960 гг. выросло с 0,5 до 2,0; правда, потом рост застопорился, но в основном из-за внедрения навесных съемных орудий на тракторы и комбайны. Техника становилась все сложнее, производительнее- и дороже, в середине 80-х годов типичный для Кукурузного пояса комбайн стоил 90-100 тыс. долл., трактор - 35-50 тыс. долл., а модный электронный монитор обходится дороже, чем целая ферма в 1950 г. Сильно изменилась и структура посевов. Доля кукурузы выросла до 50%, а место овса и трав заняла соя, на которую приходится до трети уборочной площади.

Главным же результатом этих нововведений стал огромный скачок в производительности труда. «Некоторые старики, - пишет Дж. Ф. Харт, - еще помнят времена сорокабушельной кукурузы, когда ее убирали вручную, и самые шустрые фермерские ребята похвалялись тем, что убирали по сотне бушелей за день, но это был длинный, тяжелый день» [78]. Ныне же, пишет Харт, комбайн с хедером на 4 рядка делает это за 10 минут.

Социальные последствия этих нововведений оказались огромными. Техника заставила резко увеличить размеры ферм, и за послевоенный период они выросли более чем вдвое. Число же ферм, естественно, сильно сократилось, множество рабочих рук оказалось излишним. Немало писалось о том, что семейная ферма стала в этих условиях анахронизмом, но это, пожалуй, преувеличение. В 80-х годах 75-85% доходов от сельского хозяйства Айовы составлял доход собственников (в среднем по стране 50-70%). Но семейная ферма стала совсем другой. «Она превратилась, - по словам Харта, - в высокоспециализированное предприятие, совсем как семейная лавчонка на городском перекрестке превращается в супермаркет» [78].

В 70-е годы сельскому хозяйству кукурузного пояса довелось пережить еще одну перестройку - на этот раз благодаря прорыву его кукурузы и сои на мировые рынки. За это десятилетие кукуруза стала ведущим товаром

американского экспорта продовольствия, обогнав пшеницу и муку, вместе взятые, стоимость экспорта сои выросла с 1,2 млрд. до 5,9 млрд. долл. На экспорт теперь предназначено 35-40% **-136-** посевов кукурузы и сои в США. Это ведет к распаду традиционного смешанного хозяйства, так как фермы района стали специализироваться на производстве фуражного зерна, а не зерна и мяса.

Сильно изменился и внешний облик края. Традиционные амбары уступили место ангароподобным машинным дворам, деревянные зернохранилища с естественным проветриванием - громадным металлическим емкостям с искусственной сушкой и высоченными подъемниками для перегрузки. На многих фермах излишними из-за отсутствия скота становятся изгороди, которые к тому же мешают развороту техники. Непривычно выглядят поля с ограниченной обработкой. Из-за роста размеров и сокращения числа ферм много строений снесено или заброшено, многие дома заселены теперь либо нефермерскими семьями, либо бывшими фермерами, которые сдают свою землю в аренду соседям, а сами ездят на работу в город. Даже использующиеся строения часто оказываются не фермами, а вторичными базами на дальних концах единой большой фермы,

Изменились и города Кукурузного пояса. Они невелики, но многочисленны, поэтому край не выглядит сельской глухоманью. Во многих из них-крупнейшие в стране заводы сельскохозяйственного машиностроения главных в этой отрасли монополий: «Джон Дир» (Уотерлу, Дубьюк, Де-Мойн, Малин), «Катерпиллар трэктор» (Псарня, Давенпорт), «Интернэшнл харвестер» (Малин). Все еще немало здесь крупных скотобоен (Уотерлу, Мэсон-Сити, Су-Сити). Городки поменьше живут ремонтом сельскохозяйственной техники, обслуживанием сельского хозяйства по линии складского дела, оптовой торговли. Все это-важные части могучего аграрно-промышленного комплекса кукурузного пояса. Но все больше появляется здесь заводов, не связанных напрямую с этим комплексом в Сидар-Рапиде, например, крупный электронный завод « Коллинс Рейдио», в Омахе, которая славилась своими бойнями, теперь главную роль играют военный завод «Сперри» и электрозавод «Уэстерн электрик». Немалая часть промышленности района обязана своим возникновением знаменитой изобретательности янки, которую они не утратили при колонизации сельской местности. Так, еще в 1913 г. в айовском городке Ньютон была изобретена стиральная машина, и на этой базе здесь выросла огромная компания **-137-** национального значения «Мейтаг», житель городка Форсе? Сити Дж. Хансом заложил фирму «Уиннебаго» по производству сантехники, которая стала теперь многоотраслевой корпорацией с годовым оборотом более 1 млрд. долл., причем более четверти граждан Форест- Сити являются ее акционерами.

Однако городской образ жизни отнюдь не господствует в Кукурузном поясе. Доля метрополитенского населения в Айове вдвое ниже, чем в среднем по стране. Лишь в «двойном» городе Канзас-Сити население превышает 0,5 млн. человек, городов же людностью свыше 100 тыс. жителей не больше дюжины - и это на территории в 300 тыс. кв. км.

Сельский дух по-прежнему царит в этом районе притом дух консервативный, временами отдающий реакционностью похуже, чем на Глубоком Юге. Сказывается и то, что янки здесь «вторичные» (из Верхнего Нью-Йорка) и даже «третичные» (из соседнего Иллинойса), растерявшие за

долгую миграцию многие свои исконные черты; сказывается и большое влияние южной субкультуры с ее грубым индивидуализмом, который находит сочувствие в среде процветающих фермеров, кукурузный пояс - старинный оплот республиканской партии, притом оплот правой ее части. Здесь, правда, есть база и для демократов - прежде всего среди потомков ирландцев, пришедших сюда при строительстве железных дорог, и в польской общине, членов которой много среди рабочих мясокомбинатов (у местных жителей эта работа считается грязной и малопочтенной). Но и демократы Кукурузного пояса отличаются консерватизмом, они больше похожи на диксикратов, чем на городских либералов Севера.

Кукурузный пояс слывет культурной пустыней, где фермеры, слегка одичав от одиночества, склонны собираться в толпы и простодушно предаваться незамысловатым и шумным формам отдыха с марширующими оркестрами и т. п. В большой чести здесь родео (особенно в Сидни и Форт-Мадисоне), праздники иммигрантских общин вроде «тюльпанных фестивалей» в Ориндже, где, как говорят, деревянных сабо больше, чем во всей Голландии. Главной туристской достопримечательностью Айовы стала Амана в долине р. Айова-религиозная «община истинного вдохновения» (секта лютеран-пацифистов), которая в 1842 г. переехала из Германии в район Буффало, а в 1854 г. - в **-138 -** Айову. Патриархальный быт этой общины являет собой такой разительный контраст современной Америке, что поглазеть на него ежегодно приезжает около 1 млн. туристов. Были даже попытки выкупить у общины эту местность за 40 млн. долл. для устройства туристского центра, но совет общины отверг эти домогательства [136].

В районе есть немаловажные очаги «первосортной» культуры (например, симфонические оркестры в Де-Мойне и Давенпорте), но в целом культурный уровень здесь если не занижен, то явно заземлен. Университет Айовы в г. Эймс-едва ли не ведущий в стране в области экономики сельского хозяйства, но одновременно это один из самых консервативных и «спокойных» больших университетов США.

Сегодня Кукурузный пояс - его хозяйство, облик, культурная среда - переживает период сильного обострения противоречий. Новый виток специализации вывел район на уровень житницы международного значения, которая играет едва ли не решающую роль на мировых фуражных рынках, и перед районом открылись широкие горизонты глобального масштаба. Однако это ничуть не прибавило основной массе его жителей ни процветания, ни уверенности в завтрашнем дне. Напротив, их жизнь стала еще напряженнее. Ведь реальные цены на кукурузу за весь послевоенный период практически не изменились, тогда как цены на машины, удобрения, топливо выросли очень сильно, и хозяйствовать здесь приходится все чаще на грани допустимого экономического риска. Специализация на фураже дала, казалось бы, новый импульс для роста эффективности, но она повлекла за собой упадок традиционного смешанного хозяйства, а с ним исчезает страховочная роль альтернативной специализации (на зерне или мясе), падает устойчивость доходов, район попадает во все большую зависимость от непредсказуемых колебаний далеких внешних рынков. К тому же внешнеторговая ориентация вводит в игру еще более неустойчивый политический фактор, поскольку правительство США рассматривает экспорт продовольствия и фуража как важный экономический рычаг внешней политики.

Зловещий смысл происходящих перемен стал особенно очевидным в начале 80-х годов. Рост экспорта за 70-е годы породил у местных фермеров эйфорические настроения, многие из них набрали у банков -139 - большие кредиты в расчете на долгое процветание. Но в январе 1980 г. президент Картер объявил о введении эмбарго на поставки зерна Советскому Союзу, и в аграрном секторе экономики США разразилась настоящая паника: Чикагская биржа даже прекратила на 3 дня все операции по купле-продаже зерна. Отличный урожай 1979 г. обернулся страшным перепроизводством, цены покатались вниз, фермеры резко свернули закупки машин и материалов, и негативный импульс быстро прокатился по самым отдаленным закоулкам хозяйства района, вплоть до производства стиральных машин «Мейтаг».

В последующие годы положение несколько выправилось: и в аграрном секторе Айовы были получены годовые доходы в 1,5-2,0 млрд. долл. Но в 1983 г. произошел резкий спад спроса на внешних рынках, и фермеры Айовы понесли убыток в 200 млн долл. Неустойчивость спроса хорошо отражают скачки в сборе кукурузы в шт. Айова за последние годы, в млн. т: в 1972 г.-45, в 1974 г.-35, в 1979 г.-59, в 1981 г.63.в1983г.-27.

Подобная зависимость хозяйства от внешних сил производит на жителей Кукурузного пояса особенно удручающее впечатление. Ведь они издавна привыкли считать себя застрахованными от подобных перепадов благодаря гибкости своего хозяйства, плодородию края, устойчивости урожая, ориентации на внутренний рынок. Недаром район считается одним из бастионов изоляционизма. Ныне же его судьба попала в тенета политики Вашингтона, который, преследуя свои цели, то стимулирует фермеров, прикрывая их доходы искусственно высокими закупочными ценами, то заставляет сокращать посевы, то вводит запреты на экспорт.

* Trains,. 1986. vol. 46. No. 6, P. 33~35, 37-39.

Немало и чисто местных проблем одолевает хозяйство Кукурузного пояса. Быстро деградирует железнодорожная сеть, от которой зависит вывоз зерна. В Айове ее протяженность сократилась с 15 тыс. км в 1914 г. до 7,5 тыс. км в 1985 г., причем 3,5 тыс. км путей были ликвидированы уже в 80-е годы. Треть оставшихся линий настолько обветшала, что скорость поездов на них ограничена уровнем 15 км/ч. Федеральное же управление железных дорог считает, что лишь 1,3 тыс. км этих линий имеют «национальное значение», а по мнению Пентагона - лишь 730 км*. Снова встает вопрос -140- об эрозии, потому что интенсификация земледелия увеличивает «давление» на землю. Ведь сокращенная обработка земли внедряется не для борьбы с эрозией, а ради прибыли, притом в основном на полях, подверженных эрозии меньше всего, а на склоновых участках эрозия по-прежнему уносит за год 30-40 т почвы с 1 га [19]. Все сильнее сказывается давление урбанизации, которое в этом аграрном крае принимает своеобразные формы. Расширение границ городов съедает многие десятки тысяч гектаров пахотных земель; ожидается, что до 2000 г. в одной Айове в городскую черту перейдут не менее 240 тыс. га, из них 160 тыс. га земель первого класса. Однако до половины городских земель Айовы остается в сельскохозяйственном использовании, и главную опасность представляет не это, а перелив горожан в сельскую местность, особенно вдоль автострад [128]. В других частях США с этим довольно успешно борются выкупом у фермеров права на изменение форм землепользования, но в

Кукурузном поясе такие меры вряд ли найдут сочувствие у жителей, которые крайне ревниво относятся к «священному» праву частной собственности.

Неопровержимое свидетельство кризиса кукурузного пояса - ухудшение его качественных показателей на общестрановом фоне. Если в начале 70-х годов душевой доход в Айове был выше среднестранового уровня, то в середине 80-х годов он был уже на 10% ниже, и, даже по оптимистическим прогнозам Бюро экономического анализа, положение вряд ли выправится к 2000 г. ~райне медленно растет население района, сальдо миграций уже много лет остается отрицательным. Невольно напрашивается вывод о том, что Кукурузный пояс приостановился в своем движении, забуксовал в ходе перестройки своей экономической структуры.

Эта перестройка сказывается и на географической сущности района. Итальянский географ П. Перси, совершив по нему путешествие от Огайо до Небраски, поставил вопрос ребром, назвав свою статью о поездке так: «Существует ли кукурузный пояс как район?». По мнению Перси, он уже распался на отдельные, довольно хаотично расположенные ячейки разных типов хозяйства, продающих товарное зерно, кукурузу и свинину, кукурузу и крупный рогатый скот, молоко и птицу и т.п. [122]. Советский географ Р. Мнацаканян подметил здесь весьма любопытное явление: чем - **141-**изошреннее и выше агротехника, тем сильнее зависит урожайность от чисто природных особенностей местности, тем больший эффект дает разумный учет этих особенностей [19]. По-видимому, это один из главных факторов нарастающей мозаичности Кукурузного пояса.

В утрате районом устойчивости, в привязке его к внешним рынкам некоторые американские специалисты видят прямую угрозу самому существованию района. Дж. Ф. Харт напоминает, что весьма, схожий механизм из высоких закупочных цен и форсированного экспорта хлопка привел в свое время к тому, что США постепенно полностью утратили доминирующее положение на мировом хлопковом рынке, а миллионы. гектаров Хлопкового пояса были заброшены и надолго заросли кустарником и бурьяном. Но сегодня дороговизна американской кукурузы и сои ведет к тому, что они становятся не по карману многим странам, но зато делает рентабельным их массовое возделывание там, где труд и земля гораздо дешевле, кредит гораздо доступнее, а государство всячески стимулирует крестьян. Так близорукая политика Вашингтона оборачивается сужением экспортных рынков с одновременным появлением на них все новых и новых конкурентов. Уже появились в Луизиане маслобойни, которые используют сою не из Кукурузного пояса, а из Бразилии...

Подытоживая свое обширное исследование о новейших изменениях в Кукурузном поясе, Дж. Ф. Харт заключил его словами: «Ситуация довольно мрачная. Определить проблему куда легче, чем найти пути ее решения, а нынешний кризис Кукурузного пояса выглядит на редкость трудноизлечимым» [78]. Остается лишь присоединиться к этим словам маститого американского географа.

Пшеничные пояса

В самой середине основной территории Соединенных Штатов, от канадской границы почти до самого юга, проходит широкая полоса, которая стала настоящей головоломкой для географов, занимавшихся районированием этой

страны. Здесь проходит стык двух огромных регионов США-Среднего Запада и Запада, но правильнее было бы сказать не «проходит», а «происходит»; переход между этими регионами оказывается настолько плавным, что стык превращается **-142** - в обширную зону, в пределах которой и происходит постепенное ослабление черт одного региона и усиление черт другого. При движении с востока на запад климат становится все суше и резче, кукуруза сменяется пшеницей, плотность населения падает все ниже, городов все меньше, размеры их все мельче на западной окраине пшеницу постепенно сменяет пастбищное животноводство, местность становится почти безлюдной. Одновременно происходит повышение поверхности над уровнем моря с 300 до 1000 м, но оно идет незаметно для глаза, и рельеф остается совершенно плоским, если не считать глубоких врезав речных долин и отдельных уступов ледниковых отложений. Примечательно, что при движении с севера на юг изменения еще менее заметны, а полоса остается практически единой (особенно по выраженности широтного градиента) почти на всем протяжении от Канады до Рио- Гранде.

Невольно кажется, будто межрайонная граница, которую в других местах проводят как бы тонкой кисточкой, а то и чертежным пером (как, например, на западе Новой Англии), здесь проведена словно то-~ той малярной кистью: граница расплылась и стала настолько обширной, что ее впрямую выделять в отдельный район, отличный и от Запада, и от Среднего Запада. Многие авторы так и поступают-выделяют ее в особый район - Великие равнины, обычно в составе обеих Дакот, Небраски, Канзаса, западной Оклахомы, северо-западного Техаса, иногда добавляя к ним прилегающие части Монтаны и Колорадо. Это, конечно, псевдорешение: сняв проблему одной границы, оно порождает проблему двух границ самого этого района. Тем не менее американские ученые часто поддаются соблазну - возможно, потому, что в американском обиходном сознании издавна бытует довольно странное, на посторонний взгляд, представление о том, что по крайней мере одна из этих границ - восточная - вполне четко обозначена «изолинией 20 дюймов» (т. е. 500 мм годовых осадков). Считается, что к востоку от нее увлажнение достаточно для хозяйства типа Кукурузного пояса, а западнее можно сеять лишь пшеницу. Особенно странно то, что американцы привыкли приурочивать положение этой изолинии к градусной сетке-чаще всего к 100° или 98° з.д. На самом же деле эта изолиния испытывает год от года громадные колебания в пространстве, потому что климат в этой **-143** - части континента очень неустойчив. Остается предположить, что подобное пристрастие обыденного сознания к жесткой и к тому же прямой линии там, где она уместна менее всего, как раз и отражает особую расплывчатость; отсутствие реальных рубежей порождает в массовом географическом сознании острое чувство дискомфорта, заставляя настойчиво обращаться к искусственной линии, жесткость которой лишь подчеркивает ее условность.

Не меньше хлопот и с западной границей Великих равнин. Здесь временные колебания климатических изолиний еще размашистее, а переход от пастбищного животноводства к земледелию еще постепеннее. Местные фермеры долгое время имели обыкновение гибко менять основную специализацию своих ферм в зависимости от прогнозов погоды на год: в ожидании засушливого года они наращивали пастбища, в ожидании дождей - распашку. Тем не менее и здесь американцы стараются найти зримый четкий

рубеж. Так, писатель Дж. Стейнбек, совершивший путешествие по Америке со своим знаменитым псом Чарли, уверял, что возле Бисмарка (шт. Сев. Дакота), на восточном берегу Миссури, ландшафт вполне восточный, трава выглядит и пахнет, как в «восточной Америке», а на другой стороне, где стоит г. Майдан, - настоящий Запад с бурой травой, рытвинами и промоинами. «Две стороны реки выглядят так, словно находятся в тысяче миль друг от друга», - писал он [27].

Стейнбеку вторит историк из Сев. Дакоты Э. Робинсон, который, по словам цитирующего его Н. Пейрса, писал, что «в долине Ред-Ривер народ скрытный, консервативный, чопорный, по мере же движения на запад люди становятся дружелюбнее, либеральнее, радушнее, а на Склоне (т. е. за Миссури) много горьких пьяниц, картежников и вообще распущенных людей, которым нравится звать своих пасторов прямо по имени и одеваться сугубо в стиле Дикого Запада» [112].

Сколь искусственными ни казались бы подобные границы, с ними конечно же нужно считаться, особенно если понимать под районом не столько кусок территории, сколько территориальную общность людей. Ведь именно такого рода представлениями руководств суются люди в своей «пространственной» практике, именно они, а не умозрения проницательных ученых определяют то, как складывается поведение людей в географическом пространстве. -144 -

Логику «сотого меридиана» или миссурийского рубежа нетрудно обнаружить в истории и нынешней повседневной жизни американцев. Противостояние скотоводов и земледельцев, нередко с оружием в руках, их попеременная взаимная экспансия составляют обширный раздел истории края, украшенный весьма цветистой народной мифологией, и каждая из этих групп чувствовала себя дома на «своем» берегу Миссури. «Мы находимся здесь прямо на самой границе между страной скота и страной ферм», - сказал корреспонденту «Уолл-стрит джорнэл» дилер (продавец автомобилей) из Бисмарка, который поведал ему хорошо известную в автобизнесе «географию сбыта»; на западной стороне Миссури господствуют тяжелые пикапы-«форды» с двумя ведущими осями, а восточнее - более легкие пикапы - «шевроле»*.

Граница - острейшая проблема на Великих равнинах, в которой просвечивают все главные черты этого района, и нам еще не раз придется возвращаться к ней, потому что этот район - настоящий полигон для исследования подобной проблемы. Следует, однако, сразу же подчеркнуть, что Великие равнины нельзя считать классическим районом-границей, «районом перехода». Суть такого района составляет обычно смешение признаков соседних районов, их взаимодействие, которого нет у соседей, и в этом смысле район- граница вторичен. Подобное смешение есть и на Великих равнинах, но есть здесь и собственные, «автохтонные» признаки, родившиеся и развившиеся именно в нем, а не занесенные от соседей.

*Wall Street Journal, 1983. 13.XII, P. 33. 10

Правда, с точки зрения чисто физико-географической район вполне заслуживает звания переходного, у него и вправду мало черт, которых не было бы у соседей. К тому же внешний облик его маловыразителен: бесконечные унылые равнины, удивительно плоские и безлесные, покрытые прерией с невысокой жесткой травой, которая выгорает в засуху, а в дожди превращается в грязное месиво. Лето знойное до крайности, зима очень морозная. Не

встречая препятствий, по прерии часто проносятся бешеные ветры, которые летом несут суховеи, а зимой снежную крупу с песком. Осадки даже в среднем весьма скудные, засухи поражают район по нескольку лет подряд. Неудивительно, что этот край долго -**Л. В. Смирнягин 145-** именовали «Великой Американской, пустыней», пригодной лишь для обитания индейцев, бизонов и койотов, и видели в нем только тяжелое препятствие на пути с востока к золоту Калифорнии.

Эти равнины не давали никакого укрытия от индейцев - а индейцы здесь отличались особым свободолюбием и отвагой (одно племя сну могло выставить до 10 тыс. воинов). Поэтому в освоении Американского континента белым человеком черед Великих равнин пришел одним из последних - гораздо позже, чем далекой Калифорнии; недаром их долго называли «последним фронтиром».

Освоение Великих равнин было приурочено цепью событий, которые внешне имели к ним лишь косвенное отношение. Ж. Гарро выстраивает их в такую последовательность: в 1838 г. Джон Дир изобрел стальной плуг, способный поднять степную целину, а С. Кольт и Э. Уитни - знаменитый скорострельный «кольт», который дал белым решающее преимущество в борьбе с индейцами (третьим «соавтором» принято считать пресловутого капитана техасских рейнджеров С. Уолкера, непревзойденного мастера обращаться с этим оружием). За 50-е и 60-е годы прошлого столетия были истреблены колоссальные стада бизонов, которые служили основой пищевого рациона индейцев. В 1874 г. Дир начал в Малине выпуск дисковой бороны, а в Де-Калбе, под Чикаго, произвели первую колючую проволоку, которая сняла проблему изгородей для безлесных прерий. Наконец, в 1890 г. седьмой кавалерийский полк вероломно и зверски истребил от мала до велика индейский лагерь под Вундед-Ни (Юж. Дакота)-и этим завершился разгром индейского сопротивления [67].

Лишь после этих событий приобрело свою настоящую ценность подлинное сокровище Великих равнин - прекрасные черноземные почвы. В хорошие годы на них вставала стена разнотравья, все говорило о сказочной плодородности этого края. Именно такими оказались 80-е годы прошлого столетия, когда через Великие равнины прошли трансконтинентальные железные дороги. Владевшие ими компании получили в дар громадные полосы отчуждениями для распродажи этих земель колонистам наемные борзописцы с успехом развернули неистовую рекламу нового «аграрного рая». Первыми покупателями стали иммигранты, строившие дороги. «Норзерн пасифик» завозила рабочих -**146** - в основном из Германии и России, и они заселили местности вокруг стыка Дакот, а «Грейт Норзерн»- из Скандинавии, в основном норвежцев, а также шведов и датчан, и они осели ближе к Канаде. По их следам шли тысячи и тысячи земляков; работала даже сквозная линия от германского порта Бремен до столицы Сев. Дакоты с характерным германским названием Бисмарк. За 80-е годы население Сев. Дакоты выросло с 37 тыс. до 191 тыс. человек, население Юж. Дакоты - с 98 тыс. до 350 тыс.

Заселение южной части района началось несколько раньше, оно стало массовым уже в 70-е годы, хотя & то время, по словам одного автора, тучи саранчи были здесь столь же привычным делом, как и облака на небе. Население было настолько разношерстным, что одно время официальные документы штата Небраска печатались в Линкольне на трех языках - немецком,

чешском и шведском. Однако господствующую роль сыграли здесь янки, притом довольно строгих пуританских правил.

Прерии Великих равнин осваивались под пшеницу. Для кукурузы здесь было слишком сухо, но пшеница, особенно по целине и в хорошие годы, удавалась на славу. Соблазненные слухами о баснословных урожаях, десятки тысяч переселенцев хлынули на Великие равнины. Особенно радовали урожаи в Небраске. Казалось, ей предстоит стать новым Иллинойсом, и спекулянты землей закладывали здесь густую сеть железных дорог и городов с громкими названиями. Конец XIX в. развеял эти надежды буквально в прах. Последовала череда страшных засух, гибли урожаи, фермеры, еще вчера процветавшие и полные надежд, превращались в нищих. Земля сухих прерий оказалась коварной, здесь не годилась старая агротехника, сложившаяся в лесной полосе. Начался массовый отток населения. К 1900 г. половина из тех, кто воспользовался законом о гомстедах в Небраске, покинули штат. Уезжавшие на восток писали на вагонах, шаржируя надпись на гербе Соединенных Штатов: «В Бога мы верили, в Небраске погорели» («In God we trusted, in Nebraska we busted(1)»). За 90-е годы население Небраски и Ранзаса почти не выросло, лишь в Сев. Дакоту продолжался приток колонистов.

Хозяйственные бедствия Великих равнин усугублялись тем, что их трудолюбивое население стало объектом самой беспощадной и бесстыдной эксплуатации -147 - со стороны большого капитала - железнодорожных магнатов, банкиров, хлебных оптовиков. Всем скопом они присваивали львиную долю выручки от фермерского труда. В ход шли самые разные средства - чудовищные проценты на кредит, «ножницы цен» между зерном и мукой, грабительские транспортные тарифы. Так, вывоз зерна от Фарго (на границе Сев. Дакоты и Миннесоты) до Миннеаполиса обходился дороже, чем оттуда до Чикаго, хотя до Чикаго было вдвое дальше; в целом же доставка пшеницы из Дакот в Чикаго обходилась дороже, чем из Чикаго в Ливерпуль.

Крупный капитал гнезвился не на Великих равнинах, где так и не сложилось сколько-нибудь крупных городов, а за их пределами - в Миннеаполисе, Канзас-Сити, Чикаго, Нью-Йорке, Бостоне. Поэтому у жителей Великих равнин рано развилась крайняя неприязнь к «ловкачам с Востока», да и вообще ко всем чужакам. Это способствовало сплочению местной территориальной общности, а заодно породило довольно редкий географический парадокс: главные организационные центры Великих равнин находились за их пределами и превращались в своего рода «внерайонные столицы», и чем неоспоримой было экономическое и социальное воздействие этих центров на все аспекты жизни Великих равнин, тем большую враждебность вызывало оно в складывающейся культуре района. Тем самым противостояние «центра и периферии», как назвали бы этот феномен современные западные географы, подчеркивалось и усугублялось их территориальной разобщенностью.

Стихийные бедствия, обнищание, гнет внешних сил - все это породило в конце прошлого века яркую вспышку радикальных общественных движений на Великих равнинах. Они стали оплотом весьма левых по своим лозунгам фермерских организаций популистского толка, которые - и это особенно важно в контексте американской социальной истории - отличались деятельным стремлением к слиянию с рабочим движением [13]. Пик этих движений - создание в 1891 г. национальной партии, в которой роль застрельщиков играли фермеры Канзаса, и президентские выборы 1892 г., на которых представитель

народной партии Уивер победил в Канзасе, Сев. Дакоте, Колорадо, Айдахо и Неваде, набрав 1030 тыс. голосов, т. е. 9% общего числа избирателей. Это была крупнейшая в истории США победа «третьей партии». С популизмом заигрывал и **-148 - У. Дж. Брайан** из Небраски, которого трижды (но неудачно) выставляла демократическая партия на президентских выборах.

В начале нынешнего века популизм на Великих равнинах пошел на убыль; сказались и общие сдвиги в политической жизни США, и полоса «хороших годов» с обильными урожаями. Распашка Великих равнин снова активизировалась, но все теми же методами, с тем же пренебрежением к особенностям земледелия в сухих прериях. Расплата за это последовала в 30-х годах, когда район поразила новая полоса страшных засух. Эрозия губила сотни тысяч гектаров, ураганы уносили за тысячи километров миллионы тонн плодородной почвы, и край превратился в печально знаменитую «Пыльную чашу». Следы этого удара заметны и сегодня. И дело не только в том, что население обеих Дакот до сих пор меньше, чем в 1930 г. Хуже другое: катастрофа 30-х годов застигла район накануне наметившейся перестройки, когда назревала возможность создания более разнообразной структуры хозяйства, хотя бы за счет завершения строительства аграрно-промышленного комплекса. Увы, Великие равнины так и остались сельским захолустьем с городками, но без городов, и здесь по-прежнему больше людей живет сельским хозяйством, чем промышленностью, а это в современных США большая редкость.

Правда, постепенно, с внедрением новейших форм агротехники, специально приспособленных к условиям этого края, пшеничное хозяйство Великих равнин стало более устойчивым, упорядоченным. Рост спроса на пшеницу на мировых рынках открыл перед районом новые возможности. Сократился отток населения. Если за 60-е годы четыре штата Великих равнин потеряли в ходе миграции почти 400 тыс. жителей, то за 70-е годы - уже меньше 200 тыс., а в 80-х годах отток вообще почти прекратился. К началу 70-х годов средний душевой доход здесь был, как правило, выше национального уровня. Ныне на эти штаты приходится свыше трети посевных площадей и сбора пшеницы в США - соответственно 10-12 млн. га и 20-25 млн. т в год. Сельским трудом все еще занято около 300 тыс. человек, и число их сокращается здесь гораздо медленнее, чем в среднем по США.

За сто с лишним лет, столь богатых событиями, на Великих равнинах сложилась вполне отчетливая - **149 -** территориальная общность людей. Как правило, они под стать природе края - суровые, не склонные к сантиментам, привычные к тяжелому труду, ревниво относящиеся к личной независимости. За долгие годы упадка эмиграция унесла много молодежи, остались только самые стойкие, привыкшие к капризам судьбы, но весьма подверженные фатализму: они готовы терпеливо сносить бедствия засух, эмбарго и т. п., но при удаче стараются выжать из нее все возможное, не заботясь о последствиях; такие настроения не раз губительно сказывались на ресурсах края.

Бытовая жизнь здесь суровая, но здоровая. По продолжительности жизни местные штаты находятся в числе первых в стране, по уровню преступности - в числе последних. Здесь живут потомки очень пестрой по национальному составу иммиграции, но столкновения между общинами почти нет - наверное, потому, что прямые контакты сильно ослаблены расстояниями» которые

способствуют образованию этнических изолятов. К тому же в расовом отношении население очень однородно, негров почти нет.

Жизнь в малонаселенном краю, вдали от города» сделала местного фермера мастером на все руки, а неустойчивость погоды и рынков - экономистом до мозга костей. Сегодня судьба его хозяйства во многом зависит от извивов вашингтонской аграрной политики, но местные фермеры не утратили глубокого недоверия к федеральным властям, в том числе и к Пентагону (военных баз и предприятий тут очень мало, а милитаристским настроениям противостоит изоляционизм, столь характерный для районов, заселенных выходцами из Европы).

Со времен народной партии и Брайана край слывет одним из самых радикальных в стране. Наследие тех времен - могучие кооперативы, которые снабжают фермеров семенами, машинами, топливом, защищают их интересы при сбыте. Кое-кто в США склонен видеть в этом «степной социализм», но это, конечно, не так. Подобные фермерские объединения порождены не духом коллективизма, а стремлением мелких хозяев оградить себя от покушений хозяев крупных. Ж. Гарро прямо называл кооперативы Великих равнин детищем крайнего индивидуализма местных жителей [67]. Недаром эти кооперативы построены по принципу обычных частных корпораций, и каждый фермер владеет акциями своего кооператива,

150

До сих пор мы вели речь о Великих равнинах как о едином районе, но они не являются таковым - хотя бы потому, что пшеничные ареалы рассечены почти посередине клином Сенд-Хилс - обширным пятном песчаных холмов на северо-западе Небраски с настоящими дюнами и барханами, где возможно лишь пастбищное скотоводство, благодаря обилию подземных вод оно выглядит сравнительно процветающим, но все же заставляет отнести этот клин к Западу, к району Роки-Маунтинс. Пшеничные ареалы оказываются разобщенными территориально настолько сильно, что их нельзя считать единым географическим районом. 1~ тому же они существенно отличаются друг от друга по многим важным признакам. Прежде всего сказывается огромная протяженность Великих равнин с севера на юг. Как ни монотонны изменения в этом направлении, но агроклиматические условия северной и южной половин оказываются весьма несхожими. На севере слишком морозная зима, и там вызревает лишь яровая пшеница, на юге же слишком сухо и жарко, и там разумнее сеять пшеницу озимую, чтобы она успела созреть до летних засух. Главные же различия между этими частями обусловлены тем, что «исторические судьбы живущих на них территориальных общностей сложились во многом по-разному. Эти районы можно назвать Яровой пшеничный пояс (северный) и Озимый пшеничный пояс (южный).

Яровой пшеничный пояс занимает треугольную по форме территорию, которая от канадской границы сужается к югу, где сходятся ее боковые границы - де' липа Миссури на западе и рек Ред-Ривер и Джеймс на востоке. На северо-западе она заходит по левобережью Миссури в Монтану и на крайнем юго-востоке Юж. Дакоты переходит в кукурузный пояс. Обильные посевы пшеницы есть и к западу от Миссури, и эта река служит скорее культурной границей, нежели экономической. Но за Миссури уже слишком многое напоминает Горный Запад - и пустынный район Бедлендс на западной окраине Сев. Дакоты, знаменитый фантастической красотой эоловых останцов,

и настоящие горы Блэк-Хилс на западной окраине Юж. Дакоты, богатые лесом и золотом, и многочисленные индейские резервации, охватывающие почти всю западную половину Юж. Дакоты.

Близ Рагби в Сев. Дакоте находится геометрический центр континента, равноудаленный от его **-151-** побережий, поэтому обе Дакоты - самая континентальная часть Северной Америки со всеми вытекающими отсюда последствиями: резким климатом, сухостью, транспортной изолированностью. Американцы называют их своей «Сибирью», имея в виду прежде всего жестокость морозов, малолюдье и удаленность от крупных городов. Однако осенью этот край являет собой впечатляющее зрелище бескрайних полей золотой пшеницы, которые занимают практически всю поверхность района (90% его площади занято фермами). Желто-золотой цвет полностью господствует в пейзаже, резко контрастируя с зеленью Лесного Приозерья и буро-коричневыми тонами Горного Запада. Островки мелких городков на 5-10 тыс. жителей лишь несколько разнообразят сугубо сельский облик края. Главными, наиболее высокими ориентирами оказываются на этой плоской равнине элеваторы и силосные башни. В Сев. Дакоте лишь 36% населения живет в агломерациях, а в Южной и того меньше - 16%; это худшие показатели среди штатов страны, не считая Вайоминга. Даже самые крупные города штата невелики: в Фарго 55 тыс. жителей, в Гранд-Форксе 40 тыс., в Абердине 30 тыс. Промышленность развита здесь крайне слабо, в ней занято лишь около 50 тыс. человек - вдвое меньше, чем в сельском хозяйстве. Это неудивительно: основные функции обслуживания района взял на себя Миннеаполис, находящийся в Лесном Приозерье.

В глазах многих американцев Сев. и Юж. Дакоты, столь похожие по своим очертаниям и природе, кажутся штатами-близнецами, но на деле они разительно отличаются друг от друга по культурным и политическим особенностям своих жителей. Этот контраст отмечал еще Дж. Гантер в книге «Внутри США»: «Ничто в США не может вызвать большего удивления, нежели различия между Дакотами. Северная Дакота - один из самых радикальных штатов. Южная Дакота - один из самых консервативных. Южная считает, что Северная населена в основном большевиками, Северная же отводит населению Южной место правее Гувера» [73]. После Гантера упоминание о подобных контрастах стало обязательным для всех, кто писал об этих штатах.

Действительно, культура Сев. Дакоты имеет давние традиции радикального популизма, выкованные в долгой борьбе с крупным капиталом Востока. Демократы обычно проводят своих сторонников в конгресс и на **-152-** пост губернатора. В Сев. Дакоте сложилась традиция, обратная той, которая господствует в остальной стране: в сельской местности преобладают демократы, а в городах - республиканцы. Однако партийные привязанности здесь не в ходу, фермеры привыкли относиться к администрации в зависимости от ее аграрной политики.

Юж. Дакота, напротив, отличается консерватизмом культурно-политического климата. Здесь никогда не было ярких популистских движений, не было ничего похожего на беспартийную лигу. Это типичный для Среднего Запада оплот правой части республиканской партии, и демократы поднимают здесь голову лишь в годы особенно тяжелых экономических бедствий.

Причину консервативности населения Юж. Дакоты обычно видят в большом влиянии реакционных кругов, связанных с золоторудными компаниями района Блэк-Хилс. Важнее, однако, то, что в каждой из Дакот состав колонистов был одинаково пестрым, но этнически разным. В Сев. Дакоте эта пестрота была особенно сильной. В 1920 г. около половины населения здесь было двуязычным, и даже в 1970 г. около 15% жителей назвали родным языком немецкий (это рекорд для США). Северную окраину штата заселяют выходцы из Канады, восточную часть - потомки норвежцев и шведов, западную - потомки немцев Поволжья (кстати, статистика учитывает их как «русских»). Скандинавы привнесли сюда сильные традиции либерализма, оплотами которого до сих пор считаются Гранд-Форкс, Майнот, Уиллистон; в этом штат весьма схож с Миннесотой. В Южной же Дакоте гораздо больше доля различных религиозных сект вроде меннонитов, приехавших сюда не столько по экономическим мотивам, как скандинавы, сколько из-за гонений на родине. Такие поселенцы живут гораздо замкнутее, консерватизм у них, что называется, в крови.

Озимый пшеничный пояс во многом похож на Яровой - унылостью безлесных равнин, этнической пестротой населения и, конечно, своей аграрной специализацией. Здесь, однако, значительно жарче летом, зимы не такие морозные. Скандинавско-немецкий этнический элемент скорее вкраплен, чем господствует, и вся культурная атмосфера заметно строже, более пуританекая. Немало здесь и значительных городов вроде техасского Амарилло, которые с успехом выполняют роль локальных центров.

153

Главное же отличие в том, что экономическая жизнь Озимого пшеничного пояса гораздо более неустойчивая. Ее постоянно лихорадят коренные трансформации, которые разделяют тяжелый упадок прош- Лого этапа развития и громкий бум на следующем этапе. В ходе таких трансформаций немалая доля населения покидала район, их место занимали новые иммигранты. Замечено, впрочем, что это не вело к размытию сложившихся прежде этнических анклавов, которые издавна превращали культурную карту пояса в настоящую мозаику, - анклавов скандинавских, канадских, немецких, ирландских, янки и др. Дело в том, что уходивших фермеров сменяли, как правило, иммигранты той же этнической группы [146]. Возможно, именно поэтому культурная обстановка в Озимом поясе постоянно воспроизводилась несмотря на большую текучку населения. При это» воспроизводилась и такая печальная черта местной культуры, как экологическая беспечность, стремление к скоро- богатству без оглядки на последствия хозяйствования в условиях очередной «лихорадки». Эта беспечность тем удивительнее, что уроки, которые преподносила здешним фермерам история, отличались предельной наглядностью и, можно сказать, жестокостью - особенно в 30-е годы, в эпоху «Пыльной чаши».

В этом кошмарном бедствии, обездолившем сотни тысяч людей, смешалось все: и капризы природы, и культ безоглядной наживы, и пороки экономического уклада. Г. Кирк из университета шт. Канзас писал по этому поводу: «Фермеры со своими плугами среди равнин, урон, который они нанесли району, - все это лежит в рамках той социальной системы, той структуры жизненных ценностей, того экономического порядка, который лучше всего выразить одним словом-капитализм» [91].

Оправившись от удара. Озимый пояс снова стал одной из житниц страны. Государство с помощью различных мероприятий вывело из оборота обширные площади, наиболее подверженные эрозии, агротехника стала более осторожной. Пояс стал выполнять роль передаточного звена в цепочке мясного скотоводства: Горный Запад (молодняк)-Озимый пояс (выращивание) -з ападная окраина кукурузного пояса (откорм и забой).

С 50-х годов мясной бизнес стал быстро смещаться на запад, в Озимый пояс, где имелаась разнообразная -**154** -кормовая база (пастбища, орошаемые луга, много грубого фуража и зерна с орошаемой пашни); отсюда было ближе до Горного Запада, где закупался молодняк. Мясным бизнесом стали заниматься специализированные фермы, притом весьма крупные. В 1965 г. половину продукции в ~анзасе дали фермы, содержавшие более чем по тысяче голов. Развитие автотранспорта подорвало монополию восточных скотопригодных рынков, бойни и мясокомбинаты стали откочевывать на запад, и в 1978 г. в Канзас-Сити было продано всего 375 тыс. голов *

Все эти тенденции получили сильнейший стимул после освоения водоносной формации Огаллала, которая подстилает 350 тыс. кв.км на Высоких равнинах, протягиваясь через шесть штатов. В Огаллале содержится около 4млрд. т воды, из которых 77% приходится на Небраску, по 8-9% -на Техас и Канзас, по 23% на Колорадо и Оклахому и 1% на Нью-Мексико. Водоносный слой особенно велик в Небраске (обычно более 100 м), а в Техасе он составляет примерно 60 м [94].

Использование подземных вод началось на Высоких равнинах еще в прошлом веке, но было оно весьма скромным. Внедрение новой буровой и насосной техники после второй мировой войны позволило резко увеличить его масштабы. Полив увеличивал урожайность кормовых культур примерно вдвое, пшеницы - на треть [84]. На его базе возник новый тип хозяйства-выращивание грубых кормов и фуражного зерна, прежде всего кукурузы и сорго, для откорма скота на говядину. К 80-м годам на Высоких равнинах орошалось уже около 6 млн. га (это 30% орошаемых земель страны), производство кормового зерна выросло за 30 лет с 5,5 млн. до 45 млн. т/год, и уже к середине 70-х годов Высокие равнины давали около 40% американской говядины, «произведенной» на фуражных откормочных площадках (фидлотах). Здесь возникла целая сеть крупнейших мясокомбинатов. На самом большом из них - компании «Айова биф просессинг» в Гарден-Сити (шт. Канзас) - в 1982 г. ежесуточно забивали по 4 тыс. голов скота .[93].

* Transactions of Kansas Academy of Sciences. 1981. Vol. 84, P. 173'-176.

Освоение ресурсов Огаллалы проходило в обстановке настоящего бума. В Техасе он начался на **155** - рубеже 50-х и 60-х годов, в 70-х годах он развернулся в Канзасе, а в 80-х охватил и Небраску. Эксплуатация ресурсов нарастала стремительно: за 1950-1980 гг. Годовой водозабор вырос с 8,6 до 25,8 млрд. куб. м и в десятки раз превысил естественное пополнение Огаллалы за счет осадков [94].

Экологические последствия бума оказались почти катастрофическими. Сейчас около трети посевов под пшеницей и кукурузой и почти все земли под хлопчатником поражены эрозией выше годового уровня 12 т/га, который тут считается «приемлемым» [145]. Немало уже местностей, которым грозит настоящее опустынивание. Во многих руслах исчезли поверхностные

водотоки, даже р. Арканзас большую часть года остается сухой между канзасскими городами Лакин и Додж-Сити [94].

Главное же последствие такого хозяйствования - быстрое сокращение запасов Огаллалы. Согласно расчетам, которые сделала в 1978-1982 гг. группа экспертов по заказу конгресса США, к 2020 г. эти ресурсы сократятся примерно на четверть, притом в Техасе - на 70%, в Колорадо и Нью-Мексико - больше чем наполовину, в Небраске же, где сконцентрирована львиная доля запасов Огаллалы, почти все они лежат под песками района Сенд-Хиллс, непригодного для распашки. По мнению этой группы, к 2020 г. около трети орошаемых площадей придется вывести из-под полива. Задолго до физического исчерпания ресурсов они оказываются недоступными по экономическим причинам. Растет глубина скважин, падает дебит, увеличивается стоимость воды. В Техасе, например, сегодня скважины способны орошать 70-75% той площади, которую поливали из них в 50-х годах. Здесь стоимость полива возросла к середине 80-х годов примерно в 10 раз [43].

Сельское хозяйство района отреагировало на эти трудности изменением агротехники - внедрением водосберегающих технологий и особо отзывчивых к поливу культур, переходом на богару, доля которой непрерывно растет. Широко внедряются дождевальные установки, закрепленные одним концом в середине поля и самодвижущиеся по кругу. В одной Небраске их число за 1973-1979 гг. выросло с 3 тыс. до 15 тыс. Это позволило освоить под полив многие холмистые участки и резко расширить площадь орошаемых земель. - **156** - Однако все это не решает дела и даже, по видимому, ведет к обострению экологических проблем: растет смыв почвы со склонов, уничтожаются массовым образом ветрозащитные насаждения, мешающие ходу дождевых толей; удобрения просачиваются в подземные воды (в Небраске в них уходит до половины вносимого в почву азота) *.

Сильное воздействие оказал бум и на социальную структуру района. Издавна он был оплотом семейных ферм, которые в Америке принято считать символом «свободного предпринимательства» в аграрном секторе. Но фидлоты с кормовой базой - дело очень капиталоемкое, семейным фермам это обычно не под силу, поэтому их все больше теснят корпорации, организованные по принципу аграрно-промышленного комплекса.

Тяжелые бедствия могут прийти на Высокие равнины извне - ведь экономика района во многом нацелена на экспорт. Группа экспертов, которая прогнозировала развитие района до 2020 г., исходила из хорошей конъюнктуры на мировых рынках зерна и мяса, сложившейся на рубеже 70-х и 80-х годов. Но если цены упадут на 20-30%, орошаемые площади в южной части района сократятся по меньшей мере вдвое [145]. А вероятность этого достаточно велика. За 1982-' 1985 гг. экспорт пшеницы из США сократился с 75 млн до 69 млн т, фуражного зерна - с 250 млн. до 245 млн. т; переходные складские запасы государства выросли до 44 млн. т пшеницы и 70 млн. т фуражного зерна (это соответственно 36 и 67% мировых складских запасов) **

По общему мнению, запасов воды в Огаллале хватит лет на 65, в южной же части - всего на 2030 лет. А ведь впереди 90-е годы, когда на Высоких равнинах, судя по сложившемуся двадцатилетнему циклу, должен наступить период сухих годов (91) Судя по всему, новый бум в Озимом пшеничном поясе снова завершится крахом. Может быть, он окажется не столь болезненным, как

в годы «Пыльной чаши», но наверняка приведет к очередному кардинальному изменению местной системы хозяйствования. Прогнозисты полагают, что животноводческий комплекс резко сместится к северу, в Небраску и Канзас, а на юге -157 - сильно увеличатся посевы хлопчатника и пшеницы- культур более засухоустойчивых и менее требовательных к поливу. Тем самым Озимый пояс вернет себе право снова называться «пшеничным»,-право, которое он стал было утрачивать в связи с развитием фидлотов и сорго-кукурузного откормочного комплекса на орошаемых землях.

*Environment. 1984. Vol. 21. No 8. P.17-20, 38-40

**International Bulk Journal. 1985. Vol. 5. No 6

На фоне общего хода американской истории развитие орошаемого земледелия и животноводства на базе Огаллалы может показаться некоей вспышкой: ведь активный период этой схемы хозяйствования займет, по-видимому, около 30-40 лет. Но само возникновение этой системы, стремительные темпы ее развития и, главное, расположение ее на стыке крупных регионов страны-все это может оказаться весьма поучительным для географического исследования как пример высокой подвижности американской структуры районов. Обращает на себя внимание и то, что «система Огаллалы» возникла прямо на границе между Средним Западом, Западом и Югом. На этом рубеже сложилась своеобразная деятельность, которая придала этой полосе вдоль рубежа характер полновесного района. При этом Средний Запад как бы сместился и к югу, и к западу, поскольку характер хозяйствования на Огаллале был среднезападным по своему типу. В то же время он имел немало черт и своих соседей: поливное земледелие характерно для Горного Запада, многие культуры (прежде всего хлопчатник)-для Юга. В целом же этот район достаточно разительно отличался от своих соседей и на Юге, и на Среднем, и на Горном Западе. Тем не менее через 20-30 лет ему предстоит исчезнуть - как бы рассосаться по соседним районам. Столь яркие примеры районной динамики встречаются не часто.

Часть IV АМЕРИКАНСКИЙ ЮГ

Если у кого-либо и остаются сомнения насчет того, имеет ли смысл районировать США как общество, то все эти сомнения становятся излишними при одном упоминании слов «Американский Юг». Без особого преувеличения можно сказать, что Американский Юг-это апофеоз общественного районирования, неоспоримый аргумент в его пользу. Отличия этого района от других и внутренняя его целостность достигают такой яркости, которая позволяет считать Юг классическим образцом не просто экономического района, но района общества - общественного района. Недаром он уже много лет служит своего рода полигоном для региональных исследований самых различных американских ученых - от этнографов до политологов, и каждый из них поневоле становится при этом географом, нередко делая весомый вклад в географическое изучение Юга.

На первый взгляд трудно найти в Соединенных Штатах территорию, которая была бы столь контрастной по физико-географическим чертам и даже по внешнему облику. В самом деле, что общего, казалось бы, у знойных степей Техаса и

тропических болот Флориды, у лабиринта глухих котловин Южных Аппалачей и плоских Береговых равнин? 1~ тому же многие черты, которые принято считать в США сугубо южными, присущи нередко и другим районам страны.

Еще полвека назад воплощениями Юга считались открытый расизм, аграрность, бедность, социально-экономический застой; его олицетворял нищий чернокожий кроппер, проливающий пот на хлопковом поле. Однако сегодня кропперов больше нет, многие южные города встали вровень с крупнейшими центрами страны, некоторые южные штаты опережают по индустриализованности иные штаты Северо-Востока, открытые формы расизма ушли в прошлое, и в 70-е годы Юг стал символом стремительных и коренных изменений. Одним словом, традиционный образ Юга размывается на глазах. **-159-**

И тем не менее существование Юга как района совершенно очевидно - и для любого ученого-американиста, и для любого американца. У миллионов жителей этой страны нет разночтений слов «южный», «южанин», «на Юге». Культурное единство - вот тот ответ, который объясняет феномен сплочения столь разнородных территорий в один район, и в этом смысле Американский Юг можно считать торжеством культурного фактора районообразования над всеми другими. **-160-**

«Подобно Новой Англии Юг - это не только район, но и целая идея» - пишет Ж.Гарро /67/, хотя ему следовало бы оговориться, что если у Новой Англии есть четкие и бесспорные границы, то относительно границ Юга споры не утихают до сих пор. Сам Ж.Гарро посвятил вопросу о границах Юга обширный фрагмент своей книги, весьма красноречивый и проникнутый пристальным вниманием к таким предметам, как умонастроения жителей той или иной местности, история ее заселения, облик и т.п. И хотя мы договорились отложить разговор о межрайонных границах до будущих времен, этими рассуждениями **-161-** Ж. Гарро стоит начать очерк о южных районах - и потому, что речь идет о разграничении макрорегионов, и потому, что эти рассуждения высвечивают многое в сокровенном смысле «идеи Юга». К тому же вариант Ж. Гарро хорошо отражает общепринятое сегодня представление о границах Юга; близко к нему и наше.

Гарро начинает эту границу в центре Делавэра и относит к Югу восточные берега Мэриленда, считая Аннаполис «пограничным городом». Далее его граница огибает с юга предместья Вашингтона, вздымается к северу, чтобы оставить в составе Юга долину Шенандоа, а потом по условной прямой следует до р. Огайо, которую граница пересекает трижды: сначала для того, чтобы отнести к Югу несколько округов шт. Огайо, а затем для того, чтобы отрезать от Юга левобережные предместья Цинциннати. В полном соответствии со сложившейся на сегодня традицией американских политологов Гарро относит к Югу холмы южной Индианы и проводит границу по линии Индиа-наполис-Терре-Хот и далее на Сент-Луис; по его словам, 31 округ южного Иллинойса здесь называют «Саузерниллинойс» и без колебаний относят их к Югу. В шт. Миссури граница проходит по линии Сент-Луис-Колумбия, причем первый, хотя и с оговорками, Гарро относит к Среднему Западу, а вторую - к Югу. Далее граница огибает Озарки, затем резко поворачивает к югу, отрезая от Оклахомы восточную часть, которую здесь называют «Литл Дикси», и пересекает р. Ред-Ривер у Дьюранта.

Ж. Гарро оконтуривал не столько Юг, сколько «Дикси». Так издавна называют старинное ядро Юга, сложившееся на традициях рабовладения. Поэтому граница Гарро разрезает Техас, оставляя в составе Юга его восточную часть с Лапласом и Хьюстоном. Однако, по нашему мнению, настоящий Запад начинается уже за

пределами Техаса, и тexasкие степи, несмотря на их необычность для южных ландшафтов, следует тоже включать в Юг.

Причины культурной специфики Юга коренятся в его истории. Юг стал заселяться европейцами одновременно с Севером, даже несколько раньше, но это была совсем иная колонизация - не религиозная, а сугубо коммерческая. Колонисты приезжали сюда отнюдь не строить новый мир, как пуритане, а воссоздавать старый, да еще в таких его чертах, которые в Европе уже стали тускнеть или исчезать. Их интересовала не **-162-** духовная свобода, а деньги. Они вовсе не искали изоляции - напротив, первое столетие колонизации Юга прошло в теснейшем общении с Англией. Связям с нею было подчинено все, включая систему расселения вдоль полноводных рек, соединяющих просторы Береговых равнин с океаном~ между этими «струйками» колонизации связь была на первых порах слабая. Лишь позже, когда колонизация перебралась на Пидмонт и «линия водопадов» на его уступе оборвала сухоходный выход к океану, здесь начала складываться более сплоченная общность, которая продолжала поддерживать активные отношения с Европой.

Отражением коммерческой ориентации стало стремление колонистов как можно деятельнее возделывать товарные культуры--индиго, рис, табак, позднее хлопчатник, которые предназначались для европейских рынков. Ради выручки от продажи этих товаров здесь рано возникли плантации, черные невольники для их обработки появились на Юге раньше, чем пуритане в своей Новой Англии.

Как ни парадоксально на первый взгляд, но рабовладельческий Юг с самого начала строился на сугубо товарном хозяйстве - в разительном отличии от Новой Англии, где колонисты стремились прежде всего добиться хозяйственного самообеспечения. Юг же даже ко времени Гражданской войны, обладая могучим сельским хозяйством, не мог обеспечивать себя продовольствием - так далеко зашла в нем специализация на товарных культурах.

Этот «разгул специализации» весьма поучителен. Он лишний раз опровергает наивное, но довольно расхожее мнение, согласно которому специализация, территориальное разделение труда - неоспоримое благо, мерило уровня развития общества. На Юге это разделение зашло настолько далеко, что обнажило порочность такого забегания даже с чисто экономической точки зрения. Все трудовые и естественные ресурсы Юга были подчинены одной цели-обогащению на товарных культурах. Его общество сразу стало складываться как сугубо аграрное, сельское, города служили только рынками сбыта на вывоз, и почти все остальное Югу приходилось ввозить.

Показательно в этом отношении описание похорон 'в округе Никоне (шт. Джорджия), которое оставил известный в прошлом веке южный литератор Г. Грейди: могилу рыли в мраморной каменоломне, но **-163 -** надгробие привезли из Вермонта; дело происходило в полосе сосновых лесов, но деревянный гроб был сделан в Цинциннати, кладбище было неподалеку от железорудной шахты, но гвозди и лопаты были питтсбургского производства, рядом пасли тысячи овец, но саван был соткан в Массачусетсе. «Юг дал только тело и яму»,-заклучил с горечью Грейди.

Совершенно иным, нежели в Новой Англии, стал общественный уклад Юга. Землю здесь захватывали в основном богатые колонисты, которые не собирались обрабатывать ее своими руками. Для возделывания поместий они завозили из Африки или Вест-Индии негров-невольников, а из Европы - сервентов, т.е. работников, которые были обязаны отработать на хозяев определенный срок в оплату за

перевоз и бытовое устройство. Так на Юге с самого начала сложились три резко сегрегированных общественных слоя: богатые плантаторы, «белая беднота» (poor whites) из сер-Бейтов и их потомков и черные рабы. Каждый слой жил своей жизнью, своим бытом, перегородки между слоями были практически непроницаемыми, кричащие различия между слоями по благосостоянию и общественным правам, укоренившиеся представления о «естественности» такой сегрегации и составляли главную суть культуры Юга.

Руководящая роль в этом обществе безраздельно принадлежала богатым гражданам-плантаторам, банкирам, купцам, адвокатам. Верхний слой считал эту роль не только своим естественным правом, но скорее даже обязанностью, бременем, хотя проводил свою жизнь в основном в праздности, развлечениях, кутежах. «Белая беднота» отличалась особой религиозностью (здесь любят говорить, что на Юге легче найти яйцо, снесенное мулом, чем безбожника). Ее бытовые правила были гораздо строже, пьянство было не в чести, но и тяжелый труд тоже, потому что он считался уделом черных рабов. «Белая беднота» не имела никаких политических амбиций, она слепо шла за богатыми классами и солидаризировалась с ними почти во всем, противопоставляя себя не богатым, а черным. Самый нижний этаж общества занимали черные рабы, лишённые всех человеческих прав.

Исследователи культуры Юга не раз подчеркивали особую жестокость южного рабовладения, видя в этом прямое следствие уродливости скрещивания «ископаемых» форм общественной жизни с передовой по -164-тому времени англоязычной культурой, не имевшей навыков рабовладения. Принято считать, что в испанских колониях в Америке рабство успело эволюционировать и здесь рабу не отказывали в человеческом достоинстве полностью, считая его «человеком в особом состоянии». В английских же колониях институт рабства был примитивно грубым, раб приравнивался к скоту или инвентарю и не считался человеком вовсе. Поэтому культурная общность рабов на Юге складывалась совершенно изолированно от остальных слоев южного общества, и складывалась с огромным трудом, постоянно подавляемая сверху самым жестоким образом. Достаточно сказать, что во многих штатах Юга до Гражданской войны обучение негров грамоте считалось тяжким уголовным преступлением. К тому же рабы были оторваны от родины, их семейные связи постоянно нарушались продажей рабов «в розницу». Остается лишь удивляться тому, что им все же удалось создать на Юге свою культуру, притом настолько самобытную и яркую, что она оказала несомненное и сильное влияние на многие черты культуры белых южан - от южного диалекта до южной музыки.

Нельзя сказать, что институт рабства на Юге совсем не эволюционировал. В колониальную эпоху он был примитивным, но все же не столь зверским, как век спустя, и содержал представления патерналистского характера, которые предписывали рабовладельцу заботиться о своих рабах как о «детях неразумных». Некоторые «отцы-основатели» США, будучи южанами, владели множеством рабов, но это были просвещенные люди, культурные лидеры своего времени, и они смотрели на рабство как на помеху в развитии Юга, как на институт, которому предстоит отмереть в близком будущем. Недаром в начале прошлого века большинство аболиционистских организаций было сосредоточено именно на Юге. Но их надежды не сбылись. Рабство въедалось в экономику и быт Юга все сильнее, просветительские воззрения быстро испарялись, и уже следующее поколение белых южан оказалось одержимым совсем иными, куда более жесткими взглядами на

рабство. Оно дорожило этими взглядами так сильно, что ради их защиты пошло на Гражданскую войну с Севером.

Рабство оказало огромное разлагающее влияние на южное общество. Обилие бесправной рабочей силы исказило здесь весь строй взглядов на труд как -165 - таковой. В отличие от пуритан, которые видели в труде своего рода доблесть, освященную богом, белая южане считали труд как на вынужденное занятие, оправданное только в том случае, если оно вело к быстрому обогащению и возможности вести потом праздную жизнь. Труд по найму вообще выглядел полурабским занятием. Недаром северяне называли южные районы страны «ленивый Юг» (lazy South).

Любой белый южанин, даже самого ничтожного достатка, привык гордиться своей белой кожей. Наличие в обществе громадного абсолютно бесправного класса другой расы оказалось плодотворной почвой для расцвета безобразного «белого чванства», и чем дремучее было сознание масс, культивирующих этот предрассудок, тем более отвратительные плоды давало оно в социальной жизни. На «белом чванстве» и стремлении к праздности вызревали и такие, казалось бы, позитивные черты южной культуры, как обостренное чувство собственного достоинства, романтизм феодального образца, подражавший замашкам средневекового дворянства: в прошлом веке дуэли были на Юге обычным делом.

Нетрудно заметить, что стремление к праздности, сословная спесь, традиции личной чести, романтический настрой в быту - все это имитация аристократического образа жизни богатого плантатора, которой истово предавалось все белое общество Юга. Именно в этом заключается корень владычества плантаторского класса. К началу Гражданской войны на Юге было около 4 млн. рабов, но владели ими всего 384 тыс. белых, притом лишь 108 тыс. из них имели более чем по 10 рабов. Только 46 тыс. могли быть причислены к настоящим плантаторам, потому что им принадлежало не менее чем по одной плантации и не менее чем по 50 рабов. Однако на них приходилось не менее 70% личного благосостояния граждан Юга - разумеется, если считать рабов простым «инвентарем». Между тем около 6 млн. белых граждан Юга вообще не владели рабами.

Поэтому причина засилья чисто плантаторской системы взглядов на жизнь заключается не столько в том, что плантаторы юридически владели рабами, сколько в том, что они духовно владели обширными массами «белой бедноты», которая любое покушение на институт рабства воспринимала как покушение на -166 - свое личное достоинство, а призывы к освобождению рабов - как попытку приравнять «белую бедноту» к «грязным ниггерам». Из-за этого классовые противоречия на Юге были затушеваны противоречиями расовыми, которые рьяно подогревались высшим классом и стали тяжелым препятствием на пути социальной эволюции Юга.

Немало было на Юге и других препятствий. Южное общество сразу же складывалось как общество сугубо сельское, городов было мало, их людность была невелика, да и существовали они отнюдь не промышленностью, а торговлей и обслуживанием тех представителей господствующего класса, которые предпочитали жить не на плантациях, а в городах.

На Юге рано сложилась традиция изолированного расселения. Как говорили здесь в колониальные времена, колонист старался обосноваться вдали от других, и, как только до него долетал лай соседских собак, он переходил на новое место-благо свободных земель в то время было много, а сопротивление индейцев оказалось куда слабее, чем на Севере. В таких условиях вызревал особый южный

индивидуализм, весьма грубый и не нуждавшийся для охраны своих прав в общинной организации жизни, типичной для индивидуализма пуритан Новой Англии. Нарочитая изоляция в быту вела к ослаблению социальных контактов и создавала питательную основу для невежества, мешала внутрирайонному разделению труда. Часто говорят, что южанин-колонист был вынужден становиться мастером на все руки и не мог углублять отдельных своих навыков, а потому этот край и не рождал таких умельцев, которыми славилась Новая Англия.

Все эти разнородные, казалось бы, факторы сплелись в клубок и породили на редкость устойчивый социум, устойчивый до косности, но в то же время обладающий внушительной внутренней силой. Он без особого труда вобрал в себя миграцию с Севера, которая перед революцией прокатилась по Пидмонт. Главные черты южного общества сложились на Береговых равнинах с их жарким климатом, тучными почвами и удобным выходом к океану по полноводным рекам. На Пидмонте же географическая среда оказалась во многом иной, сюда приходило с Севера в основном мелкое белое фермерское хозяйство, которое обычно не обзаводилось рабами, и **-167-** негров тут было гораздо меньше. Тем не менее черты, северной культуры были смяты культурой Юга, и Пидмонт быстро превратился в типичный южный район.

По мере продвижения фронта в южном и западном направлении южная культура постоянно воспроизводила себя - и не только в виде плантационного хозяйства, но и всем строем ценностных ориентаций, бытовой зарегулированностью, расистскими установками. Даже в тех районах Юга, где негров было совсем мало, эти установки явно господствовали в куль

Волны иммиграции, хлынувшие в США с середины прошлого века, обходили Юг. Его специфическая культура, отсутствие промышленности и рабочих мест, архаичные земельные отношения, а больше всего рабство и его пережитки отпугивали европейских иммигрантов. В 1920 г. почти 15% населения США составляли иммигранты, примерно 25% - их прямые потомки, но на Юге эти показатели были вчетверо ниже. На Юг в это время приходилось около 25% населения страны, но только 6% иммигрантов и их прямых потомков - 2,3 млн. человек из 24 млн. жителей Юга. Поэтому Юг издавна развивался в немалой культурной изоляции, в известной мере самодовлеюще. Как писал Р. Гастил, ныне почти любой житель Юга без труда прослеживает своих предков-южан до середины прошлого века, а большинство и до самого его начала [68].

Застойный, нищий, аграрный, изъязвленный отвратительными пережитками рабства, невежественный и расистский - таким до недавнего времени представлялся Юг почти любому американцу, жившему за пределами этого района. В этом образе много горькой правды, но немало и преувеличений - и прежде всего потому, что не так уж свободны от этих пороков другие районы США, особенно если иметь в виду расистские настроения, которые оживились во многих городах Севера в ходе массового переезда в них негров после второй мировой войны. Показным оказался на поверку антирасистский пыл многих северян, которые готовы были бичевать пережитки рабства на далеком Юге, но не сумели сохранить этот настрой в непосредственных контактах с чернокожими гражданами Америки.

К тому же Юг, как это нередко бывает с застойными обществами, сохранил немало культурных черт, **-168-** которые были истреблены в культуре Севера разгулом капиталистических отношений, и было бы несправедливо рисовать культуру Юга только черными красками.

На фоне Севера с его жесткими индивидуалистическими установками и

социальной атомизацией Юг выглядит обществом более сплоченным, где социальные связи между людьми играют гораздо большую роль в культуре. Казалось бы, сегрегация, распыленное расселение ведут к размыканию социальных связей, изолируют людей друг от друга. Однако, как ни парадоксально, это оборачивается повышенным значением социума для всей организации южного общества.

Если на Севере оно зиждется в большой мере на связях производственного, рыночного, экономического характера, то на Юге-прежде всего на отлаженности социальной структуры, и хотя структура эта архаична, реакционна, несправедлива, но само внимание общества к проблемам своей социальной структуры на Юге гораздо выше, чем на Севере. Южанин привык жить в сложном, «густом» контексте общественных отношений, привык чувствовать свою сильную зависимость от них, тогда как на Севере царит культ личной независимости, и северянин стремится-может быть, без должных на то оснований-ощутить себя свободным от социума, который кажется ему необходимым лишь постольку, поскольку этот социум обеспечивает ему независимость.

Поэтому южане любят подчеркивать, что от их общества веет не только сегрегацией, но и теплотой человеческих отношений, незнакомой Северу, веет не только застоем и косностью, но и патриархальностью уз, сплоченностью людей; что им присущи черты, давно обесцененные на Севере - чувство чести, патриотизм, романтический взгляд на жизнь. Вряд ли подобные черты могут искупить позорные пережитки расизма, но нельзя не заметить, что Север так и не смог, несмотря на победу в Гражданской войне, привить Югу свои буржуазные идеалы во всей их полноте, и капиталистический чистоган правит на Юге отнюдь не с той бесцеремонностью, как на Севере.

За последнюю четверть века на Юге произошли разительные перемены. Мощное движение за гражданские права в 60-х годах преобразило социальную атмосферу района, смело наиболее кричащие проявления расизма. Если в 1960 г. менее 1/3 негров, имевших право голоса по возрасту, зарегистрировались на выборах, то в 1976 г. - уже более 2/3, причем в Арканзасе и Джорджии этот показатель у негров был выше, чем у белых. Сотни негров были выбраны в законодательные органы южных штатов, возглавили администрацию многих южных городов, в том числе и самых крупных. Отток населения (и прежде всего негров) почти прекратился, и если за первую половину нынешнего века доля Юга в населении страны упала с 40 до 30%, то в 70-х годах численность населения здесь росла вдвое быстрее, чем в стране, и доля района в населении стала расти. В 1980 г. она достигла 1/3, а в 1985 г. перевалила за 34%.

Еще быстрее шло экономическое развитие Юга. В 1950 г. на Юге было создано менее 1/4 валового национального продукта США, а в середине 80-х годов уже примерно 1/3. Произошел разительный рывок в уровне душевых доходов. В 1950 г. они были на Юге на 30% ниже, чем в среднем по стране, в 1970 г. - на 20%, а к середине 80-х годов отставание сократилось до 10%.

Главным фактором хозяйственного развития Юга стала индустриализация, хотя и запоздалая, но особенно заметная теперь на фоне того упадка, который постиг промышленность Севера за последнюю четверть века. С середины 60-х годов численность занятых в обрабатывающей промышленности США постепенно, хотя и с перерывами, сокращалась, но на Юге она неуклонно возрастала. Благодаря этому доля Юга в промышленной занятости увеличилась за это время в 1,5 раза - с 20 до 30%. Техас и Сев. карапина вошли в число 10 ведущих по этому показателю штатов страны, и теперь по доле промышленности в занятости вне сельского

хозяйства Сев. и Юж. Каролины далеко Превосходят такие штаты старинной индустриализации, как Массачусетс, Коннектикут или Мичиган. Даже Алабама, Арканзас и Миссисипи находятся по этому показателю на одном уровне с Пенсильванией или Огайо.

Одним словом, изменения на Юге были огромными, и на этот счет в общественной жизни США сложился широко разрекламированный миф. Под разными названиями-«обновление Юга», «вторая реконструкция», «солнечный пояс» - его уже много лет воспевают здешние средства массовой информации, - **170** - целая армия политологов, историков, экономистов и других ученых. Однако на деле ход событий на Юге оказался слишком сложным, чтобы его можно было отразить показателями роста, подобными приведенным выше.

Южные штаты по-прежнему остаются самыми бедными в стране. И в 1950-х, и в середине 80-х годов Миссисипи, Арканзас, Алабама и Юж. Каролина занимали последние места среди штатов по уровню душевого дохода. По-прежнему на Юге самые низкие заработки в промышленности, самая низкая доля участия в профсоюзах, наихудшие социальные показатели по обеспеченности врачами и больничными койками, образовательному уровню и т. п. Наиболее здравые ученые, наблюдая за развитием Юга в последние годы, отмечают, что вместо феномена «солнечного пояса» следовало бы говорить о феномене «роста без развития». Ж. Гарро в книге «Девять наций» приводит пример миссисипского городка Тьюпело, который в 70-е годы ставил рекорды промышленного развития. По словам Гарро, один местный фабрикант заходит в десегрегации дальше министра юстиции США- настолько он не различает белых и черных среди своих рабочих: и тех, и других он зовет «вонючими ниггерами»

Не первый раз вспыхивают в США ликования по поводу преобразования Юга. «По моим подсчетам, - пишет Ж. Гарро, - с тех пор, как Ли сдался Гранту, появлялось по меньшей мере 6 больших, широко разрекламированных «Новых Югов», не считая мелких Новых Югов, которые южные журналисты запускали время от времени в качестве пробных шаров». Когда в 1941 г. У. Кэш выпустил знаменитое сочинение «Мышление Юга», где воспевались его индустриализация, исчезновение суда Линча, общее смягчение нравов и т. п., это случилось, по мнению Гарро, «три Новых Юга тому назад» [67].

В последние годы развитие Юга явно застопорилось. Близка к исчерпанию стимулирующая роль таких факторов, как общее оздоровление общественной атмосферы в результате движений протеста 60-х годов, подтягивание южных штатов к средненациональному уровню по душевым доходам, жадный спрос на услуги третичного сектора, по развитию которого Юг сильно отставал от остальной страны. В нефтегазовой промышленности -самой динамичной части южного -**171** -хозяйства - наметились черты стагнации, а когда с 1985 г. цены на нефть стали стремительно падать, в экономике многих частей Юга разразился своего рода локальный кризис. Пресса заговорила о «закате солнца над солнечным поясом», о возвратном оттоке мигрантов домой, в «Ржавую чашу», которую они было покинули в 70-х годах ради обильных рабочих мест на Юге. По-видимому, ось регионального развития США снова начала смещаться, и смещение это идет отнюдь не на пользу Югу.

Одним словом, развитие и современное состояние Юга отличаются исключительной сложностью и противоречивостью - пожалуй, гораздо большей, чем в большинстве других районов США. Поэтому анализу южных районов придется уделить гораздо больше внимания и места: слишком сильно изменился

Юг за ту четверть века, которая прошла со времени публикации академического трехтомника о районах США, слишком неоднозначны происходившие тут изменения.

Все эти изменения приобретали своеобразный облик в отдельных частях Юга, и это заставляет с особой внимательностью отнестись к его внутреннему районированию.

Речь при этом идет не только о выделении крупных частей американского Юга. Эти части довольно очевидны. Рубежи между ними проложены самой историей США, которая словно оставила на территории Юга глубокие шрамы, затвердевшие в его районной организации. Один рубеж пролегает вдоль р. Саванна, на берегах которой остановилось колониальное освоение Юга ко времени революции; это так называемый Старый Юг, охватывающий основную территорию штатов-основателей США. За Саванной простирается Глубокий Юг, освоенный между революцией и Гражданской войной. В Аппалачах и к северу от них сложился наиболее мозаичный макрорайон Юга - Пограничный Юг, полный черт перехода к северным районам США, но все же, несомненно, южный. За тexasской рекой Тринити простирается обширная территория, освоенная уже после Гражданской войны, которую широко принято именовать Новым Югом. Между этими районами высших рангов, словно крошево между крупными льдинами, лежат менее значительные, но яркие районные образования: Дэлта в долине Миссисипи, самобытнейший в культурном отношении Каджунский Галф, Пайни-Вудс, Озарки. Особняком стоит -172 - Флорида - еще недавно окраинный район, а ныне вместилище десятка миллионов жителей, стремительно разрастающийся макрорайон.

Старый Юг

Часть между океаном и Аппалачами и между Потомаком и Саванной была заселена и освоена европейцами еще до американской революции. Здесь распадам гались 3 из 13 первоначальных колоний: Виргиния, Сев. и Юж. Каролины; четвертая - Джорджия - была уже основана, но заселение ее ограничивалось долиной р. Саванна. Эту часть Юга справедливо назвать Старым Югом, поскольку это, пожалуй, самый старый по времени возникновения район современных Соединенных Штатов, и данное обстоятельство в решающей степени предопределяет главные особенности сложившейся здесь территориальной общности людей.

Именно отсюда, со Старого Юга, началась колонизация Северной Америки англичанами. В конце XVI в, около 30 лет старались они закрепиться на этих берегах и еще в 1585 и 1587 гг. безуспешно пытались основать колонию на о. Роанок. Первую постоянную колонию удалось создать лишь в 1607 г., после того как был заложен Джеймстаун в устье р. Джеймс. Его основатели надеялись, что река служит началом прохода к Тихому океану - ведь до 1620 г. думали, что тихоокеанский берег отстоит от Джеймстауна не далее чем на 150 км* Тем самым Лондонская компания, ведавшая колонизацией этого края, на полтора десятка лет опередила пуритан и Плимутскую компанию, заселявшую северную часть побережья. Уже в 1619 г. сюда были завезены первые 20 рабов. Колонисты сравнительно быстро заселили «Некс» - узкие полуострова между устьями рек Потомак, Йорк, Джеймс, Раппаханок, а затем постепенно расселились по прибрежным равнинам. Через полвека они стали проникать на территорию современных Каролин, а в начале XVIII в. началось массовое заселение Пидмонта переселенцами с севера.

* O'Mara J. Town founding in seventeenth century North America: Jamestown in Virginia.

"Journal of Historical Geography. 1982. Vol.8. No 1. P. 1-11

Так около 300 лет назад сложилось ядро, ставшее своего рода рассадником той культуры, которая со **-173** - временем охватила всю южную половину новой страны, - культуры рабовладения и плантаторства. Здесь, на Старом Юге, она достигла своего наивысшего расцвета и сыграла огромную роль в самом создании Соединенных Штатов. Это была их богатейшая и самая населенная, часть, здесь разворачивались многие главные события зреющей революции и главные битвы войны за независимость, отсюда вышло большинство самых ярких общественных деятелей революции и молодой республики. Достаточно сказать, что четыре из первых пяти президентов страны были виргинцами - Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, Д. Мэдисон и Д. Мойра. Из 12 первых президентов 9 были уроженцами Старого Юга; правда, четверо из них пришли в Белый дом как деятели других штатов (О. Джексон и Д. Полк из Теннесси, У. Харрисон из Индианы, З. Тейлор из Луизианы), но это лишь подчеркивает роль района как культурного рассадника для обширной прилегающей территории. Н. Пейрс приводил расчеты историка Л. Роуза, согласно которым начиная с 1774 г. в течение 150 лет 339 уроженцев Виргинии представляли в кон-грессе США другие штаты [114].

Здесь, на Старом Юге, эта культура пережила наиболее полную и глубокую эволюцию, здесь завязался самый тугий узел порожденных ею противоречий. Здесь вызрела инициатива отделения южных штатов от Союза: съезд демократов в Чарлстоне ознаменовал политический разрыв, а штурм форта Самтер близ Чарлстона в мае 1861 г. - начало военных действий Гражданской войны.

Всем этим-ролью духовной колыбели, культурного рассадника - Старый Юг напоминает Новую Англию. С ней он разделил и дальнейшую судьбу - неуклонный закат и отход на второй план по мере развития остальных частей страны. Отток населения на новь-земли сдерживал рост людности самого Старого Юга. В 1810 г. Виргиния была самым населенным штатом страны, а Сев. Каролина занимала четвертое место; на них приходилось около 1/3 населения США. Но уже к Гражданской войне их доля упала ниже 10%, Виргинию обогнали Нью-Йорк и Пенсильвания, а Сев.Каролина - добрый десяток штатов. Согласно некоторым подсчетам, к тому времени более половины уроженцев Виргинии жило к западу от хребта Блу-Ридж, в основном в Кентукки и Теннесси [114]. Огромные бедствия принесла с собой Гражданская война. **-174-** На территории Старого Юга (прежде всего в Виргинии) прошли 'самые долгие и кровопролитные военные действия, многие местности и города района были разорены буквально до основания. Здесь судьбы Новой Англии и Старого Юга расходятся: Новая Англия была в стане победителей, а Старый Юг оказался страной поверженной, которая была отдана на откуп северным капиталистам.

Неудивительно, что после этого Старый Юг на долгие годы откатился на обочину американской истории, превратившись в один из самых застойных и нищих районов страны. Однако главной причиной застоя оказалось не военное поражение, даже не отсталая структура экономики сама по себе, а прежде всего весь социально-культурный уклад района, пропитанный пережитками рабовладения, пораженный кричащим имущественным расслоением, построенный на представлении ННН о «естественном» неравенстве людей. Богатая элита из потомков первопоселенцев, узурпировавшая политическую власть и культурное верховенство, главную свою задачу видела в том, чтобы всеми средствами препятствовать любым изменениям - и много в этом преуспела. Огромное большинство населения-- нищие негры, загнанные на самое дно общественного

устройства, «белая беднота»-было отрезано от общественной жизни, и социальная апатия стала родимым пятном культуры Старого Юга. Характерно, что еще в 1948 г. в Юж. Каролине в национальных выборах приняло участие всего 142 тыс. граждан - и это в штате с населением в 2 млн. человек! Из-за этого на Старом Юге дольше всего сохранялись самые жестокие методы эксплуатации, самые низкие заработки, самая бессловесная рабочая сила. Недаром Сев. Кара- лица до сих пор является штатом с наименьшим развитием профсоюзного движения (им охвачено лишь 7% наемных работников вне сельского хозяйства), а средняя зарплата в промышленности здесь самая низкая в стране после Миссисипи.

На все это накладывалась, конечно, острейшая расовая проблема. Правда, здесь она была несколько смягчена теми традициями плантаторского патернализма, которые восходили к дореволюционному времени и были мало знакомы зверскому рабовладению Глубокого Юга. Но в этом проглядывало скорее «искусство умиротворения», которому старинные плантаторские круги района обучились за 250 лет -175 - рабовладения и которое оказалось гораздо эффективнее в сдерживании борьбы за гражданские права, чем грубое насилие расистов Глубокого Юга.

Олицетворением политических традиций Старого Юга может служить знаменитая «машина Бёрдов», которая правила Виргинией четыре десятка лет - с 1925 г., когда Гарри Берд стал губернатором штата. Во многом она напоминала пресловутые «машины» северных городов: та же демагогия насчет заботы о «маленьком человеке», те же проклятия в адрес большого капитала, та же иерархия и опора на низовые ячейки, Но цели «машины Бёрдов» были иные: прежде всего охрана прав белых, борьба с движением за гражданские права, с федеральными программами социального обеспечения. Машину возглавляли белые «джентри» - выходцы из богатых старинных семей (сами Бёрды поселились в Виргинии в 1670-х годах). От ловких северных боссов, игравших на широкую публику, они отличались надменностью, нетерпимостью, а также, впрочем, и тем, что здесь не в чести была коррупция, это неперенное свойство и основа могущества северных «машин».

«Машина Бёрдов» сломалась в конце 60-х годов. Но это произошло не столько вследствие внутренней эволюции виргинского общества, сколько под воздействием напора внешних сил - вторжения вашингтонских пригородов в северную часть штата, бурного роста судостроения и военных баз в Хэмптон-Роудс за 1940-1970 гг. их доли в населении штата соответственно выросли с 5 до 21 % и с 13 до 22%.

Так или иначе, но Старый Юг первым среди юж-ных районов, сложившихся до Гражданской войны, стал оттаивать от тех пережитков, которые губернатор Юж. Каролины Д. Уэст назвал в свое время «порочным кругом невежества, неграмотности и нищеты» [113]. В отличие от других районов Юга Старый Юг уже в-начале прошлого века обладал зачатками промышленности. Вопреки довольно распространенному мнению, текстильная промышленность появилась здесь не в результате «переселения» из Новой Англии, а на собственной почве - из домашнего хозяйства, которое давало здесь гораздо больше тканей, чем, скажем, в Массачусетсе, и на базе внедрения хлопкоочистительной машины, которую ее изобретатель-янки Э. Уитни продемонстрировал в Джорджии в 1792 г. Первая крупная текстильная фабрика была открыта на Юга -176 -еще в 1813 г. (г. Лиминтон, шт. Сев. Каролина), а фабрика в Роки-Маунте, построенная в1817 г., работает до сих пор*. Для раннекапиталистической индустриализации Старый Юг располагал отличными условиям ми: обильной и очень дешевой рабочей силой,

местной сырьевой базой, энергией порожистых рек, которые, ниспадая с Пидмонта на Береговые равнины, образуют вали так называемую «Фолл-лайн»- «линию водопадов» [72].

Ныне промышленная деятельность достигла на Старом Юге большого размаха. В ней занято более 1,5 млн. человек, т. е. около 30% рабочей силы, и по этому показателю Старый Юг представляется гораздо более индустриализированным, чем такие старо- промышленные штаты страны, как Иллинойс или Огайо. Сев. Каролина уже давно занимает первое место среди южных штатов по численности промышленных рабочих (более 600 тыс. человек), опережая даже Техас. Благодаря исключительно сильной специализации на немногих отраслях - текстильной, табачной, мебельной - Старый Юг играет в них решающую роль. Сев. Каролина дает около 40% продукции табачной промышленности США, свыше 25% текстильной, 15% мебельной, прочно удерживая в этих отраслях первые места; в них занято более половины рабочих штата (в среднем по стране лишь 5%). крупная текстильная промышленность есть в Виргинии и Юж. Каролине (соответственно 5 и 15% продукции страны). Виргиния выделяется и в табачной промышленности (26%), уступая только Сев. Каролине. Можно сказать, что ни одна другая отрасль промышленности США не имеет столь сильной территориальной концентрации, как текстильная и табачная, и обе они сосредоточены именно на Старом Юге: первая - наполовину, вторая - на 2/3.

Старый Юг - «родина» сигарет. Считается, что их изобрел и внедрил Т. Дьюк из Дарема (Сев. Каролина), который сказочно разбогател на этом. По словам Ж. Гарро, Дарем до сих пор пахнет «честерфилдом» [67], да и некоторые другие города Старого Юга памятны американцам прежде всего по маркам сигарета Ричмонд-это сигареты «Филип Моррис» («малборо» и др.), Питерсберг - «Браун энд Уильямсон», а город Уинстон-Сейлем - это, конечно, «уинстон» и «сейлем».

* Textile Industry. 1979. Vol.143. No 1. P.16 **12 Л. В. Смирнягин 177**

У промышленности Старого Юга есть свои сильные стороны. В ней функционируют в основном местные компании, притом обычно крупнейшие в своей отрасли, зачастую располагающие множеством заводов и за пределами района. Но немало у промышленности Старого Юга и слабых мест. Она специализирована на отраслях старинной легкой индустрии, переживающих упадок и мучительную перестройку. Душевое потребление табака в США падает из-за антитабачной пропаганды, что вместе с механизацией привело к сокращению занятости в ней за 1965-1982 гг. с 75 тыс. до 58 тыс. человек. В текстильной промышленности продолжается переориентация с естественных волокон на синтетические: за 1960-1980 гг. доля хлопка упала с 2/3 до 1/3, а доля синтетического волокна, наоборот, выросла с 1/4 до 2/3 [144]. Особенно важно то, что текстильная и мебельная отрасли - самые трудоемкие в промышленности США, а зарплата в них на 20-25% ниже средней по промышленности.

Тесное переплетение технико-организационных особенностей этих отраслей с общей социально-культурной ситуацией на Старом Юге породило весьма своеобразное размещение промышленности в этом районе. Здесь она (как, пожалуй, нигде) рассеяна по множеству мелких городков, а подчас и просто по сельской местности, а в главных городах района ее не так уж много. Эта тенденция заметна и в Новой Англии, но на Старом Юге она зашла гораздо дальше, и если в Новой Англии эта тенденция породила явление «миллтауна» (фабричного городка), то на Старом Юге речь идет уже о «милл-виллидж» - фабричной деревне.

Прямое следствие этой тенденции - отсутствие на Старом Юге единого центра,

да и вообще по-настоящему крупных городов, людностью хотя бы 0,5 млн. жителей. Для района с населением в 14 млн. человек и плотностью около 50 человек на 1 кв. км это довольно необычно. Правда, средних городов тут немало: 3 имеют население более 250 тыс. жителей (Шарлотт, Норфолк и Виргиния-Бич), 12 - людность 100-150 тыс., а вот городов с 50-100 тыс. жителей лишь 8. В 36 округах района вообще нет городского населения, и в среднем его доля здесь в 1,5 раза ниже средней по стране (около 50% против 73%).

Американские социологи давно подметили, что такая распыленность населения и рабочих мест в **-178-** промышленности весьма способствует консервации патриархальных форм общественной жизни и препятствует сплочению многолюдного рабочего класса. Здесь не так уж мало крупных заводов; судя по справочнику «Ки плантс», на 220 заводах района занятость превышает уровень в 1 тыс. человек, причем на 30 заводах она больше - 2,5 тыс. Однако в силу специфики Старого Юга очень многие рабочие Приезжают на фабрики и заводы из деревень, а то и вовсе с одиночных ферм, где остальные члены семьи продолжают трудиться в сельском хозяйстве. Таких рабочих трудно, конечно, назвать полноценными пролетариями. В этом - в не меньшей степени, чем в социокультурных пережитках рабовладения, - заключена причина того, что индустриализация Старого Юга долго не имела для него тех социальных последствий, которые обычно преобразуют застойный сельский край в более развитых частях страны.

Правда, за последнюю четверть века, особенно после принятия закона о гражданских правах в 1965 г., на Старом Юге изменилось многое. Старинная сегрегация, по крайней мере в своих самых отталкивающих формах, отошла в прошлое. Черные получили доступ не только к избирательным урнам, но и на любые выборные посты. В 1984 г. в трех штатах Старого Юга на выборных постах числилось 665 черных, в том числе 40-в законодательных органах. Нередко черные становятся мэрами крупных городов (в Ричмонде, Роли и др.). Сильный отток населения сменился притоком. Если за 50-е годы 3 штата Старого Юга потеряли в ходе миграции 560 тыс. жителей, то за 70-е годы они приобрели таким путем 730 тыс. (за 1980-1983 гг. еще 220 тыс. человек). За 1960-1980 гг. индекс душевого дохода (если США принять за 100) в Сев. Каролине вырос с 70 до 82, в Юж. Каролине - с 68 до 77, а в Виргинии - с 88 до 98 (в 1983 г. он был даже чуть выше средненационального уровня). В район потянулись новые, современные отрасли промышленности. В 1984 г. химия, общее машиностроение и электроника давали около 1/4 продукции промышленности Старого Юга, а это немногим меньше, чем в среднем по стране (30%). Ныне крупнейшие заводы Каролин - это не текстильные или табачные фабрики, а электронный завод «Уэстерн электрик» в Уинстон-Сейлеме (6 тыс. занятых), военно-морская верфь в Чарлстоне (8 тыс.), газодиффузионный завод «Саванна-ривер» (9 тыс.). **-179-** В Виргинии бесспорным лидером является крупнейшая в стране судовой верфь в Ньюпорт-Ньюсе на 28 тыс. занятых. Охотно стали строить свои заводы на Старом Юге иностранные фирмы, особенно западногерманские и французские. В отличие от местных компаний они чаще всего размещают предприятия в крупных городах. Так, шинный завод французской «Мишлен» находится в Гринвилле (Юж. Каролина), химический завод «Хехст»-в Спартанберге. Первоклассные автострады разрушили изоляцию сельской глубинки; преобразились центры многих городов, в них быстро растут современные небоскребы (особенно в Шарлотте, Гринвилле) . Олицетворением «Нового Старого Юга» стал знаменитый «Рисерч трайангл парк», или «Треугольник», - крупнейший в стране научно-исследовательский парк. Он

разместился в сельской местности Сев. Каролины между тремя городами с крупными университетами - Даремом (университет им. Дьюка), Чапел-Хиллом (Северокаролинский университет) и Роли (университет шт. Сев. Каролина, самый, кстати, старый в стране университет штата, основанный еще в 1792 г.). Парк был заложен в 50-х годах, а теперь на его территории в 2350 га занято более 20 тыс. человек с годовым фондом зарплаты в 400 млн. долл., и многие сотрудники университетов работают здесь консультантами. В «Треугольнике» запрещено строить промышленные предприятия (исключение сделано лишь для опытного производства «ИБМ»), каждый участник обязан арендовать не менее 2,5 га, но застраивать имеет право не более 15%, остальное же должна составлять парковая зона [81].

Нельзя, однако, не заметить, что многое из этого нового появилось здесь не столько из-за преимуществ Старого Юга, сколько из-за его пороков. Ослабление расовой напряженности в немалой степени связано с оттоком негров в города Севера. Перепись 1970 г. показала, что 1/3 родившихся в Сев. Каролине негров жили за пределами штата (среди белых - лишь 1/4), из них 126 тыс. жили в Нью-Йорке, 57 тыс. - в Нью-Джерси, а 47 тыс. - в г. Вашингтоне, где они составляли 6% населения [114]. Из-за эмиграции негров число округов, где негры составляют большинство населения, за 1960-1980 гг. сократилось на Старом Юге с 40 до 23. Приток новых отраслей - следствие не особо стремительного роста квалификации местной **-180-** рабочей силы, а стремления капитала к дешевой рабочей силе и к местам, где нет профсоюзов.

Некоторые американские авторы настойчиво утверждают, что могучим фактором экономического развития Старого Юга явилось военное строительство. После второй мировой войны здесь выросло много новых баз и лагерей, некоторые старые разрослись в громадные комплексы, которые по скоплению людей затмевают ныне соседние города. Так, в лагере «Форт- Брэгг» числится более 50 тыс. человек, а в соседнем Фейетвилле - менее 60 тыс.; в лагере «Лежюн» - свыше 40 тыс. человек, а в соседнем Джэксонвилле - лишь 17 тыс. жителей. На Старом Юге есть два скопления такого рода «заведений», которые не имеют себе равных в США. Это, во-первых, виргинский район Хэмптон-Роудс, где находится более 12 военных баз, в том числе такие гигантские, как морская станция в Норфолке на 40 тыс. человек и «Форт-Юстис» на 15 тыс. Считается, что в целом это крупнейшая в мире военно-морская база. Во-вторых, это Чарлстон в Юж. Каролине, где более 1/4 населения живет на зарплату, получаемую у Пентагона. Здесь около 10 военных баз, в том числе морская станция на 40 тыс. человек, база ВВС и лагерь морской пехоты (по 10 тыс. человек на каждом объекте).

Все это, разумеется, способствовало притоку на Старый Юг огромных строительных заказов, породило здесь тысячи новых рабочих мест, принесло оживление в застойную глубинку. Ныне на Старом Юге находится около 250 тыс. военнослужащих и 150 тыс. гражданских служащих военным ведомствам по числу последних Виргиния уступает только Калифорнии, превосходя даже Техас, а Сев. Каролина занимает третье место по числу военнослужащих (около 100 тыс.). Пентагон ежегодно расходует на Старом Юге почти 1/5 своего бюджета по статье «личное довольствие и зарплата», т. е. примерно по 10 млрд долл. Львиная доля этой огромной суммы расходуется военнослужащими и вольнонаемными на самом Старом Юге, повышая здесь потребительский спрос, способствуя активизации экономической деятельности.

* Кстати, военных заводов на Старом Юге сравнительно мало, если не считать

огромных военных верфей в Хэмптон-Роудсе и Чарлстоне. Доля Старого Юга в прямых военных контактах Пентагона (6-7%) в 2-3 раза меньше, чем в численности персонала или зарплате военного ведомства. **-181-**

Нетрудно, однако, заметить, что эти миллиарды долларов с гораздо большей пользой можно было бы истратить на решение многочисленных проблем этого отсталого района. Ведь по доле окончивших среднюю школу, по уровню расходов на школьное дело и по зарплате учителей обе Каролины находятся в числе худших штатов страны. Больничное дело, пенсионное обеспечение, страхование по безработице здесь гораздо ниже, чем в среднем по стране, бедняки получают общественную помощь вдвое меньше обычного, хотя здесь их особенно много, а нищета местами особенно жестокая. В этом свете приток военных ассигнований на Старый Юг выглядит скорее пустой растратой общественных средств.

Социальные же последствия этих ассигнований су- губа негативны, ~ало того что вокруг крупных лагерей вроде Форт-Брагга возникают обширные «зоны порока» («sin zones») из пивных, порнокиношек, ночных заведений с «топлесс-герлс». Важнее то, что Оби- лис военных баз усугубляет консервативный настрой культурного уклада района, и без того богатый шови- нистическими, милитаристскими традициями. Не раз отмечалось, что именно эти традиции послужили од- ним из главных факторов усиленного строительства военных баз именно на Старом Юге; здесь им не грозят антивоенные манифестации у ворот баз, как, например, в Коннектикуте или Колорадо. Здесь особенно легко проходит вербовка в армию, потому что военная карьера издавна кажется беднякам едва ли не единственным путем бегства от сельской нищеты.

Современный Старый Юг - весьма противоречивый конгломерат напластований различных эпох, по длительности своей общественной эволюции он почти не имеет аналогов среди других районов страны. Поэтому многие новейшие тенденции развития, складывающиеся в США, на Старом Юге приобретают большое своеобразие. Толща исторических напластований все еще господствует в общественной жизни Старого Юга и неизменно проглядывает сквозь современные черты, которые, казалось бы, преобразуют этот край уже 20 лет. Расовые предрассудки и противоречия на Старом Юге, может быть, меньше бросаются в глаза, чем в Дэлте или на Глубоком Юге, но они обладают особой устойчивостью, и искоренить их оказалось весьма трудно. Расовая сегрегация постоянно возрождает себя, приспособляясь к новым условиям. Если **-182 -** Старый Юг и выглядит иногда районом относительно спокойных межрасовых отношений, то прежде всего потому, что сама идея расового неравенства за несколько веков культивирования слишком сильно въелась в общество и все еще не вызывает должного протеста.

Не менее живучи здесь и предрассудки имущественного неравенства, и засилье богатых белых династий в общественной жизни. Они по-прежнему стоят на страже своих привилегий, обомшелых традиций патронажа, не останавливаются перед сознательным торможением хозяйственного развития района.

Старый Юг может служить показательным примером того, как в условиях современной Америки размыв глубинки, рост благосостояния и выход из экономического тупика ведут не к распаду старых застойных укладов, а к их преобразению, к нарастанию консервативных настроений. По-видимому, дело в том, что прогресс начинается со слишком низкого уровня. Авторы «Альманаха американской политики», анализируя изменения в настроениях избирателей Южной Каролины, отмечали: «Они живут сегодня в достатке, который казался им

несбыточным, и если их поселки и домишки вдоль шоссе кажутся проезжим интеллектуалам и журналистам вполне ординарными, то для самих каролинцев они олицетворяют небывалый комфорт, потому что сами они росли без всяких удобств, без электричества, а порою, как хорошо помнят многие из них, и впроголодь» [42].

Сходные корни имеет и до странности быстрый упадок местной приверженности к демократической партии, массовый переход избирателей в стан республиканцев самого правого толка. М. Бароун и М. Юджифуза замечают по этому поводу: «Некоторые обозреватели связывают это с притоком северян, но данные переписи показали, что этот приток был небольшим. Нет, тенденция к республиканизму связана с восходящей миграцией населения из мелких городков и сельских районов, с переходом их бывших жителей к профессиям «белых воротничков» в растущем частном секторе, что позволило им зарабатывать гораздо больше, чем они могли мечтать еще вчера (хотя их коллегам из Манхаттана или Беверли-Хиллс подобные заработки показались бы смехотворно низкими). Оторвавшись от своих традиционных демократических корней и уверив себя, что системе частного предпринимательства, которая сделала возможным их -183 - процветание, грозят большие государственные программы, они с энтузиазмом становятся консервативными республиканцами» [42].

Хотелось бы подчеркнуть ту роль, которую играет в этой консервации политического застоя территориальная структура общества Старого Юга. Здесь по-прежнему нет единого центра, способного вырастить на районной базе до подлинно крупного города национального масштаба, эффективного проводника свежих общенациональных тенденций. Пролетариат рассеян по множеству городков и деревень, распыленность препятствует его сплочению и росту классового самосознания, отрыву от аграрной почвы, зараженной расовыми предрассудками. Его измельченные отряды легко попадают под гнет местной элиты и становятся опорой таких враждебных рабочему делу политических сил, которые питают реакционных политиков вроде Холмса.

Впрочем, было бы неверно заканчивать характеристику Старого Юга на такой минорной ноте. Общественная перестройка Старого Юга только началась, и если нынешнее поколение еще находится в плену традиций, вынесенных им из эпохи застоя или из сельской глубинки с ее дремучим консерватизмом, засильем мелких элит и расовой ненавистью, то новым поколениям наверняка окажутся свободными от многих из этих пут общественного сознания. За ближайшие десятилетия Старому Югу, очевидно, предстоит пройти путь, который у многих других районов занял гораздо больше времени.

Глубокий Юг

Название Глубокий Юг широко распространено в американской литературе - от специальной до художественной, но насчет его границ издавна было много противоречий. Среди современных авторов Н. Пейрс, например, относит к Глубокому Югу Арканзас, Флориду, Луизиану, Юж. Каролину, Миссисипи, Алабаму и Джорджию [113], Р. Эгли - 5 последних штатов [63], А. Круикшенк - 4 последних штата [59]. Практически во всех вариантах присутствуют по меньшей мере три штата-Миссисипи, Алабама и Джорджия. Главные черты сложившейся здесь территориальной общности предопределены тем, что край был освоен и заселен уже после революции, но до Гражданской войны. Поэтому вся его культура пропитана -184 - пережитками рабовладения. Заселялся край не иммигрантами из Европы, как Старый Юг, а самими американцами: с востока пришли плантаторы с

рабами, вдоль Пидмонта - «бедные белые», а с севера - жители Теннесси и Кентукки, неприязненно относившиеся к рабовладельческому укладу. Европейская иммиграция, чуждаясь рабовладельческих районов, сюда не проникала, европейские корни местного белого населения вскоре оказались неразличимыми, и этот край, ставший олицетворением американской глубинки, по праву именуется Глубоким Югом; это название звучит как «Юг глубинный», поскольку район граничит только с другими районами американского Юга.

В свете сказанного к району нельзя, строго говоря, относить ни Юж. Каролину, поскольку она была заселена до революции, ни западную часть шт. Миссисипи, которая до Гражданской войны еще не была осушена и представляла собой заросшие густым лесом малярийные болота.

По многим своим чертам Глубокий Юг выглядит простым продолжением Старого Юга. Здесь то же четкое разделение района на те же части: плоские, густо заросшие сосновым лесом жаркие Береговые равнины с каймой курортов на побережье, уступ «линии водопадов» с цепочкой городов, за нею возвышенный, более урбанизированный Пидмонт и предгорья Аппалачей. Различия лишь в деталях: Береговые равнины гораздо обширнее, «линия водопадов» не играет особой роли, по обе стороны от нее тянется не опесчаненная местность, а самая плодородная в районе полоса черных почв (так называемый Черный пояс); Пидмонт здесь холмистее, быстрее переходит в предгорья Аппалачей, да и сам топоним употребляется здесь реже. Как и на Старом Юге, черных на Пидмонте мало, а в предгорьях и вовсе нет, но основная концентрация черных приурочена не к Береговым равнинам, как в Каролинах, а к Черному поясу. Склад культуры и здесь сугубо сельский, с засильем мелких клик из местных потомственных богачей, которые третируют «белую бедноту», но опираются на нее в охране принципов «белого превосходства». Как и на Старом Юге, основу экономики долго составляло плантационное хозяйство, прежде всего хлопковое. Особое значение - как хозяйственное, так и культурное - имеют громадные военные базы вроде форта «Беннинг» близ Колумбуса - пресловутой «академии армии США» - или -185- авиабазы «Роббинс» близ Мейкона (на них ныне более чем по 20 тыс. военнослужащих).

Однако все эти общие со Старым Югом черты на Глубоком Юге усилены настолько резко, что о полном сходстве этих районов не может быть и речи. Практически все основные черты американского Юга достигают здесь особой остроты, и в этом смысле само название Глубокий Юг воспринимается как «архи-Юг».

В самом деле. Глубокий Юг сыграл огромную роль в истории конфедерации и Гражданской войны, которые определили многие современные особенности южной культуры. Здесь, в Монтгомери, была провозглашена Конфедерация. Монтгомери стал первой ее столицей, а миссисипский сенатор Джефферсон Дэвис - ее президентом. Штат Миссисипи послал в армию конфедератов 78 тыс. человек - практически всех белых мужчин, из которых домой вернулась лишь 1/3. Однако северные округа района были против отделения от Союза; алабамский округ Уинстон объявил себя независимым и вместе с окрестными округами послал в армию северян три полка, а жители миссисипского округа Джоне заявили о своем нейтралитете. Разрушения Гражданской войны были здесь на редкость жестокими. Буквально с огнем и мечом прошли войска генерала Шермана от Чаттануги до Саванны и сожгли дотла Атланту. В руинах лежал весь штат Миссисипи» и еще недавно процветавшие штаты надолго откатились на последние места в стране по уровню душевого дохода - гораздо ниже Старого Юга*.

* Впрочем, к такому «статистическому падению» надо относиться с известной осторожностью. Миссисипи был перед Гражданской войной одним из богатейших штатов страны, но прежде всего потому, что в богатство штата засчитывались, словно скот или инвентарь, все негры-рабы, а соотносилось это богатство только с белым населением, которое составляло, так сказать, знаменатель дроби, показывающей душевой доход. После же Гражданской войны 437 тыс. рабов перешли из числителя в знаменатель, а их прежняя стоимость - 218 млн. долл. - из числителя исчезла. Это говорит не столько о преувеличении бедствий штата, сколько о преувеличении его благосостояния перед Гражданской войной.

Последовавшие на Юге хозяйственный застой и обнищание достигали на Глубоком Юге крайних своих пределов, и еще накануне второй мировой войны душевой доход и доля городского населения там были вдвое ниже среднего по стране уровня, неграмотность - вдвое выше, доля промышленности в - **186** - занятиях населения - в 1,5 раза ниже. Сугубо аграрное общество Глубокого Юга, где 3/4 населения жило в сельской местности и занималось в основном сельским трудом, выглядело гораздо архаичнее, чем на Старом Юге, где уже было немало городов средних размеров, имевших за плечами долгую и яркую историю. На Глубоком же Юге издавна было принято дискриминировать города. Еще в 1960 г. округ Фолсом, где расположена Атланта, при 556 тыс. жителей посылал на выборы губернатора столько же выборщиков, что и 3 сельских округа людностью менее 7 тыс. человек, а округ Джефферсон с г. Бирмингемом (130 тыс. жителей) посылал в легислатуру Алабамы всего 1 делегата - как и округ Лоундес с 2057 жителями (113). Типичное для американского Юга культурное противостояние бедных и богатых в этом районе выражено гораздо сильнее, что даже нашло отражение в местном лексиконе. Потомственных богачей здесь издавна называют «бурбонами» за спесь и претензии на аристократизм, а низшие слои белого населения называют не просто «бедные белые», как на Старом Юге, а куда резче, уничижительнее: «войлочные шляпы», «белая зола», «грязееды» и т. п. Грубый южный индивидуализм достигает здесь своего апогея, не будучи смягченным, как на Старом или Пограничном Юге, южным романтизмом, культом собственного достоинства.

Апогея достигли и плантаторское рабовладельческое хозяйство, и типичная для него склонность к монокультуре. Еще в 20-х годах прошлого века было открыто необычайное плодородие Черного пояса, он был стремительно освоен под хлопок, и перед Гражданской войной одна Алабама давала 1/4 его сбора в стране. Еще в начале нынешнего века на Глубоком Юге под хлопком было 3,5 млн га, т. е. 1/ его посевов в США. Эта культура буквально царствовала в экономике района, ее недаром называли здесь «король-хлопок». Правда, в дальнейшем его посевы сокращались из-за губительного нашествия долгоносика, перепадов цен и погоды. Еще перед второй мировой войной хлопок занимал здесь более 2 млн. га, район давал 15% национального сбора хлопка и половину стоимости продукции полеводства района; вся Алабама от моря до гор представляла собой море хлопка, и осенью край выглядел белее, чем Новая Англия зимой. «Король-хлопок» определял главные черты Глубокого Юга; **-187** - сначала рабовладельческие плантации составляли ядро его богатства, затем сменившая рабство издольщина породила класс полунищих кропперов - самый многочисленный в общественной структуре Глубокого Юга.

Остальные секторы хозяйства района были развиты слабо. Текстильная промышленность появилась здесь рано (в Колумбусе, например, шили мундиры для

армии конфедератов), но долго была развита тут гораздо хуже, чем на Старом Юге. Странной аномалией на этом фоне выглядела крупная черная металлургия, которая сложилась в треугольнике Бирмингем - Гадсен - Аннистон. Главной причиной ее развития здесь оказались, так сказать, причуды природы, которая поместила тут в непосредственном соседстве друг с другом значительные запасы угля, железной руды и известняка. Первая в районе домна была задута в Аннистоне в 1863 г. для снабжения военного дела конфедератов, но основная часть черной металлургии была создана уже после Гражданской войны, в ходе амбициозных программ Нового Юга, которыми надеялись создать на Юге индустриальную базу в противовес Северу. Эта амбициозность нашла свое отражение и в названии Бирмингем, которое дали в 1871 г. городу, заложенному у подножия Красной горы, действительно красной от слагавшего ее железняка. Расположенный в окружении горнопромышленных городков с не менее примечательными названиями (Коулберг на севере, Айрондейл на востоке, Бессемер на западе), Бирмингем надолго стал крупнейшим промышленным центром Юга. В конце прошлого века в Алабаме было около 70 копей с годовой добычей около 3,5 млн. т угля, 45 рудников на 1,6 млн. т железной руды в год, около 50 домен (половина в Бирмингеме), которые ежегодно выпускали примерно 1 млн. т чугуна.

Примечательно, однако, что создававшаяся по северному образцу, под лозунгами вроде «Питтсбурга Юга», индустриализация эта сразу оказалась окрашенной чисто южной социальной спецификой. Бирмингем отнюдь не стал для Юга рассадником лучших пролетарских традиций, всего передового. Он сложился как задымленный, грязный город, где все интересы власть имущих подчинены погоне за чистоганом; эксплуатация рабочих, среди которых оказалось много черных была на редкость безжалостной, уровень их жизни - очень низким, а быт - грубым и зараженным -188 - расизмом. В 1907 г. алабамскую металлургию захватила «Юнайтед Стейтс стил». Владычество этой северной монополии вызвало крайнюю неприязнь южан, видевших в ней олицетворение хищных северных «саквояж-инков», слетевшихся после Гражданской войны для разграбления побежденного края. Действительно, эта монополия вела себя здесь словно в колонии, долго (и весьма успешно) противилась проникновению других компаний, которые могли бы составить ей конкуренцию в эксплуатации местной рабочей силы, и тем тормозила дальнейшее промышленное развитие Алабамы.

Особой остроты достигает на Глубоком Юге самая главная южная проблема - расовая. Район стал главным в стране средоточием черного населения уже в середине прошлого века, и Джорджия вплоть до 1960-х годов занимала первое место среди штатов по численности черных. В начале века они составляли около половины населения района и во многих округах (особенно в Черном поясе) издавна и сильно преобладали.

Пожалуй, нигде в США, кроме миссисипской Дэлты, экономическое положение черных не было таким ужасным, как на Глубоком Юге. Никакая статистика, наверное, не способна передать ту глубину нищеты, в которой пребывали чернокожие жители Черного пояса, а многие пребывают и поныне; гораздо выразительнее выглядят слова журналиста из Джорджии, сказанные им Н. Пейрсу в начале 70-х годов: «Лучшее, что может случиться здесь с ребенком, это если кто-то похитит его и увезет отсюда хоть куда-нибудь» [113].

Но еще страшнее выглядела социально-культурная дискриминация черного населения Глубокого Юга, где вся жизнь была тщательно и жестко сегрегирована по расовому признаку. Уничжительное обращение с неграми стало неотъемлемой

чертой местного белого общества. Водители автобусов в Монтгомери, например, обращались к ним не иначе как «черная обезьянка», «грязный ниггер» и т. п. На страже этих обычаев стоял ку-клукс-клан, который возник в 1866 г. именно здесь, в Алабаме. До сих пор штаб «великого дракона объединенных кланов Америки» находится в алабамской Таскалусе, а в миссисипском Лореле расположено гнездо «белых рыцарей» - самого свирепого из отрядов ку-клукс-клана. -189 -

Черные были полностью отстранены от участия в политической жизни Глубокого Юга. Еще в 1890 г. в Миссисипи приняли конституцию, куда впервые в стране были включены законы, которые требовали, чтобы избиратель доказал свою грамотность «чтением и истолкованием» статьи конституции, причем судить об успехе предстояло чиновнику по выборам (разумеется, белому). Такие законы эффективно отрезали черных от избирательных урн, потому что к началу нынешнего века 90% местных черных были неграмотны (в 30-х годах - около 30%). Это неудивительно, если учесть, что до Гражданской войны обучение рабов грамоте считалось в Миссисипи уголовным преступлением. Пример Миссисипи, получивший прозвище «миссисипского плана», был подхвачен почти всеми южными штатами, которые включили подобные законы в свои конституции (Алабама - уже в 1901 г.). Такая «законность» политической дискриминации опиралась на дух расизма, который насквозь пропитал местное общество и был здесь сильнее, чем в других частях США. Негритянская масса района отличалась особой забитостью и темнотой, и сельским «бурбонам» долгие десятилетия не составляло труда манипулировать этой массой, приказывая ей время от времени голосовать в их интересах.

Расизм, как водится, не только угнетал черных, но и разлагал белое общество. «Лилейно-белая» политика Глубокого Юга отличалась нечистоплотностью и разгулом коррупции. Многие политиканы Глубокого Юга «прославились» на всю страну своей продажностью. Это, однако, мало смущало избирателей. «Он сукин сын, но это наш сукин сын»-так обычно говорили здесь о политиканах вроде пресловутого Т. Билбо, который с 1916 по 1947 г. был сначала губернатором Миссисипи, а потом сенатором. За слепой приверженностью Глубокого Юга демократической партии стояла не столько партийная дисциплина, сколько безразличие избирателей к гражданским делам, узость политического горизонта, редко выходящего за рамки околицы родного местечка.

Специфическое явление Глубокого Юга - правый популизм. Он оказался неизбежным порождением обилия «бедных белых» в сельском захолустье, и с ними нужно было ладить правящим классам. Этим умением отлично владели такие демагоги, как К. Толмедж, 40 лет верховодивший в политике Джорджии, вплоть - **190-** до своей смерти в 1946 г., его сын Г. Толмедж, который, говорят, знал по именам около 30 тыс. избирателей штата, губернатор Алабамы 50-х годов Джим Фолсом и, конечно, губернатор этого штата с 1962 г. Д. Уоллес, сумевший вынести правый популизм на национальную арену и серьезно претендовать на президентское кресло в 1968 г. Для таких политиканов типичны постоянные апелляции к чувствам «маленького человека», особенно к его чувству чести («пусть бедный, зато честный»), громогласные проклятия в адрес «больших мулов» (крупных корпораций), к которым здесь было принято добавлять и проклятия в адрес толстосумов вообще и Севера в первую очередь. Лидеры популизма хвастают своей демократичностью (Уоллес любил подчеркивать, что он никогда не был членом аристократических клубов), манеры их нарочито просты. На деле же, как писал в свое время знаток Юга В. Ки, «Толмедж, подобно другим псевдоратателям

забытого маленького человека, на поверку оказывался на стороне как раз тех, кто забывал об этом человеке». Местные популисты были против Нового курса, против ограничений крупного бизнеса. К тому же многие из них грешили отъявленным расизмом. Так, Уоллес начинал свою политическую карьеру под лозунгом «Сегрегация навеки».

Справедливости ради надо отметить, что многие популисты Глубокого Юга не только сторонились открытого расизма, но даже пытались создавать в районе коалицию «обездоленных всех цветов радуги», но не сумели преодолеть безропотность, с которой негры Черного пояса долго шли на поводу у «бурбонов».

Особой разительностью отличались на Глубоком Юге и те изменения, которые за последнюю четверть века столь сильно изменили облик всех южных районов страны. Здесь эти изменения оказались тем глубже, чем застойнее был этот край накануне, а в этом он не знал себе равных на всем Юге (кроме Дэлты и, может быть, Южных Аппалачей).

Не пережив массовой механизации сельского хозяйства, полностью исчезло кропперство, практически полностью исчез и «король-хлопок», под которым здесь осталось всего 150 тыс. га, дающих меньше 5% продукции полеводства. Его место заняли соя (около 1,5 млн. га), кукуруза и луга, в которые обращен теперь почти весь Черный пояс. Престол «короля-хлопка» занял «король-цыпленок»; ныне Джорджия и **-191-** Алабама занимают второе и третье места среди штатов страны по производству бройлеров (более 1 млн. шт. в год), обеспечивая 1/4 национальной продукции. Для развития птицеводства здесь отличные условия: ему не нужны большие площади, теплый климат позволяет круглый год содержать птицу без капитальных сооружений, корма поступают со Среднего Запада в основном дешевым водным путем. Гейнсвилл в Джорджии именуется «бройлерной столицей мира», и его центральную площадь украшает обелиск с цыпленком наверху.

В целом же активность сельского хозяйства на Глубоком Юге понизилась. За 1935-1985 гг. число ферм сократилось с 350 тыс. до 100 тыс., площадь земля под ними - с 18 млн. до 9 млн. га, и хотя численность сельского населения осталась примерно той же (около 4 млн. человек), его доля в населении района упала с 70 до 40%. Особенно показателен сдвиг в роли фермерского населения: в 1930 г. на него приходилась примерно половина жителей района, а в 1980 г. - лишь 2,2%, потому что за эти полвека его численность в Джорджии и Алабаме сократилась с 2750 тыс. до 210 тыс. человек.

Большие перемены произошли в промышленности Глубокого Юга. Если полвека назад она почти в 10 раз уступала сельскому хозяйству по численности занятых, то теперь опережает его в 4 раза (около 900 тыс. человек). Доля района в продукции промышленности страны удвоилась, хотя по-прежнему остается небольшой (около 4%). Сильно изменилась ее структура. После войны сюда хлынула швейная и текстильная промышленность. На Береговых равнинах, где сосна созревает за 15-20 лет (т. е. вдвое быстрее, чем в Новой Англии), появилось много целлюлозных и бумажных фабрик, чьи гигантские трубы стали самой приметной деталью пейзажа. Черная металлургия, наоборот, быстро сворачивается. В Алабаме все еще до бывают за год около 20 млн. т угля, но в основном энергетического, добыча же железной руды давно прекращена*.

Симптоматично появление на Глубоком Юге заводов новых для него отраслей - автосборочных предприятий в Атланте, завода реактивных двигателей «Пратт энд Уитни» в Колумбусе и др. **-192 -** Как и на Старом Юге, здесь все охотнее

размещают свои предприятия иностранные компании.

* Journal of Commerce. 1982. 17.1X\$ Wall Street Journal. 1983. 15.11.

Существенно улучшились и социальные показатели района. Если в 1950 г. душевой доход в Джорджии составлял около 70% от среднего по США, а в Алабаме даже лишь 60%, то в 1973 г. - уже соответственно 87 и 76%, а в 1983 г. - 89 и 79%. С неграмотностью здесь практически покончено. Преобразился весь быт населения края. От кропперских хижин остались редкие развалины, появилось немало новых поселков с куда более опрятным обликом. Сельская местность полностью электрифицирована, и от былых медвежьих углов остались одни воспоминания. Сельский Глубокий Юг порой еще шокирует заезжего северянина своей бедностью, но по многим внешним признакам повседневного быта он уже гораздо меньше отличается от современной Америки.

Самые же разительные перемены произошли в сфере межрасовых отношений. Принято считать, что все-американская борьба за гражданские права негров началась именно здесь, на Глубоком Юге, когда 1 декабря 1955 г. в Монтгомери негритянская девушка Роза Парке отказалась уступить место в автобусе белому «джентльмену», а вслед за этим М. Л. Кинг организовал бойкот автобусов. Именно на Глубоком Юге развернулись самые ожесточенные битвы движения за гражданские права, в которых приняли участие не только местные черные, ведомые своими лидерами, но и многие тысячи белых северян, особенно студентов. В Монтгомери, Аннистоне, Олбани и многих других городах происходили настоящие сражения, отмеченные постыдной жестокостью белых расистов, которые безнаказанно избивали участников движения, проходившего под лозунгами ненасильственного сопротивления. Особой свирепостью отличалась полиция Бирмингема, которую с 1957 г. возглавлял шериф Ю. Лоннон по прозвищу Бык. В летописи этих битв принято считать 1963 год «годом Бирмингема», когда к нему было приковано внимание всей страны. «Ребята Боннера» травили демонстрантов собаками, - 13 Л. В. Смирнягин 193 - разгоняли их брандспойтами, сотнями бросали в застенки? белые расисты швыряли бомбы в негритянские церкви и дома активистов движения; пресса именовала Бирмингем «Бомбингемом», «американским Йоханнесбургом».

- Местное же белое студенчество опозорило себя такими отвратительными выходками, как, например, беснование учащихся Алабамского университета в Таскалусе, когда в 1956 г. туда пыталась поступить негритянка Отерин Люси. Белая толпа запрудила кампус, скандируя расистские лозунги вроде: «Сохраним Ба-му белой - к черту Отерин» [1131].

Обострение расовой проблемы всколыхнуло всю общественную жизнь Глубокого Юга, многократно ускорило процессы, которые прежде текли в этом застойном районе весьма неспешно. Можно, кстати, заметить, что, чем острее протекало решение расовой проблемы в том или ином городе, тем скорее очищалась в нем обстановка. Так, в 1961 г. в Аннистоне автобус с прибывшими в город активистами движения был атакован озверевшей толпой расистов, и дело чудом не дошло до линчевания, но вслед за этим Аннистон одним из первых на Глубоком Юге избавился от наиболее отвратительных черт расовой сегрегации.

Это обострение вскрыло и половинчатость традиционного противостояния северных частей Алабамы и Джорджии расистскому укладу Пидмонта и Береговых равнин. Население этих частей издавна тяготело к левому демократизму, активно поддерживало новый курс, чуралось грубого расизма, но в 60-е годы сказалось то,

что и оно было заражено им, и расистским политикам удалось повести «белую золу» за собой, в стан правого расистского популизма, от которого был один шаг до поддержки правых республиканцев. В 1964 г. эти части голосовали за Голдуотера, потом за Уоллеса и Никсона. Явление «белого бумеранга» известное всей Америке, расцвело здесь особо пышным цветом. Это в очередной раз продемонстрировало напускной характер антирасистских настроений тех американцев, которых пугает оголтелый расизм, но которые не готовы идти до конца в признании человеческих прав другой расы. Недаром П. Уоттерс писал в 1970 г. об Алабаме: «Ни в одном другом штате нет столь многочисленной образованной белой молодежи, которая столь слепо верила бы в старые катехизисы расизма и южного аристократизма. К концу 60-х годов Алабама превратилась в последний оплот южного тоталитаризма и при этом не утратила способности влиять на весь остальной Юг - да, пожалуй, и на всю остальную страну».

Бесчинства расистов тяжело отразились не только на социальной, но и на экономической жизни Глубокого Юга. Напуганный расовыми беспорядками, -194 - крупный капитал сторонился этого района, не вникая администрации Джорджии, Миссисипи и Алабамы и местным властям этих штатов. Пожалуй, именно это отрезвило белую элиту Глубокого Юга. Уже в 1965 г. главные организации капиталистов Миссисипи - Ассоциация промышленников и Экономический совет призвали своих членов соблюдать федеральный закон 1964 г. о «равных правах на труд». Глава Экономического совета О. Купер прямо заявил: «Мы признаем, что закон о гражданских правах стал законом нашей страны и что мы проиграли сражение» [113]. В 1966 г. демократы Алабамы сняли из своей программы лозунги о «превосходстве белой расы», ввели черных в состав партийного руководства штата. Расисты продали жали бушевать, но теперь они лишались открыток поддержки властей. В 1967 г. мэром Бирмингема стал бизнесмен Д. Сейберс, который поставил задачу достижения «расовой гармонии»: в городскую управу был введен первый чернокожий. В полиции Бирмингема еще долго господствовали садистские привычки «ребят Коннора», но после того, как в 1969 г. они зверски избили двух негритянок, полиция города была радикально преобразована. Борьба за гражданские права завершилась крушением расизма, всей системы расовой сегрегации на Глубоком Юге. Из конституций штатов были изъяты дискриминационные законы, регистрация черных на выборах за 1960-1984 гг. выросла в Джорджии с 29 до 56%, в Алабаме - с 14 до 69%. И хотя «белый бумеранг» привел к повышению избирательной активности и белого населения, доля черных среди активных избирателей выросла здесь вдвое - с 11 до 22%. В 1984 г. в легислатуре Алабамы было 802 черных - рекордное для Юга число *. Черные стали мэрами во многих городах района (в Атланте - с 1973 г., в Бирмингеме - с 1979 г.). Сегодня общественный быт Глубокого Юга лишен бросающихся в глаза признаков былого расизма, и автострада, пересекающая центр алабамской столицы Монтгомери, названа в честь М. Л. Кинга.

"Wall Street Journal. 1986. 27". V. P. 62. 13

Однако корни расизма и сегрегации выкорчеваны здесь далеко не полностью, они все еще живы и среди белых обывателей, и среди белой элиты, особенно в сельской местности, где когда-то господствовал -195 - «король-хлопок». В 1985 г. М. Бироун и Г. Юджифуза писали о центральной Алабаме, где черные составляют большинство населения во многих округах; «Политика здесь все еще отдает

Черным поясом - и не в том смысле, что она опирается на черный электорат, а в том, что она ориентирована на состоятельных белых» которые руководят местным бизнесом и администрации ей и считают себя единственными гражданами, способными делать это. Они живут в лучших домах своих городов, со старинной мебелью и коврами, они едят из хорошего фарфора настоящим серебром, они путешествуют в Европу и делают покупки в Атланте или Нью-Йорке. Они не считают себя ответственными за окружающую нищету, но приписывают себе все, чего их местность добилась. Без их таланта и опыта, спрашивают они, разве мог бы здешний люд добиться всего этого? [42).

Перспективы дальнейшего развития Глубокого Юга выглядят неопределенными. С одной стороны» район сильно сократил свое отставание от средненационального уровня по основным социальным показателям. Если же учитывать относительную дешевизну жизни на Юге, а также низкий уровень налогов, то это отставание можно счесть и вовсе незначительным, «Ферст нэшнл бэнк оф Чикаго» даже сделал, с указанными поправками, расчет, который показал, что уровень дохода в Алабаме в 1977 г. был даже на 13% больше, чем в Массачусетсе с его огромными налогами. Сочетание дешевизны рабочей силы с ее обилием и неплохой квалификацией по-прежнему привлекает сюда крупный капитал, и фирма «Фантус» еще в конце 70-х годов поставила Алабаму на второе место среди штатов по качеству «делового климата».

Отражением этих перемен к лучшему стали коренные сдвиги в миграционном балансе района. Если в 50-е годы он потерял в ходе миграций 580 тыс. человека то за 60-е годы уже лишь 200 тыс., а за 70-е даже «приобрел» более 400 тыс. жителей. Согласно прогнозам, к 2000 г. численность населения Джорджии и Алабамы превысит 22 млн. человек.

* Alabama Economic Outlook. 1978.VI. P. 75-80.

Однако новые изменения приносят и новые проблемы. Приток крупного капитала извне-это не только новые рабочие места, но и нарастание зависимости хозяйства от внешних сил. За 70-е годы в промышленности Джорджии было создано 52 тыс. новых рабочих -196- мест, из которых 2/3 пришлось на заводы-филиалы крупных корпораций и лишь 1/2 на местные фирмы [107]. качественное развитие приурочено в основном к главным городам, и прежде всего к Большой Атланте. Согласно расчетам географов из Джорджии, южные и особенно юго-восточные части штата по-прежнему отличаются очень низким качеством жизни. Между тем современные программы содействия развитию хозяйства нацелены на помощь северным частям.

Новый виток осложнений ожидает негритянскую проблему. За 1950-1970 гг. Глубокий Юг покинуло более 800 тыс. черных, их доля в населении района сократилась с 31 до 26%. Особенно сильным был отток из Черного пояса, и ныне в сельских местностях живет вдвое меньше черных, чем в городах. Эти процессы способствовали рассасыванию застойной сельской нищеты негритянского населения. Но в 70-е годы отток черных с Глубокого Юга практически прекратился, и за счет более высокого естественного прироста их доля в населении начинает расти. Между тем вопрос экономической дискриминации черных на Глубоком Юге остался нерешенным, поскольку по уровню душевого дохода негры вдвое отстают от белых, и это чревато обострением межрасовых отношений, несмотря на улучшения в социально-культурной сфере.

Остаются нерешенными и многие другие проблемы района, и прежде всего проблема его социально-экономической отсталости. Глубокий Юг все еще

значительно уступает северным районам по уровню благосостояния, доля бедняков здесь в 1,5 раза выше, чем в среднем по стране, качество жилья гораздо хуже, доля лиц с высшим образованием все еще невелика, а удельные расходы на образование по-прежнему гораздо ниже среднего по стране уровня. Напрашивается вывод, что впечатление о Глубоком Юге как о районе особого динамизма и стремительного развития порождено скорее очень низким начальным уровнем, с которого стартовал этот период ускоренного роста. На деле же эти темпы, действительно необычно высокие для застойного до того района, оказались все же недостаточными для форсированного преодоления той пропасти, которая отделяла его от передовых районов страны или хотя бы от среднего для нее уровня, и поэтому Глубокий Юг по-прежнему остается одним из наиболее отсталых в стране. -197-

Флорида

Территориальные общности людей - явление подвижное во времени: они возникают, растут, распадаются. Подвижны они и в пространстве: пульсируют их границы, меняется территориальная структура, иногда же смещается и весь район или хотя бы его название, за которым закрепилось представление о специфической территориальной общности. Будучи страной динамичной, США изобилуют подобными примерами, и едва ли не лучший из них - Флорида.

Флориду можно считать самым старым районом страны, поскольку первое на территории нынешних США постоянное поселение европейцев - Сент-Огастин - было создано именно здесь. Но ее можно считать и одним из самых молодых районов, потому что с тех пор Флорида претерпела по меньшей мере «три рождения», в корне преобразивших жизнь ее жителей, а сейчас, по-видимому, переживает четвертое. Недаром один из официальных лозунгов Флориды гласит: «Штат, созданный руками человека».

Испанец Педро Понсе де Леон, давший району название Флорида (Цветущая), высадился здесь еще в 1513 г., спустя всего 21 год после открытия Америки Колумбом, а в 1565 г. неподалеку от места его высадки был заложен Сент-Огастен. Когда к Америке причалили пуритане, Сент-Огастен насчитывал уже полвека активной жизни. Однако впоследствии испанцы, привыкшие снимать сливки со своих американских владений, не нашли здесь ничего лакомого и за три века своего владычества успели создать лишь военную гавань в Пенсаколе. США претендовали на Флориду лишь ради Пенсаколы, которую в 1814 г. захватил генерал Э. Джексон. В 1821 г. Испания окончательно отказалась в пользу США от своих прав на Флориду.

Когда Флорида в 1845 г. получила статус штата, почти все ее население проживало в северной части, и новая столица, Талахасси, была заложена ровно посередине между двумя главными в то время городами штата - Пенсаколой и Джэксонвиллом, притом всего в 35 км от северной границы штата и в 800 км от его южной оконечности. Подобный эксцентриситет был вполне оправданным: если не считать сигарных фабрик на крайнем юге, в Ки-Уэсте, возникших в виде некоего «дубля» кубинской Гаваны, вся полуостровная -198- часть штата являла собой почти безлюдные леса и болота, жаркие и влажные. Даже знаменитый американский натуралист Джон Одюбон отозвался о районе неодобрительно. «Во Флориде все, что не грязь, грязь и еще раз грязь, - писал он в 1832 г., - это песок, песок и еще раз песок, и фрукты здесь такие кислые, что есть их нельзя, а среди райских птичек и золотых рыбок полно аллигаторов, скорпионов и змей».

К 1880 г. Флорида, которая по территории превосходит всю Новую Англию,

занимала по числу жителей (270 тыс. человек) последнее место среди штатов к востоку от Скалистых гор, уступая даже крошечному Род-Айленду, причем почти половину населения составляли черные. В те самые годы, когда великий американский фронтир заканчивал свое шествие по континенту на Дальнем Западе, здесь, на долготах восточнее Цинциннати и Атланты, все еще лежали обширные девственные земли, не имевшие, казалось бы, никакой ценности для человека.

Поворотным этапом в истории Флориды стали 80-е годы прошлого века, когда два знаменитых земельных спекулянта-Генри Флеглер (компаньон Рокфеллера) и Генри Плант - «открыли» главный ресурс Флориды - ее уникально мягкий климат в сочетании с близостью к промышленному Северу. С 1885 г. Флеглер начал энергично строить вдоль восточного побережья Флориды железную дорогу, а за ней - целую цепь шикарных отелей, поражавших современников своими размерами. Плант осваивал в том же духе западную часть побережья [39]. К концу века цепь отелей достигла Майами, который в то время был глухой деревушкой, а к 1913 г. железная дорога Флеглера по архипелагу Флорида-Ки добралась до Ки-Уэста. Как водится, Флеглер и Плант развернули по всей стране трескучую рекламу флоридских побережий, где выходы известняков создавали плацдарм для строительства жилья. В короткий срок эти берега стали модными «зимними убежищами» для самых именитых и богатых граждан страны, которые понастроили здесь десятки роскошных дворцов (их игриво называли «коттеджами») и посещали их в собственных пульмановских вагонах.

К 1900 г. население Флориды перевалило за 0,5 млн жителей, в 20-х годах за 1 млн. а доля штата в населении страны выросла вдвое. Однако не только усилил **-199-** земельных спекулянтов были тому причиной; ведь богачи жили здесь только временно, богатый туризм порождал небольшую занятость. Более важным оказалось то, что в центральной Флориде сложился крупный пояс фруктоводства. Тут ежегодно заготавливали по 5 млн. ящиков апельсинов. В середине 90-х годов прошлого века фермерам удалось переключиться на массовое выращивание самых ранних в стране овощей, поскольку внедрение вагонов-холодильников открыло для них огромные северные рынки. К тому же в 80-х годах прошлого века к востоку от Тампы обнаружили громадные запасы фосфоритов, и через полвека тут добывали уже по 1,5 млн. т фосфатного сырья в год (второе место в мире после Туниса).

«Второе рождение» Флориды сильно изменило ее облик, ускорило общее развитие, и перед второй мировой войной здесь жило уже почти 2 млн человек. Полуостровной бордюром оброс отелями, в центре процветал фруктово-овощной пояс, в прериях Киссимми пасли много скота - словом, в хозяйственную деятельность была вовлечена вся территория штата. Однако главные города района по-прежнему располагались на севере, к северу тяготели все связи района. По своей культуре Флорида была типичным отсталым южным районом, где черные составляли около 1/4 населения, а политикой заправляли консервативные «диксикраты». Флорида оставалась самым маленьким по населению штатом Юга, кроме Делавэра и Мэриленда, и от остального Юга ее отличали только отельный бизнес, цитрусовые и отсутствие хлопка.

Подытоживая развитие Флориды до 50-х годов, советский географ-американист Л. Я. Зиман писал: «Северная граница (Флориды) совпадает с границей хлопководства, которая в свою очередь близка к административной границе Флориды и Джорджии» [12]. Примечательно, что главным городом Флориды Зиман считал Джэксонвилл, расположенный на крайнем северо-востоке штата.

Такой резкий эксцентриситет главного города типичен для отсталых зависимых районов, и расположение Джексонавилла очень точно указывало на географическое направление зависимости Флориды.

«Третье рождение» Флориды произошло после второй мировой войны. Оно было связано с совпадением во времени нескольких факторов: автомобилизация, строительство автострад и особенно внедрение **-200 -** реактивного авиатранспорта резко «приблизили» Флориду к густонаселенным ареалам «снежного пояса». Развитие социального обеспечения, которое в США сильно задерживалось по сравнению с Западной Европой, открывало для миллионов людей новые возможности для отдыха, и вместе с общим «постарением» Америки это порождало все больше пенсионеров, стремящихся провести остаток дней в комфортных природных условиях. К тому же общие сдвиги в системе ценностей американского общества вели к нарастанию в нем гедонистических настроений, к повышению ценности туризма, развлечений, спорта - а ресурсами для удовлетворения спроса на эти занятия Флорида располагала в изобилии.

Флорида превратилась в настоящую Мекку туризма, особенно зимнего. В 1970 г. штат посетили 25 млн туристов, в 1980 г. - около 45 млн. которые оставили в штате 20 млрд долл., а это было в 5 раз больше выручки от сельского хозяйства штата. Но главную роль в росте населения штата сыграли не эти временные «потребители солнца», а постоянные - те, кто переселялся сюда навсегда. Благодаря массовой иммиграции американцев во Флориду численность ее населения уже в 1950 г. составила 2,8 млн. жителей, в 1960 г. - почти 5 млн. в 1970 г. она была близка к 7 млн. а в 1980 г. - к 10 млн. За 1940-1960 гг. Флорида обошла по этому показателю все штаты Юга, кроме Техаса, и переместилась с 27-го на 10-е место в стране, а к 1980 г., обогнав Массачусетс, Нью-Джерси и Миссури, вышла на 7-е место. Уже в середине 80-х годов ее людность перевалила за 10 млн. жителей, и ныне Флорида уступает по населению только Калифорнии, Нью-Йорку и Техасу, обогнав даже Пенсильванию и Иллинойс. Примечательно, что естественный прирост обеспечивал лишь около 20% наращивания людности штата, решающую роль играл прирост механический, по абсолютным размерам которого (1,3 млн. человек) Флорида в 60-х годах уступала только Калифорнии, а в 70-х годах (2,5 млн.) обогнала даже ее.

Такой громадный приток мигрантов полностью преобразил состав населения, его облик, характер и даже культуру. В 1980 г. уроженцы Флориды составляли всего 30% населения штата (меньше лишь в Неваде-21%), причем около 20% жителей приехали во Флориду лишь за предыдущие пять лет. Приезжие **-201 -** с Северо-Востока и из Среднего Запада меняли, как принято здесь говорить, только адрес, но не культуру и не партию, и в считанные годы многие части Флориды превратились в некие копии городов и особенно пригородов «снежного пояса». Недаром с 1952 г. во Флориде, этой вотчине демократов в прошлом, неизменно побеждал на президентских выборах кандидат от республиканцев (исключение составил лишь Б. Голдуотер в 1964 г., но и он набрал здесь 49% голосов). Уже в 1954 г. Флорида впервые со времен Реконструкции выдвинула республиканца в нижнюю палату конгресса, в 1966 г. - в губернаторы штата, в 1968 г. - в сенаторы. Американские политологи пишут уже о «консервативном поясе» - от Форт-Лодердейла до Дайтон-Бича и через Орlando до Сент-Питерсберга и далее на юг, где устойчиво преобладают республиканцы. Исключение составляют лишь пролетаризованные Тампа и Майами, в которых тон в политике задают выходцы из демократического Нью-Йорка, флоридский политолог М. Дауэр назвал Майами

«кусочком Манхаттана, приплывшим по теплым водам Гольфстрима». Примечательно, что в середине 80-х годов из 19 флоридских депутатов в палате представителей конгресса США только 8 были уроженцами самой Флориды, тогда как 7 вышли из штатов Северо-Востока, один - из Огайо и три - из Алабамы.

Особенно показательным оказался небывалый рост доли пожилых людей в населении Флориды - до рекордного в США уровня. Перепись населения 1980г. зафиксировала тут 1 686 тыс. человек в возрасте 65 лет и старше (3-е место в стране), т. е. 17,3% против 11,3% в среднем по США. Пожилые и старики придают современной культуре Флориды весьма специфический облик, определяя стиль жизни многих ее округов. В США насчитывается около 2,4 тыс. поселений стариков примерно с 1 млн жителей. Это в основном мелкие поселки, но если выбрать из них те, где людность не меньше 2,5 тыс., то из 25 таких поселений 16 окажутся именно во Флориде. Среди них - самый крупный в стране город с преобладанием стариков - Майами-Бич (96 тыс. жителей). «Геронто-вилли» бывают самые разные, в зависимости от достатка ушедших на покой - от богатой Аventura под -202 - Майами (10 тыс. жителей), где средний душевой доход гораздо выше национального уровня, до скромного поселка Холидей на берегу округа Паско (18 тыс. жителей), где он вдвое ниже.

*American Demographics. 1986. Vol. 8. No 1. P. 42.

Многие из пенсионеров поселяются в отелях, но большинство сумело осуществить мечту своей жизни и купить собственный домик. Некоторые профсоюзы специально строят на взносы своих членов поселки и передают им дома после выхода на пенсию. Основную же роль играют крупные компании, которые ловко спекулируют землей, скупая по дешевке огромные площади в самых, казалось бы, неудобных местах, осушают их, подводят к ним дороги, разбивают на участки и распродают втридорога тем, кто хочет поместить капитал в недвижимость или загодя обзавестись домиком во Флориде.

У «третьего рождения» Флориды был еще один мощный фактор-мыс Канаверал. В 1948 г. на этом мысе было решено построить главный в стране ракетно-космический комплекс «Кейп-Канаверал», поскольку место было совсем пустынное и приближенное к экватору, а потому удобное для запуска первых орбитальных спутников Земли. Первая ракета была запущена здесь в 1950 г., первый американский спутник - 31 января 1958 г. (на 119 суток позже советского), отсюда стартовал первый американский космонавт А. Шепард в мае 1961 г. (через месяц после Ю. Гагарина), а в июне 1969 г. - «Аполлон», доставивший первых землян на Луну. Управление по аэронавтике вложило в комплекс более 2 млрд. долл., и в разгар программы «Аполлон» тут было занято более 26 тыс. человек. Округ Бревард из захолустной окраины с 25 тыс. жителей превратился в «чемпиона США» по темпам роста населения, которое уже в 1960 г. перевалило за 110 тыс., в 1970 г. - за 230 тыс., а в 1980 г. составило 273 тыс. жителей.

Космодром стал магнитом для наукоемких отраслей. В короткий срок поблизости от него были построены десятки заводов, а в 70-х годах промышленное строительство охватило обширную прилегающую зону вплоть до Орlando. Согласно данным торговой палаты Флориды, за 1979-1984 гг. в штат въехало около 700 фирм, создавших здесь заводы на 128 тыс. рабочих мест*. К середине 80-х годов Флорида вошла

*International Herald Tribune. 1985. 25.X. P. 8

в первую десятку штатов по размерам занятости в наукоемких отраслях (около 120 тыс. человек), вдвое обогнав по этому показателю Сев. Каролину*. Характерным примером может служить перевод крупного завода тяжелых электродвигателей и генераторов из Милуоки (шт. Висконсин), который провела фирма «Сименс-Аллис». Ее штаб-квартира находится в Атланте, но завод разместили во флоридском Брейдентоне. По словам руководства, решающим фактором оказалась привлекательность этого курортного городка для рабочих, которые были переведены сюда из Милуоки вместе с заводом.

Сегодня наукоемкие отрасли представлены во Флориде такими гигантскими предприятиями, как заводы «Харрис» в Мелборне (10 тыс. занятых), компьютерный завод «Ай-ти-ти» в Бока-Рейтоне. Решающую роль играют здесь военные заводы. Это и громадный завод «Мартин-Мариетта» в Орландо, где делают зловещие «Першинги» (около 7 тыс. занятых), и ракетный завод «Рокуэлл» при космодроме, и новый завод авиадвигателей «Ю-Ти» в Уэст-Палм-Биче (около 8 тыс. занятых) - первый крупный завод этой военно-промышленной монополии вне Коннектикута; неуклонно расширяется завод «Хониуэлл» в Клируотере, производящий системы наведения и контроля для «шаттлов» и военных самолетов (4,5 тыс. занятых и 100 тыс. кв. м производственных площадей в середине 80-х годов). За 1970-1985 гг. доля Флориды в стоимости прямых контрактов Пентагона выросла вдвое - с 2 до 4% - и достигла уровня в 2 млрд. долл. в год.

Во многом благодаря этому промышленность развивается во Флориде опережающими темпами. За 60-е и 70-е годы занятость в промышленности выросла в США лишь на 20%, а во Флориде - более чем вдвое, достигнув 450 тыс. человек (4-е место на Юге после Техаса, Сев. Каролины и Теннесси).

*Journal of Commerce. 1985. 21.II. Section C.

** Financial Times. 1985. 6.XII. P. 14.

Активно ведется в районе, и добыча фосфатного сырья, по которой Флорида прочно занимает первое место не только в США, но и в мире (до 43 млн. т в 1980 г.). Горнодобывающая промышленность уже догнала по стоимости продукции сельское хозяйство штата, которое также достигло здесь высокого развития. По сбору овощей и фруктов Флорида уступает -204- в стране только калифорнии. Флоридские овощи господствуют в магазинах Севера зимой и ранней весной, флоридские соки - неременная часть американского меню, особенно в школьных завтраках.

«Третье рождение» имело для Флориды важные географические последствия. Практически весь бум с туризмом, наукоемкими отраслями, почти все описанные выше социально-культурные явления были приурочены прежде всего к южной половине штата, а северную половину затронули слабо. За 1940-1980 гг. численность населения Флориды увеличилась в 5 с лишним раз, но при этом в 30 южных округах она увеличилась почти в 7 раз, а в северной части - лишь в 2,5 раза. Поэтому доля южной части в населении штата выросла за это время с 60 до 80%, а ее людность превысила 7,6 млн. жителей.

Северная Флорида изменилась за это время сравнительно мало. Почти все местное население - типичные южане. В отличие от южных округов пенсионеров здесь куда меньше, чем детей. Так как берега здесь в основном болотистые, а зима слишком холодная для массового наплыва северян, то туризм в основном местный, связанный с отпускниками соседних штатов Глубокого Юга, и акцента

янки тут почти не слышно. Этим северная Флорида ничуть не отличается от побережий Старого Юга, где сегодня тоже развита подобная рекреация. Сразу за приморской полосой начинается типичный Глубокий Юг: сосны, соевые и кукурузные поля, дремучая сельская глубинка, неотличимая от соседних местностей Джорджии. В политике по-прежнему господствуют диксякраты, сильны популистские настроения, малознакомые южным округам, недаром Джэксонвилл голосовал в 1968 г. за Уоллеса на президентских выборах. По мнению авторов «Альманаха американской политики», Джэксонвилл сегодня - типичный город Глубокого Юга, медленно растущий индустриальный центр и порт [42].

Словом, «третье рождение» привело к новому расколу Флориды как штата. По мере того как сам термин «Флорида» обрастал новым содержанием, он все чаще адресовался только южной половине штата, северная же часть все чаще рассматривалась в качестве окраины Глубокого Юга. Как показано в интересном исследовании Э. Ламме и Р. Олдаковского, сами жители северной Флориды обычно относят ее к «Библейскому поясу» или Глубокому Югу, а некоторые **-205-** вообще называют окрестности Джэксонвилла «южной Джорджией» [95]. Практически все ученые, занимавшиеся социально-культурным районированием США после 1970 г., относят к Флориде только полуостровную часть штата. Примечательно, что В. Зелинскиеш в 1961 г. отделил от Флориды северо-западную часть штата, но оставил в пределах района Джэксонвилл [157], а в своей монографии 1973 г. перенес эту границу гораздо южнее, вплоть до округа Полк [156]. Правда, он по-прежнему включал во Флориду Джэксонвилл, но позже и Дж. Рид [132], ид. Шортридж [138], и Б. Бигелу [46] относили его к Глубокому Югу.

Итак, за четыре века присутствия здесь европейцев Флорида как район занимала сначала только северную часть современной территории штата, затем распространилась на всю эту территорию, а теперь буквально на наших глазах сместилась в южную ее половину. Столь разительная «миграция» района - нечастое явление в динамике территориальной структуры общества.

Современная Флорида в составе 30 южных округов одноименного штата кажется весьма единообразной, буквально заполоненной приезжими переселенцами и туристами, наукоемкими заводами, автострадами и развлекательными заведениями. На деле же ей присущи резкие внутренние территориальные различия. Здесь нетрудно выделить по меньшей мере четыре весьма контрастные части. Главные зоны концентрации курортного дела - это так называемый Золотой берег на юго-востоке района и Солнечный берег на западе, все более похожим на них становится Космический берег на северо-востоке. Северная часть района - это Цитрусовый пояс с громадными садами, фосфатными рудниками и заводами наукоемких отраслей в многочисленных городах. Особый мир - внутренняя Флорида, некий анклав Глубокого Юга, который завершается на юге обширными болотами Эверглейдс и мангровыми зарослями.

Некоторые американские специалисты считают, что именно во Флориде впервые проявляют себя те тенденции развития США, которым предстоит охватить позднее всю страну. Поэтому Флориду иногда называют «барометром». Но если это так, то показания этого барометра вряд ли всегда будут радовать американцев. С одной стороны, рост населения здесь неуклонно идет очень высокими темпами, и **-206-** кондоминиумы распродаются без всякой особой рекламы, буквально нарасхват. За один только 1984 г. в штат въехали 367 тыс. человек, т. е. в среднем по 1 тыс. в сутки, по 40 человек в час. Флорида уже обогнала по численности населения все штаты, кроме Калифорнии, Нью-Йорка и Техаса, а к 2000 г., по

официальным прогнозам, будет иметь 14,6 млн жителей.

Однако в самой Флориде подобные темпы вызывают скорее чувство тревоги, а не радости. Еще в 1973 г. власти штата решили прекратить финансирование рекламы, рассчитанной на привлечение новых поселенцев, и стали подумывать над мерами по сдерживанию их притока. Вскоре муниципалитет г. Бока-Рейтон принял решение установить предел роста людности города в 40 тыс. жилых единиц (примерно 100 тыс. жителей), его примеру последовали многие муниципалитеты Золотого берега. В 80-х годах это движение перекинулось и на Солнечный берег. Особого размаха достигло оно в Форт-Майерсе, где общественность требует защитить от спекулянтов острова вокруг бухты Шарлотт.

Иными словами, перед Флоридой все острее встает вопрос: способен ли район вместить такой наплыв жителей, а если способен, то какой ценой?

Уже сегодня хорошо видно, что цена эта слишком велика, и видно даже по внешнему облику Флориды. Орландская газета «Сэнтинел» (кстати, одна из самых консервативных в штате) пригласила группу репортеров оценить этот облик в ходе трехнедельной поездки по Флориде. Наездив почти 5 тыс. км, репортеры заключили в 1985 г.: «Самым ошеломляющим

впечатлением оказалось чувство, что штат превращается в сплошное однообразное грязное шоссе, забитое несносными рекламными щитами, мигающими неоновыми знаками, супермаркетами, придорожными свалками и транспортными пробками, из-за которых нужно порой три часа, чтобы проехать 40 км» [117].

Пожалуй, самым трудным барьером роста населения во Флориде стала проблема экологическая. Пышная, великолепная флоридская природа сложена из весьма хрупких элементов, которым наплыв мигрантов может нанести непоправимый ущерб. «Проблема выглядит парадоксальной, - пишет флоридский эколог Э. Дзурик, - ведь предстоит удержать растущее население от осквернения, уродования и загрязнения тех самых бесценных элементов природной среды и природных ресурсов, которые как раз и привлекают население сюда» [62].

Согласно расчетам Бюро экономического анализа, росту населения во Флориде предстоит замедление: если в 1973-1983 гг. его среднегодовые темпы составляли 3,1% и были втрое выше средних по стране, то в 1983-2000 гг. они составят всего 1,8% и будут лишь в 2,3 раза превышать среднестрановые. Казалось бы, пресловутый «встроенный механизм обратной связи», на который так уповают американские планировщики, да еще подкрепленный тормозящими мерами властей, должен сбить волну иммиграции, сгладить противоречия, и Флорида получит долгожданную передышку для наведения порядка в своем доме [86].

Однако надежды эти довольно призрачны. Прогноз Бюро не заслуживает особого доверия: в нем заранее заложены те самые допущения о выравнивании региональных уровней развития, которые Бюро пытается доказать своим прогнозом. Снижение темпов роста населения во Флориде--отражение их снижения по США в целом. Примечательно, что в 1973-1983 гг. Флорида уступала по темпам роста шести штатам страны, а в 1983-2000 гг., судя по прогнозам Бюро, будет уступать только пяти штатам.

Иными словами, темпы роста населения во Флориде останутся относительно высокими и впредь. Этот рост лишь поменяет судя по всему свои территориальные акценты: на Золотом берегу ему неминуемо предстоит замедлиться, а рекорды роста будет ставить Солнечный берег, и прежде всего окрестности зал. Тампа.

Среди специалистов господствует мнение, что те 5 млн. человек, которые

приедут во Флориду до 2000 г., осядут в основном не на Золотом берегу, а прежде всего в поясе Тампа - мыс Канаверал. По-видимому, в предстоящие годы все ярче будут сказываться такие преимущества ареала Тампы, как более спокойная социальная обстановка по сравнению с Майами, более дешевое жилье, менее плотная застройка, наличие крупного престижного университета южной Флориды всего в 15 км от центра Тампы, сбалансированное развитие сгустка городов, где Тампа выполняет роль главного портового и индустриального центра, Сент-Питерсберг - культурного, а Клируотер и Брейдентон - курортных центров. Особенно же симптоматичен приток сюда -208 - наукоемких отраслей. Есть расчеты, согласно которым за последние 20 лет нынешнего века вокруг зал. Тампа возникнут 460 тыс. новых рабочих мест, это меньше, чем в Атланте, но гораздо больше, чем в Майами, Форт-Лодердейле или Орландо.

Другой акцент роста направлен вовне, на север. Вдоль «Интерстейт-75» - главной автострады, соединяющей Флориду с остальной страной, - череда забегаловок и мотелей движется в сторону Окалы, старинного центра коневодства с типичной культурой Глубокого Юга [42]. В Окалу уже потянулись пенсионеры, появились первые наукоемкие заводы, в том числе завод печатных схем «Мартин Мариетта». Отсюда уже недалеко до Гейнсвилла. Здесь расположен Флоридский университет, и поэтому Гейнсвилл-едва ли не самый либеральный город в штате.

Быстро движутся на север кондоминиумы и отели Космического берега. В округе Флеглер тысячи гектаров уже скуплены корпорацией «Ай-ти-ти», которая задумала осуществить здесь, вокруг Палм-Кост, громадный проект города на 750 тыс. жителей - «площадью с Филадельфию при плотности Беверли-Хиллс»*. Правда, в середине 80-х годов в округе Флеглер было всего 15 тыс. жителей, но население тут быстро растет.

Рост выплескивается и далеко за пределы Флориды как района. Все больше типичных для этого района черт появляется в северо-западных частях штата. Панама-Сити, например, удается заполучить все больше курортников из Канады и Новой Англии, которым становится слишком тесно (и, главное, не по карману) на Золотом или Солнечном берегу, и пик нашествия туристов все больше смещается с лета на зиму, что характерно не для берегов Глубокого Юга, а для курортной Флориды. За местным побережьем уже утверждается собственное наименование «Миракл коуст» (Чудесный берег). Похоже, что Флорида как район снова начинает передвигаться: «съехав» в свое время с севера штата на юг, район опять двинулся на север, словно поднимаясь по полуострову по мере его «заполнения».

*Беверли-Хиллс - поселение сверхбогачей в Лос-Анджелесе

Рост во Флориде сопровождается и немаловажными качественными изменениями. В районе быстро [113]. 14 Л. В. Смирнягин -209 - развиваются самые передовые отрасли промышленности, его хозяйственная структура становится все богаче и полнокровнее. Примечательно, что в 1973-1983 гг. занятость во Флориде росла примерно теми же темпами, что и население, и до конца века, судя по прогнозам Бюро, будет расти в 1,5 раза быстрее [86]. По-видимому, «специализация на пенсионерах» становится все менее резкой. Решительные меры властей по регулированию землепользования дают все более ощутимые плоды. Одним из них будет, по-видимому, перевод в общественное пользование около 150 км лучших пляжей района. Успешно идет реконструкция исторических центров Тампы («Айвор-Сити») и Орландо. В Майами и Майами-Бич тщательнее охраняют старинные отели, построенные в 20-х и 30-х годах в стиле ар-

деко - весьма коммерческом и нарочитом, но все же представляющем одну из славных страниц истории американской архитектуры и, главное, составляющем столь яркий контраст ультрасовременным отелям, чьи вестибюли, по словам Н. Пейрса, могут служить «выставкой вкуса самого низкого пошиба» [113]. На реконструкцию старых отелей «Идеи-Рок» и «Фонтенбло»-лучших образцов ар-деко-в 80-е годы было ассигновано 60 млн. долл.*

Однако подобные признаки качественных сдвигов слишком малочисленны по сравнению с признаками чисто количественного роста. В этом отношении Флорида может служить ярким примером типичного для США противоречия между ростом и развитием. То, что это не одно и то же, хорошо показывает даже оптимистический прогноз Бюро экономического анализа: до 2000 г. Флорида останется одним из передовых штатов по темпам роста населения, но его относительный душевой доход (если принять уровень по США за 100) не только не вырастет, но даже упадет с 99 до 97 [86].

* Wall Street Journal. 1983. 25/VI.

Социально-экономические противоречия, возможно, удастся приглушить, но об их разрешении не идет и речи. Новые же направления развития - например, перерождение Майами из курортной столицы США в финансовую столицу Латинской Америки - порождают рост, чреватый новыми противоречиями и обострением старых. По-прежнему греет на этом руки всемогущая флоридская мафия, содержащая на **-210-** Золотом берегу десятки отелей и ресторанов, множество здешних банков занято отмиранием «грязных денег», нажитых на торговле наркотиками, для которых Флорида по-прежнему служит главным «входом в США», по-прежнему сейфы Майами открыты для богатств, награбленных латиноамериканскими диктаторами -~ как бывшими, так и нынешними [76].

Все так же остра главная социально-культурная проблема Флориды - крайняя разношерстность переселенцев, которые составляют подавляющее большинство жителей района. Проблема эта усугубляется постоянным присутствием здесь многих миллионов туристов. «Флоридское общество - вроде чистого листа бумаги, - сказал в свое время бывший директор - распорядитель демократов штата К. Фармер, - люди здесь не имеют корней, они все время приезжают и уезжают». Уроженцы штата составляют всего чет~ верть постоянных жителей района, они просто не способны составить достаточно прочную социально-территориальную общность, которая могла бы поглотить новопривывших, переплавляя их контрастные культурные установки во что-то специфически флоридское. Напротив, «специфически флоридскими» стали установки именно на разнохарактерность, на консервацию черт, вынесенных переселенцами со старых мест обитания. Можно сказать, что игнорирование местных традиций и традиций своих соседей - главная традиция современной Флориды. Лишь сугубо географическая составляющая - привычка селиться рядом с земляками - порождает в этом месиве некоторую пространственную упорядоченность, благодаря которой Солнечный берег выглядит курортом Среднего Запада, Майами-Бич - каким-то филиалом еврейского Бруклина, а многие части Золотого берега - «Янкилендом».

*International Herald Tribune. 1985. 25.X. P. 8. 14

Привлекая многие тысячи переселенцев из самых разных уголков страны, Флорида превратилась если не в микрокосм, то в «мезокосм» современной Америки, где бок о бок сосуществуют, не перемешиваясь, анклавов весьма

контрастных американских субкультур. Главное, что их объединяет, - это обостренные гедонистические установки на отдых и развлечения и роскошная флоридская природа, которая выглядит гораздо целостнее на фоне культурного разнobia - **211** - населивших ее людей. Преодоление этого разнobia, складывание подлинной территориальной общности людей - главный «сюжет» дальнейшего социально- культурного развития Флориды как района.

Дэлта

В средней части долины Миссисипи, от впадения Огайо до предместий Батон-Ружа, сложился весьма своеобразный район - своеобразный не столько ко репными отличиями от своего окружения, сколько предельным развитием многих главных черт Черного Юга. Его аграрность превратилась здесь вполнук монокультуру хлопчатника, кропперство приобрело е свое время самые резкие черты, бедность достигла худших пределов пинцеты, доля черных в населении дошла до рекордных уровней, а расизм проявлялся е самых крайних, наиболее жестоких формах.

Эта часть страны представляет собой идеально ровную поверхность-«ровную, словно теннисный корт», как принято здесь говорить. Могучая Миссисипи, змеясь по этой поверхности, постоянно выходит из берегов, заливая обширные пространства. Вплоть де Гражданской войны ее долина представляла собой почти безлюдные, заросшие густым лесом малярийные болота. Лишь кое-где, на удобных обрывах террас, процветали на речной торговле старинные центры, изобилующие особняками удачливых купцов, - Мемфис с его богатой культурой «миссисипской столицы», Натчез на одной из главных фронтальных дорог от Миссисипи к Нашвиллу, Виксберг («конфе- дератский Гибралтар»), Гринвилл.

Когда же во второй половине прошлого века здесь стали строить первые дамбы и осушать отдельные участки, сразу обнаружилось, что долина обладает почвами фантастической мощности (до 10 м) и небывалого плодородия. В конце века на помощь пришла новая землеройная техника, мощные насосы, и осушение земель пошло семимильными шагами. За короткое время район превратился в скопище огромных хлопковых плантаций - главное царство «короля- хлопка».

Ядром района стала местность между Миссисипи и ее левым притоком Язу. Своими очертаниями она напоминала греческую букву «дельта», и поэтому - **212** - местность получила название Дэлта, которым стали именовать сначала участок левобережья Миссисипи от Мемфиса до Виксберга. В широком же смысле Дэлтой называют и все прилегающие сходные местности в Арканзасе, Теннесси (к западу от р. Теннесси) и даже Кентукки (так называемая «покупка Джексона»). К ней относится, бесспорно, и «Литл Иджипт» (маленький Египет) во главе с Кейро на самом юге шт. Иллинойс.

Плантационное хозяйство Дэлты складывалось по образцам Глубокого Юга: земля принадлежала богатым белым, а трудились на ней тысячи черных. Однако создание этой системы протекало уже после отмены рабства, и основой общественных отношений сразу стало кропперство, получившее здесь особенно широкое распространение. Плантатор выделял кропперу участок, предоставлял ему жилище, снабжал мулом, плугом, посадочным материалом, а расплачивался долей урожая - как правило, ничтожной. Семья кроппера возделывала небольшой огородик, держала птицу, поросят и даже в годы «плохого хлопка» (низкого урожая, низких цен) не голодала. В остальном же жизнь ее была до крайности убога и являла собой разительный контраст беспечной жизни белых плантаторов. Еще

хуже жили тысячи черных, гнувших спину под палящим солнцем на плантаторских полях~ занимаясь посадкой хлопчатника, обирая вредителей или собирая урожай. Противостояние богатых белых землевладельцев и нищих черных, которые во многих округах Дэлты составляли подавляющее большинство населения, приобретало здесь формы гораздо более грубые и жестокие, чем на Старом и даже Глубоком Юге. «Налет некоторого изящества, который скрадывал в свое время жестокости рабства, трудно встретить здесь, в Дэлте, - пишут авторы «Альманаха американской политики». - Большинство новых плантаторов и не собирались возводить прелестные особняки довоенной поры, они жили в более простых, более удобных домах. У них не было особых патерналистских чувств ответственности за своих работников. Это были капиталисты, а не аристократы» [42].

Вопиющее имущественное неравенство прочно въелось в самые основы местной культуры, став чем-то «естественным». Экономические меры принуждения оказались в Дэлте ничуть не менее эффективными, чем - **213** - рабство. Их подкрепляли насилие ку-клукс-клана, который был здесь особенно свиреп *, а также расистское законодательство шт. Миссисипи. Здесь впервые (еще в 1890 г.) были введены в конституцию законы, требующие от избирателя грамотности и умения толковать статьи конституции. Поскольку же до Гражданской войны обучение рабов грамоте считалось преступлением, к концу прошлого века 95% чернокожих граждан Миссисипи были неграмотны, и подобные законы эффективно отрезали их от участия в голосовании. Но еще сильнее действовал на черных страх~ В 1950-х годах легислатура штата ввела закон о публикации списков зарегистрировавшихся избирателей в местной прессе; это давало возможность плантаторам заранее узнавать имена черных, претендующих на ~'часть в выборах, после чего их обычно выгоняли с работы в назидание остальным. Примечательно, что еще в 1958 г. из 31 округа Миссисипи, где черные составляли большинство населения, в 6 ни один на черных не принял участие в регистрации, а в 13 округах таких негров оказалось меньше 1% их общего числа. Неудивительно, что черные Дэлты издавна считаются самой забитой и темной частью негритянского населения Америки.

Дэлта может служить наглядной иллюстрацией известного марксистского тезиса, согласно которому расизм и его пережитки не только заставляют страдать угнетенных, но и разлагают угнетателей. Мало того, что Дэлта стала сущим «полюсом расизма», где расовая сегрегация была тотальной и как бы само собой разумеющимся свойством местной культуры, - она превратилась в самую отсталую часть США» почти вовсе лишенную промышленности. Н. Пейрс писал» что «бурбоны» Дэлты одно время вынашивали планы запретить здесь всякое крупное промышленное строительство, которое могло бы конкурировать с плантаж пнями за рабочую силу. Застойное хозяйство, замкнутое общество с архаичным укладом, отсутствие ресурсов национального значения, кроме земли, захваченной плантаторами, - все это отвращало крупный капитал от проникновения в Дэлту.

* По данным Института Таскеги, за 1883-1959 гг. в шт. Миссисипи было зарегистрировано 538 случаев линчевания - абсолютный «рекорд» среди штатов страны, шестая часть всех линчеваний в США 11131.

Территориальная общность этого района оказалась - **214** - -неспособной к эволюции за счет внутренних стимулов, потому что в нее были встроены мощные механизмы стабилизации. Однако Дэлта - всего лишь район обширной и динамичной страны, который даже не защищен от ее влияния едиными административными границами, позволившими многим штатам Юга долго

противостоять напору изменений с помощью тех законодательных и административных средств, которые давало им федеративное устройство страны. Поэтому когда отсталость Дэлты по всем линиям - и экономической, и социальной - достигла нестерпимых для США масштабов, общественному устройству Дэлты пришлось эволюционировать под действием внешних сил.

Изменения начались с экономической сферы. Механизация хлопкового хозяйства уже в 40-х годах начала все быстрее вытеснять негритянскую рабочую силу. Ей пришлось мигрировать сначала в города района, а потом и за его пределы - благо железная дорога «Иллинойс сентрал» проходила по насыпи вдоль оси Дэлты от Нового Орлеана через Мемфис и давала удобный выход в сторону Чикаго. Только за 40-е годы шт. Миссисипи потерял в ходе миграции больше 325 тыс. черных и почти 110 тыс. белых. К концу второй мировой войны во многих округах Дэлты было меньше населения, чем в прошлом веке.

Черед социально-культурной сферы настал в 60-х годах, когда в США развернулось движение за гражданские права. В Дэлте оно протекало особенно болезненно. Местные черные долго пребывали в апатии, борьба велась силами приезжих белых северян (в основном студентов и преподавателей) и негритянских активистов из других штатов. Сопротивление местных расистов было на редкость жестоким. Первые активисты движения, прибывшие в Джэксон в 1961 г., сразу угодили в тюрьму, тюрьмой угрожал губернатор Миссисипи Р. Беннет любому негру, который посмеет переступить порог Миссисипского университета в Оксфорде. Тогда же в 1962 г. чернокожий Дж. Мередит решил на подобный поступок, его пришлось охранять 400 агентам ФБР, на которых набросились 2,5 тыс. расистов - местных студентов и приезжих единомышленников; побоище, потрясшее всю страну, пришлось разгонять регулярными войсками. Жестокость полиции к черным приняла здесь -215 масштабы откровенного садизма; многие белые жители Дэлты с ликованием встретили весть об убийстве президента Дж. Кеннеди.

В 1964 г., после принятия федерального закона о гражданских правах, по всей стране было объявлено «лето свободы», и множество белых северян отправились в Дэлту, более 1 тыс. из них поселились в негритянских семьях, шокируя местное белое общество. Итоги «лета свободы» в Миссисипи были таковы: трое убитых, 80 избиений, 35 обстрелов, 35 сожженных церквей, 30 взорванных домов [113].

Пробуждение негритянской массы шло медленно. В 1960 г. негры составляли 42% населения Миссисипи, но лишь 5% из них приняли участие в регистрации - втрое меньше, чем в соседней Алабаме: их оказалось в 20 раз меньше, чем белых избирателей. Однако уже в 1970 г. регистрация черных достигла 59%, т. е. уровня, типичного в среднем для 11 южных штатов. Это можно считать большим успехом, если учесть, что к этому времени 28% взрослых черных в штате были неграмотны, а 26% едва добрались до средней школы. Механизм запугивания черных все еще действовал в Дэлте вовсю, и голосование негров зачастую шло на руку белым плантаторам,

Сопротивление расистов было сломлено лишь в самом конце 60-х годов. Еще в 1967 г. губернатором Миссисипи был избран отъявленный расист Дж. Уильямс, но уже в 1969 г. на местных выборах было выставлено 155 негритянских кандидатов, и 18 из них победили. Власть имущие, признав неэффективность открытого расизма, отвернулись от Уильямса и его сторонников, и те с треском провалились на выборах 1971 г., черные выставили 284 кандидата, и 51 из них

победил. В 1980 г. в национальных выборах приняли участие 286 тыс. чернокожих жителей Миссисипи - лишь в 2,5 раза меньше, чем белых. Доля регистрации у них дошла до 62%, в 1984 г. - даже до 68%» что гораздо больше, чем в среднем по 11 южным штатам (58%).

За последующую четверть века жизнь в Дэлте изменилась кардинально. Еще в начале 70-х годов вице-губернатор Миссисипи У. Уинтер сказал: «По сравнению с тем, что мы представляли собой в середине шестидесятых годов, мы прошли путь длиною а тысячу световых лет» [113]. Открытые формы расизма в Дэлте полностью искоренены; уже в 1970 г. в - **216** - Миссисипском университете учились около 400 черных. Миссисипская столица Джэксон, которая в 40-х годах произвела на Дж. Гантера комичное впечатление своими офисами посреди негритянских лачуг, превратилась в опрятный, даже красивый, процветающий городок. Процветает и главный город ядра Дэлты - Гринвилл, своего рода духовная столица края, которая, впрочем, и раньше отличалась известной расовой терпимостью, отвращением к расистским крайностям (местная полиция без промедления арестовывала водителей за одну только надпись на бампере: «Ку- клукс-клан»).

Преобразилось и хозяйство района. В отличие от Глубокого Юга хлопок по-прежнему играет важную роль в жизни Дэлты. Корреспондент «Нью-Йорк тайме» У. Кинг так описывает ноябрьскую уборочную страду в Дэлте: «Здесь еще тепло, но бурые окрестности словно засыпаны снегом. Хлопок повсюду: пушистые хлопья вздымаются вихрями вдоль обочин дорог, когда по ним проносятся грузовики с мешками или кипами хлопка. Хлопок свисает с электропроводов, и даже листья придорожных дубов словно обросли белыми бородами» [89].

Но хлопковое хозяйство ныне совсем другое. Один тракторист заменяет дюжину пахарей на мулах, один комбайн убирает за час больше, чем десяток кропперов убирала за день; вредителей истребляют химикалиями. На современной плантации человек вообще не касается хлопка, его руки, по словам У. Кинга, заняты лишь штурвалом, рычагами и кнопками. «Такой хлопок, - пишет Кинг, - выглядит не столько сельскохозяйственной культурой, сколько промышленной продукцией, для которой земля оказывается не более чем инкубатором». Правда, значение хлопка для Дэл- ты упало. До войны в Миссисипи и Арканзасе под ним было занято более 2,5 млн га, а ныне меньше 400 тыс. га, сбор сократился с 4,5 млн. до 1,2 млн. кип. Вплоть до 70-х годов эти штаты все же давали около 1/4 американского хлопка, но теперь их доля вдвое ниже. Зато почти 3 млн. га занято ныне соей, выручка от продажи которой вдвое больше, чем от хлопка. Обширные площади отведены под рис. В северной части Дэлты выращивают много озимой пшеницы, и даже в шт. Миссисипи, где до войны ее практически вообще не было, под ней теперь занято 250 тыс. га. Опережающими темпами развивается животноводство. - **217** - Если до войны оно вчетверо отставало от растениеводства по стоимости продукции, то теперь лишь » 1,5 раза.

Социальная структура сельского хозяйства Дэлты сегодня во многом иная. Кропперство исчезло еще в 50-е годы, его сменил найм рабочей силы за денежную оплату. Многие плантаторы продали землю крупным корпорациям, которыми управляют «чужаки»~ остальные ведут хозяйство совсем по-иному.. У. 1-инг приводит пример плантатора «в четвертом поколении» М. Парка, который вместе с отцом управляет фермой в 600 га в самом сердце Дэлты. «У него два громадных соевых комбайна стоимостью по 50 тыс. долл., - гигантский хлопковый пиккер, продельвающий работу, для которой 30 лет назад потребовалось бы до сотни негров. На технике занято несколько наемных рабочих, но в страдные дни и Парк

присоединяется к ним. Он окончил Миссисипский университет, у него степень бакалавра по агрономии и магистра по огородничеству, в его «пикапе» - передвижная ЭВМ» [89]

* „Journal of Commerce. 1982. 15.VI.

Появилась в Дэлте и значительная промышленность. Уже в 1966 г. она догнала сельское хозяйство по числу занятых, а ныне далеко его опережает. В старинном Натчезе - крупные нефтеперегонные заводы, в Гринвилле - заводы по обработке риса. Важным индустриальным центром стал Мемфис, его структура промышленности отличается разнообразием: крупные бумажные и пищевые фабрики, химический завод, завод «Интернешнл харвестер» на 2,5 тыс. занятых. Все сильнее «работает» отличное экономико-географическое положение Мемфиса на перекрестке многих путей между различными частями США. Его аэропорт обслуживает за год более 5 млн. пассажиров, грузооборот речного порта перевалил за 15 млн. т/год, а в 2000 г., по прогнозам, достигнет 50 млн. т/год. Особенно разительным был рост значения Мемфиса как центра оптовой торговли: к 60-м годам он занимал в стране лишь 17-е место по ее оборотам, а к 80-м годам - вышел на 6-е, уступая только Нью-Йорку, Чикаго, Хьюстону, Лос-Анджелесу и Дал-пасу и в 2-3 раза опережая такие города, как Сент-Луис, Цинциннати, Новый Орлеан*. После очищения социально-культурной атмосферы - 218 - в Дэлте крупный капитал все охотнее строит здесь свои предприятия. В Мемфисе появились заводы японских корпораций «Шарп» (цветные телевизоры), «Датсун» и «Минуй», в Гринвилле на месте закрытой военной базы «Боинг» строит авиазавод на 645 рабочих. Местная рабочая сила дешева и непривлекательна, поэтому часовая зарплата у «Боинга» здесь на 3 долл. меньше, чем на его заводе в Уичите (шт. Канзас) *. Хозяин одной новой фирмы в Гринвилле, где производительность труда оказалась на 20% выше, чем на аналогичном предприятии на Севере, объяснил это так: «Эти ребята с ферм привыкли работать от зари до зари, и восьмичасовой рабочий день для них - сущий пикник» [131].

Однако все эти успехи весьма относительны и выглядят таковыми только по сравнению с прошлым Дэлты. На фоне же страны Дэлта по-прежнему самый отсталый район. Из трех десятков округов США, где более 40% семей считаются «официальными бедняками», половина расположена именно в Дэлте (10-в Миссисипи, остальные - в Арканзасе и Луизиане). В большинстве местных сельских округов душевой уровень дохода в 2 и более раз ниже среднего по стране. По словам Ж. Гарро, с автострад, поднятых над плоской равниной на дамбы, открывается вид по-прежнему весьма унылый: пустынные поля, редкие лома белых фермеров и негритянские хижины ужасающе нищего облика - с мешковиной в дверных проемах, картоном вместо стекол в окнах. Иностранцы сравнивают это с лагерями палестинских беженцев или с деревнями Бангладеш [67].

Расизм дает себя почувствовать всюду. Недаром в Миссисипи с особой силой сказался эффект так называемого «белого бумеранга»; в ответ на массовое участие черных в голосовании резко повысили свою активность и белые (в 1980 г. уровень их регистрации в Миссисипи достиг небывалого для США-99% против 62% у негров).

*American Demographics. 1986. Vol. 6. No 5. P. 45.

Сегрегация прочно укоренилась в территориальной структуре общества Дэлты. Мелкие города района до сих пор имеют по два даунтауна, которые обычно разделены плотным железной дороги или автострады. Пожилой негр из

Кларкдейла сказал журналисту П. Рисеру: «Было время, когда нам нечего -219 - было делать на той стороне, а сейчас мы можем есть где угодно, гулять где захотим и селиться где пожелаем, и белый человек не в силах ничего с этим поделать. Однако большинство из нас проводит свою жизнь только здесь». И Рисер добавляет: «Здесь- это ряды узких домиков вдоль немощеных улиц в тон» старых деревьев. Дома стоят тесно друг к другу, у многих веранды с драными кушетками или сиденьями из брошенных автомобилей. По вечерам в городкад Дэлты молодые негры собираются группками, глаза на проезжающие автомобили и нехотя переговариваясь. На их лицах - печать отчаяния, отблеск былых надежд, разбитых новой реальностью».

Глава управления социального обеспечения в округе Вашингтон, где находится Гринвилл, рисует проблемы района в виде порочного круга: «Вся беда в том, что у негров нет квалификации, чтобы найти работу. У нас полным-полно программ всех мыслимых толков, но обучение, повышение квалификации-- все это полумеры. Здесь слишком много семей, в которых уже третье или даже четвертое поколение живет на социальную помощь, и тысячи людей не знали в своей жизни ничего иного, кроме этой помощи». И П. Рисер дал своей корреспонденции из Гринвилла многозначительный заголовок: «Дэлта - где король не хлопок, а соцобеспечение» [131].

В этом противоречии относительного развития и застойной отсталости по сравнению с остальной страной - корень тех трудностей, которые переживает сегодня Дэлта. «Дела сегодня плохи, - сказал Рисеру один из местных бизнесменов, - но вы не можете себе представить, до чего же плохи они были лет пятнадцать-двадцать назад». Окружные и городские власти, деловые круги и планировщики вынашивают различные проекты по коренному переустройству всей жизни Дэлты, например по превращению ее в аграрно-промышленный комплекс новейшего образца. Но проекты эти выглядят прожектами. Преображение Дэлты было достигнуто под напором внешних сил, а собственные факторы дальнейшей прогрессивной эволюции здесь так и не вызрели. Утратив былую изоляцию, архаичный уклад и сложившиеся, хотя и порочные социальные связи, Дэлта пока что не способна создать на их руинах принципиально новое общество, потому что главные язвы былого - расизм и нищета - все еще далеко не излечены. -220 -

Каджунский Галф

Вокруг впадения Миссисипи в Мексиканский залив сложился район уникальной яркости. Занимая сравнительно небольшую площадь, он резко выделяется на фоне остальных южных районов своей природой и, главное, культурой.

Низовья Миссисипи на первый взгляд кажутся поистине гиблым местом. По сути дела это сплошные болота, рассеченные десятками рукавов и проток миссисипской дельты, плоские, жаркие и душные. Многие участки лежат здесь ниже уровня моря и не залиты им только благодаря валам речных наносов, сложившимся вдоль русл. Если не считать гораздо более жаркого климата, все это очень напоминает голландские марши, только втрое большей площади - более 1,5 млн. га, что составляет более 40% береговых болот США *. Береговые валы густо поросли лесом из более чем полтора десятка пород, среди которых некогда господствовал кипарис.

Однако у этого района всегда было преимущество настолько бесспорное, что его не могли не заметить самые первые европейцы, прибывшие сюда в начале XVI в., -

уникальное географическое положение. Здесь впадает в океан могучая река, бассейн которой занимает около 40% смежной территории современных США. Сегодня в бассейне р. Миссисипи - почти 30 тыс. км водных путей в 17 штатах с годовым объемом перевозок около 500 млн. т, который к 2000 г., как ожидают, достигнет 800 млн. т**. Правда, первые три века после Колумба в этом бассейне почти не было белого населения, но через устье Миссисипи открывался удобный проход для колонизации, и уже в 1718 г. французский губернатор де Бьенвиль заложил здесь порт Новый Орлеан, который в 1721 г. стал столицей французской колонии Луизиана~ в 1732 г. здесь было уже 5 тыс. жителей. Задолго до освоения бассейна белыми Новый Орлеан стал важным портом, широко известным во всем мире, настоящим магнитом для самого разного люда - от испано-французских колонистов до гаитянцев, немцев, ирландцев. Когда американцы при Джефферсоне купили у Наполеона огромную территорию Луизианы, их главной целью было завладеть - 221 - Новым Орлеаном, а когда в 1812 г. вспыхнула война с Англией, англичане поспешили захватить этот порт, который американский генерал (будущий президент) Э. Джэксон отбил у англичан в 1815 г.

*Water Science and Technology. 1984. Vol. 16. No 3-4.

** Coal Age. 1980. Vol. 85. No 1. P. 29, 32.

Когда же развернулось подлинное освоение Миссисипского бассейна, для Нового Орлеана настали золотые времена. В 1812 г. здесь появился первый пароход, и годовой грузооборот порта перевалил за 500 тыс. т уже в 1840 г., в котором Новый Орлеан стал четвертым по людности городом страны. Порт рос и в последующие годы, и в мае 1979 г. журнал «Уотеруэйс» вышел с передовицей «Поздравляем», по итогам 1979 г. Новый Орлеан с грузооборотом в 151,7 млн. т обошел Нью-Йорк (148,6 млн т) и стал самым крупным портом США* .

Крупный порт-это фокус потоков не только грузовых, но и культурных, и Новый Орлеан - один на лучших тому доказательств. По культурной пестроте своего населения он не имеет аналогов в США. Ныне это единственный в стране крупный город, культурную основу которого составляет латинский элемент. Уже ко времени перехода под власть США он представлял собой на редкость пестрое в этническом отношении скопление людей. Примечательно, что в армии Джэксона, освободившей Новый Орлеан от англичан, было немало и свободных негров, и индейцев чокто, и креолов - испано-французской аристократии.

Господствующую роль здесь играл французский элемент. Он сложился из трех ветвей - выходцев из Франции, Гаити и Канады. Эмигранты с Гаити основали здесь во второй половине XVIII в. обширные плантации сахарного тростника, завезли множество черных рабов, а также немало свободных цветных. Эмигрантами из Канады были так называемые акадийцы - французские поселенцы Акадии (ныне Новой Шотландии), которых изгнали оттуда англичане в середине XVIII в. Они расселились было по всей южной Луизиане, но постепенно плантаторы оттеснили их в наименее пригодные для земледелия болота.

*Waterways Journal Weekly. 1981. 9.V. P. 1. В середине 80-х годов Нью-Йорк и Новый Орлеан имели примерно равный грузооборот.

Французский этнос Луизианы поражает своей стойкостью. Он сумел не только выдержать напор многих других этносов, но даже и ассимилировать их - «офранцузить», по выражению Ш. А. Богиной, перу -222- которой принадлежит живой очерк этого процесса[5]. На французский язык постепенно переходили в Луизиане испанцы, немцы, которые даже меняли на французский лад свои

фамилии, а также черные, которым французский язык позволял подчеркивать свое гаитянское происхождение и затушевывать происхождение африканское. Даже смешанные браки французов с американцами чаще всего давали «французский результат».

Особенно удивляет приспособляемость акадийских французов, которых со временем стали звать «каджу-нами». Попав в совершенно иную социально-экологическую обстановку, да еще будучи оттесненными в самые неудобные, казалось бы, места, каджуны сумели в короткий срок найти в этих краях специфические ресурсы и создать жизнеспособную экономику, основанную на рыболовстве и охоте. Более того, их промысел пушного зверя оказался здесь гораздо успешнее, чем даже на американском Севере. Были периоды, когда южная Луизиана давала больше пушнин~, чем Аляска и Канада, вместе взятые. В рыболовстве Луизиана и 'сейчас далеко опережает другие штаты по улову (правда, не по стоимости), и в середине 80-х годов он составлял тут около 800 тыс. т/год - втрое больше, чем во всей Новой Англии. Ныне вся южная Луизиана за пределами Нового Орлеана носит название Акадиана.

Созданный из разных ветвей иммиграции, французский этнос Луизианы пользовался разными наречиями французского языка - собственно французским, каджунским и так называемым креольским - языком гаитянских негров. Но в остальном он обладал яркими чертами единства, особенно на фоне американского окружения. Его эффективно цементировал . католицизм, противостоящий протестантским церквям американцев, а еще более - специфический культурный настрой, резко контрастирующий со многими чертами культуры американского Юга. Франкоязычных (франкофонных) жителей Луизианы отличали оптимистический взгляд на жизнь, ослабленность стимулов к приобретательству и накопительству, крепость семейных уз и важная роль женщин в семье, сочетание общинной сплоченности с известным равнодушием к межрасовому смешению, гораздо более спокойный взгляд на негритянскую или индейскую проблему, Недаром знаменитый губернатор Луизианы Хью Лонг -223 -

*American Demographics. 1986. Vol. 6. No 5. P. 45.

(прообраз главного героя романа Л. Уоррена «вся королевская рать») никогда не прибегал в своей политической деятельности к чисто расистским лозунгам, и недаром ку-клукс-клан считал его своим заклятым врагом. «При всем гнете, свойственном системе рабовладения, - пишет Ш. А. Богина, - отношение к людям с небелой кожей сложилось в Луизиане более широкое и терпимое, чем в соседних американских штатах, и несколько походило на межрасовые отношения в Латинской Америке» [5].

Переход Луизианы в состав США лишь усилил сплоченность франкофонных жителей; американцы были встречены довольно враждебно широкими слоями населения. Это отчуждение проявилось даже в расселении этносов в Новом Орлеане. Оплотом франкофонов остался французский квартал Вье-Карре (Старый квадрат) - старинное ядро города с необычным для Америки европейским духом уличной жизни. Его рестораны знамениты на всю страну своей кухней, Бурбон-стрит - уличными джазами, Ройал-стрит - шикарными магазинами, а Джэксон-сквэр - самым старым в США католическим собором Св. Людовика (1792-1794 гг.). Не менее знамениты рядовые жилые постройки французского квартала-дома креолов, возведенные после пожаров XVIII в. в духе местных испанских традиций. Их главная особенность - непременно широкие балконы и галереи с чугунной балюстрадой редкостной затейливости.

«Изготовленные местными мастерами, они могут конкурировать по мастерству исполнения с изделиями каслинских мастеров или парковыми оградами Ленинграда», - писал советский этнограф В. А. Тишков, посетивший Новый Орлеан в 1984 г. [28].

Французский квартал - это 7 улиц вдоль Миссисипи и еще 14 перпендикулярных. Население города составляло всего 10 тыс. жителей, когда он стал американским, и новые хозяева-янки стали селиться отдельно, к востоку от французского квартала, образовав так называемую «Американскую колонию». Позже американские плантаторы освоили земли к западу, создав тут богатый «Садовый район» (Garden district). Так противостояние разных культур получило яркое выражение в планировке города.

Особый жизнерадостный настрой франкофонных луизианцев породил здесь традиции, которые прославили Новый Орлеан на всю страну. Это прежде всего - 224 - знаменитый новоорлеанский карнавал «Марли-гра» - «жирный вторник». Он ежегодно начинается 6 января и длится несколько дней в виде грандиозных шествий и балов, которые организуют многочисленные клубы, причем жители готовятся к празднику целый год и придают ему поразительно большое социальное значение. Из этих же традиций родился всемирно знаменитый новоорлеанский джаз - может быть, менее искрометный и виртуозный, чем диксиленд, но более древний и к тому же чисто негритянский.

Впрочем, не следует преувеличивать ни «качество» подобных традиций, ни их силу. Старинная расовая терпимость сильно сдала под напором расистских установок американского Юга. Известное благодушие франкофонных луизианцев всегда шло рядом с культивированием строжайшей социально-сословной сегрегации всего общества во всех его ипостасях, включая даже карнавальные клубы. Главные клубы («Помус», «Момус», «Реке» и др.) со столетней историей объединяют только «лучшие семьи», они закрыты для женщин, цветных, евреев, и этим традициям кастовости подражают даже многочисленные негритянские карнавальные клубы.

Подобная сегрегированность с лихвой перекрывала ослабленность чисто расовых предрассудков, и это ярко проявилось в 60-х годах, в разгар борьбы за гражданские права цветного населения. Репутация Луизианы как сравнительно терпимого южного штата позволяла многим в Америке надеяться, что здесь десегрегация пройдет относительно спокойно; ведь черные издавна посещали мессы вместе с белыми, их охотно принимали в полицию. Однако на деле десегрегация сопровождалась в Луизиане сильнейшими волнениями, беспорядками и прошла с большим трудом.

К не лучшему, мягко говоря, традициям франкофонной Луизианы приходится отнести и низкий приоритет образования. Низкая грамотность была обычным явлением даже среди богатых креолов, а для каджунов она стала просто родимым пятном. Полвека назад 15% взрослого населения Луизианы было неграмотным - втрое больше, чем по стране в среднем [143], и по доле неграмотных Луизиана до сих пор занимает 1-е место в США.

С этим связано и равнодушие к политической жизни, которое считается типичным для франкофонных луизианцев. Здесь издавна процветает открытая, никого 15 Л. В. Смирнягин -225 - не шокирующая торговля голосами на выборах - словно избиратели, по словам Н. Пейрса, рады тому, что кто-то снимет с них нужду посещать избирательные участки. Именно поэтому, добавлял Н. Пейрс, целые полвека - с 1870 до 1920 г.--Луизианой правила «одна из самых

могучих и бессердечных олигархий» [113].

В 1907 г. в Луизиане нашли нефть. Сначала ее добыча была довольно скромной, на уровне 2-3% национальной добычи, но в 30-х годах началось массовое вторжение нефтяных компаний в луизианские болота. К концу войны годовая добыча перевалила за 5 млн. т, а доля в стране - за 5%. Особенно стремительным было развитие нефтегазовой промышленности в Луизиане после второй мировой войны, и в период 1965-1975 гг. среднегодовой уровень добычи нефти превышал 100 млн. т, а газа - 200 млрд. м³. Луизиана вышла на 2-е место по их добыче, обеспечивая соответственно 1/4 и 1/3 добычи нефти и газа в США. Второй среди штатов была она и по общей стоимости горнопромышленной продукции (15-17% от США), которая здесь больше, чем во всех штатах Севера, вместе взятых.

С 1947 г. началась добыча на шельфовом мелководье, и 2 млн. га луизианской акватории стали крупнейшим в стране внебереговым нефтегазовым ареалом. В конце 70-х годов здесь на глубинах моря 3050 м на многих десятках платформ ежегодно добывалось по 45-50 млн т нефти и около 100 млрд. куб. м газа. На каждой платформе - вахта от 15 до 50 человек, которые живут здесь по две недели, работая по 16 часов в сутки, а потом по две недели отдыхают «на материке».

Нефтяной сектор полностью преобразил экономику Луизианы. По стоимости продукции он далеко, примерно на порядок, опередил мощное сельское хозяйство штата, хотя оно играло ключевую роль для США в производстве сахарного тростника и риса. После роста цен на топливо в 70-х годах нефтяной сектор опередил и обрабатывающую промышленность. Сейчас, в 80-х годах, горная промышленность дает около 8% доходов населения, а это в 5 раз выше среднего по стране уровня. В ней занято около 80 тыс. человек, против 60 тыс. в сельском хозяйстве. Вместе с добычей развивалась и первичная переработка нефти и газа. По суммарной мощности своих 17 нефтеперерабатывающих заводов (115 млн. т в год) Луизиана занимает 3-е место в стране после Техаса и Калифорнии. Среди этих заводов такие гиганты, как «Экссон» в Батон-Руж на 23 млн. т/год (2-е место в стране), «Ситго» в Лейк-Чарлзе (16 млн т/год)*. Батон-Руж и Лейк-Чарлз стали одними из крупнейших в стране нефтехимических центров, причем в Батон-Руж находится сейчас главный производственный комплекс компании «Экссон» - самой крупной в мире нефтяной монополии.

Уникальный портово-промышленный ареал сложился вдоль р. Миссисипи, между Батон-Ружем и Новым Орлеаном. Здесь нет значительных городов, но берега буквально усеяны заводами, причалами, хранилищами. В их числе - полсотни значительных промышленных предприятий, среди владельцев которых представлены почти все важнейшие нефтехимические корпорации США, десятков элеваторов общей емкостью более 2 млн. т, 5 крупных портов общего назначения и десятки заводских причалов, несколько ТЭС, две АЭС. Главный фактор развития этой полосы - оборудование по нижней Миссисипи фарватера глубиной 12 м. Благодаря этому местные порты стали главным выходом американского зерна на экспорт (40-50%). Однако уже в начале 80-х годов глубина фарватера стала недостаточной, почти половина судов, которым предстояло пройти 335 км до Батон-Ружа, шли после Нового Орлеана с большой недогрузкой. Поэтому в середине 80-х годов пришлось затратить 400 млн. долл. на углубление фарватера до 16,5 м. Полагают, что благодаря этому вывоз зерна через низовья Миссисипи вырастет за 80-е годы от 50 млн. до 135 млн. т в год, а угля - с 10 млн. до 75 млн т.

* Oil and Gas Journal. 1976. Vol. 84. No 12. P. 102

Особую роль Луизианы в нефтехозяйстве США подчеркивает и то, что именно здесь был создан первый в стране глубоководный порт приема сверхкрупных танкеров. Как известно, США лишены естественных гаваней для приема таких танкеров, наиболее экономичных для трансокеанских перевозок нефти. Стремительный рост импорта нефти в США за 70-е годы сделал строительство таких портов делом крайне настоятельным. Однако построили их не на Восточном побережье, куда следовал главный импортный поток, а в Мексиканском заливе, рядом с главными ареалами **-227-** нефтедобычи. Парадокс этот объяснялся просто: о 70-х годах США охватила настоящая «экологическая лихорадка», и местные власти Северо-Востока наотрез отказывались разрешить строительство суперпортов на своих территориях, опасаясь губительного загрязнения берегов в случае аварий танкеров. Власти же Луизианы легко пошли на это и разрешили консорциуму из пяти крупных нефтекомпаний построить суперпорт «Луп» (LOOP-Louisiana Offshore Port) в 30 км от берега округа Лафурш. Он представляет собой насосную платформу и три заякоренных причалам вынесенные на глубины в 34 м, что позволяет принимать здесь танкеры дедвейтом до 700 тыс. т. «Луп» может ежедневно принимать до 200 тыс. т нефти (70 млн. т в год) и передавать их по подводному трубопроводу на материк и далее в магистральную сеть.

Вторжение нефтегазовой промышленности не только преобразило экономику края. Оно имело глубокие последствия и для его природы и для всех сторон общественной жизни, причем его влияние на природную среду оказалось столь мощным, столь губительным» что привело к изменениям буквально планетарного масштаба. В этом свете Луизиана выглядит неким полигоном для изучения экологических последствий человеческой деятельности, одним из самых поучительных примеров того, сколь губительными могут оказаться эти последствия.

До вторжения нефтегазовых компаний хозяйственная жизнь в низовьях Миссисипи находилась в известной гармонии с природной средой. Правда, густые леса прирусловых валов подверглись после Гражданской войны массовой хищнической вырубке, и за 1880-1925 гг. Кипарис - наиболее ценная порода этих лесов - был сведен почти полностью. Но плантации сахарного тростника располагались только по валам и не выходили на заболоченные участки, а рыболовство и охота, хотя и достигли здесь исключительно большого размаха, слишком сильно зависели от экологического баланса, чтобы его разрушать [149]. Луизианские болота удивительно богаты биологическими ресурсами, особенно водным пушным зверем (прежде всего ондатрой). С 1938 г. сюда стали завозить аргентинскую нутрию, с помощью которой надеялись остановить разрастание водяного гиацинта, забивавшего каналы и протоки, и ныне нутрия дает половину луизианской пушнины. По некоторым оценкам, от охоты **-228 -** зависит жизнь 335 местных поселений, ею заняты более 3,5 тыс. охотников-каджунов, которые дают ныне половину продукции пушного промысла в США [69]. Под стать этому и рыболовство, которое в отличие от пушного промысла получило особое развитие уже после второй мировой войны. Еще в 40-х годах Луизиана давала лишь 3-4% улова морепродуктов в стране, в 60-х годах уже более 10%, а сейчас даже почти 30% (примерно 800 тыс. т в год). По этому показателю она давно обогнала остальные штаты страны, опережая весь Северо-Восток вместе с Чесапикским заливом. Правда, по стоимости улова Луизиана уступает Аляске и Массачусетсу. Особенно славится Луизиана своими креветками, обеспечивая около 1/3 их национального улова~ устричные отмели занимают около 500 тыс. га [148].

Экологическое равновесие в низовьях Миссисипи очень хрупкое, сама природа постоянно нарушает его, потому что р. Миссисипи часто меняет свое русло. За послеледниковый период она сменила его 6 раз, а современная дельта сложилась всего около 1 тыс. лет назад. Любое вмешательство человека в этот процесс грозит резкими изменениями его хода. В 1839 г. ради облегчения судоходства были разобраны вековые заломы леса в 72 км выше Батон-Ружа, где от основного русла Миссисипи ответвляется протока Атчафалая. Водность Атчафалаи резко возросла, потому что по ней до моря всего 225 км, а по главному руслу - 530 км. Специалисты предсказывали, что где-то к 1975 г. Атчафалая станет главным руслом Миссисипи. Однако этого не случилось, потому что с 1962 г. ее начало было отгорожено контрольным сооружением, которое пропускало в Атчафалаю только 30% стока Миссисипи [16].

Последствия этих «поправок» в дела природы оказались огромными. Прекратилось развитие новых маршей вдоль Атчафалаи, началось разрушение десятков барьерных островков, которые защищали дельту от волновой эрозии, их площадь, в конце прошлого века составлявшая около 100 кв. км, сократилась до 58 кв. км [98]. Это совпало с заключительной фазой цикла опускания всего района дельты, которое шло со скоростью около 20 см за столетие, а в нынешнем столетии ускорилось почти втрое. И если раньше отложения обломочного материала, вынесенного Миссисипи с огромного бассейна, компенсировало это опускание, то -229 - теперь площадь дельты стала быстро сокращаться. Согласно оценкам, за последние 80 лет она уменьшилась примерно на 1 тыс. кв. км, и сегодня Луизиана ежегодно теряет по 100—130 кв. км своей территории. Основные потери приходится на выход главного русла в Мексиканский залив и на крайний юг, где округ Тербон, самый большой по площади в штате, уменьшается за год примерно на 20 кв. км. Как отмечала газета «Уолл-стрит джорнэл», каждые полчаса под воду уходит еще один гектар луизианской суши, и через полвека Новый Орлеан, по-видимому, окажется на берегу открытого моря, потому что все местности к югу от него поглотит Мексиканский залив [69].

Нетрудно было заметить, что резкое ускорение этих процессов совпало с началом массивного воздействия хозяйства на луизианские болота. За последнюю четверть века сельское хозяйство спустилось с береговых валов и буквально набросилось на заболоченные участки. Только за 1959-1964 гг. здесь освоили около 400 тыс. га затопляемых низин под сою, которую благодаря скороспелости удавалось выращивать между сезонами наводнения. Весьма успешным оказалось культивирование в низинах и риса - и даже раков. Пруды для выращивания раков дают здесь выход почти 2 т с гектара, что при цене 2-3 долл. за 1 кг позволяет окупить все благоустройство и получать солидную прибыль. Прудами, где разводят раков, занято около 3 тыс. га, они дают 85% «урожая» раков в США [149].

Однако это воздействие оказалось сущим пустяком по сравнению с тем калеченном луизианских болот, которое началось в 30-х годах с приходом сюда нефтегазовых компаний. Недра болот содрогались от сейсмической разведки, сотни драг и экскаваторов вспарывали болота под трубопроводные траншеи и судоходные каналы, заменившие в этих топях шоссе. Общая протяженность этих каналов близится к 20 тыс. км, на них приходится около 10% поверхности болот [98].

* Water Science and Technology. 1984. Vol. 16. No 3-4.

Нефтяные корпорации не только резали болота, что называется, по живому,

они сбрасывали в них сотни тонн ядовитых отходов нефтедобычи. Нефть в Луизиане залегают глубоко, бурение скважин по 3 тыс. м связано с применением около 500 т бурового раствора -230 - ра, в котором весьма много вредных химикалиев. На закупку их здесь ежегодно расходовали около 1 млрд. долл. Если скважина оказывалась сухой, отработанные растворы закачивали в нее, но если ее готовили к эксплуатации, то удаление раствора обходилось примерно в 100 тыс. долл. Чтобы избавиться от этих расходов, компании взяли за обыкновение сбрасывать их прямо в болота [126].

Безобразно обстоит дело в Луизиане и с просачиванием нефти, которое случается здесь примерно вдвое чаще, чем в любом другом нефтедобывающем штате. Только за 1930-1984 гг. здесь было зарегистрировано 8,6 тыс. таких случаев. Подсчитано, что за 1980-1981 гг. в болота Луизианы поступило 57млн л нефти [69]. Для луизианских болот такое загрязнение особенно вредно, потому что глубины в них невелики, а движение воды крайне медленное.

Кажется почти невероятным, что подобное открытое и злонамеренное надругательство нефтяного бизнеса над природой, притом над уникальной экосистемой национального значения, возможно в сегодняшней Америке, где «экологическая лихорадка» достигла необычайного накала. Объяснение скорее всего надо искать в особенностях луизианского «политического климата», основные черты которого были созданы самим нефтяным бизнесом. «Нефтяная промышленность и сопутствующие отрасли, - писал о Луизиане «Уолл-стрит джорнэл», - стали самым крупным в штате работодателем, землевладельцем и налогоплательщиком. Их могущество, которым они всегда делились с политиками, обеспечило им самую широкую общественную и официальную поддержку, и бизнес их испытывает здесь очень слабое регулирующее воздействие со стороны властей штата» [125].

Не менее пагубным оказалось вторжение нефтебизнеса и для культуры южной Луизианы. С 30-х годов сюда хлынули тысячи американцев из соседних штатов, в основном англофоны - баптисты и методисты. Им казались «греховными» многие черты традиционной жизни каджунов - веселые базары при церквях, любовь к танцам и музыке, пристрастие к карточным играм в общественных местах, знаменитые «бушерии», на которых соседи совместно лакомились жареной свининой. Католицизм каджунов казался протестантам отвратительным, английский выговор - смешным, и они сразу стали третировать каджунов, награждая - 231 - их кличками вроде «енотовых придурков» или тог хуже. Нефтяные компании нуждались в дешевой каджунской рабочей силе, но каджуны быстро убедились что до тех пор, пока ломаный английский язык ста вит на них некое клеймо, они обречены на худшую работу и худшие заработки. Поэтому в школах Акадианы началась суцая облава на французский язык учителя наказывали детей, если они говорили «мерси» вместо «сенкью». Использование французского языка в Акадиане стало сокращаться, в Новом Орлеане он вовсе вышел из употребления [28').

Впрочем, руссоистские сетования по поводу разрушения векового каджунского быта были бы не слишком уместны. Быт этот был весьма скуден, и заработки, пришедшие сюда с нефтедобычей, позволили каджунам существенно укрепить свою экономическую базу. Правда, основные плоды «нефтяной лихорадки» достались немногим. Разбогатевшие каджуны чаще всего переселялись в Лафейетт - бесспорную «духовную столицу» Акадианы, которую нефтяной бум превратил из сонного города в некий «мини-Хьюстон» ее множеством высотных

домов, особняков и автомобилей. Принято считать, что Лафайетту принадлежит всеамериканский рекорд по числу миллионеров «на душу населения» [42].

Каджунский этнос еще раз доказал свою жизнеспособность и смог пережить натиск нефтябума. Множество мелких городков Акадианы хранят несмыаемый каджунский колорит - и Сент-Мартинсвилл, который одно время называли «пти-Пари», потому что в нем поселились бежавшие из Франции роялисты, и Каплан, где каждый год празднуют падение Бастилии... К тому же многие черты прошлого уже неискоренимо вошли в состав культуры настоящего: местное название округов - «париши» (приходы), на которые разделил Луизиану в конце XVII в. испанский губернатор, законы в духе кодекса Наполеона, в изобилии представленные в конституции штата. Даже в землепользовании четко прослеживаются несколько систем межевания - французская *arpent* (полосовая нарезка торцом к дороге или реке), испанская *sitio* (крупные прямоугольные плантации, ориентированные с северо-востока на юго-запад) и американская геодезическая

В 70-е годы в Акадиане начался «французский ренессанс»: все французское стало входить в моду, его **-232-** начали культивировать. Создано несколько организаций, которые ратуют за введение в Луизиане двуязычия или организуют ежегодный приезд из Франции около 200 учителей французского языка (этому помогает и правительство Франции), поддерживают «побратимства» каджунских городов с французскими. Штабы этих организаций располагаются обычно в Лафайетте, где находится и специальное представительство Квебека - франкофонной провинции Канады. Каджунская культура стала лакомой приманкой для туристов. Большим успехом у них пользуется проходимый в Лафайетте старинный акадианский фестиваль с каджунскими танцами вроде «фа-до-до» и каджунской музыкой в стиле «чалки-чанк», с креольскими угощениями, где царят неизменный джумбо (тушеные «дары моря» с зеленью и пряностями) и джамбалая (тушеные креветки с рисом) [169]. Дело дошло до того, что в 1984 г. Э. Эдвардс, вступая на пост губернатора, прочел текст присяги по-французски, подчеркивая перед избирателями свое каджунское происхождение [28].

Впрочем, многие каджуны считают подобный ренессанс показным, насквозь элитарным и рассчитанным на коммерческий туризм. Известный в Луизиане радиожурналист Р. Уитли возглавил контрдвижение каджунов «против языкового и культурного геноцида». Это движение ратует за возрождение именно каджунского наречия и пытается издавать на нем литературу.

За последние полтора десятка лет экономическое развитие Луизианы шло внушительными темпами, и если до 70-х годов она занимала одно из последних в стране мест по уровню душевого дохода, то в начале 80-х годов перебралась уже на 34-е место, причем отставание от среднего по стране уровня сократилось с 25 до 10%. Этот рост был приурочен прежде всего к южной Луизиане, где ныне сосредоточены почти все париши с уровнем дохода выше среднего по штату. В некоторых из них он даже выше среднего по США. Особенно поразительным был стремительный «расцвет» агломерации Лафайетт. Еще в 60-х годах Лафайетт занимал место в третьей сотне агломераций страны по уровню душевого дохода, который на четверть отставал от среднего по стране, а в 1980 г. он уже на 15% превышал этот уровень. Согласно данным на 1983 г., это опережение достигло уже 25%, и **-233 -** Лафайетт вошел в первую дюжину самых богатых агломераций США.

Весьма разительными были перемены к лучшему и во внешнем облике

Луизианы. Каджунские топи были рассечены междуштатными автострадами, которые взломали вековую изоляцию этих «медвежьих углов» и открыли удобные выходы к Хьюстону, Новому Орлеану, Мемфису. В центре Нового Орлеана вырос лес небоскребов, десяток из них превышает ЮОм, а башня «Уан-Шелл-сквэр» в 210 м уступает на всем Юго-Востоке только атлантскому «Пичтри-Сентр». Город оброс респектабельной субурбией, за оз. Понтчарейн, среди сосновых лесов париша Сент-Таммани, сложился обширный пригород, который облюбовали «белые воротнички» побогаче.

Однако успехи эти покажутся весьма скромными, если принять во внимание ту исключительную щедрость, с которой природа наградила южную Луизиану нефтью, газом, лесами, промысловым зверем и рыбой. По размаху горнопромышленной деятельности этот небольшой штат уступает в США только огромному Техасу, а по плотности ее, в пересчете на единицу площади, может быть отнесен к числу богатейших горнопромышленных ареалов всего мира. Обычно население подобных ареалов имеет очень высокий средний душевой доход, и то, что в Луизиане он все же ниже среднего по США, кажется просто парадоксальным, как и то, что Луизиана занимает по этому показателю 15-16-е места с конца списка штатов страны.

Разгадка этого парадокса проста и поучительна. Природные богатства Луизианы принадлежат крупным компаниям. Их штабы расположены далеко за пределами штата, и корпорации ничуть не озабочены тем, как сказывается их деятельность на социально-экономической жизни самой Луизианы. Львиная доля добытой здесь нефти и природного газа уходит за пределы штата.

Худшее наследие этого хозяйничанья чужаков - однобокая структура экономики. В южной Луизиане есть такие машиностроительные предприятия, как громадная судостроительная компания «Огден» в Эвондейле близ Нового Орлеана (более 5 тыс. занятых) или ракетостроительный комплекс «Микуд», на котором в 60-е годы делали самые громоздкие элементы ракет «Сатурн» для программы «Аполлон» (сейчас здесь ~~-234-~~ действует ракетный завод компании «Мартин Мариэтта» на 3 тыс. занятых). Но в целом обрабатывающая промышленность развита здесь довольно слабо (менее 200 тыс. занятых) и к тому же представлена главным образом нефтепереработкой и нефтехимией, на которые приходится больше трети стоимости промышленной продукции Луизианы - вчетверо больше, чем в США в среднем. Нефтегазовый сектор полностью господствует в экономике Луизианы.

Правда, в 70-е годы, когда стремительно росли мировые цены на нефть, подобный перекос в структуре хозяйства давал дополнительный стимул для обогащения района. Дело, однако, осложнялось тем, что недровые запасы нефти и газа в Луизиане стали иссякать. Добыча нефти в первую половину 70-х годов шла на годовом уровне более 100 млн. т, но во второй половине сократилась до 75 млн т, а в 1983 г. упала до 65 млн. т, и Луизиана уступила 2-е место по добыче Аляске. Добыча природного газа упала с 220 млрд. куб. м в начале 70-х годов до 150 млрд. куб. м в 1983 г. Когда же с 1985 г. началось падение цен на нефть, хозяйство Луизианы оказалось на грани катастрофы. Тысячи трудящихся теряли работу, приезжим пришлось возвращаться домой, и штат стал терять население в ходе миграции. Каджуны пытались вернуться к традиционным промыслам, но исковерканные нефтяным бизнесом болота уже не способны были давать каджунам доход, который компенсировал бы им потерю заработков в нефтяном бизнесе.

По всему видно, что южная Луизиана явно упустила возможность перестроить свою социально-экономическую жизнь в период высоких доходов от нефти, загоя

подготовиться к тому, что этот период кончится. Доходы утекли за пределы района, он остался одним из самых бедных в социальном отношении и слаборазвитых в отношении экономическом.

Социально-экономическая деградация богатейшего по природным ресурсам края - печальное следствие его разграбления корпорациями-«чужаками», которые сумели поставить себе на службу и местные власти, искусно использовав традиции политической апатии луизианской культуры. Эта культура сумела сохранить свой исконный облик, несмотря на сокрушительный, казалось бы, натиск чуждых сил, но сохранила его ценой экономического застоя, ценой разрушения своей экологической среды, и вряд ли такая цена -235- покажется членам этой территориальной общности до~ стайной доставшихся им плодов подобного «псевдо- развития».

Почти неотличимы от Луизианы и южные берега шт. Миссисипи-то же господство испано-французской культуры, обилие католиков, смягченность расовой проблемы, опора хозяйства на рыболовство, портовую деятельность и судостроение. Местный городок Билокси был заложен французами еще в 1699 г. - гораздо раньше Нового Орлеана. В миссисипский Галф были перенесены после второй мировой войны банановые и другие терминалы из Нового Орлеана, а миссисипский округ Ханкок был охвачен зоной трудовых поездок в Новый Орлеан. Судоверфь фирмы «Литтон» в Паскагуле (12 тыс. рабочих) поспорит размерами с луизианской верфью в Эвондейле.

Миссисипский Галф живет морем, зависит от него - и страдает от него. В августе 1969 г. на него обрушился самый страшный в истории США ураган «Камилла»; ветер достигал скорости 300 км/ч, волны вздымались выше 10 м. Ураган унес 144 жизни, полностью разрушил Билокси, Галфпорт, Пасс-Кристиан, нанеся ущерб в 1 млрд. долл.

Главное отличие миссисипского Галфа от Каджунского - яркая специализация на рекреационном бизнесе. Этот берег, особенно роскошный курорт Пасс-Кристиан, издавна был излюбленным местом отдыха элиты Глубокого Юга. Здесь, в Билокси, построил себе поместье «Бовуар» президент конфедератов Дж.Дэвис, здесь он и умер в 1889 г. [39]. Последние полвека здесь все больше туристов из Среднего Запада, на их обслуживании процветают Галфпорт и Билокси, который стяжал сомнительную славу своими притонами и игорными домами.

Несомненна принадлежность к каджунскому Галфу и алабамского Мобила - тоже сильно «офранцузенного» города с креольско-католическими традициями. Он был столицей Луизианы в 1702-1723 гг.; именно здесь, а не в Новом Орлеане родился знаменитый праздник «Марди-гра» [120]. Есть здесь и традиционное для Каджунского Галфа судостроение, а в качестве порта Мобил, по-видимому, скоро затмит Новый Орлеан, когда на полную мощность заработает канал Теннесси - Томбигби, выходящий к морю именно возле Мобила. Мобильская элита, по-луизиански чванная и замкнутая, привыкла противопоставлять -236 - свой город остальной Алабаме, подчеркивать свою буржуазность с налетом аристократизма. Правда, расовые отношения здесь гораздо напряженнее и больше напоминают Глубокий Юг своими традициями сегрегации и «загородных клубов» для белых богачей.

С известной натяжкой можно отнести к Каджунскому Галфу и Пенсаколу - прежде всего за ее крупное судостроение и испанское наследие в культуре. Наследие это, впрочем, уже почти неразличимо, но все же по хозяйственной и культурной специфике Пенсакола относится скорее к Каджунскому Галфу, чем к

Глубокому Югу или Флориде.

Пайни- Вудс

На стыке Луизианы и Техаса, охватывая прилегающие части Арканзаса и Оклахомы, лежит обширный ареал густых сосновых лесов, которые на возвышенных местах этих слабоволнистых местностей сменяются зарослями орешника и дубовыми рощами. Такие местности часто встречаются на Юге. Наиболее типичны они для полосы, которая тянется на некотором отдалении от Атлантического побережья с северо-востока на юго-запад, начиная от Пью-Джерси и далее по всему Старому и Глубокому Югу. В Нью-Джерси их называют «сосновые пустоши» (Piney Barrens), а на Юге, как правило, «сосновые леса» - piney woods). Самого крупного территориального размаха достигают эти местности в южной Джорджии и на самом западном конце этой полосы - именно на стыке Луизианы и Техаса, где они занимают около 150 тыс. кв. км. Правда, в Луизиане и особенно в Арканзасе их чаще называют «а плеяде», следуя местной традиции подчеркивать противостояние низменных плодородных земель долины Миссисипи и холмистых местностей с менее богатыми почвами. Но за р. Ред-Ривер название «пайни вудс» становится преобладающим. В интересном исследовании Т. Джордена [88] было показано, что сегодня техасцы, живущие к востоку от р. Тринити, т. е. в сердце зоны сосновых лесов, почти единодушно называют свои местности «пайни вудс», отдавая этому названию предпочтение даже перед названием «Ист-Тексас», которое еще недавно было исключительно популярно в штате. «Вызывая множество ассоциаций со Старым Югом и побежденной -237 - Конфедерацией, - пишет Т. Джорден, - «Ист-Тексас» является, пожалуй, самым убедительным обиходным, районом Техаса по уровню его признания жителями и по силе эмоционального воздействия этого названия» [88]. Однако ныне жители используют это название лишь в ответ на просьбу приурочить свою родную местность к стороне света, а на вопрос о «народном» названии района отвечают: «Пайни-Вудс».

Как это часто случается в Америке с географическими названиями, термин «пайни вудс» несет богатую культурную нагрузку. Повсюду на Юге под ним принято понимать не просто заросшие сосной местности, но прежде всего местность с разреженным бедняцким населением, состоящим в основном из мелких белых фермеров, которые создавали на расчистках с небогатыми почвами потребительское хозяйство. Такие фермеры не имели возможности (да и особой нужды) обзаводиться рабами, они издавна относились с большой враждебностью к миру больших плантаций - и к плантаторам, и к неграм-рабам. Повсюду на Юге «пайни вудс» были оплотами «белой бедноты», рассадником популистских настроений.

Именно такая культура и сложилась на крайнем западе полосы «пайни Вудс». Этот край был заселен последним из всех местностей полосы, но все той же «белой беднотой»-мелким фермерством. Первые поселенцы, пришедшие сюда в начале прошлого века, пытались, словно по инерции, культивировать здесь хлопок. В то время техасские «пайни вудс», расчищенные под хлопок, даже стяжали себе репутацию лучших в Техасе хлопковых ареалов (особенно в окрестностях г. Сент-Огастин). Кое-где появилось немало рабов, но в этом лесном краю фермы поневоле приходилось делать мелкими, и лишь в долине р. Ред-Ривер, рассекающей район с северо-запада на юго-восток, хлопководство действительно приобрело широкий размах, на нем разбогатело несколько региональных центров -

Шривпорт в Луизиане, Шерман в Техасе и др.

Не только культурные, но и политические настроения поселенцев Пайни-Вудс были сугубо южными. Во время Гражданской войны этот край горячо сочувствовал конфедератам. Шривпорт стал в 1863 г. столицей Конфедерации, он оказался последним конфедератским городом, над которым был поднят флаг Союза. До сих пор техасские и луизианские «пайни вудс» мало отличаются от Глубокого Юга по своим -238 - политическим склонностям и культурным корням.

После Гражданской войны расчистка сосновых лесов пошла нарастающими темпами, особенно в северной половине района. Благодаря этому район стал крупным источником лесного сырья - и для строительства, и для производства бумаги. Лесосеки, лесопилки, бумажные фабрики стали главными промышленными объектами края. Сгустки таких предприятий сложились и на его окраинах (Мокро, Алегзандрия), и в центре (Маршалл и др.). Сельское же хозяйство, сложившееся на расчистках, с трудом поддерживало свою хлопковую товарность из-за нарастающей конкуренции соседних гораздо более плодородных земель - прежде всего Дэлты и техасских Блэклэндс.

Решающий перелом в хозяйстве Пайни-Вудс наступил после первой мировой войны. Хлопковое сельское хозяйство окончательно ослабло, фермеры либо покидали землю, либо переводили пашни в пастбища для скота, а наиболее передовые из них приступили к организации лесоводческих ферм, которым предстояло стать главной формой специализации края. Одна~ ко самую важную роль сыграло открытие здесь огромных запасов нефти и газа. Первые открытия были сделаны в самом начале нынешнего века (под Шривпортом еще в 1906 г.), но подлинного размаха нефтьгазовое хозяйство достигло уже в 30-х годах. В 1930 г. старатель «дедушка» Джойнер вложил последние деньги в бурение скважины глубиной 1 тыс. м, и среди картофельных полей техасского округа Раек ударил фонтан нефти. Это было месторождение «Ист-Тексэс», которое считалось крупнейшим в стране до открытия аляскинских месторождений в 60-х годах. За короткий срок по всей территории Пайни-Вудс было создано множество нефтьгазовых промыслов -- и в Ист-Тексасе, и возле Шривпорта, и в Монро, и в арканзасском Эль-Дорадо. В Пайни-Вудс хлынуло много пришлого народа, на нефтьгазовом бизнесе стремительно развивались города - прежде всего Шривпорт, Тайлер, Лонгвью.

Однако судьба Пайни-Вудс на этом этапе оказалась сходной с судьбой Каджунского Галфа: огромные деньги уплывали отсюда за пределы района, в гораздо более крупные города - прежде всего в Даллас, который во многом обязан «Ист-Тексасу» своим процветанием, а также в Хьюстон. Несмотря на «фонтаны нефтьдолларов», бывшие из недр Пайки-Вудс, -239 - район так и остался бедняцким, застойным, олицетворением южной глухомани. Словно в некоем культурном заповеднике, здесь законсервировались худшие черты южной культуры, которые во многих друг~ районах Юга уже потускнели или вовсе отошли в прошлое, - застарелый баптистский консерватизм, засилье богатых «баронов», патрона~, почти зоологически расизм «белой бедноты», жестокая дискриминация негров, которых здесь гораздо больше, чем в более западных районах. Отсюда вышло немало архиреакционных политиков вроде конгрессмена от Шривпорта Джо Ваггонера, который ушел в отставку только в 1978 г. [42], или типичного диксикрата Трейора, который в 70-х годах стал сенатором, а потом и губернатором Арканзаса [41').

Правда, жители Пайни-Вудс издавна были подвержены популизму. Именно здесь, в луизианском парише Уикс, родился и вырос Хью Лонг. В 1968 г. на

президентских выборах популистский кандидат Уоллес добился в Пайни-Вудс большого успеха. Такие настроения заметно смягчают местный консерватизм, усложняют спектр политических предпочтений. При всей своей культурной застойности край смог дать Америке несколько видных политических деятелей - полководца и президента Д. Эйзенхауэра, спикеров палаты представителей конгресса - знаменитого С. Рейберна (1940-1960 гг. с перерывами) и К. Алберта(1971-1977гг.).

Пайни-Вудс - вотчина демократов, которым местные жители остаются верными еще с Гражданской войны, как это типично для застойных районов Юга. Процессы перехода консервативных демократов в стан республиканцев, охватившие в последние годы и Юго-Восток, и Техас, словно обходят стороной Пайни-Вудс, особенно его сельские местности. Впрочем, как это типично для Юга, крупные и средние города района уже, много лет являются бастионами республиканской партии - прежде всего Шривпорт, Тайлер, Тексаркана, где республиканцы господствуют в местной политике. В остальных местностях избиратели неизменно голосуют за демократов на местных выборах или на выборах в конгресс, но на президентских выборах все чаще отдают предпочтение республиканским кандидатам, особенно в тех случаях, когда им противостоят сравнительно либеральные кандидаты от демократической партии. В центре Пайни-Вудс уже **-240** - сложилась целая полоса округов от Тайлера через Шривпорт до Мойра, где побеждали Д. Форд и Р. Рейган.

За послевоенные годы многое в облике Пайни-Вудс изменилось к лучшему. Первоклассные автострады рассекли район и вскрыли «сосновую глушь», междуштатная автострада №70 прошла через главные города района --Тайлер, Лонгвью, Маршалл, Шривпорт и Мойра.

Общественному мнению удалось обуздать «лесных баронов», хищничавших в сосновых лесах. Здесь создано несколько заказников, построены крупные водохранилища. После долгой и трудной борьбы с «баронами» на юге Пайни-Вудс, куда сместился эпицентр лесоразработок, организован резерват «Биг-Секст». Тут на отдельных участках общей площадью 26 тыс. га сохраняется уникальный ареал, где аппалачские леса встречаются с субтропической флорой Галфа. Лесохозяйственный комплекс представлен сегодня крупными предприятиями, их главным центром стал техасский город Лафкин. Эти заводы принадлежат таким крупным корпорациям, как «Сент Регис», «Некуса», «Вейерхойзер». Не меньше по числу занятых (иногда более 1 тыс. человек) и птицефабрики арканзасского Эль-Дорадо или луизианского Начиточеса, принадлежащие монополии «Кантри прайд фудс». Появились тут и вполне современные крупные предприятия: электронный завод «Дженерал дайнэмикс» в арканзасском Камдене, оружейный завод «Дей энд Зиммерман» в Тексаркане, большой (на 3,5 тыс. занятых) авиазавод в Гринвилле.

Шривпорт стал крупным промышленным центром национального значения (около 20 тыс. занятых), Структура его промышленности отличается разнообразием. Здесь расположено самое крупное промышленное предприятие района - завод телефонных аппаратов «Уэстерн электрик» (свыше 6 тыс. занятых), а также завод по производству легких грузовиков «Дженерал моторз».

В Пайни-Вудс уже больше 6 городов людностью свыше 50 тыс. жителей: - Тексаркана *, Александрия, Мойра, Лонгвью и, конечно, Шривпорт, где более **-16** Л. В. Смирнягин- **241** - 200 тыс. жителей, несколько вузов, свой театр, консерватория. Это старинная цитадель местных богачей, сколотивших состояние на хлопке или нефти, оплот строгого баптистского консерватизма, Правда, ныне

белые составляют лишь 60% населения Шривпорта.с по другую сторону р. Ред-Ривер сложился белый пригород Боссьер-Сити с 50 тыс. жителей, более половины которых составляют приезжие.

* Город расположен по обе стороны тexasско-арканзасской границы, которая проходит прямо посредине здания городской управы. Отсюда и название города, составленное из частей названий соседних штатов.

Однако в целом Пайни-Вудс остался одним из наиболее бедных и отсталых районов страны. В большинстве его округов средний душевой доход на треть, а то и вдвое ниже среднего по стране. Здесь живут более 2,5 млн. человек, но плотность населения в среднем значительно ниже 20 человек на 1 кв. км. Соседние районы, не считая Озарков, заселены гораздо гуще, неподалеку от границ района расположены такие гигантские центры, как Даллас - Форт-Уэрт и Хьюстон, которые по людности не уступают всему району Пайни-Вудс. Главный город района, Шривпорт, хотя и выделяется на фоне других городов района достаточно сильно, превосходя их по людности в 4-5 раз, все же не способен играть здесь цементирующую роль региональной столицы из-за мощной конкуренции своих соседей. Показательно, что по размаху оптовой торговли - надежному индикатору «центральности» города по отношению к своей округе - Шривпорт более чем на порядок уступает Хьюстону, Далласу и Мемфису и отстает даже от Бомонта и Батон-Ружа.

По-видимому, Пайни-Вудс разделяет судьбу «выморочных районов», которые нередко возникают на стыках крупных регионов страны и постоянно страдают от того, что лучшие их ресурсы оттекают отсюда к более развитым соседям.

Пограничный Юг

Обширная часть Юга, примыкающая к Среднему Западу, составляет весьма своеобразный район, изучение которого оказывается поучительным для географа. Район охватывает средние и южные Аппалачи, долину Огайо (кроме Цинциннати с окрестностями) и всю лежащую между ними территорию. В его пределах оказываются почти целиком штаты Кентукки и Теннесси, южные части Иллинойса, Индианы, Огайо и Зап. Виргинии, северные части Алабамы и -242- Джорджии, а также западные углы Виргинии и Сев. Каролины.

В американской литературе этот район обычно называют Пограничным Югом (Border South), подчеркивая его переходный характер между Севером и «настоящим» Югом. В самом деле, тут уже нет многих типично южных черт - обилия негров, традиций плантационного хлопководства, жесткой приверженности демократической партии, зато отчетливо проступают такие признаки Севера, как высокая индустриализованность, господство мелкого фермерства в сельском хозяйстве и крупных корпораций в промышленности, широкое вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Район был заселен южанами из Виргинии и Карелии, но его культура складывалась как фронтирная, чуждая рабовладению. Как выразился в свое время Н. Пейрс, это были южане, которые смотрели на Север (1 1 43).

Поэтому многое в истории, культуре и хозяйстве района говорит о его переходном характере. Эту переходность с особой, трагической силой выявила Гражданская война. Многие южные округа Иллинойса, Индианы и даже Огайо были за южан, тогда как западная часть Виргинии откололась от нее и примкнула к северянам, образовав отдельный штат Зап. Виргиния. Кентукки собирался

хранить нейтралитет, но потом примкнул к Северу, а Теннесси после долгих колебаний - к Югу. Около 76 тыс. кентуккийцев воевали на стороне Севера, 26 тыс. - на стороне Юга, Территория Теннесси стала ареной самых кровопролитных боев, а в Кентукки шла истребительная война без линии фронта, в которой погибли тысячи гражданских лиц. Горные части района истово стояли за Союз~ за республиканскую партию Линкольна, а многие долинные части - за южных демократов во главе с Дэ-висом. Примечательно, что оба вождя родились в соседних местностях Кентукки.

Не следует, однако, полагать, что подобная переходность-определяющая черта Пограничного Юга или что он представляет собой результат простого смешения, диффузии черт соседних районов на приграничной территории. Напротив, Пограничный Юг может служить хорошим примером того, как на стыке контрастных районов складывается порой вполне самобытный район, где признаки его соседей переплавляются в нечто особое. Историки не раз отмечали, -243 - что переходные периоды, порождая неповторимые явления, зачастую бывают отмечены удивительным своеобразием и заслуживают внимания ученого больше, чем иные эпохи «классического» развития. «Мне казалось, - писал об этом Т. Н. Грановский, - что только здесь можно опытному уху подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле» [9]. То же и в географии: на рубежах районов с особой силой проявляются факторы районообразования, обнажаются его противоречия, и это нередко придает приграничным территориям своеобразие, позволяющее считать их самобытными районами.

Действительно, Пограничный Юг стал «месторождением» особого типа культуры, которой было суждено сыграть важную роль в колонизации Северной Америки. Еще в X~11 в. глухие долины Аппалачей и их восточных склонов от Пенсильвании до Джорджии были заселены выходцами из Ирландии, Шотландии, Германии. Это были трудолюбивые, крепкие духом мелкие фермеры, с неприязнью относившиеся к чванным плантаторам «нижнего» Юга, которые, впрочем, платили им тем же. Потребовалось всего 2-3 поколения (период примерно 1725-1775 гг.), чтобы здесь укоренилась самобытная культура, которую на Старом Юге чаще всего называют культурой захолустья (Backcountry), а историки-культурой Верхнего Юга (Upper South culture). Главными ее чертами были замкнутая экономика самообеспечения, рассеянное расселение, ярый индивидуализм и особое пристрастие к независимой жизни, неприхотливость быта и отсутствие стремления к обогащению. Хозяйственный уклад был отлично приспособлен к среде обитания - к укромным котловинам, широколиственным лесам. Горцы строили дома из горизонтально положенных бревен, чтобы облегчить их сборку, огораживали поля тесом, пасли скот в лесу или по опушкам. ~ них выработалась привычка корчевать лес под пашню в уверенности, что наличие деревьев говорит о плодородии почвы, а отсутствие их - о ее бесплодии. Американские исследователи этой культуры Дж. Отто и Н. Андерсен считают, что подобная практика вынуждала поселенцев часто менять местообитание и толкала их на миграцию, в ходе которой они уже к 1835 г. заселили весь Пограничный Юг, включая северную часть долины Огайо. Однако, по их мнению, именно эта черта заставила поселенцев остановиться -244 - перед куда более тучными прериями Иллинойса и Айовы, поскольку в их глазах безлесные прерии были бесплодной пустыней [106].

Культура Верхнего Юга сложилась как оппозиция плантационной, под давлением которой горцам приходилось отходить на запад. Именно они и их потомки сыграли решающую роль в колонизации почти всего остального Юга, за

исключением, пожалуй, лишь Глубокого Юга, Дэлты и Пайни-Вудс, которые оказались пригодными для воспроизводства плантационной системы Старого Юга и были заселены в основном выходцами из этого района. Культуре Верхнего Юга были присущи весьма противоречивые качества: культ личной независимости порождал не только демократизм, но и ксенофобию, за противостоянием культуре Старого Юга стояла неприязнь не только к плантаторам и рабству, но и к неграм. Привычка к лишениям, к опрошенному быту снижала стимулы к экономическому развитию края, к усвоению полезных новшеств. К тому же лабиринт горных долин и хребтов надолго отрезал жителей от «большого мира», консервировал их культурный и хозяйственный уклад. Способствуя упрочению культурной самобытности, это оборачивалось застойностью развития, все большим отставанием от остальной страны во всех сферах социальной жизни. Истовая религиозность, присущая культуре Верхнего Юга, закрепила в ней консерватизм, принявший формы воинствующего фундаментализма, который стал со временем противопоставлять себя не только «содому» урбанистической Америки, но и вообще всякому свежему ветру, несущему перемены.

Одним словом, те же самые черты, которые обеспечили Верхнему Югу отменную устойчивость в условиях фронта и способствовали распространению его культуры в эпоху колонизации, одновременно обрекали ее на застойность, на стойкость не только перед лицом девственной природы, но и перед любыми внешними стимулами к эволюции - а внутренними стимулами для перемен культура не обладала. Эти черты позволили ей сохраниться без особых изменений на протяжении примерно двух столетий.

Неудивительно, что в начале нынешнего века кое-кто в Америке стал усматривать в этом культурном реликте некий «ковчег Завета», средоточие истинных культурных ценностей американского народа, которые -245 - в остальной стране уже пали под напором урбанизации, индустриального капитализма, чужеродной иммиграции. М. Маккей, создатель знаменитой аппалачской тропы, которая ныне проходит, на радость туристам, по гребню гор от Алабамы до Мэна, мечтал в 20-х годах, что с помощью этого проекта удастся возродить именно на Верхнем Юге (т. е. в Аппалачах) ту культуру, которую он и его многочисленные сторонники считали исконно американской - исполненной духа коммунализма, гармонии со средой обитания и живущей за счет производства, нацеленного не на прибыль, а на удовлетворение насущных нужд [66].

В 30-х годах Америку охватила мода на «кантри-мьюзик» - песни аппалачских горцев. Незамысловатые по мелодии, глубоко религиозные по содержанию, они воспевали любовь к родной земле, людское братство, простую жизнь среди девственной природы. Со временем музыка «кантри» эволюционировала - стала более мирской, «урбанизированной», но она по-прежнему слита в представлении американцев с Пограничным Югом, и прежде всего с его аппалачской частью.

Может быть, именно поэтому Пограничный Юг служит для общественного сознания Америки воплощением глубинки, захолустья.

Некогда район был одним из богатейших в стране, играл видную роль в его жизни. Здесь сложилась знаменитая «джексоновская демократия», из которой выросли традиции современной демократической партии, отсюда вышел первый зааппалачский президент США Э. Джексон, принесший в Белый дом нравы простого человека, а также первый «президент из хижины» А. Линкольн, олицетворение пресловутого лозунга «равных возможностей». Но эти дни давно

позади. Гражданская война принесла краю страшное разорение, от которого он так и не оправился. Ему суждено было стать первой и главной «промышленной колонией» победившего Севера, и если Пограничный Юг долгие годы выделялся среди остальных южных районов своей индустриальностью, то особого процветания краю она не принесла: ключевые роли в индустрии принадлежали капиталистам Севера, на Север уходила львиная доля прибылей.

Таковы основные причины, которые объясняют парадоксальное, казалось бы, положение современного Пограничного Юга: район обладает природными **-246 - ресурсами** национального масштаба (углем, лесом, гидроэнергией), он давным-давно освоен и густо заселен, его хозяйственная структура гармонична, поскольку крупная промышленность сбалансирована развитым сельским хозяйством, у него отличное географическое положение в центре наиболее обжитой части США - и в то же время это один из самых отсталых районов страны, олицетворение социально-экономического застоя и культурного захолустья.

В последние годы здесь, казалось бы, наметились перемены: выросло немало значительных городов, первоклассные автострады покончили с изоляцией, рост цен на топливо оживил угледобычу, уникальные красоты края влекут сюда все больше туристов. Многие компании, прежде всего автомобильные, оценили наконец-то отличное географическое положение района, и тут один за другим появляются новые крупные заводы. Однако все еще не сломлено действие главных факторов, тормозивших развитие Пограничного Юга, - засилья внерайонных корпораций, оторванности от главного русла развития страны, застойных черт в культурном укладе, да и в самой репутации Пограничного Юга как «медвежьего угла».

К тому же воздействие новых веяний на разные части Пограничного Юга оказалось весьма неравномерным. Переходное положение района дает себя знать: территориальная дифференциация сбивается здесь, так сказать, на мелкий шаг, порождая плохо упорядоченную мозаику контрастных подрайонов, в которых преобладают то северные, то южные черты, а то и собственно «верхнеюжные». Подобная мозаичность хорошо ощущается и самими жителями Пограничного Юга. Так, в Теннесси издавна принято различать три крайне непохожие части - Восточный, Средний и Западный Теннесси, причем представление об этих различиях даже закреплено в конституции штата. Поэтому при характеристике Пограничного Юга неизбежно приходится переходить к рассмотрению его отдельных частей, которых можно выделить по меньшей мере три: Верхний Юг, Блуграсс и долина нижней Огайо.

Верхний дай-весьма устойчивый топоним в американском общественном сознании. Это связано не только с яркостью его культуры, о которой шла речь выше, но и с точностью самого названия. В регионе, где явно преобладает низменный рельеф, это название **-247 -** выделяет его нагорную часть - Аппалачи. Связь абсолютной высоты рельефа с культурными особенностями жителей оказывается здесь завораживающе тесной, и будь на этот счет точная статистика, она наверняка показала бы, что, чем выше местность над уровнем моря, тем ниже доход ее жителей, ниже плотность населения, сильнее привязанность к музыке 'кантри' и даже приверженность к республиканской партии. Конечно, связь эта отнюдь не прямая. Дело прежде всего в том, что гористые местности Юга были непригодны для рабовладельческих плантаций, поэту на них укоренялся совсем иной уклад жизни. Тем не менее связь высоты и республиканизма выглядит курьезом.

Аппалачи - продукт древней палеозойской складчатости. Они сильно

разрешены и сглажены эрозией, и высота их обычно невелика - около 1 тыс. м. Однако их восточный край резко вздымается над Пидмонтом стеной хребтов (Черные горы, Дымные горы, Голубой хребет), достигая 2 тыс. м, а западную часть составляет обширное плато Камберленд с лабиринтом котловин и холмистых гряд. Поэтому Аппалачи всегда представляли серьезное препятствие для движения колонистов с востока на запад. Большинство из них проследовало по знаменитому Камберлендскому проходу (на стыке Кентукки и Виргинии).

Благодаря большой ширине Аппалачи стали не просто преградой на пути колонизации, а своеобразным краем, притом с на редкость густым для гор населением. Здесь много котловин (hollows), долин и пологих склонов, пригодных для возделывания. Правда, условия для сельского хозяйства здесь не слишком хороши, но они вполне удовлетворяли поселившихся здесь мелких фермеров, ценивших прежде всего возможность владеть землей и строить жизнь по своему усмотрению. Они пришли сюда из Виргинии и Карелии еще в XVIII в. и старались создать натуральное хозяйство, чтобы меньше зависеть от внешнего мира.

В природе Аппалачей нет суровости, типичной для горных стран, в ней нет крайностей климата и рельефа, угнетающих деятельность человека. Изящные очертания гор и холмов, роскошные леса, просторные виды с вершин и перевалов, сравнительно мягкий и здоровый климат - все это снискало Верхнему Югу славу края изысканных красот и делает понятной трогательную **-248-**привязанность местных жителей к своей родине.

Более ста последних лет Верхний Юг считался одним из беднейших районов США. Отгороженный горами от внешнего мира, он словно застыл в тех формах, которые приобрел к началу Гражданской войны, и являл собой разительный контраст динамичным соседним районам. Верхний Юг постоянно питал миграцию американцев на Запад, причем отсюда уходили наиболее энергичные люди, и за долгие годы такой «селекции» все более укреплялись в местной культуре традиции консерватизма - как социального, так и хозяйственного. При этом Верхний Юг почти не получал подпитки извне. Иммиграция из-за океана обходила его, и местное население по сей день отличается редкостной однородностью. Лишь подъем угледобычи на рубеже веков породил было приток мигрантов, но если в Северных Аппалачах это были в основном европейцы, то здесь преобладали приехавшие из других южных районов.

Вместе с консерватизмом накапливались черты отсталости, бедности, узости интересов. Как нередко бывает в подобных изолятах, местная культура возводила эти черты в добродетель и тем способствовала их закреплению. Так сложился образ простодушного темного «парня с холмов» - «хилбилли» (hillbilly), что-то вроде «Баньки-деревенщины», как называли крестьян русские городские мещане.

* Автостреды, ведущие из Детройта в Аппалачи, по уикэндам обычно забиты машинами: это кентуккийцы, переехавшие в поисках работы на Средний Запад, спешат хотя бы на воскресные дни вернуться в свои родные горы.

Исконная нелюбовь горцев к плантаторам сделала их в годы Гражданской войны горячими сторонниками республиканцев, и эту черту они сохранили, в полном соответствии со своим консерватизмом, по сей день. Американские политологи указывают на парадоксальность для современной Америки таких ситуаций, когда беднейшие районы вроде Камберлендского плато в Кентукки остаются вернейшими оплотами республиканской партии [42]. Жители этих местностей даже в годы «нового курса» голосовали против Ф. Рузвельта, в 1964 г. -

за Голдуотера, а Рейгану в 1980 г. отдали 70% голосов, хотя вовсе не разделяли, как правило, его консерватизма. В начале нынешнего века отставание Верхнего Юга приобрело вопиющие масштабы, и ликвидация этого очага нищеты в самом сердце страны стала задачей национальной важности. Одной из центральных тем своего «нового курса» Ф. Рузвельт сделал Администрацию долины Теннесси - уникальную для Америки по размаху своих задач организацию. Тем не менее к 60-м годам уровень душевого дохода здесь был на четверть ниже среднего по стране, безработица и детская смертность - вдвое выше. Поэтому в 1965 г. была развернута государственная программа «Аппалачи», которая охватила 420 тыс. кв. км в 13 штатах. Задачи ее были скромнее, чем у Администраций долины Теннесси, но это была самая крупная в США программа регионального развития.

Ныне Верхний Юг по-прежнему отстает от страны в среднем по многим ключевым показателям, хотя отставание сильно сократилось. Остановилась депопуляция района, снизилась безработица, сильно вырос душевой доход, канула в Лету дремучая изоляция. Однако заслуга в этом региональных программ отнюдь не решающая. Главными оказались факторы сугубо внешние: подъем цен на уголь, расцвет туризма, спад на Среднем Западе, откуда стали возвратиться вчерашние мигранты.

Главные ресурсы Верхнего Юга - уголь и гидроэнергия, причем каждый из них служит опорой разных частей района: углем изобилует его северная половина, а гидроэнергией - южная, охваченная Администрацией долины Теннесси. В этом отношении Верхний Юг предстает как типичный мезорайон, состоящий из двух подрайонов - угольного Верхнего Юга и долины Теннесси.

Юго-восток шт. Огайо, вся Зап. Виргиния и стык штатов Кентукки и Виргиния обладают богатейшими запасами угля. С конца прошлого века и вплоть до развертывания массовой добычи угля на Горном Западе в '70-х годах эта часть США была главной угольной базой страны. Поэтому ее вполне можно назвать угольным *Верхним Югом*. Пласты угля часто выходят в борта долин, их удобно разрабатывать штольнями, и здесь было создано множество мелких предприятий, принадлежащих местным жителям, хотя решающую роль играли, конечно, крупные шахты северных фабрикантов. Пользуясь темнотой «хилбилли», шахтовладельцы подчинили себе местные органы власти и нещадно эксплуатировали шахтеров. Однако «крутой» -250 - независимый характер горцев сделал их одним из самых боевых отрядов американского пролетариата. Классовые бои, особенно в годы «великой депрессии», отличались здесь редкостным для Америки накалом, нередко сопровождаясь кровопролитием. Под воздействием профсоюзов горняки постепенно перешли в стан демократов, и теперь на Верхнем Юге лишь те округа, где угледобыча невелика, хранят верность «великой старой партии».

Добычей угля занимаются по всему угольному Верхнему Югу, что оказывает на его жизнь сильное и повсеместное воздействие. Спад в угледобыче тяжело отразился на экономике района, а после войны ввергшего в настоящую пучину жестокого кризиса. Безработица в иных местностях доходила до 30-40%, отток населения принял массовый характер. Правда, к этому времени тут сложились крупные очаги промышленности - «химическая долина» р. Канава во главе с Чарлстоном, металлургия Хантингтона-Ашленда, стеклоделие в долине Огайо, мелкие центры бумажной промышленности. Как правило, это были «грязные» отрасли, малоподходящие для замкнутых котловин. Приезжие туристы постоянно сетуют на то, что фабрики обезобразили чудесный аппалачский ландшафт, но для

местных жителей это драгоценные места приложения труда.

На рубеже 70-х и 80-х годов здесь наметился некоторый подъем. Стала расти угледобыча; оплата и условия труда на шахтах благодаря неустанной борьбе шахтеров стали куда лучше. Острый кризис автостроения в Детройте и металлургии в Питтсбурге заставил вернуться домой многих мигрантов, и людность района стала заметно расти. Важным подспорьем стал туризм, в горных частях Зап. Виргинии, например, главным работодателем является роскошный отель «Грин-брайер» в Уайт-Салфер-Спрингс (1 тыс. занятых), который особенно популярен у виргинцев.

Однако многое в угольном Верхнем Юге хранит печать старого застоя - и фабричные городки с архитектурой начала века, и зависимость хозяйства от угледобычи, и политический традиционализм, в силу которого избиратели равнодушно голосуют так же, как их отцы и деды. «Люди, населяющие край сегодня, - пишут о Камберлендском плато М. Бароун и Г. Юджифуза, - это потомки первопоселенцев, которые живут в тех же поселках, ходят в те же церкви, -251 - обрабатывают те же поля - и голосуют за ту же партию» [42].

Несколько особняком стоит северная часть долины верхней Огайо. Здесь царят типичные для Верхнего Юга бедность, дисперсное расселение среди холмов, угледобыча (правда, в основном открытая). В самом штате Огайо эту территорию принято без колебаний называть Аппалачами. Она была заселена в XVIII в. виргинцами, которые принесли сюда консервативный демократизм и симпатии к Югу. Лишь в последние годы исконный консерватизм заставляет многих избирателей склоняться к республиканцам. Граница между Верхним Югом и Средним Западом здесь хорошо видна с воздуха: мозаика наделов, типичная для Юга, контрастирует с регулярной нарезкой полей, принятой на Среднем Западе.

В южной половине Верхнего Юга почти нет месторождений угля, и отсталость приобретает здесь особенно тяжелые формы. Это *долина реки Теннесси*. Казалось бы, она предоставляет хорошие условия для сельского хозяйства и транспорта, но многочисленные пороги (особенно Масл-Шолс в Алабаме) препятствовали судоходству, примитивная агротехника горцев снижала продуктивность сельского хозяйства примерно втрое против среднего для страны уровня и порождала жестокую эрозию, а частые разрушительные наводнения могучей Теннесси влекли за собой огромные убытки. К 30-м годам душевой доход и доля занятых в промышленности были в долине Теннесси вдвое ниже среднего по стране; почти 10% населения были неграмотны.

Вопрос о государственной помощи жителям южных Аппалачей поднимался много раз. Корпус армейских инженеров составил проект плотинирования р. Теннесен, а в первую мировую войну построил плотину «Уилсон», чтобы перекрыть пороги Масл-Шолс. В 20-е годы с проектом широких мероприятий в долине Теннесси выступил знаменитый популист из Небраски сенатор У. Норрис. Но частный капитал и его трубадуры оказывали подобным проектам яростное сопротивление как «доморощенному социализму». Даже когда в 1931 г. конгресс принял на этот счет специальный закон, президент Гувер наложил на него вето. Лишь в разгар «великой депрессии» необходимость помощи стала совершенно очевидной, и Ф. Рузвельт 18 мая 1933 г. подписал закон о создании - 252 - Администрации долины Теннесси (ТВА). Закон ставил перед ТВА задачи создания сплошной навигации по р. Теннесен, борьбы с паводками, рационального землепользования и снабдил ее деньгами и широкими полномочиями, которые распространялись на 201 округ в 7 штатах, в том числе на 125 округов в долине

Теннесси.

Уже в первый год существования ТВА работу получили 28 тыс. местных жителей, во второй год - 98 тыс., а в последующем - до 200 тыс. За 30-е годы ТВА построила 6 громадных плотин и множество мелких, а после войны развернула широкое строительство ТЭС, и уже в 1955 г. они дали ей больше электричества, чем ГЭС. Одной из первых среди энергосистем страны ТВА включилась в строительство атомных станций и в 1967 г. заложила близ Хантсвилла АЭС «Браун-Ферри» на 3,5 млн. кВт. 1~ 1980 г. АЭС давали 16% электроэнергии ТВА, ТЭС-74, а ГЭС - только 10%.

В 50-е годы цены ТВА на электроэнергию были вдвое ниже средних по стране, и это привлекло сюда десятки заводов, а также крупные федеральные проекты большой энергоемкости. Недаром именно здесь во время войны был создан крупнейший в стране комплекс по производству ядерного оружия в Ок-Ридже, а в 50-х годах старинный Редстоунский арсенал в Хантсвилле был превращен в главный ракетный центр США. В Падьюке, возле устья Теннесси, был построен еще один ядерный комплекс. За 1950-1957 гг. отпуск электроэнергии федеральным предприятиям вырос с 2 млрд. до 33 млрд. кВт.ч и достиг половины выработки ТВА.

Ныне ТВА владеет 40 плотинами на р. Теннесси и ее притоках, суммарная мощность ее электростанций превышает 40 млн. кВт. Правда, со временем она превратилась в обычную для США производственную компанию - крупнейшую в стране энергосистему, отпускающую энергию не дешевле, чем ее соседи-конкуренты. Из 40 тыс. ее служащих лишь около 200 человек заняты вопросами регионального развития.

Тем не менее ТВА уже успела поистине преобразить край. Она выполнила задачи, поставленные перед ней и 30-х годах. Река Теннесси открыта для судоходства, и грузооборот на ней вырос с 1 млн. т в 1933 г. до 25 млн. т в 1970 г. Ущерб от катастрофических наводнений удалось снизить более чем на порядок - 253- Если в 1933 г. были электрифицированы лишь 3% ферм долины Теннесси, то в 1945 г. - уже 28, в 1955 г. - 80%, а сейчас - все. В корне изменилось сельское хозяйство: душевой доход составляет ныне 80-85% средненационального, а ведь стоимость жизни здесь гораздо ниже, чем в урбанизированной Америке. Стремительным был и рост населения в районе - с 4 млн жителей в 1930 г. до 7 млн. в 1980-м. Сильно выросли его главные города - Ноксвилл со штаб-квартирой ТВА, Чаттануга, Хантсвилл. В верховьях Теннесси сложилось целое созвездие новых индустриальных центров - Кингспорт, Бристол, Элизабеттаун и др.

В деятельности ТВА было немало теневых сторон. Ее справедливо обвиняют в затоплении лучших угодий на днищах долин, в вытеснении пахоты на склоны, где она ведет к сильнейшей эрозии. Гидростроители снесли множество старинных поселений, и устоявшиеся социальные связи жителей оказались разрушенными, ТВА стала крупнейшим в стране потребителем угля (около 5% национальной добычи), и ради ее снабжения в соседних частях Верхнего Юга были буквально оскальпированы целые местности.

В своем послании конгрессу в связи с законом о ТВА президент Ф. Рузвельт говорил: «Если мы преуспеем здесь, то сможем шаг за шагом идти дальше, осваивая подобным же образом другие огромные природные районы в пределах наших границ» [114]. Этим надеждам не суждено было сбыться. ТВА вызвала много подражаний в других странах, но в самих США она осталась неким реликтом ушедшей эпохи.

Блуграсс. В середине Пограничного Юга его пересекает полоса поистине благословенных ландшафтов, которые еще первопроходец Даниел Бун назвал «вторым раем»: покатые зеленые холмы, покрытые широколиственными рощами или сочной травой, тихие извилистые речки, беленые деревянные изгороди вокруг полей, изящные «господские дома» на вершинах холмов, словно обзирающие владения своих хозяев. Это знаменитый Блуграсс - край «голуботравья», который для любого американца служит лучшим образцом буколической прелести его родины.

Помимо сельских красот Блуграсс славен своим табаком, виски и лошадьми. Еще в конце прошлого века тут было около 400 винокурных заводов, которые давали стране 85% виски «бурбон», хотя сейчас -254 - эта доля гораздо ниже из-за конкуренции Пенсильвании и Калифорнии. На местных известняковых почвах, по мнению специалистов, растет богатая кальцием трава, и благодаря ей местные лошади отличаются особой крепостью и статью. Несколько сот ферм в кентуккийском «голуботравье» выращивают примерно 200 тыс. лошадей, занимаясь в основном скрещиванием английских скаковых пород с арабскими. Табак же возделывают здесь повсюду, даже на конефермах, и благодаря Блуграссу штат Кентукки издавна занимает в США второе место после Сев. Каролины по табаку и сигаретам.

Блуграсс заселили еще в XVIII в. выходцы из Старого Юга. Этот край казался весьма подходящим для плантаций, и многие аристократы Виргинии и Мэриленда охотно переселялись сюда, перенося с собою уклад Старого Юга. Впрочем, настоящие плантации здесь не прижились, негров-рабов было сравнительно мало, и обращались с ними гораздо мягче, чем по ту сторону Аппалачей *. Тем не менее Блуграсс остался районом с аристократическими традициями высших классов, сильным социальным расслоением и приверженностью к демократической партии. Эту приверженность питали и «джэксоновская демократия», и память о страшном разорении, которое учинили тут войска республиканского Севера в годы Гражданской войны, а позже популизм, ставший популярным в Блуграссе в конце прошлого века. Так и на Старом Юге, в сельской местности Блуграсса и сегодня преобладают демократы умеренного толка, а в крупных городах - республиканцы.

* Стоит, однако, напомнить, что автор «Хижины дяди Тома» Г. Бичер-Стоу познакомилась с нравами рабовладения имен'но тут, во время своего проживания в соседнем Цинциннати [114].

Топоним «Блуграсс» обычно относят только к кентуккийской части этой полосы. Некогда его столицей был Лексингтон, заложенный еще в годы революции. Здесь особенно много старинных домов и кварталов, но Лексингтон давно перерос Блуграсс по своему значению и претендует на роль главного города всего Пограничного Юга. В нем есть и крупные заводы (например, головной завод пишущих машинок «ИБМ»), и конторы значительных фирм и банков. Благодаря обилию «белых воротничков» Лексингтон стал бастионом республиканской партии. Как это нередко бывает, «духовной столицей» Блуграсса является -255 - не самый крупный город района, а второй по людности - Франкфорт, где похоронен Д. Буи и особенно сильны традиции южной аристократии. Из него вышло немало губернаторов Кентукки.

Ландшафты «голуботравья» широко развиты и в среднем Теннесси. Н. Пейрс считает, что здесь они гораздо обширнее кентуккийских [114]. В них те же

традиции аристократизма, то же господство демократов, а лошадей здесь даже больше, чем в Кентукки.

Здесь же расположен самый крупный и самый старый город Блуграсса - Нашвилл, основанный еще в 1779 г. «отцом Теннесси» Дж. Ричардсоном. Это важный хозяйственный центр с большими заводами (в их числе - авиазавод «Авко» на 4 тыс. занятых), банками и страховыми компаниями, за обилие которых Нашвилл получил прозвище «южного Уолл-стрита». Однако особенно велико его культурное значение, и здесь Нашвиллу принадлежат еще более пышные названия: «Афины Юга», «протестантский Ватикан», «Нашвилл саунд» и др. Эту атмосферу не нарушает обилие религиозных организаций со своими пропагандистскими центрами, потому что ни одна из них не занимает господствующего положения. В Нашвилле находятся штабы большинства основных религиозных движений Юга - южных баптистов, методистов, пресвитериан, «церкви Христа» и др. По тиражу изданий Библии Нашвилл не знает себе равных в Америке; недаром полиграфия - одна из ведущих отраслей его промышленности. Но главное, что определяет широкую известность Нашвилла в стране, - это слава «столицы музыки «кантри»». Здесь более полувека организуются концерты знаменитой «Гранд оул опрн», и сотни радиостанций разносят по всей стране неподражаемый «Нашвилл саунд».

В репутации Блуграсса как благословенной страны аристократов, виски и лошадей есть немало преувеличенного. Судя по среднему душевому доходу, это довольно бедный край: убогих хижин мелких фермеров тут гораздо больше, чем конезаводов или домов с колоннами на вершинах холмов. Лишь в самые последние годы здесь вспыхнул было настоящий промышленный бум, японская компания «Ниссан» построила в Смирне завод грузовиков за 250 млн долл., а «Дженерал моторз» развернула строительство громадного автозавода для производства новой модели-- «Сатурн», вложив в это гигантскую сумму - 1 млрд. - **256** - долл. Вокруг этих предприятий строится много заводов-смежников. Рост численности пролетариата, по-видимому, еще более укрепит позиции демократов популистского толка, хотя общий подъем доходов и субурбанизация (особенно вокруг Нашвилла и Лек-сингтона) могут привести к росту влияния более консервативных республиканцев.

Долина нижней Огайо - сагая «переходная» часть Пограничного Юга. В ней особенно ярко отражается взаимная диффузия южных и северных черт. Район полностью заселен выходцами из Кентукки и Теннесси, притом заселен уже давно, в самом начале прошлого века, когда основные части Иллинойса и Ин-Дианы еще были почти безлюдны. Недаром местный Коридон был столицей Индианы в 1816-1825 гг., Винсенн, а потом Нью-Олбани - самыми крупными городами этого штата, а Мадисон - его главным речным портом. Южане успели оказать немалое влияние на складывание общественной жизни Иллинойса и Индианы, пока они численно превосходили янки. Однако после Гражданской войны, с развитием железнодорожного транспорта, стержень развития Среднего Запада сместился севернее, и долина нижней Огайо стала все больше отставать от приозерных частей Иллинойса и Индианы. Сейчас это беднейшие части данных штатов, застойные и сонные.

По своему облику лесистые холмы долины нижней Огайо совсем не похожи на открытые прерии Среднего Запада и мало отличаются от остального Пограничного Юга. Фермы здесь мелкие и малотоварные, в Кентукки они продают табак и скот, в Индиане - птицу, в Иллинойсе - кукурузу. Повсюду много угля, который добывают в основном открытым способом. Иллинойские Уэст-Франкфорт

и Марией относятся к числу местностей, наиболее обезображенных угольными разрезами. Расселение весьма дисперсное, значительных городов очень мало. Здесь издревле господствует демократическая партия, и накануне Гражданской войны район симпатизировал в основном южанам. Даже Линкольн, родившийся в местном Ходжен-вилле (округ Ларю, шт. Кентукки), в 1860 г. проиграл выборы на своей родине. Общая бедность, застойность жизни дают мало шансов на преуспевание, и жители особенно охотно идут в армию. Это вполне в духе южных традиций с их ура-патриотизмом, но западный Кентукки сильно выделяется даже на этом фоне. **17 Л. В. Смирнягин- 257** - Примечательно, что южные черты гораздо заметнее на самом рубеже со Средним Западом, чем в глубине района. Очевидно, в этом сказывается контрастность межрегионального перехода, которая постоянно и остро ощущается жителями по обе стороны этой резкой границы. В Иллинойсе южную часть штата безоговорочно принято считать частью Юга и называть ее «Саузернллинойс». В южной Индиане приверженность конфедератам была особенно сильной, индианский сенатор Дж. Брайт, выходец из этих мест, в 1862 г. был даже изгнан из сената за подобные симпатии. В то же время на левобережье р. Огайо, в Кентукки, просеверных округов было не меньше, чем проконфедератских, а округа Аллеи, Эдмонтстон и Грейсон считались оплотами сторонников Севера.

Наиболее «северными» по своей культуре являются города вдоль р. Огайо-главной оси района, придающей ему целостность. По ней следовали иммигранты с Севера и из-за рубежа. Большое воздействие на район оказали немцы, которые стали прибывать сюда в 40-х годах прошлого века и во многих местностях оказались многочисленнее англичан. Правда, это были в основном католики, люди более консервативные, чем протестанты, и встававшие обычно на сторону демократов, а не республиканцев. Однако и они привнесли сюда ценные навыки ремесленничества, заботу о просвещении и отвращение к институту рабства. Заокеанская иммиграция вдохнула свежую струю в культурный уклад долины нижней Огайо*.

Воплощением переходности района может служить его крупнейший город Луисвилл. Н. Пейрс считал его типичным городом Среднего Запада [114], авторы «Конгрешнл дистриктс» - городом с господством чисто южной культуры, а М. Бароун и Г. Юджифуза писали, что Луисвилл лишь хочет казаться южным городом, а на деле совсем не таков [42].

В самом деле, в облике, культуре и даже хозяйстве Луисвилла немало типично южного. Здесь много негров, живущих в основном в труппном гетто Уэст-Сайда, промышленность сложилась на традиционных южных отраслях - производстве виски («Сигрем», «Браун Форман») и табачных изделий («Браун энд Уильямсон», «Лозе Сиэтр»). Разбогатевшие на них

* Кстати, недалеко от Ви неоне а знаменитый Дж. Оуэн основал свою утопию Нью-Хармони. Его сын стал первым представителем этой части Индианы в конгрессе США в 1842 и 1844 гг. **-258-** дельцы ведут аристократический образ жизни в особ~ «яках над обрывом р. Огайо, в Ист-Энде и восточных пригородах вроде Матьюза. Широко известен Луис~ вилл своими дерби на старинном ипподроме «Черчилл лаунс», куда в первую субботу мая стекаются много~ тысячные толпы и съезжаются «лучшие люди» со всей Америки.

Однако черты эти давно уже потускнели. Расовая проблема никогда не приобретала в Луисвилле типичной для Юга остроты. Еще до Гражданской войны он выделялся среди южных городов мягким обращением с рабами, которых даже учили грамоте. Гораздо раньше других городов Юга, еще в 40-х годах, в Луис~

вилле началась десегрегация общественных мест. Первый чернокожий появился среди городских олдсменов уже в 1945 г., а в Луисвиллском университете - в 1951 г. В бурные 60-е годы в луисвиллском гетто не было заметных волнений.

Традиционные для Луисвилла производства пришли в упадок, «Сигрем» и «Браун энд Уильямсон» закрыли свои местные заводы. Главную роль играют теперь крупные предприятия монополий Севера. Еще в 1954г, «Дженерал электрик» построила в Луисвилле крупнейший в США завод бытовой электроаппаратуры на 19 тыс. занятых, за ним появились еще несколько больших предприятий. Луисвиллский Саут-Энд и южные пригороды (Бучелл, Ферн-Крик и др.) заселены многочисленными выходцами из сельского ~ентукки, которые стали новым пролетариатом города. В последние годы в промышленности Луисвилла начались большие увольнения, но в городе развернулась нелегкая перестройка экономической базы на сферу услуг - вполне «по модели» многих крупных городов Севера.

Озарки

К западу от Аппалачской системы, отделенная от «ее плоской долиной Миссисипи~ лежит гористая об~ часть Озарков - своего рода копия Аппалачей на стыке штатов Миссури и Арканзас. Это тоже древняя складчатость, денудированная эрозией и рассеченная ~полноводными реками; здесь те же широколиственные леса, сменяющиеся на юге сосновыми, тот же мягкий климат. Впрочем, копия эта сильно уменьшенная: высоты не превышают 900 м, в среднем же составляют **-259** - 500-600 м, а занимаемая Озарками площадь в несколько раз меньше. Местные ландшафты, как правило, еще мягче аппалачских. За исключением некоторых частей гор Уошито и Бостон на юге, район имеет скорее холмистый, а не горный облик. Однако он ничуть не менее красив, чем Аппалачи, и к тому же гораздо доступнее для заселения и рекреации.

Еще сильнее сходство Озарков и Аппалачей по социально-экономическим и культурным характеристикам их жителей. Тут мы снова встречаемся с ярким примером культуры Верхнего Юга - дисперсным расселением в изолированных котловинах, мелкими потребительскими фермами, простым бытом, индивидуализмом и набожностью жителей, духом независимости и нелюбовью к чужакам и новым веяниям. Черных здесь почти нет-1-2%, да и то в основном лишь в долине р. Арканзас. Подобное сходство неудивительно - Озарки были заселены не жителями соседних равнин Миссисипи и Теннесси, а выходцами именно с Верхнего Юга, с аппалачских частей Кентукки и Зап. Виргинии. Как и в Аппалачах, горцы не любили плантаторов с равнин и в Гражданскую войну были против отделения. Штат Арканзас присоединился к Конфедерации, но тысячи мужчин из Озарков ушли в армию северян. С тех пор здесь укоренились традиции республиканизма линкольновского толка.

Сходство Озарков с Аппалачами заходит еще дальше: по аналогии с долиной Теннесси здесь в 40-х и 50-х годах развернулось крупное гидротехническое строительство в бассейне р. Арканзас, широкая долина которой рассекает весь район с запада на восток. Сегодня р. Арканзас судоходна на всем протяжении через район. Форт-Смит и Литл-Рок стали важными речными портами, крупные водохранилища построены на притоках, прежде всего на р. Уайт-Ривер. Правда, здесь так и не сложилось широкой программы комплексного воздействия на район, которая могла бы сравниться с деятельностью Администрации долины Теннесси.

Пожалуй, единственное важное отличие Озарков от Аппалачей - это отсутствие

месторождений угля. Зато район весьма богат рудными ископаемыми. На северо-западе Озарков, вокруг Джоплина, - старинный ареал добычи полиметаллов Три-Стейтс (на стыке трех штатов - Миссури, Оклахома и Канзас), на северо-востоке - несколько крупных свинцовых **-260-** рудников в ареале Вибурнам, которые поставляют концентраты на свинцовый завод в г. Херкьюлейнум (на р. Миссисипи) годовой мощностью более 200 тыс. т рафинированного свинца. Штат Миссури дает сейчас львиную долю свинца, добываемого в США. Между Вибурнамом и Сент-Луисом - одно из крупнейших " мире подземных железорудных предприятий

Пи-Ридж годовой мощностью около 1,5 млн т окатышей лучшего в стране качества (свыше 70% железа), Здесь одно время собирались организовать прямое восстановление железа мощностью 550 тыс. т/год по методу «мидрекс» (как на советском заводе под Старым Оскалом) * С горнопромышленной деятельностью связан приток иммигрантов из-за океана, особенно в Три-Стейтс; в Канзасе этот ареал даже называют «Балканами». Однако в добыче руд заняты лишь сотни людей, а не многие тысячи, как в угледобыче Аппалачей, и влияние шахтеров здесь малозаметно.

До самого последнего времени Озарки были одним из беднейших и наиболее глухих районов США. По словам М. Бароуна и Г. Юджифузы, «Озарки - это одно из тех региональных названий, которые вызывают в памяти американцев очень многое - в данном случае нечто вроде сущей дыры и людей с причудливым акцентом, живущих в лачугах среди холмов и отрезанных от Америки двадцатого века» [42].

Однако за последние 10-15 лет в Озарках произошли разительные перемены. С 70-х годов Озарки стали модным дачным районом у горожан Сент-Луиса, Канзас-Сити и даже Чикаго. Издавна славившиеся своей прелестной природой, Озарки украсились после войны эффектными водохранилищами, которые стали привлекать все больше рыбаков, яхтсменов, воднолыжников. Со временем все больше дачников начали обзаводиться здесь постоянным жилищем. Первыми потянулись сюда пенсионеры, притом десятками тысяч. Для штатов Миссури и Арканзас Озарки оказались в 70-х годах районом с самым быстрым ростом численности населения. В Миссури она выросла на 20-25%, в Арканзасе на 1/3.

* Skillings Mining Review. 1982. 9.VI. P. 16-20.

В 80-х годах развернулся нарастающий приток молодых семей из крупных городов Среднего Запада. Этот феномен привлек пристальное внимание американских социологов. Анализируя стимулы, которыми **- 261 -** руководствовались молодые мигранты, социологи указывали на извечную тягу горожан Америки к девственной природе, на моду переселяться в города средних размеров, где нет сельского застоя и чрезмерной опрощенности быта, но нет и пороков гигантского города. Отмечалась также и репутация Озарков как района, чьи жители сумели уберечь «традиционные ценности» Америки от разлагающего влияния бездушного индустриального капитализма. Среди широких слоев горожан стало общепринятым считать, что именно в такой среде нужно воспитывать своих детей - в окружении прекрасной природы, в дружелюбной и патриархальной атмосфере небольших городков, которыми изобилуют Озарки.

Главным, пожалуй, было то, что в ходе иммиграции 80-х годов Озарки уже накопили людской потенциал, и здесь сложились условия для роста числа рабочих мест в сфере услуг. Озарки стали настоящим раздольем для мелкого бизнеса, здесь

появились сотни и тысячи «дел» - как правило, семейных. Не менее важным оказался и приток наукоемких фирм, чей управленческий и научный персонал сильно тяготеет к местностям с хорошей рекреацией. Ныне в озаркском Спрингфилде - телевизионный завод «Зенит» (2,3 тыс. занятых), завод печатных схем «Литтон» (1 тыс. занятых), а также крупная фабрика пищевых продуктов «Крафт» (1 тыс. человек). В арканзасском Бенсонвилле родился и до сих пор живет С. Б. Уолтон, который стал миллиардером, основав обширную сеть магазинов дешевой распродажи «Уил-Март», разбросанную по всему Югу и Среднему Западу.

Массовая иммиграция состоятельных горожан принесла Озаркам многое - повышение душевого дохода, общее оживление, включение в общую жизнь страны, да притом на правах одного из самых «модных» районов. В глазах многих американцев Озарки из дремучего захолустья вдруг превратились в олицетворение некоей ультрасовременной «модели жизни», альтернативной загнивающей культуре старых мегалополисов, в символ популярного лозунга «малое - значит лучшее» (the small is the better).

Казалось бы, эти стихийные процессы разом покончили с проблемой застарелой отсталости целого района. Но на деле это выглядит скорее псевдорешением - вполне типичным, кстати, для современной Америки, где, например, главный способ борьбы с городскими трущобами - это их решительный снос безотносительно к судьбе населяющих их бедняков. Нынешнее «процветание» Озарков порождено только массивным вторжением горожан, т. е. скорее кризисом крупных городов, не способных решить проблемы своих жителей, а не подлинным развитием собственно озаркской социально-экономической жизни. В этом смысле эволюция района долины Теннесси, куда более медленная и не такая эффектная, представляется гораздо более фундаментальной. Правда, горожане, въезжающие в Озарки, стремятся не противостоять местной культуре, а, напротив, всячески ее имитировать и даже усваивать, поэтому иммиграция здесь не ведет к болезненным межкультурным конфликтам. Однако вопрос о том, насколько жизнеспособны такие руссоистские феномены в условиях современной капиталистической Америки, остается открытым.

Новый Юг

Западная окраина Юга, занятая штатами Техас и Оклахома, сильно отличается от остальных южных районов США, и отличия эти обусловлены прежде всего ее географическим положением.

Заселение США, как известно, шло с востока на запад, поэтому американцы освоили Техас и Оклахому самыми последними из южных районов. В Техасе американцы появились лишь в 1821 г., когда группа колонистов во главе с С. Остином осела на берегах р. Бразос. Оклахома же была открыта для американских колонистов только в 1889 г. И если на востоке южане колонизовали почти девственные земли, сметая слабое сопротивление индейцев, то здесь они застали уже сложившиеся к тому времени территориальные общности людей, притом с весьма отличной от них культурой. В Оклахоме это были многолюдные племена «цивилизованных индейцев», которых еще в 20-х годах прошлого века выгнали сюда с восточных земель. Техас же являлся частью Мексики, которая в 1821 г. стала независимым от Испании суверенным государством. Американские колонисты подняли мятеж против мексиканской администрации. В марте 1836 г. мексиканский диктатор Санта-Ана разгромил отряд американских мятежников в

памятных сражениях **-263-** при Аламо (возле Сан-Антонно), но месяц спустя американцы под водительством С. Хьюстона взяли реванш под Сан-Иасинто, пленив Санта-Дну. Техас объявил себя независимым государством, и С. Хьюстон был избран первым его президентом. Лишь через 10 лет, в 1845 г., Техас вошел в состав США в качестве 28-го штата. Оклахома же стала штатом уже в нынешнем веке, в 1907 г., т. е. одним из последних (46-м по счету). Индейская культура в Оклахоме и особенно испанская в Техасе оказали весьма сильное влияние на сложившуюся здесь социально-культурную общность.

Будучи западной окраиной Юга, эти районы непосредственно соседствуют с районами Запада и Среднего Запада, контакты с ними были весьма живыми, сложными, подчас болезненными--достаточно вспомнить настоящую войн-' южан и северян за господство над Канзасом, которая вылилась в репетицию Гражданской войны.

Западной своей окраиной Юг вторгается в необычную для него «экологическую нишу». К западу от р. Тринити кончаются типичные для Юга «пайни Вудс», начинаются тучные прерии Блеклендс, за ними идет редколесье «Кросс-Тимберс», а далее - безлесные равнины, сначала холмистые, а потом все более плоские. При этом движении с востока на запад климат становится все суше, достигая на западе полупустынных норм по осадкам.

Таким образом, южная субкультура развивалась тут в необычных условиях - при сильном влиянии других, весьма контрастных культур (испанской, индейской, англосаксонской), в невиданных для Юга обширных ландшафтах сухих безлесных степей, на небольшом отрезке исторического времени, укороченного из-за позднего заселения.

Остается лишь удивляться тому, что сложившаяся здесь культура не превратилась в хаотическую мозаику противоборствующих элементов, но вобрала эти элементы в жизнеспособную амальгаму, притом хотя и специфическую, но неоспоримо южную по своим главным признакам. Недаром техасцы встали на сторону конфедератов, свергнув своего губернатора С. Хьюстона, который был против отторжения Техаса. Недаром именно здесь, в Техасе, в мае 1865 г. сложила оружие последняя армия конфедератов генерала К. Смита, и недаром Техас издавна был «заповедником» **-264-** демократической партии, где особенной популярностью пользовались классические южные диксикраты.

Яркий, зачастую грубый индивидуализм, баптистско-методистская набожность, ослабленность протестантских традиций трудовой этики, склонность к скоробогачеству - все это черты, принесенные сюда переселенцами из южных штатов, которые сильно преобладали в американской иммиграции в Оклахому и особенно в Техас. Однако местные условия и специфическая история края породили здесь немало культурных мутаций, а те постепенно привели к сложению оригинального культурного типа «техасца», который считается в США одним из самых ярких.

Громадные размеры территории, на которой сложился этот тип, придали суждениям и оценкам техасца склонность к гипертрофированной крупномасштабности, даже к особому «техасскому хвастовству», о котором сложено множество анекдотов. Слабая освоенность этих просторов наложила на техасскую культуру отпечаток пионерства с его скоропалительностью (в том числе в самом буквальном смысле слова), культом опрошенности, поэтизацией суровой жизни на природе, пристрастием к ношению личного оружия и т. п. Яркими различиями последствия и другой стороны этой слабой освоенности - культурной

изоляции, которая сказывается в заниженности уровня грамотности, знаний о «большом мире», нелюбви к чужакам, нетерпимости. Яркий исторический отрезок независимого существования породил в Техасе культ местного патриотизма, которому традиции нетерпимости придают порой оттенок настоящего шовинизма. Знаменитый техасский миллионер Р. Перрот заявил однажды: «Каждый человек, родившийся в Соединенных Штатах, должен быть дважды благодарен судьбе за это, но трижды - если он родился в Техасе» [120]. Такие свойства «техасского характера» высмеиваются в Америке особенно желчно. О западном Техасе Н. Пейрс писал, что это «классическая страна *tehanos erectus* (техасца прямоходящего) [120].

Культура Нового Юга имеет много броских черт, заимствованных у мексиканских предшественников~ особенно в одежде, пище, словаре. Апофеозом этого заимствования стала знаменитая ковбойская культура. Она сложилась как взаимодействие скотоводческих традиций каролинского Пидмонта с теми навыками -265- испаноязычных ковбоев, которые оказались необходимыми для животноводства в сухих степях.

Ковбойская культура родилась именно здесь, в западном Техасе, и уже отсюда проникла на Горный Запад. Как это не раз случалось в Америке с чертами фронтирного быта, ковбойские нормы поведения, особенно чисто внешние, распространились далеко за пределы скотоводческого сектора хозяйства и охваченных им ареалов. Ковбойские шляпы, штаны, сапоги со шпорами, украшенные перламутром огромные кольца, сама манера держаться и разговаривать, столь знакомая всему миру по голливудским «вестернам», - все это ныне «родовые признаки», по которым в Америке узнают техасца.

То же можно сказать и об «оки» - жителях Окла- хоя, которую нередко называют «бедной кухней Техаса». Правда, здесь гораздо заметнее следы противостояния Среднему Западу и, главное, влияния индейской культуры. В отличие, скажем, от Южной Дакоты, где у белых есть обыкновение всячески третировать многочисленных там индейцев, в Оклахоме принято даже гордиться примесью индейской крови, словно признаком принадлежности к «хозяевам земли».

Почти до самой второй мировой войны Техас и Оклахома представляли собой типичную аграрную окраину страны, слабо развитую и бедную. Она занимала более 10% территории США (без Аляски и Гавайев), но здесь жило меньше 5% населения страны - около 8 млн. человек в 1930 г. Самый крупный город района. Сан-Антонио со 160 тыс. жителей, занимал в 1920 г. место в пятом десятке, около 60% населения жило в сельской местности или в мелких городках. Правда, сельское хозяйство уже достигло здесь больших масштабов. На Техас и Оклахому приходилось около 15% национального поголовья скота и более 1/3 урожая хлопка, под которым были заняты 5-6 млн. га. По этим показателям Техас опережал все штата страны. Однако обрабатывающая промышленность была развита крайне слабо (менее 2% от США по стоимости продукции), душевой доход населения был почти на ~1/3 ниже среднего по стране.

Все изменила нефть. Она была открыта здесь давно - в оклахомском Бартлсвилле еще в 1897 г., месторождение «Спиндлтоп» под Бомонтом - в 1901 г., но до первой мировой войны тут добывалось всего -266- 15% американской нефти, притом в Оклахоме больше, чем в Техасе. «Нефтяная лихорадка» развернулась лишь в 30-х годах, после открытия в Пайни-Вудс гигантского месторождения «Ист-Тексас», которое считалось крупнейшим в США вплоть до 1968 г., когда

было открыто месторождение «Прадхо-Бей» на Аляске. Уже в 1937г. в Техасе было добыто более 70 млн. т нефти, в Оклахоме - более 30 млн т, и Техас прочно занял первое место среди штатов по добыче нефти.

Нефть - это огромная горная рента, это «фонтаны долларов», которые в одночасье делали сотни фермеров миллионерами. Западная окраина Юга превратилась в один из главных фокусов деловой жизни Америки, в настоящий магнит для самых различных мигрантов - от спекулянтов и бизнесменов до сотен тысяч трудящихся, ищущих работу. В 1950 г. население двух штатов насчитывало 10 млн человек, а в 1980 г. перевалило за 17 млн. Здесь выросли огромные города. Уже в 60-х годах Хьюстон стал городом-миллионером, а Даллас подошел к этому рубежу в 80-х годах, и ныне оба города входят в десятку самых крупных городов США, причем Хьюстон уступает только Нью-Йорку, Лос-Анджелесу и Чикаго. Вокруг них сложились огромные агломерации с населением по 3,5 млн жителей, агломерацией-миллионером стал Сан-Антонио, близка к этому Оклахома-Сити.

Техас на долгие годы превратился в некий символ, витрину «процветания по-американски», словно застрахованную от спадов и кризисов, которые потрясли остальную Америку. В традиционном техасце стали видеть богача-нувориша, вульгарного и крикливого, привыкшего сорить деньгами и пускать пыль в глаза. Скандальную славу приобрели замашки техасских нефтяных миллионеров вроде 1-инга по прозвищу Серебряный Доллар, который любил развезжать в одном из своих многочисленных «кадиллаков» и швырять из окошка в толпу серебряные доллары.

Однако западная окраина Юга отнюдь не разделила печальной судьбы не менее богатой нефтью Луизианы или обогащавшихся на хлопке штатов Глубокого Юга, которые остались районами узкого по профилю хозяйства и крайне низкого уровня жизни населения. В Оклахоме и особенно в Техасе на базе нефти и природного газа выросла со временем могучая промышленность - сначала нефтехимия, а потом все более сложные отрасли. Уже в первые послевоенные -267-годы доля этих штатов в продукции обрабатывающей промышленности США достигла 5%, а ныне перевалила за 10%, и это значительно больше их доли в населении страны. Здесь немало заводов самых сложных отраслей, и Остин считается одним из главных в стране средоточий наукоемких производств.

Немалую роль в подобных успехах сыграли особенности сложившейся здесь социокультурной обстановки. Благодаря относительной краткости развития культура здесь была лишена того «стабилизатора» исторических напластований, который придает развитию многих других южных районов инерционность, неповоротливость. Построенное на взаимовлияниях разных культур, общество Нового Юга оказалось далеко не таким замкнутым, самодовлеющим, как общество типичного южного штата, многими десятилетиями развивавшееся без притока иммигрантов извне. Техас и Оклахома оказались более готовыми к восприятию нововведений, более открытыми.

Впрочем, немалый «экономический урожай» дало и то большое влияние на политическую жизнь страны, которого техасцы сумели добиться в послевоенные годы, опираясь на хозяйственное процветание края. Начиная с 1940 г. в течение 20 лет техасец С. Рейберн был спикером нижней палаты конгресса, когда демократы имели в ней большинство.

Многие техасцы не раз возглавляли комиссии конгресса, занимали важные посты в правительстве страны. Техасцем был и Л. Джонсон - конгрессмен в 1937-1948 гг., сенатор в 1949-1960 гг., вице-президент в 1961-1963 гг. и 36-й президент

США в 1963-1968 гг.

Техасские политики активно способствовали тому, чтобы в родной штат шло как можно больше денег из федерального бюджета, и прежде всего из военного. Благодаря этому здесь появилось множество крупных военных заводов (прежде всего в Далласе и Форт-Уэрте). Решение разместить в Клир-Лейке под Хьюстоном главный центр управления пилотируемыми космическими полетами явилось прямым результатом закулисного сговора и уступкой напору Л. Джонсона. Ныне Пентагон размещает в Техасе 7-8% своих прямых контрактов, и по их стоимости техасский Форт-Уэрт уступает только Лос-Анджелесу и Сент-Луису. В Техасе множество громадных военных баз, и самая крупная из них. Форт-Худ, занимает **-268** -4-е место в стране по численности персонала (42 тыс. человек в 1984 г.), причем по числу военнослужащих (37 тыс.) она не имеет себе равных в США [38].

Несмотря на длительное, казалось бы, процветание, Техас и Оклахома все еще далеки от того, чтобы первенствовать в стране по уровню развития. Техас и особенно Оклахома все еще отстают от среднего по стране уровня по душевому доходу и занимают места в третьем десятке штатов. Во многих округах Техаса и Оклахомы душевой доход в 1,5-2 раза ниже средненационального. Здесь хуже, чем в среднем по стране, обеспеченность врачами и больничными койками, ниже образовательный уровень населения, доля бедняков заметно выше, преступность быстро растет и в Техасе уже перевалила за средний по стране уровень, и теперь, как пишет один американский журналист, здесь в 1,7 раза больше шансов быть убитым, чем в 1972 г. [124]. Даже в оптимистических прогнозах Бюро экономического анализа хозяйственное будущее этих штатов выглядит отнюдь не радужным, поскольку до 2000 г. относительного прогресса в уровнях доходов здесь не предвидится.

Немало теней и в социокультурном облике этих штатов. Несмотря на фронтальные традиции и показной демократизм, власть жестко контролируется элитой из богачей. Далласский историк А. Грин писал: «В Техасе буквально все построено на деньгах. Если вы потеряли ваши деньги, вы превращаетесь в ничто» *.

Законодатели и администраторы Техаса и Оклахомы на редкость открыто угождают большому бизнесу, и это обеспечило Новому Югу репутацию района с самым хорошим «деловым климатом». Здесь почти нет налогов на доходы корпораций и частных лиц, крайне слабы меры по контролю за действиями бизнеса, ничтожно влияние правил зонирования, планирования хозяйственного развития; нефтегазовым компаниям предоставлены огромные льготы в виде снижения облагаемой налогами прибыли с помощью компенсации «на истощение недр».

.S. News and World Report. 1986. 15.X. P. 50-51.

Культурный и политический консерватизм остается одной из самых характерных черт общественной жизни на Новом Юге, и традиции нетерпимости не редко придают этому консерватизму характер настоящего **-269** - мракобесия, склонности к насилию над инакомыслящими. Известно, что многие миллионеры Техаса и Оклахомы активно поддерживали самые реакционные движения, и даже Хант, скандально известный своей жадностью и скопидомством, жертвовал на эти движения огромные деньги. Мрачным проявлением этих черт стало убийство президента Дж. Кеннеди в Далласе в 1963 г.

По традиции правящая элита Нового Юга делает ставку на демократов, но в основном на правых, а потому все больше расходится с национальным

руководством этой партии. В связи с этим главной чертой политической жизни Нового Юга в последние годы стал неуклонный дрейф в сторону республиканцев -- в том числе и потому что «старая гвардия» демократов сильно скомпрометировала себя в глазах простых избирателей слишком откровенным услужением элите.

Политический консерватизм Нового Юга оказался живучее партийных предпочтений. Это не застойный консерватизм Глубокого Юга, питаемый пережитками, которым суждено отмереть. Напротив, здесь он процветает на богатой питательной почве длительного экономического бума, его крепость растет, а влияние распространяется далеко за пределы района, и это делает его особенно опасным в современном контексте внутривнутриполитической жизни Америки.

В суждениях американцев о Новом Юге и его жителях сложился стереотип, внушающий представления о том, будто Техас воплощает в себе квинтэссенцию американизма, и о том, что он совершенно не похож на другие районы страны. «Техас-это нация в самом прямом смысле этого слова», - писал Джон Стейнбек. Но лучше всего, пожалуй, выразил эту идею журналист Р. Рейнхолд: «Американцы были слишком долго зачарованы мифом о Техасе. ~ому придет в голову спрашивать себя, становится ли, скажем, Огайо более американским или нет? А Техас кажется такой квинтэссенцией всего американского, что выглядит почти иностранным» [134].

Однако реальное развитие Нового Юга все дальше уводит его от этих представлений, превращая их в типичный культурный миф, которому предстоит постепенно тускнеть, уходить в историю, в своего рода эпос. Новый Юг становится все более похожим на остальную страну. В сельском хозяйстве осталось всего 4% рабочей силы, половина населения сосредоточена -270- в 6 главных агломерациях. По индустриальной мощи Техас не уступает «лучшим» штатам Севера, но каждый пятый вне сельского хозяйства занят, как и в среднем по стране, в сфере услуг, культурная специфика края неминуемо размывается мощным притоком мигрантов со всех концов США. Согласно некоторым подсчетам, почти 1/5 часть взрослого населения Техаса составляли в середине 80-х годов те, кто приехал сюда за последние 10 лет. Приезжие, как правило, моложе старожилов, они консервативнее их в финансовых делах, но гораздо либеральнее в социально-культурных, особенно в отношении к семье, религии, меньшинствам, к абортам, выпивке, сексу, т. е. к тем проблемам, где южный консерватизм весьма строг. У денежной элиты вошла в моду филантропия, и край украсился множеством первоклассных культурных заведений. В середине 80-х годов в Техасе было 23 симфонических оркестра, 6 оперных трупп, более 300 музеев, и многие из них существуют на пожертвования богачей [124].

Правда, старинные традиции Нового Юга все еще тщательно культивируются, однако признаки такого рода все более вытесняются на периферию общественной жизни района, вырождаются в обряды маскарадного характера. Журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» цитировал слова техасского историка Т. Ференбека: «Умирает техасский шовинизм, и техасцы пересматривают свою собственную мифологию. Когда типичным техасцем станет конторский служащий с собственным автомобилем, неотличимый от своего северного собрата, тогда история Техаса как Техаса придет к своему концу» [134].

Окончательный удар по этому мифу нанесет, по-видимому, тот крутой поворот в истории Нового Юга, который в середине 80-х годов оборвал долгую полосу безмятежного роста региональной экономики. В 70-х годах ее продукт рос вдвое быстрее национального, безработица была в 1,5 раза ниже, численность населения

возросла более чем на ~1/4, а цены на нефть поднялись до 30 долл. за баррель. Но уже в 1983 г. девальвация мексиканского песо привела к спаду розничных цен от Рио-Гранде до Хьюстона, крепко ударив по сектору услуг [61]. С декабря 1985 г. началось быстрое падение цен на нефть, которые к апрелю 1986 г. снизились до 10 долл. за баррель. На Новом Юге началась настоящая паника. -271- Бурение на нефть почти прекратилось, начались массовые увольнения. За одно лето 1984 г. Хьюстон потерял почти 10% своих рабочих мест, размах строительства офисов в городе упал вдвое. Впервые на памяти многих техасцев темпы экономического развития штата оказались ниже средненациональных. Зашатались знаменитые финансовые крепости Нового Юга. Выяснилось, что у техасских и оклахомских банков слишком много долгов, и специалисты стали с тревогой говорить о том, что крах банков Нового Юга может породить общенациональный финансовый кризис.

Прессу Америки заполнили «леденящие душу» рассказы о банкротствах знаменитейших техасских миллионеров, привыкших жить на широкую ногу и попавших теперь в кольцо кредиторов. Даже «легендарному» Р. Перроту пришлось продать компании «Дженерал моторз» за 2,5 млрд долл. свою главную компьютерную фирму «Электроник дейта системе». Похоже, гибнет и громадная империя Ханта в 6 млрд долл., построенная на нефтяных фонтанах арканзасского Эльдорадо и богатствах «Ист-Тексаса». После смерти основателя в 1974 г. 3 его сына затеяли грандиозную аферу с ограблением мирового рынка серебра, но просчитались. Когда в 1980 г. братья предстали перед комиссией конгресса, то на вопрос о том, каково их состояние, один из них вызывающе ответил: «Наш отец всегда говорил, что если человек точно знает, сколько у него денег, то это значит, что он недостаточно богат» 1~40Д. Но это была хорошая мина при плохой игре: за несколько недель 1986 г. главные компании были объявлены банкротами, в августе того же года лопнула их самая ценная компания «Плейсид ойл» [83].

«Техасские толстосумы падают, как домино» - так озаглабил статью об этом журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» [40].

* U.S. News and World Report. 21.IV

Исследует, однако, преувеличивать внезапность постигшего Новый Юг бедствия. Кризис назревал постепенно, и его признаки можно было рассмотреть уже давно. Добыча нефти в Оклахоме достигла максимума в 31 млн т в 1970 г., а в Техасе - в 1972 г. (181 млн т), после этого она стала неуклонно снижаться, упав в 1985 г. до 125 млн т в Техасе (т. е. ниже уровня 40-х годов) и 20 млн т в Оклахоме, причем доля этих -272- штатов в добыче нефти в США сократилась с 45 до 33%. Добыча природного газа в Техасе упала за это время с 240 млрд до 165 млрд куб. м, а в Оклахоме осталась на уровне около 50 млрд куб. м. В недрах Нового Юга еще есть примерно 1 млрд т нефти в разведанных запасах, но буровые работы свернуты, и, если запасы не наращивать, они иссякнут к середине 90-х годов. С 1981 г. началось абсолютное сокращение занятости и в нефтедобыче, и во всей обрабатывающей промышленности штата.

Кризис стал расплатой за беспечность, с которой правящая элита купалась в нефтяном процветании~ словно считала его вечным, за политический консерватизм, слепую приверженность бесконтрольному «свободному предпринимательству». Некоторые политики Нового Юга теперь утверждают, что они давно предвидели подобный спад и старались стимулировать развитие экономики края за пределами нефтегазового сектора, повышать «качество» рабочей силы, обогащать социальную и хозяйственную структуру общества. Но реальный

ход событий показал реальную цену подобным утверждениям. Бум 70-х годов породил на Новом Юге множество проблем - от транспортных пробок в городах-гигантах до хаоса в землепользовании, но в обстановке, где любое кардинальное вмешательство властей в дела бизнеса считалось «сонно-диетической затеей», меры по планированию или хотя бы по простому упорядочению развития оставались крайне робкими даже по американским меркам.

Экономический крах покончил с мифом о «кризисной независимости» Нового Юга и сделал его еще более похожим на остальные районы страны. Он породил совершенно новую ситуацию, и сейчас нелегко представить себе, как отзовутся на кризис те социокультурные черты Нового Юга, которые сложились здесь в период ускоренного развития и в непосредственной связи с таким развитием. Можно лишь предположить, что преодоление этого кризиса окажется для Нового Юга особенно тяжелой задачей. В отличие от многих других районов страны, где кризис давно стал обычным делом и где накоплен немалый опыт по его преодолению или смягчению. Новый Юг не располагает ни этим опытом, ни соответствующим организационным механизмом.

Кризис с особой яркостью высветил территориальную неоднородность Нового Юга. Он ударил сильнее - **18 Л. В. Смирнягин -273** - всего по городам и местностям вдоль побережья Мексиканского залива, по центральной Оклахоме, Пермскому бассейну на западе Техаса, а на центрально-Техасе сказался гораздо слабее. Как отмечал журнал «Экономист», кризис словно расслоил Техас: районы нефтедобычи и нефтехимии в коллапсе, но в так называемом «Силиконовом треугольнике» Остин - Сан-Антонио - Даллас длиной 280 км сохраняется обстановка процветания [61].

Весьма различными оказались судьбы двух главных городов Техаса - Хьюстона и Далласа. Так, за 1983 г. численность занятых в агломерации Хьюстона сократилась на 96 тыс. человек, а в агломерации Даллас - Форт-Уэрт выросла на 41 тыс.; в первой объем строительства упал на 28%, а во второй вырос на 15%, в июне 1983 г. безработица в первой была 6,3%, а во второй - 3,4 % [133]. Это неудивительно. Ведь Хьюстон - общепризнанная столица американского нефтяного бизнеса, в нем около 1,5 тыс. компаний этого сектора экономики. Экономика же Далласа гораздо разнообразнее. Показательно, что в 1983 г. на заводах наукоемких отраслей было занято 18,7 тыс. человек в Хьюстоне и 87 тыс. человек в Далласе - Форт-Уэрте, где они составляли 28% занятых в обрабатывающей промышленности агломерации, тогда как в Большом Хьюстоне - только 9% [133].

Кризис, разумеется, не породил территориальную неоднородность Нового Юга, но лишь показал особенно ярко то, что уже существовало на этой огромной территории почти в 1 млн кв. км. Об этой неоднородности говорит уже само отсутствие здесь единого центра, вернее, наличие двух почти одинаковых центров - Хьюстона и Далласа, причем центров-антагонистов и в экономическом отношении, и даже в социокультурном. «Хьюстонцы, обычно голосующие за демократов, -- пишет Р. Рейнхолд, - склонны считать Даллас самодовольным, ханжеским и скупым городом, где всем правит властная денежная олигархия. Жители же Далласа, в основном республиканцы, в ответ называют Хьюстон неуправляемым, дезорганизованным, вонючим городом с беспомощными лидерами во главе» [133].

* U.S. News and World Report. 1986. 21.IV.

За этими предубеждениями стоят, конечно, и соперничество финансово-

промышленных региональные -274 - групп, и различия в экономической структуре этих городов, и различия в их географическом положении*. Хьюстон, бесспорно, возглавляет *Техасский Галф* -- крупный и важный в хозяйственном отношении макрорайон на побережье Мексиканского залива с весьма самобытной культурной средой и яркой экономичен екай специализацией. Даллас же господствует в *Центральном Техасе*, прежде всего в его центральной части, где вдоль прерий Блеклендс и Балконад сложился еще один важный макрорайон.

Кроме этих двух на Новом Юге нетрудно обнаружить еще 2 весьма своеобразные части. На западе простираются сухие безлесные равнины *Степного Юга*. К югу от них, вдоль границы с Мексикой, влияние испано-мексиканского элемента становится определяющим, это *Мексамерика*.

*Любопытно, что в истории и микрогеографии этих городок много сходного. Оба они заложены в поистине гиблых местах - вдали от значительных рек или транспортных артерий, в неприглядных даже на вид местностях с нездоровым климатом и без~ всяких местных ресурсов. Почти каждый американский автор, писавший о Техасе, непременно поминает эту «загадочность» возникновения двух главных городов штата в местах, хуже которые наверное, не сыскать во всем штате.

-274-

Часть V ЗАПАД

Западная половина Соединенных Штатов - это регион, где после многовекового пути от Атлантического побережья нашел свое географическое пристав нище термин «Запад», который в Америке, как известно, насыщен глубоким культурным смыслом, во многом похожим на суть наших терминов «Украина», или «дикое поле». «Запад» закрепился здесь не просто потому, что дальше ему некуда было двигаться, нет, само географическое место, на котором «осело» это понятие, оказалось как нельзя более под стать подобному смыслу - представлению о бескрайних просторах, неосвоенности, нетронутым изобилии ресурсов, бытовой неустроенности, суровых и простых нравах,

Запад «пришел» на свое место сравнительно поздно, заселение края развернулось по сути дела лишь в 40-х годах прошлого века, и здесь фронтир завершил свое движение по стране. Исторически это самый молодой регион страны, самый молодой он и в геологии ческам смысле, потому что расположен в зоне сравнительно молодой складчатости. Отсюда - исключительная живописность края, притом и природная, и культурная. Это и высочайшие в стране горы, и огромные пустыни с причудливыми скалами, и каньоны с километровыми пропастями, и общее ощущение необозримого простора, громадности мироздания - и нравы времен золотоискателей и миссионеров (часто культивируемые), сильная опрошенность быта (нередко нарочитая), культ силы и «настоящих мужчин», общий «ковбойский дух» бесшабашности, удалы и сурового романтизма. Дж. Гантер писал в 40-х годах: «Запад-это страна, где никто не носит пиджаков, страна настоящих мужчин (he-man country), где принято пить свое пиво прямо из горлышка» [73].

В. Зелински подчеркивал, что «концепция американского Запада постоянно укреплялась романтическим образом благородного ковбоя. Так и тянет уступить ему и принять столь укоренившийся комплекс западного животноводства за нечто отражающее всю гамму западной жизни, но это было бы интеллектуальным **-276-** подлогом. Разведение скота может занимать больше половины активной западной ойкумены по акрам, но оно занимает относительно небольшую долю всего населения» [156].

В этих словах маститого американского географа отражено одно из главных противоречий Запада - противоречие между необычайной просторностью этого 'огромного края и сильнейшей скученностью его населения в немногих городах, которые выглядят редкими базисами в бескрайней пустыне. Здесь самая высокая в США доля городского населения (84% по переписи 1980 г.), но занимает оно всего 1% территории района (за вычетом Аляски и Гавайев). На Запад приходится около 40% территории «смежных» США и лишь 20% их населения. Именно малочисленность населения и концентрация его в городах делают ощущение простора, безлюдья и неосвоенности еще более резким. Недаром все популярнее становится ярлык «пустое место» (Empty Quarter), которым награждает этот край широкая пресса, в частности Ж. Гарро использовал его для географического наименования Горного Запада /67/.

Это противоречие обусловлено тем, что природа Запада при всей ее живописности весьма сурова. Исторический фронтир остановился на месте, менее всего подходящем для массового заселения. Запад отличается крайней сухостью климата. Почти повсюду годовая сумма осадков меньше 300 мм, а во многих местах гораздо ниже, и здесь в межгорных бассейнах Кордильер расположены самые обширные в стране пустыни и полупустыни. Символ предельной сухости- испарившееся огромное озеро Бонневиль, от которого осталось лишь Большое Соленое озеро. За исключен пнем Северо-Запада, вода везде оказывается драгоценным ресурсом, от которого зависит вся деятельность и даже жизнь человека на Западе. Здесь сооружены крупнейшие в стране водохозяйственные объекты, здесь сосредоточено 60% поливных земель страны. Сток р. Колорадо в 30 млрд. куб. м/год разбирают с такой жадностью, что в устье своем река превратилась в ручей, который легко перейти вброд. Поэтому термин «оазис» применительно к западному расселению отнюдь не стилистическое украшение.

277

В подобных условиях расстояния, разделяющие эти оазисы, превращают пространство из ресурса в препятствие для освоения. Правда, у жителей Запада поневоле выработалось более спокойное отношение к расстоянию, чем у жителей Востока. Здесь оно обладает, так сказать, меньшим социокультурным трением, чем на Востоке, и для болельщиков, скажем, мой~ та некого Биллинса не составляет труда съездить со своей командой на игру в Грейт-Фоллс за 300 км. Но для колонистов, следовавших с востока в Калифорнию или Орегон, преодоление «пустого места» превращалось в тяжелое испытание. Лишенное собственной ценности, это пространство лежало как бы на проходе, пронизанное в нескольких местах проторенными тропами - Орегонской тропой из Канзас-Сити через Шайенн и долину Снейка или тропой Санта-Фе в обход стены Скалистых гор с юга. Здесь оседали лишь люди особого склада, готовые мириться с бытовой скудостью и культурной изоляцией, готовые к непрестанной борьбе с природой, индейцами и внешними враждебными

силами - железнодорожными и горнорудными монополиями, экспансией гомстедеров или скоробогачей с Востока.

Последнее, кстати, придало всей культуре Запада яркий «антиистернизм» - настороженное и зачастую враждебное отношение ко всему восточному, которое даже похоронило под собой традиционное для США противопоставление Севера и Юга. Антиистернизм распространяется и на федеральное правительство» хотя оно служит на Западе, по мнению Ж. Гарро, хоть каким-то противовесом для алчности восточных корпораций и тратит громадные средства на гидротехническое строительство, столь необходимое засушливому Западу.

За общим антиистернизмом кроется, впрочем, огромное культурное разнообразие Запада. Оазисность расселения придала местной культуре, так сказать, фасеточный характер: разделенные огромными расстояниями, лишённые возможности активного культурного взаимодействия, отдельные части Запада заселялись разнородными культурными элементами, развивались изолированно и не смогли сплавиться в единую культуру. Поэтому сегодня здесь можно встретить такие контрастные культурные варианты, как пионерская культура Великих равнин, северо-западная «Экотопия», зрелая (а по мнению многих, уже упадочная) -280 -культура южной калифорнии. Как остроумно заметил Ж. Гарро, с одними и теми же убеждениями, например, будучи сторонником умеренного контролируемого экономического роста, можно прослыть дремучим консерватором в Экотопии и опасным либералом в Вайоминге. Закрытые и в известном смысле застойные, эти культурные ареалы особенно резко реагируют на вторжение извне, и история Запада переполнена актами межкультурных столкновений в самых острых формах.

Специфически западный элемент этой фасеточности - индейская культура. На Западе живут почти 800 тыс. индейцев - больше половины их числа в США. На Запад приходится более 80% площади их резерваций. Здешние племена индейцев успели многое перенять от колонистов (лошадей, огнестрельное оружие), так как их пустынная родина долго не представляла особого интереса для белых. Но тем ожесточеннее оказалась борьба индейцев на пересекавших Запад тропах при первых попытках колонизации. Победа досталась белым ценой кровавых преступлений и вероломства, навеки опозоривших белую Америку. Однако в пустынных просторах Запада индейцы, несмотря на нищету, сохранили свою этническую целостность и по-прежнему играют здесь несравненно большую роль, чем в других частях страны (за исключением Оклахомы и Юж. Дакоты).

Ярлыки вроде «пустого места» явно преувеличивают пустынность края. Здесь немало ареалов, весьма удобных для интенсивного сельского хозяйства, калифорнийская Грейт-Вэлли - богатейший аграрный ареал страны, в котором расположены 5 из 10 округов, ведущих по стоимости сельскохозяйственной продукции. Огромные урожаи дают поливные земли и во многих других ареалах Запада. Но главное в его ресурсном потенциале - это недра, которые отличаются исключительным обилием ресурсов угля, урана, нефти, природного газа, цветных металлов. В национальной добыче этих видов сырья Западу принадлежит весьма важное, а подчас и монопольное значение. По иронии судьбы около половины ресурсов угля и треть ресурсов урана оказались там, где расположены резервации индейских племен, которые отказались потворствовать алчности частного бизнеса. В 1975 г. по инициативе племен

наваха был создан Совет энергоресурсных племен (25 племен в 10 штатах), который - 281 - решил пересмотреть все концессионные соглашения на разработку ресурсов резерваций.

Ресурсная специализация придает экономике Запада неустойчивый характер. Ее развитие издавна складывается из череды бумов и лихорадок, прерываемых глубокими спадами. Запад буквально усеян множеством «городов-призраков» - заброшенных горняцких поселков, где некогда сколачивались грандиозные состояния и жили многие тысячи людей. Привычка к таким лихорадкам въелась в культуру Запада. Иногда ее называют «мышлением охотника за бизонами» (buffalo hunter mentality), имея в виду пресловутое обыкновение степных трапперов истреблять целые стада ради бизоньего языка. Принято считать, что житель Запада привык к обилию ресурсов~ привык уповать на то, что взамен истощенных рудных жил или пастбищ для скота он легко найдет новые. Поэтому эксплуатация западных ресурсов издавна велась особо хищническими методами. В результате уже в 1936 г. федеральное обследование установило, что западные пастбища утратили 1/3 своей продуктивности, и, хотя принятый в то время так называемый закон Тейлора о пастбищных землях позволил наладить некоторый контроль за крупными скотоводами хотя бы на общественных землях, деградация западных ресурсов продолжалась [69]. Живучесть хищнических традиций показало и освоение угольных ресурсов Монтаны и Вайоминга в 70-х годах, которое сопровождалось всеми социальными пороками, типичными для невадских или калифорнийских лихорадок.

Неустойчивый характер хозяйственного развития, сравнительно недавнее заселение, культурная фазе- точность-все это говорит о том, что начальные социокультурные процессы на Западе все еще далеки от завершения, которое обычно бывает ознаменовано образованием устойчивой системы хорошо различимых районов. Ресурсная специализация придает многим частям Запада известную одноплановость, между ними не сложилась та хозяйственная дополнительность которая могла бы спаять регион воедино, и экономические связи этих частей сильнее обычного направлены вовне.

Можно сказать, что районообразование на Западе все еще продолжается. Оно уже дало здесь немало хороших примеров быстрого возникновения и распада районных целостностей. В частности, Д. Мейниг и -282 - В. Зелински писали о том, что примерно столетие назад между каскадными и Скалистыми горами сложился было самобытный район, получивший название «Внутренняя империя» (Inner Empire), но позднее он распался - и в немалой, кстати, степени потому, замечает В. Зелински, что был рассечен границами трех штатов - Вашингтона, Орегона и Айдахо [156]. Та же судьба постигла невадские пустыни, которые век назад были средоточием активной горнопромышленной деятельности. Ныне она почти угасла, и территория Невады стала периферией трех соседних районов - Мормонского и двух калифорнийских.

Поэтому внутреннее райониование Запада оказывается сложной проблемой. По мнению В. Зелински, лишь 4 части Запада достигли достаточной зрелости для выделения ярких полноценных районов: это верхняя долина Рио-Гранде, ~мормонский район, северная и центральная калифорния [156], тогда как долина Уилламет, Пьюджет-Саунд, Иннер-Импайр и колорадский Пидмонт находятся лишь на пути к этому состоянию [156].

В более широком социокультурном (а не только культурном) плане эта картина выглядит несколько иначе, однако нельзя не согласиться с тем, что разные части Запада находятся на весьма различных этапах районообразования. Более того, легко заметить, что в чередовании этих частей нет особой упорядоченности и сравнительно зрелые районы соседствуют с гораздо менее зрелыми. Вместе с культурной фасеточностью это превращает Запад в некий калейдоскоп мелких культурных общностей, а фасеточность, мозаичность становятся основополагающими характеристиками территориальной дифференциации на Западе, и руководящим принципом для выделения здесь районов приходится признать ориентацию именно на сочетание этих контрастных общностей, а не на поиск достаточно обширных общностей как таковых.

Пожалуй, лишь Южная Калифорния представляет собой достаточно плотную и сложившуюся социокультурную территориальную общность, которую можно, ничем не обинуясь, назвать макрорайоном. Ярок и Мормонский Запад, уникально целостный по своим чисто культурным признакам, но абсолютные его размеры невелики.

Остальные же части представляют собой сочетания довольно разнородных элементов, объединяемых **-283** - скорее по признакам соседства и сходства истории, но больше всего потому, что различия между ними меньше по сравнению с другими соседями.

Эта мозаика районов, составляющая макрорегион Запад, явственно распадается на три части, которые можно назвать мезорегионами. Основную часть занимает так называемый Горный Запад, с которым особенно тесно ассоциируются такие топонимы, как «пустое место», «ковбойская культура», «страна широких горизонтов» (high skies country) и т. п. Многие из них совершенно неприменимы к Калифорнии, которая резко выделяется своим огромным людским потенциалом, своеобразием культуры и «чувством штата» и поэтому должна быть выделена в особый мезорегион. Оставшаяся часть Запада в США часто называют Тихоокеанским Северо-Западом (в составе штатов Вашингтон, Орегон и - реже - Айдахо), хотя правильнее было бы называть ее просто Северо-Запад, потому что приморское положение имеет значение лишь для узкой западной полосы этого мезорегиона.

Горный Запад

Полупустынные, слабозаселенные территории Кордильер, межгорных бассейнов и Высоких равнин занимают около 80% территории Запада (за вычетом несмежных штатов Аляска и Гавайи), и неудивительно, что их облик и культура играют определяющую роль в том представлении, которое сложилось о Западе в целом у американского народа и многих ученых. Как уже отмечалось, большинство характеристик, изложенных выше, применительно ко всему Западу должны быть адресованы лишь этому мезорегиону. Это избавляет нас от необходимости еще раз охарактеризовать Горный Запад в целом. Отметим лишь внутреннюю дифференциацию этого мезорегиона.

В пределах Горного Запада можно выделить три части. Прежде всего это исключительно яркий по своей культуре Мормонский Запад, занимающий шт. Юта и прилегающие территории. К востоку от него по обе стороны Скалистых гор тянется обширная полоса, которую обычно называют Роки-Маунтинс; границы его довольно размыты. Южнее расположен весьма своеобразный

Внутренний Юго-Запад. Заселены эти районы слабо, их людской потенциал невелик, но -284 - площадь громадна, и культурные особенности выражены достаточно ярко. Поэтому их можно рассматривать как макрорайоны.

Роки-Маунтинс

Северо-восточную часть Запада составляет огромный - в 600 тыс. км² - район, весьма необычный по многим своим признакам. Начать с того, что он как бы седлает резкую физико-географическую границу- мощную гряду Скалистых гор, где более 50 пиков во главе с г. Элберт (4402 м) превышают 4,2 км. К западу от этой стены лежит лабиринт хребтов, долин и котловин, а к востоку - плоские Высокие равнины, и ни с востока, ни с запада у района нет такой четкой природной границы, которая разрезает его прямо посередине. Именно поэтому, наверное, в специальной литературе этот район чаще всего называют Роки- Маунтинс, что и означает в переводе «Скалистые горы», но мы этого перевода делать не будем, чтобы не усугублять возможных недоразумений, будто район имеет сугубо горный характер.

В то же время вдоль восточного подножия Скалистых гор расположились все главные города района, которые составляют настолько четкую расселенческую структуру, что сомневаться в том, что она является стержнем единого района, не приходится. Города, правда, невелики (кроме Денвера), но в этой слабо- заселенной местности, наиболее удаленной от главных мегалополисов страны, они выполняют сугубо городские функции и в этом отношении выглядят подлинными городами в большей степени, чем многие города Востока, далеко превышающие их по людности. Это типично «стыковые города», их немало и в других частях страны, где они заложены на контактах контрастных природных ареалов или социально-экономических районов низших рангов, которые они скрепляют собой в более обширные районы.

Удивительна и огромная меридиональная протяженность района - более чем на 1 тыс. км. На его севере, конечно, гораздо холоднее, чем на юге, но общая сухость, пустынность и безлесность перекрывают эти различия. Еще одна «странность» Роки-Маунтинс - контраст между его этнической однородностью и бурной культурной историей. Здесь, на Великих равнинах, в конце

прошлого века был сломлен последний очаг сопротивления индейцев, их здесь практически нет (менее 1% населения), почти нет здесь и (около 3 %) испаноязычного населения, и если не считать ирландцев-католиков в Монтане, то в районе, можно сказать, полностью господствуют белые протестанты. Однако эта однородность не избавила район от непрерывных культурных столкновений, которыми сопровождалось вторжение сюда самых разнородных элементов - сначала трапперов и старателей, затем скотоводов, а в конце века - гомстедеров-земледельцев, горняков и строителей железных дорог. Все они вступали в жестокое противоборство друг с другом за скудные ресурсы края.

Напряженность обстановки усугублялась тем, что хозяйство района складывалось под определяющим воздействием мощных корпораций Востока - прежде всего железнодорожных и горнопромышленных монополий, которые орудовали тут с редкостным бесстыдством, скупая, что называется, на корню и прессу, и политиканов. Сопротивление простых людей монополиям носило здесь самый резкий характер. История Вайоминга - это во многом история ожесточенной, временами кровопролитной борьбы с засильем «Юнион пасифик», история Монтаны - это история борьбы с горнопромышленной монополией, носящей мрачное название «Анаконда».

Подобное противоборство как бы законсервировало в Роки-Маунтинс обстановку фронта с его силовыми формами культурных контактов, взрывчатостью, неустойчивостью социума, который здесь плохо стратифицирован. Богатая элита равнодушна к местным делам, средних классов мало, а нижние ступени занимают простые труженики, которым присущи недоверие к чужакам (особенно с Востока), обостренное чувство личной свободы и собственного достоинства напоминающие черты южной культуры.

Экономика района издавна носит сугубо ресурсный характер. В обрабатывающей промышленности занято лишь около 10% самодеятельного населения, по продукции она лишь немногим превосходит горную промышленность, в которой занято около 100 тыс. человек. Здесь уже давно добывается много руд: медных - в Монтане (Бьютт), молибденовых - в Колорадо («Клаймакс» в горах западнее Денвера - крупнейший в мире молибденовый рудник), урановых - на -286 - западе Колорадо. Сейчас львиную долю продукции отрасли дает добыча топлива: около 25 млн. т нефти, 20 млрд куб. м природного газа, 150 млн. т угля. Сельское хозяйство, представленное в основном пастбищным скотоводством и земледелием на орошаемых землях, по стоимости в 3-4 раза меньше, но на фермах все еще живут около 120 тыс. человек.

Важной отраслью эксплуатации местных ресурсов стал туризм. Природные красоты края создали ему мировую славу, особенно знаменитый Йеллоустонский национальный парк (890 тыс. га). Огромной популярностью пользуются прекрасно оборудованные лыжные курорты западного Колорадо вроде Аспен-Велли. Приезжие туристы расходуют в Роки-Маунтинс более 5 млрд долл. за год~ это больше, чем стоимость продукции местного сельского хозяйства.

Ресурсная специализация тоже немало способствовала закреплению в Роки-Маунтинс обстановки порубежья, которая с удивительным постоянством возрождалась здесь при каждом новом буме. Очередным проявлением этого механизма стала «угольная лихорадка» 70-х годов. За это время добыча угля в

Монтане, Вайоминге и Колорадо выросла с 10 млн. до 139 млн. т, а их доля в угледобыче страны - с 2,5 до 20%. Бум был приурочен в основном к полосе вдоль р. Паудер в округах Конверс, Кемпбелл (шт. Вайоминг) и Роузбэд (шт. Монтана). Здесь выявлены запасы в 6 млрд т превосходного угля - настоящий «рай для углекопа», по выражению Ж. Гарро: пласты до 30 м мощностью, почти никакой вскрыши, никакой серы (и никаких профсоюзов, добавляет Гарро) [67]. Здесь были сооружены угольные разрезы рекордной для США мощности, в том числе «Блэк-Тандер» и «Коул-Крик» на 20 млн. т в год каждый. Они резко выделялись на фоне типичных для США мелких угольных предприятий, поскольку средняя мощность их в США составляет около 100 тыс. т/год, тогда как в Вайоминге - больше 2,5 млн т/год, а в Монтане-даже 3,4 млн. т/год. Средняя выработка на одного работника здесь в 5-10 раз выше средней по стране *. Правда, доставка восточным потребителям обходится дорого. Средняя цена угля в Монтане составляет около 20 долл./т, а доставка его в Хьюстон обходится в 30 долл./т. Создано уже несколько проектов углепроводов из Паудер-Ривер на Восток и на Юг. Один из них предусматривал прокладку труб диаметром по 1 м на трассе в 2670 км до Батон-Руж в Луизиане и передачу ежегодно 27 млн. т при издержках около 25 долл./т.

* Illinois Mineral Notesv. 1981. No. 81. 287

Согласно данным Федеральной энергетической комиссии на 1977 г., освоением энергоресурсов были затронуты 188 населенных пунктов Горного Запада. Здесь сложился так называемый синдром бумтаунов- городов, испытавших стремительный рост людности [50]. В Вайоминге из 27 городов людностью более 2,5 тыс. жителей 20 выросли за 70-е годы более чем на 15%, а 6-в 2-3 раза. Каспер оказался теперь самым крупным городом штата, а Джиллет стал подлинной столицей «стольного рая», в нем население выросло за 70-е годы на 70%, до 12 тыс. человек, а в в 1985 достигло (с предместьями) 35 тыс. человек, и рост тот продолжается.

Местная редкая сеть мелких населенных пунктов оказалась совершенно не готовой для такого наплыва. В них возникла острейшая нехватка коммунальных услуг, школ, больниц. Еще тяжелее оказались социокультурные последствия - алкоголизм, проституция, разгул преступности, огромная текучесть населения (до 200% в год). Обстановка усугублялась так называемой культурной бифуркацией - острыми столкновениями между местным и пришлым населением, которое было тоже весьма разношерстным: трезвенники-мормоны враждовали с пришельцами с Востока, строительные рабочие - с горняками и т. п.

Все это живо напоминало обстановку горнопромышленных «лихорадок» прошлого века. Социологи нашли здесь много отличий: наложение на зрелую, хоть и редкую, сеть поселений, охват процессом огромных территорий, господство крупных корпораций и др. [59]. Но некоторые из этих новых черт лишь ухудшали положение (особенно неизбежный отток многотысячных отрядов строительных рабочих). Словом, в бумтаунах 70-х годов американский капитализм снова продемонстрировал свою неспособность решать социальные задачи при решении экономических.

Угольный бум породил немало противоречий и в региональном масштабе. Под концессии отчуждались огромные площади, угольные разрезы уродовали облик

края. Работа ТЭС и особенно углепроводов требовала огромных масс воды, столь необходимой для -288- местного сельского хозяйства. Власти штатов Роки- Маунтинс провели законы, запрещающие вывоз воды в любом виде, но угольные компании сумели договориться с властями Сев. и Юж. Дакоты о заборе воды из водохранилищ «Гаррисон» и «Оахе» на Миссури и передаче ее в район Паудер-Ривер. Это, однако, вызвало резкие протесты властей штатов Айова, Небраска и Миссури, к которым присоединилась и Канада [77,]. В 1984 г. проект углепровода до Батон-Ружа был отменен, в том числе из-за того, что железнодорожные компании, опасаясь конкуренции, отказывались продавать землю, там, где углепроводу предстояло пересечь их полосы отчуждения.

На этом фоне сильно выделяется крупнейший город района - Денвер (более 0,5 млн жителей) и его окружение, которое часто называют Колорадским Пидмонтам. Здесь в нескольких метрополитенских ареалах сосредоточено почти 2,5 млн. человек - гораздо больше половины населения Роки-Маунтинс. Колорадский Пидмонт издавна имел репутацию самого здорового по природным условиям района страны: еще с 1860-х годов здесь начали селиться легочные больные. Исключительная живописность этой местности у подножия величественных гор под вечно ясным небом привлекает сюда множество мигрантов и сегодня. Население Пидмонта быстро растет, здесь возникла крупная промышленность, в том числе наукоемкие отрасли, военное производство: на окраине Денвера - арсенал «Роки-Флете», где делают триггеры для водородных бомб, в Литтоне - завод фирмы «Мартин Мариэтта», на котором строят зловещие ракеты «МХ-Пискипер» и собираются выпускать новейшие ракеты «Миджитмен»* [11].

* Колорадский Пидмонт издавна «полюбился» военным, которые, как известно, чутко реагируют на выгоды географического положения. В курортном Колорадо-Спрингс размещена военно-воздушная академия США, неподалеку - главный центр управления ПВО.

На фоне довольно упрощенной культуры Монтаны и Вайоминга Колорадский Пидмонт выглядит неким форпостом зрелого Востока - с небоскребами выше 200 м, театрами, штаб-квартирами множества корпораций, которые перебираются сюда ради центрального географического положения Денвера. Если в Монтане и Вайоминге господствуют традиции республиканского -289 - изоляционизма, то здесь обстановка значительно либеральнее. Недаром Денвер стал одним из оплотов американских сторонников мира; нередко многотысячные толпы демонстрантов штурмуют ворота арсенала «Роки-Флете», а потом, после ареста, превращают судилище в трибуну для антивоенных выступлений, которые часто получают национальный резонанс.

Особый географический интерес представляет проблема границ района. Р. Гастил, выделяя сходный по очертаниям культурный район Роки-Маунтинс, признал, что «это хуже, всего оконтуренный из наших районов» [68]. Правильнее, пожалуй, сказать, что Роки-Маунтинс имеет весьма сложные по своей природе и выраженности границы. Правда, на севере он упирается в государственную границу, а на юге - в яркий ареал староиспанской культуры, относящийся к Внутреннему Юго-Западу, но восточная и западная границы прослеживаются с большим трудом. На востоке это по сути дела обширная переходная зона без очевидных природных или иных рубежей. В ее пределах

отличительные признаки Роки-Маунтинс - пастбищное скотоводство, оазисное поливное земледелие, культура скотоводов порубежья - весьма плавно сменяются признаками Среднего Запада - сплошным пшеничным богарным земледелием, культурой немецко-скандинавского происхождения. Впрочем, при следовании с запада на восток эта смена выглядит более плавной, чем при обратном следовании, поскольку в культуре Ярового пшеничного пояса сложилось обыкновение видеть в р. Миссури явный рубеж, за которым начинается «настоящий «дикий» Запад».

Еще сложнее проблема западной границы Роки-Маунтинс, отделяющей его от Мормонского района. Доля мормонов нарастает здесь весьма постепенное хотя влияние их культуры остается вполне ощутимым и в западном Колорадо, и в юго-западном Вайоминге. Но эти части переживают сейчас тот же «ресурсный бум», который столь характерен для Роки-Маунтинс, и ареал возможной границы занят многочисленными очагами активной добычи угля, нефти, битуминозных сланцев. Уточнение границы требует углубленного~ исследования, которое нелегко обеспечить нужным фактическим материалом, в данном исследовании эти местности отнесены к Мормонскому району. -290-

Мормонский Запад

Центр Горного Запада, одну из наиболее бесплодных его частей, занимает необычный район, который не имеет, пожалуй, аналогов в системе районов США по яркости и самобытности своей культуры. Это Мормонский Запад. Он был создан в прошлом веке буквально на голом, безлюдном дотолем месте религиозной сектой мормонов, - сектой настолько странной, с такими вычурными верованиями, обрядами и бытовыми предписаниями, что обилие ее сторонников, их преуспевание в деле освоения обширной территории пустынного Запада кажутся почти неправдоподобными.

В самом деле, согласно мормонской легенде, в 1827 г. молодому фермеру Джозефу Смиту из-под Пальмиры (неподалеку от Рочестера, шт. Нью-Йорк) якобы явился дух некоего Морони и повелел открыть в «заветном месте» золотые скрижали с непонятным текстом, надев лежавшие рядом очки с чудесными камнями вместо стекол, Смит смог прочесть текст, который он-де и опубликовал в 1830 г. под названием Книга Мормона». В ней излагалась совершенно фантастическая история (ходили слухи, что это неопубликованный роман одного пастора) о том, что будто за 600 лет до н. э. одно из израильских племен каким-то образом оказалось в Сев. Америке, но тысячу лет спустя было уничтожено «варварами». Смит объявил себя новым пророком мормонизма, быстро собрал единомышленников и повел их сначала в Огайо, потом дальше на Запад. Когда он переехал в Науву-в то время самый крупный город Иллинойса * - с ним прибыло 15 тыс. сторонников-мормонов.

* Ныне это заштатный городок на берегу Миссисипи в 1,1 тыс. жителей.

Быстрый успех мормонизма имеет свое объяснение. Он явился следствием необычайной религиозной экзальтации и реформизма, которые вспыхнули в Верхнем Нью-Йорке в 20-х и 30-х годах прошлого века, притом особенно сильно в окрестностях Рочестера. Местным жителям мормонизм отнюдь не показался вычурным, да и не так уж далеко отходил он во многих догмах от привычного христианства, хотя и сокрушительно обличал его церкви за отступничество, обмирщение и продажность. Более того, мормонизм лишь

довел до логического предела многие убеждения, **-291-** издавна бытовавшие в культуре янки: традиции воздержания превратились в отказ не только от спиртного, но и от кофе и чая, демократизм янки был облечен в культ простого человека, внесословность общества. Теократия, практиковавшаяся пуританами, была возрождена в самой категоричной форме беспрекословного послушания «президенту», двум его советникам и 12 «апостолам». Новообращенным импонировал статус «избранничества», поскольку они считались «святыми последнего дня» (так официально назывался мормонизм), которым только и доведется вместе с предками спастись в день страшного суда. К тому же мормонизм вобрал в себя пуританскую смесь коммунизма, общинной жизни с трудовой этикой, предписывавшей трудиться со всем усердием, совершенствоваться в навыках и знаниях, мормоны проповедовали простую, здоровую жизнь, многодетность считалась у них одной из главных добродетелей.

Однако на Среднем Западе, за пределами культурного ареала янки, мормонизм выглядел довольно одиозно. Мормонская спесь, отвращение к черными активнейшая вербовка среди христиан и, главное, многоженство, которому все шире стали предаваться «святыи», - все это вызвало враждебность окрестных жителей. В 1844 г. в Науву был устроен мормонский погром, Д. Смита убили.

Примечательно, что в дальнейшем сработал тот же механизм, который сыграл такую большую роль в колонизации Новой Англии. Главное в этом механизме - отторжение инакомыслящих, наличие у них добротных навыков для колонизации и обилие свободных земель. Так пришли из Европы на берега Массачусетского залива «отцы-пилигримы», так изгоняли они из своей среды диссидентов, которые заселили Род-Айленд к Коннектикут. Так исторг Средний Запад и мормонов, которые обладали отличными качествами колонистов-трудюлием, искусностью и железной дисциплиной. Новый «президент» святых Бригом Янг решил переселить секту за Скалистые горы, на территорию, принадлежавшую тогда Мексике, где предстояло найти безлюдное, но пригодное для колонизации место, чтобы без помех строить и расширять мормонскую колонию. После тщательного изучения сведений о Горном Западе Янг выбрал район Большого Соленого озера. 61847 г. мормонская колония в строгом порядке совершила длинный перехода 24 июля, увидев **-292 -** плодородную долину, ведущую к озеру, Янг произнеси исторические слова: «Вот это место» (this is the place).

Местность и вправду оказалась почти безлюдной. Даже индейцы не претендовали на нее - настолько безжизненной она казалась: безлесная, безводная, раскаленная летом и холодная зимой (высоты везде гораздо больше 1 тыс. м над уровнем моря). Однако здесь было немало небольших, но плодородных и достаточно обводненных долин, которые мормоны неустанным трудом превратили в цветущие оазисы, используя ирригационную технику, заимствованную, по- видимому, из рассказов испанских колонистов долины Рис-Гранде [85]. Уже к 1880 г. численность колонии подошла к 150 тыс. человек - благодаря высокой фертильности, культу здоровья и, главное, массовой иммиграции новообращенных со Среднего Запада, из Северной Англии и Скандинавии.

Колония мормонов была своеобразной. Их идеалом было аграрное, но не сельское общество: фермеры жили не на своих участках, а в поселках,

общинно. Поселки отличались широкими улицами, сеть поселений была тщательно продумана. Десятую долю дохода каждый мормон отдавал церкви, которая обладала огромными финансовыми возможностями и широко реализовала их в бизнесе. Столицей колонии стал Солт-Лейк-Сити с главным храмом и университетом (кстати, первым на Западе).

У мормонских вождей были большие планы. Они рассчитывали расширить колонию на юго-запад до океана, что позволило бы создать самостоятельное мормонское государство. Поэтому их колонизация долго направлялась не на север, где было не так пустынно, а на юг. Впрочем, американский географ Р. Джексон считает, что в этом сказалось скорее излишнее доверие Смита к описаниям первопроходцев края Л. Хастингса и Д. Фремонта, которые негативно отзывались о северных окраинах. К тому же мормонам, стремившимся к самообеспечению, нужен был хлопок, который не удавался возле Большого Соленого озера и севернее его.

Эти планы не сбылись. Мормонская экспансия охватила обширный ареал, но со временем натолкнулась на сложившуюся по соседству сеть поселений в Аризоне, Неваде, Калифорнии. Население США было предубеждено против мормонов, их колония только в **-293-** 1896 г., т. е. почти на 30 лет позже Невады, получила статус штата под именем Юта, да и то только после того, как мормонская церковь отреклась от многоженства.

Трансконтинентальные железные дороги разрушили изоляцию Юты, и многие в США рассчитывали, что мормонизм угаснет. Этого не случилось. Мормонская церковь умела сочетать жесткое руководство паствой с модернизацией вероучения, отсечением отживших его частей. Она оставила своим прихожанам право выбирать партийную приверженность и ловко лавировала между демократами и республиканцами. Культ физического здоровья, воздержания и семейных уз не только способствовал высокому естественному приросту и обогащению мормонов, но и облегчал им вербовку новых членов секты~ на эту вербовку тратились огромные средства, молодым мормонам вменялось в обязанность год-два посвящать миссионерской деятельности в разных уголках планеты.

Сегодня в мире насчитывается около 6 млн. мормонов, из них 3,5 млн. в США, мормоны и поныне составляют около 70% населения Юты. В Солт-Лейк-Сити мормонская церковь властвует безраздельно: помимо храмов ей принадлежат здесь несколько банков, одна из главных газет, страховая компания, крупнейший универмаг. Облик этого города остается необычным для США: здесь нет «ночной жизни», злачных мест, азартных развлечений, улицы очень широки, потому что Янг считал, что на них должны разворачиваться запряженные быками фуры...

Господство церкви предопределило и политический консерватизм Юты. В 30-х годах мормоны голосовали в основном за Ф. Рузвельта и других демократов, но со времени Дж. Кеннеди, заигрывавшего с либералами и негритянскими лидерами, преобладание в Юте досталось республиканцам. Уже Голдуотер завоевал здесь 45% голосов, а Никсон и Рейган - более чем по 70%, и теперь Юта - один из оплотов республиканизма, притом правого, недаром «президент» мормонов Э. Бенсон, который был министром сельского хозяйства в администрации Эйзенхауэра, является членом правления реакционного Общества Джона Бёрча.

Ныне Юта - один из высокоразвитых штатов, с разнообразной и сбалансированной структурой хозяйства и населением более 1 млн жителей. Здесь есть и крупная горная промышленность, особенно в **-294-** восточной части, где добывается много угля, нефти, природа наго газа, и готовилось широкомасштабное освоение битуминозных сланцев; горнопромышленные ареалы протягиваются отсюда в Вайоминг и Колорадо. Неподалеку от столицы Юты расположен крупнейший в стране медный рудник «Бингем» (около 160 тыс. т меди в год), его огромный карьер считался одним из «чудес Америки». Есть в Юте и значительная обрабатывающая промышленность, в том числе и военная во главе с заводами ракетных двигателей «Мартин-Тиokol» в Бриггс-Сити и «Херкьюлес паудер» в Магне. На государственном военном заводе № 77 возле Огдена компания «Боинг» собирала баллистические ракеты «Минитмен».

Юта составляет лишь ядро мормонского ареала («домен», как назвал его американский географ Д. Мейниг, детально исследовавший «географию мормонов»). Под большим влиянием мормонов идет ныне культурная жизнь и в северной Аризоне, и в восточной Неваде, и в юго-западном Вайоминге, богатом нефтью и углем. С 50-х годов определяющим стало влияние мормонов в орошаемых местностях верховья р. Снейк в юго-восточном Айдахо. Здесь мормоны смешаны с немормонским населением, и быт их не такой строгий, как в «домене». Тем не менее ареал их преобладающего влияния вполне очевиден, и можно согласиться с Р. Гастилом, который считает Мормонский Запад «наиболее четко определенным районом США» [69].

Внутренний Юго-Запад

Между р. Колорадо и хребтами Скалистых гор (Сангре-де-Кристо, Сакраменто) на территории штатов Аризона и Нью-Мексика простираются самые жаркие в США пустыни, рассеченные беспорядочным лабиринтом горных гряд и долин с пересыхающими речками. Американские географы обычно называют его Внутренним Юго-Западом, подчеркивая отличие от Южной калифорнии-Тихоокеанского Юго-Запада.

* Падение цен на нефть в середине 80-х годов сделало осуществление этих проектов весьма проблематичным, хотя в них уже вложено несколько миллиардов долларов.

Облик природы здесь суров, но исключительно красочен. Недаром только в Аризоне более 20 заповедных **-295-** территорий, а на р. Колорадо находится один из самых популярных в США национальных парков- грандиозный Большой Каньон.

Здесь немало мест, где за прошедшие геологические времена накопились хорошие почвы. В Аризоне около 13 млн. га пригодных для сельского хозяйства земель, но возделываются только 0,5 млн. га - не хватает воды *. Возможности прируслового орошения, с давних пор использовавшиеся вдоль р. Рио- Гранде, уже исчерпаны, на смену им еще в довоенное время пришли крупные гидротехнические проекты. В 30-х годах на р. Солт-Ривер в Аризоне соорудили плотину им. Рузвельта и с помощью каналов общей длиной около 2 тыс. км оросили 100 тыс. га вокруг Финикса, который превратился в цветущий оазис. С исключительной интенсивностью используются теперь и воды р. Колорадо: канал «Олл-Америкен» уносит ежегодно около 5 млрд. куб. м воды в

калифорнийскую долину Империял, акведук «Колорадо» - 1 млрд. куб. м в Лос-Анджелес, около 2 млрд. куб. м достается Мексике, остальное же в основном идет в Аризону. В 80-х годах завершен проект «Сентрал Аризона», с помощью которого 2,6 млрд. куб. м воды в год подается из Колорадо в Финике и Тусон **. Однако и этих ресурсов давно не хватает, и около 6 млрд. куб. м приходится ежегодно выкачивать из недр [51].

Внутренний Юго-Запад выделяется исключительным богатством полезных ископаемых и мощной горнодобывающей промышленностью. По стоимости добычи нетопливного сырья Аризона занимает первое место в стране (почти 2 млрд. долл. в год). Главное богатство - многочисленные медно-порфировые месторождения. Они размещаются в основном в южной Аризоне, но есть и в Нью-Мексико. Из пяти главных рудников, дающих половину добычи меди в США, четыре расположены здесь: Мореной (примерно 135 тыс. т металла в год), Сан-Мануэль, Твин-Бьюттс, Багдад (примерно по 100 тыс. т). Запасы руды здесь огромные, но руда очень бедна (менее 0,5% меди), и для снижения удельных издержек добычу надо вести в огромных масштабах, вполне сравнимых с крупнейшими железорудными карьерами. Годовой уровень добычи меди в районе в начале 80-х годов превышал **296** - 1 млн. т, затем она заметно сократилась, но район по-прежнему дает 3/4 добычи меди в США. При многих рудниках есть и плавильные заводы, но рафинировочных заводов мало (крупнейший - в Эль-Пасо на 400 тыс. т в год). Кроме того, в Нью-Мексико добывается много урана (район Грант), калийных солей, попутно с медью извлекают молибден, серебро.

* Journal of Arid Environment. 1980. Vol. 3. K 1. P. 85-94. **Engineering News-Record. 1984. ~1. 212. K 15. P.15.

Несколько особняком стоит добыча угля на стыке штатов Аризона, Юта, Колорадо и Нью-Бексико-в так называемом районе «четырех углов» (Four Corners). Здесь работают крупнейшие угольные разрезы, но форсирование добычи и особенно строительство ТЭС, наталкиваются на решительное сопротивление общественности, так как под угрозой оказались целостность хрупкой природной среды и уникальные красоты соседних заповедников. Главное же, чем выделяется Внутренний Юго-Запад среди других районов страны,--это его необычная культурная среда. Она представляет собой мозаику из 3 контрастных культур-индейской, испанской и английской, причем каждая из них тоже состоит из весьма различных частей. Социологи и географы различают здесь от 5 до 8 культурных групп.

Прежде всего в районе много индейцев. Если не считать Аляску, то Нью-Мексико занимает первое место среди штатов страны по доле индейцев в населении (более 8%), Аризона - третья (почти 6%), причем в аризонском округе Арапахо индейцев 75%, в Наваха более половины, в Кокосино больше 25% (а в среднем по США лишь 0,8%). Здесь самые обширные в стране индейские резервации суммарной площадью более 100 тыс. км², к ним приписаны более 250 тыс. индейцев. В одной Аризоне 22 резервации, 16 племен, главные из них наваха, апачи, зуни, хопи. Эти племена сильно отличаются друг от друга по типу хозяйствования, быту, верованиям, но в целом индейцы Юго-Запада выделяются своей активностью, чувством собственного достоинства, высокой сохранностью традиционной культуры.

Резервации разбросаны по всему району, но главное их средоточие--«Четыре угла».

Уникальная для США старинная культура сохранилась в верхней части долины Рис-Гранде, куда еще в XVI в. пришли испанцы. Ареал их расселения сильно увеличился в 1790-х годах, охватив прилегающие к Нью-Мексико территории. К началу XX в. он покрывал более 200 тыс. км. Здесь в мелких деревнях жили - **297**- потомки первопоселенцев, вполне сохранившие их язык, основные черты быта и религии. В то время это был, наверное, единственный в стране этнический ареал такой плотности и самобытности. Эта самобытность, закрепленная к тому же в старинной архитектуре, привлекает сюда много творческой интеллигенции, которая создала здесь немало «артистических колоний», особенно многочисленных вокруг Санта- Фе - «духовной столицы» края - и Таоса, который здесь часто величают «самым красивым городом мира».

Позже испаноязычное население Юго-Запада пополнилось многочисленными выходцами из Мексики, и ныне оно составляет 37% населения Пью-Мексика (первое место в стране) и 16% в Аризоне. Выходцы из Мексики расселены в основном на юге района. Они, как правило, занимают нижние ступени социальной лестницы, политически пассивны, тогда как «староиспанцы», считающие их как бы иностранцами, гораздо активнее, несмотря на свою общую бедность и подверженность традициям патронажа крупными собственниками.

Англоговорящее население называют здесь «англос». Оно появилось сравнительно поздно, и недаром Аризона и Нью-Мексико были последними из смежных штатов приняты в Союз (в 1912 г.). Сначала пришли техасцы, заселившие восток и юго-восток Пью- Мексика, который зовут здесь «Литтл-Тексас» (в основном бассейн р. Покос). Он относится скорее к Югу, чем к Западу, но в прилегающих с запада местностях грубоватая, прямолинейная техасская культура уже не господствует и смягчена менее ориентированной на бизнес культурой испанцев. На западе района много калифорнийцев с типичными гедонистическими установками в культуре. На севере Аризоны, за Большим каньоном, живут правоверные мормоны, отселившиеся сюда из Юты после получения ею статуса штата и запрета там многоженства. Этот край района следует отнести к Мормонскому Западу, но много мормонов и в остальных частях Внутреннего Юго-Запада.

После второй мировой войны, когда началось массовое внедрение в быт кондиционеров, в жаркую Аризону стали переселяться мигранты со всех концов страны, но в основном с Северо-Востока и Среднего Запада. Аризона стала одним из штатов с рекордными темпами роста населения. Эти мигранты селились

298

в основном в самом крупном городе района - Финиксе. В короткий срок застройка здесь потеснила, а затем стала и вытеснять орошаемое земледелие, и сейчас урбанизированный ареал у Финикса больше, чем у Детройта, потому что расселение здесь очень свободное, имитирующее сельский облик, с личными садами, пожирающими огромные массы воды для полива. Ныне здесь живут 1,5 млн. человек, еще около 0,5 млн. - в Тусоне. Ожидается, что к 2000 г. население Большого Финикса превысит 2,6 млн. человек, а Тусона-1 млн.[80].

По своему культурному духу эти города-нечто среднее между южной Калифорнией и Средним Западом. Здесь много преуспевающих пенсионеров, много и работников наукоемкой и военной промышленности с их высокими окладами. Своей специализацией на радиоэлектронике и военном производстве, общим консервативным политическим климатом Финике и Тусон очень похожи на Лос-Анджелес. В г. Меса под Финиксом - огромный вертолетный завод, построенный «Хьюс хеликоптерс», а ныне принадлежащий «Макдоннелл-Дуглас»; в Тусоне «Хьюс» арендует у государства военный завод № 44, на котором производят «маверик» и другие ракеты класса «воздух-земля».

Несмотря на концентрацию в отдельных ареалах, все эти культурные группы отнюдь не замкнуты в них и вместе образуют единую культурную ткань района. Так, более 1/4 индейцев живут вне резерваций, мормонские общины встречаются во всех частях Юго-Запада; в центре староиспанского ареала расположен Албукерке с университетом, вполне среднезападным по своему духу. Специфика Внутреннего Юго-Запада в том и состоит, что эти группы живут в тесном общении, но не утрачивают своей самобытности. Р. Гастил удачно сравнил район с сельским вариантом Нью-Йорка, в котором «плавильный тигель» не работает. Эта особенность района постоянно вызывает в США живой интерес, в ней многие видят редкий для США образец успешного совмещения модернизации и традиций, сосуществования разных культур.

Однако будущее района - и экономическое, и культурное - отнюдь не безоблачно. Урбанизация сказала еще более жадной на воду, чем сельское хозяйство, и давление на водные ресурсы района уже перешло допустимый предел. Откачка из недр вдвое -299 - превышает их естественное пополнение, и в Аризоне зеркало подземных вод упало в среднем на 60 м, а кое-где и ниже. Добыча воды с таких глубин становится нерентабельной, и площадь орошаемых земель стала сокращаться [51]. Угрожающе нарастает соленость воды в р. Колорадо из-за сброса в нее использованных вод орошения. У плотины Гувера она уже превысила 700 мг/л, а ведь повышение ее на каждый 1 мг/л означает для Аризоны потери урожайности в 425 тыс. долл. в год. Полагают, что к 2000 г. эти потери достигнут 160 млн. долл. [37]. В то же время массовая иммиграция восточных «англос» делает их все многочисленнее, подрывая сложившийся культурный баланс, спасает пока то, что этот приток локализован Финиксом и Тусоном.

Следует подчеркнуть, что Аризона и Нью-Мексико сильно отличаются друг от друга. Аризона--это динамичный штат с бурно растущим населением, большой долей состоятельных граждан, оживленной деловой жизнью; приезжие составляют 2/3 его населения. Нью-Мексико значительно беднее, хозяйство его застойно, темп жизни довольно сонный, но именно за это его ценят образованные иммигранты с Востока, придающие культурной атмосфере штата известную изысканность и либерализм (Нью-Мексико, кстати, не знал разгула маккартизма в 50-х годах). Однако излишне большую роль в жизни Нью-Мексико играют зловещие учреждения вроде ракетного полигона «Уайт-Сендс», где была испытана первая в мире атомная бомба, или главного центра военных ядерных исследований в Лос-Аламосе с тремя десятками лабораторий суммарной стоимостью более 3 млрд. долл., в которых разработано 2/3 всех видов ядерного оружия в США [102].

Северо-Запад

Территорию штатов Вашингтон и Орегон широко принято именовать Тихоокеанский Северо-Запад; иногда к ним присоединяют и штат Айдахо - весь или северную часть. Для этого есть немало оснований, Данная часть страны обладает ярким географическим положением в крайнем северо-западном углу США, она четко отделена на севере канадской границей, на западе - Тихим океаном, на востоке - непроходимыми здесь Скалистыми горами, а на юге и юго-востоке - **300** - - хорошо выраженными социокультурными районами Калифорнии и Мормонского Запада, границы с которыми можно лишь уточнять, но не игнорировать. Единство району придает и то, что ~он почти полностью занят американской частью бассейна р. Колумбия и западными склонами Каскадных гор.

Во многом схожей оказалась и история освоения многих частей этого мезорегиона. Он был открыт европейцами по сути дела лишь в XIX в., когда в 1805-1806 гг. его обследовала экспедиция М. Льюиса и Ч. Кларка, посланная Т. Джефферсоном, «чтобы изучить реку Миссури и то ее главное русло, через которое можно связаться с водами Тихого океана, будь то Колумбия, Орегон, Колорадо или другие реки, и установить самый короткий и удобный торговый путь через континент» [361. За этот район долго спорили великие державы. В 1818 г. Испания, а в 1824 г. Россия отказались от своих притязаний, но Великобритания долго на них настаивала. Дело решило быстрое заселение края американцами, начавшееся с середины 30-х годов. Они следовали сначала морем, вокруг мыса Горн, и уже в 1841 г. заложили Портленд, а в 1842 г. из Индепенденса (шт. Канзас) через континент пробился первый караван, и по его маршруту - знаменитой Орегонской тропе - сюда хлынули сотни переселенцев. В 1846 г. Великобритании пришлось согласиться с границей по 49° с.ш., и уже в 1859 г. Орегон получил статус штата - вместе с Калифорнией и раньше Канзаса и Небраски.

В основном из Орегона заселялись потом остальные части мезорегиона - Пьюджет-Саунд, долина рек Колумбия и Снейк. С Востока прибывали колонисты примерно того же этнического состава, что и с Запада. Правда, можно было заметить, что морем сюда приезжали в основном рабочие, торговцы и дельцы с Северо-Востока, а сушей - фермеры-фронтирмены, но в целом здесь сложилось весьма однородное англосаксонское население. В его среде быстро ассимилировались выходцы из Германии и Скандинавских стран. Здесь почти нет черных, испаноязычного населения, мало было и индейцев, которых перед приходом колонистов поразила эпидемия [147].

Однако за этим единообразием скрываются разительные контрасты между частями Северо-Запада, как природные, так и культурные. Резким природным рубежом служат каскадные горы: к западу от них -301 - лежат влажные долины, заросшие дремучими лесами, а к востоку - засушливые, в основном безлесные, нагорья. Даже внешне эти части сильно отличаются друг от друга. На востоке господствуют открытые ~ландшафты, типичные для Горного Запада, запад же выглядит тесным, пейзажи здесь локальнее, горизонт постоянно закрыт лесом и горами, хотя этот край по праву считается исключительно живописным.

Важен этот рубеж и в культурном отношении: к востоку культура заметно консервативнее, в ней много установок Горного Запада, а за

каскадными горами культура сильно напоминает Новую Англию и отличается исключительным вниманием к проблеме охраны окружающей среды. Каждая из этих частей в свою очередь тоже распадается на подрайоны.

Подобная раздробленность хорошо ощущается местными жителями, которые, по словам У. Томаса, часто говорят, что здесь следовало бы выкроить еще 3-4 штата [147]. Между частями и даже городами Северо-Запада традиционно сложились культурные противостояния: Сиэтл «враждует» с Такомой, Портленд - с Сиэтлом, Спекай - с мелкими городами своего окружения, Вашингтон в целом издавна соперничает с Орегоном [68].

Все это говорит о том, что Северо-Запад является районом в очень слабом, так сказать, смысле. Идущие в нем районообразовательные процессы свежи и переменчивы, и ритм пространственной дифференциации в культуре как бы сбивается здесь на мелкий шаг. Поэтому внутренняя структура Северо-Запада довольно сложна. К западу от Каскадных гор сосредоточено около 70% населения мезорегиона, т. е. более 5 млн. человек, это наиболее зрелая его часть по хозяйственному облику и культуре, и здесь, очевидно, уже сложился макрорайон, обладающий яркой специализацией в хозяйственном комплексе страны и культурным своеобразием. Именно к нему следует адресовать термин «Тихоокеанский Северо-Запад», подчеркивая выход этого макрорайона к Тихому океану, тогда как для остальной части мезорегиона напрашивается название «Внутренний Северо-Западной резко отстает от Тихоокеанского Северо-Запада по плотности населения, зрелости и чертам единства и состоит из довольно разнородных частей, где района- образующие процессы находятся на разных стадиях. Такое образование можно назвать мезорайоном. -302 -

Тихоокеанский Северо-Запад

Этот район обладает на редкость четким строением своей поверхности, в котором основные элементы вытянуты строго меридионально по всей немалой (около 1 тыс. км) длине района. Его восточную границу составляет гребень каскадных гор высотой более 3 тыс. м (г. Рейнир даже 4392 м). Параллельно им вдоль слабо расчлененного Тихоокеанского побережья лежат береговые хребты, а между ними и каскадными горами-желоб, который на юге занят долиной р. Уилламет, а на севере уходит под уровень океана, образуя извилистый и забитый островами залив Пьюджет-Саунд. Единственный крупный поперечный элемент-долина р. Колумбия, которая прорывает горы на пути в океан. В соответствии с этой структурой сложилась и система расселения, приуроченная в основном к межгорному прогибу. Около 80% населения живет в полосе Портленд - Эверетт длиной 240 км и шириной 70-80 км. На побережье поселения редки и невелики.

Береговые хребты гораздо ниже каскадных гор, а те принимают главную часть западного переноса воздушных масс. Насыщенные влагой Тихого океана, эти массы освобождаются от нее, наталкиваясь на барьер каскадных гор. Поэтому район отличается исключительной для Запада влажностью. Национальный парк Олимпик считается самым влажным местом в континентальных США. Обильные осадки выпадают здесь почти весь год, притом в виде дождя, так как в этом мягком приморском климате снег удерживается лишь на горных склонах. Дождливая погода стала чуть ли не символом Тихоокеанского Северо-Запада, постоянным поводом для шуток. Калифорнийцы, гордящиеся солнечной погодой своего штата, утверждают, что

жители Орегона узнают о том, что наступило лето, только по тому, что дождь становится теплым. Да и сами орегонцы признают, что воздух здесь влажнее тумана, но суше мелкого дождика (drizzling).

Дожди в буквальном смысле подмачивают высокую репутацию края среди туристов, которой он заслуженно пользуется за величие лесных гигантов - секвойи и дугласовой пихты, за изящество очертаний его горных вершин, буколический облик ухоженной Уилламетской долины, за прекрасные условия для яхтсменов в Пьюджет-Саунде и горнолыжников на склонах гор. Жители Вашингтона и особенно Орегона очень дорожат сохранностью своей природы, эти чувства считаются «родимым пятном» Тихоокеанского Северо-Запада, им приписывают накал некоего «культу природы». Оба штата не раз оказывались инициаторами природоохранных мероприятий, которые потом охватывали всю страну - от комплексных законов охраны среды до запрета устанавливать рекламные щиты вдоль автодорог или выбрасывать где попало пустые консервные и пивные банки. Очистка р. Уилламет в Орегоне и оз. Вашингтон в Вашингтоне считаются в США образцом природоохранных мер.

Красивы и города Тихоокеанского Северо-Запада - добротны построенные, опрятные и зеленые, под сенью величественных гор, сугубо англосаксонские по духу. Здесь почти нет черных или испаноязычных граждан, а потому нет гетто, расовых волнений. На фоне деградирующих городов Северо-Востока и Среднего Запада они выглядят мирными оазисами, и это привлекает сюда множество переселенцев. За 1970-1982 гг. численность населения в этих штатах увеличилась на 1/4, т. е. на 1,4 млн. человек, притом больше 2/3 этого увеличения пришлось на сальдо миграции. Местные обследования показывают, что половина иммигрантов - образованные люди не старше 30 лет, треть составляют выходцы из Калифорнии. И хотя половина из них отвечает при опросах, что приехали сюда ради жизни на природе, ради малолюдья и чистой среды, почти все они оседают в полосе Портленд - Эверетт, где плотность населения выше 200 человек на 1 кв. км [147].

Благодаря обилию осадков край густо порос лесом с уникальным породным составом, изобилующим самыми крупными на планете представителями хвойных. Район занимает всего 140 тыс. кв. км, т. е. 1,5% территории США, но на него приходится более трети запасов пиловочной древесины в стране - более 1,7 млрд. куб. м, причем плотностью запасов тут в 15 раз выше средней - примерно 80 куб. м на 1 га.

На эксплуатации этих ресурсов в районе сложился мощный лесопромышленный комплекс. На лесозаготовках еще недавно было занято около 200 тыс. человек, вооруженных самой передовой техникой. Сотни лесопилок, фанерных и целлюлозных фабрик разбросаны по всему району, составляя главный источник существования для жителей множества городков и поселков [44]. Лесным бизнесом управляют крупнейшие монополии - «Пасифик-Джорджия», «Зеллербах», «Вейерхойзер», «Бойз каскейд», причем штаб-квартиры последних двух расположены на Северо-Западе (соответственно в Такоме и Бойсе).

В разгар послевоенного «бэби-бума», когда и спрос на пиломатериалы для домостроения, и цены на них были очень высоки, лесной бизнес процветал. Однако монополии уничтожали леса, и в культурной среде Тихоокеанского Северо-Запада это не могло не привести к нарастанию протестов

общественности. Под ее давлением конгресс США в 1971 г. принял закон о жестком контроле за рубкой леса в государственных массивах - а ведь в районе более половины лесов принадлежало государству и арендовалось компаниями. С тех пор Тихоокеанский Северо-Запад утратил многое в привлекательности для лесопромышленников, особенно в сравнении с Юго-Востоком, где лесные ресурсы хуже, но находятся в частных руках, а рабочая сила гораздо дешевле [54].

В 80-х годах положение усугубилось вторжением Канады на рынки лесоматериалов, ее доля выросла с 20% в 1975 г. до 34% в 1983 г. и 50% в 1985 г. Цены на фанеру за это время упали на треть, на лесоматериалы - вдвое, и в лесном бизнесе района разразился жестокий кризис. Без работы остались около 50 тыс. лесорубов, множество «семейных дел» прогорело, замерла жизнь в десятках лесопромышленных городков [44].

В остальном Тихоокеанский Северо-Запад распадается на две части: Уилламет на юге и Пьюджет-Саунд на севере. Они резко различны по хозяйственной специализации, по темпам и особенностям социокультурного развития. Они примерно равны по населению (по 2,5 млн. человек), но южная часть вдвое больше по площади.

Уилламет состоит из долины реки того же названия, впадающей в р. Колумбия, склонов окрестных гор и узкой полосы Тихоокеанского побережья. Долина р. Уилламет - один из лучших в стране аграрных ареалов, освоенный еще полтора века назад. Благодаря хорошим почвам, теплomu климату и обильным осадкам она дает сегодня богатые урожаи зерновых, но особенно славится овощами (картофелем, луком), фруктами (прежде всего грушами) и молочным хо-

был в основном пролетарским, и общественная история Пьюджет-Саунда оказалась весьма бурной. Приток переселенцев со Среднего Запада принес консервативные традиции. В 20-х годах ку-клукс-клан устраивал шествия, проталкивал своих ставленников в городские управы. Но еще раньше сложилась боевая пролетарская организация «Индустриальные рабочие мира» (так называемые «уобблис»). Их массовые забастовки в Эверетте (1916 г.), на судовой верфи Сиэтла (1919 г.), настоящая битва с Американским легионом в Сентрейлии (1919 г.) относятся к числу самых решительных выступлений рабочего класса Америки. До сих пор профсоюзы охватывают здесь более 1/3 наемных трудящихся (против 1/4 в среднем по США).

Иным, чем в Уилламете, оказалось и развитие хозяйства Пьюджет-Саунда. Сейчас его специализацию определяет гигантский авиаракетный комплекс монополии «Боинг». Эта фирма расцвела на строительстве бомбардировщиков во время второй мировой войны, а позже превратилась в крупнейшего в мире производителя авиалайнеров, которые она собирает на громадных заводах в Сиэтле и Эверетте. В конце 60-х годов на фирму работало почти 100 тыс. человек, т. е. 1/7 всех занятых в шт. Вашингтон. Пьюджет-аунд стал своего рода полигоном для географов, изучающих проблемы «отрасли-лидера» или «полюсов роста». Эти исследования, кстати, опирались на уникальные по достоверности межотраслевые балансы экономики штата, которые были созданы в университете шт. Вашингтон по данным на 1963 и 1967 гг. путем прямых обследований. Они, в частности, показали, что заводы «Боинга» довольно слабо связаны с местным хозяйством по линии закупок, 90% которых делалось за пределами штата. Так, в 1967 г. из 1.2 млрд долл. таких закупок 250 млн. приходилось на коннектикутский Хартфорд (авиадвигатели), 100 млн. - на Лос-Анджелес, 50 млн. долл. - на Сан-Диего. Тем не менее по линии зарплаты и местных налогов «Боинг» оказывал прямо-таки решающее влияние на хозяйство штата - притом как позитивное во время подъема, так и негативное при спадах [651].

В конце 60-х годов спад заказов на продукцию «Боинга» заставил компанию пойти на массовые увольнения, и в 1970 г. у нее осталось менее 40 тыс. занятых. В экономике Вашингтона разразился - 308-острейший кризис. Около 55 тыс. человек просто уехали из штата в поисках работы, и в Сиэтле ходила горькая шутка: «Кто уедет последним, не забудь погасить свет» [147]. Вашингтон стал классическим примером уязвимости региональной экономики, зависимой от одной отрасли.

Впоследствии положение несколько выправилось. «Боингу» достались крупные подряды Пентагона на крылатые ракеты, множились заказы на авиалайнеры. Хозяйство района стало более диверсифицированным, так как в годы кризиса «Боинга» здесь развернулось мелкое предпринимательство (ныне Сиэтл нередко называют «раем для мелкого бизнеса»). Восстанавливается, по видимому, и престиж Пьюджет-Саунда как одного из самых здоровых районов страны, с хорошими возможностями для рекреации. Немалую роль в этом престиже играет и слава Сиэтла как одного из самых красивых городов США. Расположенный на холмистой перешейке между заливом и оз. Вашингтон, Сиэтл часто удостаивается сравнения с Сан-Франциско. Деловой центр застроен небоскребами (башня «Колумбия Сентр» в 290 м - самое высокое здание на Западе), к северу от него живут в основном состоятельные горожане, а «синие воротнички» - на юге, поблизости от многочисленных

заводов, среди которых выделяются ракетные заводы «Боинга» в Реи-тоне и Кенте. На восточном берегу оз. Вашингтон-богатый пригород Бельвью. Субурбанизация уже охватила Эверетт на севере и движется на юг к Такоме - крупному порту и центру лесопереработки и цветной металлургии, который долго соперничал с Сиэтлом за первенство в районе, но теперь сильно отстал по людности.

«Выздоровление» экономики Пьюджет-Саунда, очевидно, отнюдь не окончательное. На авиаракетную промышленность все еще приходится более 10% промышленной занятости. Зависимость от военного бизнеса сильно отравляет и культурную атмосферу района.

Внутренний Северо-Запад

Этот засушливый, почти безлесный, слабозаселенный район имеет немало сходства с Горным Западом. И общий внешний облик, и зависимость от поливного земледелия, и консервативные установки культуры с **-309**-типично «горнозападным» отношением к природным ресурсам - все это ничуть не напоминает соседнюю «Экотопию». Есть, однако, немало причин для того, чтобы не включать этот район в Горный Запад. Ему незнакомы такие ключевые для других районов Горного Запада проблемы, как переход к Великим равнинам в Роки-Маунтинс, культурная пестрота Внутреннего Юго-Запада и религиозная одержимость Мормонского Запада. Этот район явно «смотрит» на Тихий океан, туда направлены его экспортные связи - туда течет р. Колумбия - главный источник воды и энергии для хозяйства района. 1 - тому же почти весь он административно подчинен Вашингтону и Орегону - штатам, которые никак не отнесешь к Горному Западу.

У Внутреннего Северо-Запада нет единого хозяйственного лица, он явно распадается на несколько частей, весьма неравнозначных по людскому и экономическому потенциалам. Это, пожалуй, типичный мезорайон - конгломерат районов более низких рангов, объединение которых носит «выморочный» характер, словно это остаток после делимитации соседних, более ярких районов.

Главная из этих частей - так называемая *Иннер-Импайр*, лежащая в бассейне р. Колумбия. Это засушливое ровное плато удалось превратить в крупный зерновой ареал, где с 1,5 млн. га ежегодно собирают 7-8 млн. т пшеницы, причем урожайность здесь в 1,5-2 раза выше средней по стране. Основа успеха - орошение, которое охватывает примерно треть из 6 млн. га обрабатываемых здесь земель (почти поровну в Орегоне и Вашингтоне). Оно стало возможным благодаря исключительному обилию воды в р. Колумбия, не имеющей себе равных в стране по водности, и строительству на ней множества гидротехнических сооружений многоцелевого назначения. В бассейн не Колумбии сооружено более 50 крупных плотин, действуют примерно 80 ГЭС мощностью не менее 15 тыс. кВт каждая во главе с самой крупной в стране ГЭС «Гранд-Кули» (6,3 млн. кВт, плотина высотой 163 м и длиной 1,3 км). Из 10 крупнейших в стране ГЭС 6 расположены именно здесь. Все они объединены в крупнейшую в стране федеральную Бонневилскую энергосистему, которая 90% энергии продает в пределах штатов Вашингтон и Орегон. коммерческая цена на электроэнергию здесь самая низкая в стране - вдвое **-310-** ниже средней и в 4 раза ниже, чем в шт. Нью-Йорк. Ради этого здесь концентрируются такие энергоемкие производства, как выплавка алюминия, потребляющая почти

треть энергии системы, или производство ядерного оружия в Ханфорде, где (расположен один из главных государственных атомных центров, располагающий ныне собственными крупными АЭС.

Другая хозяйственная специализация национально- то масштаба (на пшенице, электроэнергии, алюминии) позволяет считать Иннер-Импайр достаточно важным районом, несмотря на то что у него нет единого центра. Самый крупный город Иннер-Импайра - Спокан расположен на восточной окраине, а среднюю часть занимают мелкие города: Якима (его окрестности славятся своими яблоками), Кенневик, Ричленд, Паско и др. Дальнейшее развитие Иннер-Импайра осложнено тяжелыми противоречиями между различными пользователями ресурсов р. Колумбия. Так, здесь можно оросить еще не менее 1 млн га, но это неминуемо связано со снижением производства электроэнергии, равносильным потере мощностей в 2 млн. кВт. Каждый новый гектар поливных земель обойдется в 3 тыс. долл. капитальных вложений, которые придется оплачивать за счет повышения цен на электричество [154]. Строительство плотин поставило на край гибели местный лов лососевых рыб, которым на пути к нерестилищам приходится преодолевать до десятка плотин. На сооружение рыбопроходов затрачено более 0,5 млрд. долл., но поголовье лососевых продолжает сокращаться [103]. Дело дошло до того, что с 1978 г. ведутся работы по обоснованию включения лососевых в число видов, подлежащих охране по федеральному закону о защите~ исчезающих видов [48].

На крайнем северо-востоке района лежит старинный горнопромышленный ареал *северного Айдахо*, который еще в прошлом служил важным источником серебра, свинца и цинка. И по хозяйственной специализации, и по культуре он вполне родственен Горному Западу, но расположен слишком близко к Спокану, чьи пригороды уже вошли в этот ареал. Ныне он явно угасает. Уже в конце 70-х годов местная добыча обеспечивала лишь 25-30% загрузки комбината «Банкер-Хилл» годовой мощностью примерно по 100 тыс. т свинца и цинка, 300 т серебра и 315 т кадмия; **-311-** остальное сырье приходилось импортировать. В 1984 г. комбинат вообще был закрыт после 94 лет работы. Увольнение его 2тыс. рабочих поставило весь ареал в труднейшее положение, и губернатор штата обратился к президенту Рейгану с просьбой: объявить северное Айдахо районом бедствия.

Несколько особняком стоит ареал орошаемого земледелия в *среднем Айдахо*, вдоль среднего и нижнего течения р. Снейк. Здесь после плотины «Америкэн фоллс» построены 21 ГЭС с суммарным перепадом в 630 м, которые позволяют орошать 1,5 млн га и выращивать картофель, сахарный тростник и другие культуры. Для долины Снейка характерны те же проблемы конфликта ресурсопользователей, что и для Иннер-Импайра. Возможности самотечного земледелия уже исчерпаны, на новые поля воду приходится подавать насосами, что легчает ирригацию очень энергоемкой, причем отведение на полив 1 куб. м воды сокращает производство электроэнергии примерно на 1,5 кВт.ч (74).

В долине Снейка расположен г. Бойсе, занимающий довольно необычное место среди городов такого ранга. Здесь издавна базировались штаб-квартиры многих фирм (в том числе таких крупных, как «Бойз каскейд» и «Кнудсен-Моррисон»), и это создавало Бойсе репутацию города «белых воротничков». Красивый городок, в котором башни контор и зелень улиц контрастируют с

жаркой пустыней, стал фокусом притяжения мигрантов, причем, как подчеркивает «Альманах американской политики», это не «обожатели природы» из Колорадо, а семейные люди с положением, ищущие спокойной, но благоустроенной жизни в обстановке небольшого города, - те, «кому обстановка в округе Ориндж, штат Калифорния, кажется уже недостаточно консервативной». Приезжие составляют более половины населения Бойсе, и он стал оплотом крайне консервативной политической культуры.

* Engineering and Mining Journal. 1981. Vol. 182. No 10. P.35, 39, 43.

На юго-востоке и юге Внутренний Северо-Запад постепенно переходит в пустынные межгорные бассейны Кордильер. Этот слабозаселенный край занят довольно бессистемным чередованием лесистых хребтов и котловин, где основу хозяйства составляет **-312** - пастбищное животноводство - на альпийских лугах летом и в котловинах зимой. Это типичная переход- «ая зона, относимая к Внутреннему Северо-Западу только потому, что по социальным связям местное население тяготеет к городам Орегона и Айдахо.

Калифорния

Калифорния-это внезапный восклицательный знак после длинного многоточия, которым, казалось бы, завершается региональный контекст США при движении с востока на запад. Урбанизированный Северо-Восток, просторные зааппалачские равнины со множеством городов, степи Среднего Запада, пастбища Великих равнин, пустыни и полупустыни кордильерских высокогорий - во всей этой среде ландшафтов отчетливо проступает градиент спада заселенности, освоенности, да и самой пригодности природы для человеческого обитания. Однако, не доходя до Тихого океана, уже словно взбежав на гребень Сьерра-Невалы, этот градиент резко обрывается, и за Сьерра-Не-вадой открывается поистине благодатный край.

В Калифорнии природа словно приготовила фронтирменам некий приз - подарок за многотрудное освоение громадного континента. Этот образ, однако, не совсем точен, потому что среди районов Северной Америки калифорния была открыта не в последнюю очередь, а едва ли не в первую. Кортес посетил ее уже в 1535 г., мореплаватель Х. Кабрильо обследовал почти все калифорнийское побережье в 1542 г. Впоследствии сюда подходили много раз корабли самых разных стран, в том числе и русские. Правда, освоение калифорнии сильно задержалось, особенно той ее части, которая ныне принадлежит США. Лишь с 1769 г. монахи-францисканцы стали строить здесь свои миссии. Созданные для христианизации индейцев, они стали важными хозяйственными центрами: при них держали большие стада, кое-где организовали поливное земледелие, хорошо приспособленное к особенностям климата. Хозяйство держалось на нещадной эксплуатации простодушных и миролюбивых местных индейцев.

В 1812 г. к северу от Сан-Франциско была создана русская пушная фактория Форт-Росс для охоты на морских бобров, которая со временем превратилась в **-313** - процветающую земледельческую колонию, причем русские, по свидетельству О. Коцебу, жили здесь в замечательном согласии с индейцами. Однако в целом Калифорния оставалась пустынной, хотя, как писал О. Коцебу, здесь «могли бы в довольстве жить многие тысячи семей. Как пышна и великолепна тут растительность? Но из-за полного отсутствия

жителей этот край производит гнетущее впечатление, которое еще более усиливается при воспоминании о печальной судьбе местных индейцев» [17].

В этом парадоксе раннего открытия и позднего освоения сказались противоречивость географического положения Калифорнии. Широко открытая на океан~ обладающая одной из лучших в мире гаваней в зал. Сан-Франциско, Калифорния была отрезана от остального континента могучей стеной Сьерра-Невады, которая зимой становилась непроходимой, и, главное, обширными пространствами кордильерских пустынь: путь же вокруг мыса Горн отнимал пять месяцев (рекорд, поставленный в 1851 г. на клипере, равнялся 89 дням). Поэтому в 40-х годах прошлого века в Калифорнии было всего около 1 тыс. американцев, и, когда она отошла к США после войны с Мексикой, это был девственный, едва заселенный край с несколькими мелкими городками, основанными на месте испанских миссий.

Судьба Калифорнии круто переменилась после того, как в январе 1848 г. один из работников швейцарского мельника Саттера в долине р. Сакраменто нашел золото. В считанные дни почти все мужское население калифорнии бросило свои дома, поля, корабли и казармы и ринулось в долину Сакраменто. Весть об этом облетела буквально весь мир, и в Калифорнию хлынули тысячи искателей удачи; за один 1849 г. в порту Сан-Франциско высадились более 90 тыс. человек. Население этого города, еще в 1848г. составлявшее 1 тыс. человек, в 1849 г. выросло до 5 тыс., а в 1850 г. - до 35 тыс. жителей. Уже в 1849 г. около 40 тыс. человек рылись в гравии Сакраменто и ее притоков; на р. Америкой ежедневно намывали золота на 50-60 тыс. долл. Внедрение гидромонитор ров позволило многократно повысить производительность, и в 1851 г. Калифорния дала золота на 65 млн долл. Половину рабочих составляли местные индейцы, позже наладили завоз китайцев [52]. В 1850 г., когда калифорния стала 31-м штатом США, численность ~~314~~ ее населения составляла 92 тыс. человек, а в 1860 г. - уже 300 тыс.

Дальнейшее развитие калифорнии было не менее бурным и противоречивым. Повезло немногим, но неудачники обычно оседали в этой благословенной стране, умножая ее население, и уже в 80-х годах прошлого века людность штата перевалила за 1 млн жителей. В 60-х годах «Юнион пэсифик» начала строительство железной дороги на запад от Омахи, а «Сентрал пэсифик»-от Сан-Франциско на восток, и в мае 1869 г. они встретились в Промонтори-Пойнт (Юта). В эти же годы «Саузерн пэсифик» построила железную дорогу Сан-Франциско - Сан-Диего. Однако с изоляцией Калифорнии не было покончено, потому что строительство дорог сопровождалось неслыханным хищничеством владельцев, имена которых вошли в историю американского бизнеса как символы капиталиста-хищника. Грабительские тарифы буквально отрезали Калифорнию от остальной страны, тормозили ее развитие. Засилье железнодорожных магнатов удалось обуздать лишь в 1910-х годах.

Тем не менее развитие калифорнии долго протекало в явном отрыве от других районов страны. Рост населения позволял создавать здесь все более само-обеспеченную, самодовлеющую экономику. Подобная изолированность становилась, таким образом, особым стимулом развития. Сокрушительный кризис 30-х годов затронул Калифорнию не так сильно, и она стала магнитом для многих тысяч беженцев из «Пыльной чаши» Среднего Запада и бедствующих городов Северо-Востока. За Калифорнией закрепился стереотип

«страны обетованной», куда не доходят бедствия, одолевающие США, некоего земного рая, ради поселения в котором стоило копить деньги всю жизнь, проливая пот на полях и фабриках. Немало способствовала такой рекламе и могучая кинопромышленность Калифорнии, столицей которой стал пригород Лос-Анджелеса - Голливуд - всемирно известная «фабрика грез».

Все это привело к тому, что в Калифорнии сложился культурный район, по своей яркости и специфичности ничуть не уступающий Новой Англии, с которой мы начали свой обзор районов США, но по своей направленности противостоящий Новой Англии в самой резкой форме. «Для американцев Калифорния так же непохожа на США, как США - на Старый -315 - Свет, - пишут Р. Киплинг и У. Томас и добавляют: - Калифорния-это не столько штат, сколько состояние ума» * [90]. Главные отличительные черты калифорнийской культуры - это гедонизм, бытовая свобода, радикализм в социальной сфере, нескованность традициями, открытость к нововведениям любого сорта - от религиозных до технических. Ей свойственно трудовое прилежание, но не как пуританская самоцель, а как средство удовлетворения иных потребностей, которые принимают изощренные формы, не оглядываясь на общественные установки. Недаром Калифорния была родиной движения битников, а потом надолго стала Меккой хиппи и других «девиантных групп». Приватность личной жизни считается неприкосновенной, в чести индивидуализм самых крайних форм, кроме тех, которые ущемляют индивидуализм других. В общественной жизни прокламируется де-идеологизация (здесь даже нет официальной регистрации партийной принадлежности), но ее сугубо буржуазная закуска остается вполне очевидной. В политике большую роль играют референдумы, «инициативы снизу», и в этом калифорнийцы склонны видеть свидетельство предельной демократичности своего политического уклада, хотя именно в Калифорнии эти институты, получившие распространение и в других штатах, подвержены наиболее сильным извращениям. Так, Н. Пейрс с вполне оправданным сарказмом писал, что здесь процветают частные фирмы, за известную мзду (обычно по 20 центов за голос) готовые собрать любому человеку при деньгах те 50 тыс. подписей, которые нужны для выдвижения вопроса на референдум.

Культурное своеобразие Калифорнии во многом предопределено чрезвычайной пестротой этнического состава ее населения. Помимо меньшинств, типичных и для других частей страны, здесь широко представлены те, кого за пределами Калифорнии не так уж много, - китайцы, японцы, филиппинцы, корейцы, вьетнамцы. Многие из них поселились здесь уже давно, более века назад. В последние годы появились новые крупные этнические группы: так, в Лос-Анджелесе сложилась крупная (около 300 тыс. человек) армянская община.

* По-английски это непереводимая игра слов: California is not just a state, but a state of mind". -316 -

Представление об исключительности калифорнийской культуры уживается в Америке и с представлением о том, будто Калифорния - предельное воплощение главных черт страны и в этой предельности и состоит подоплека калифорнийской культурной специфики. Те же Р. Киплинг и У. Томас пишут: «Вполне возможно, что калифорнийцы - это квинтэссенция американизма. В этой богатой стране они богаче большинства других; они наиболее субурбанизированные в этом субурбанизированном обществе, в культуре,

нацеленной на немедленное удовлетворение, он» добиваются этого быстрее всех, в стране, где безоговорочно правит оптимизм, они самые оптимистичные, - и во времена сомнений и неопределенности они оказываются самыми непредсказуемыми. Проще говоря, калифорнийцы совсем такие же, как и прочие американцы, только в большей степени» [190]. Многие видят причину специфичности калифорнии в том, что она как бы опережает в своем развитии остальную страну и похожа на нее не сегодняшнюю, а на завтрашнюю или послезавтрашнюю. Это, пожалуй, не так. Не раз бывало, что калифорнийские нововведения и моды распространялись со временем по всем США (будь то битничество или пристрастие к референдумам), но если в самой калифорнии они сливались в жизнеспособную культурную амальгаму, то в других частях страны все сводилось обычно к дополнительным штрихам на старом культурном фоне.

Ныне Калифорния-крупнейший по населению штат страны: она обогнала Нью-Йорк по этому показателю в 1964 г., а сейчас опережает его примерно на треть. Неоспоримо ее первенство среди штатов по экономическому потенциалу. Американские журналисты часто пишут, что если бы Калифорния отделилась в самостоятельное государство, то по размерам валового продукта она уступала бы в несоциалистическом мире лишь остальным США, Японии, ФРГ, Франции и Великобритании, а в расчете на душу населения не уступала бы никому. Штат громаден и по своей площади, она, правда, меньше, чем у Аляски или Техаса, но больше, чем у Италии, ФРГ или Японии. Много «рекордов» и у природы Калифорнии. Здесь и высшая точка смежных штатов - гора Уитни (4418 м), и самая низкая точка страны - Долина Смерти (минус 86 м), причем расположены эти точки всего в 150 км друг от друга. Здесь есть обширные -317- болота в дельте Сакраменто и Сан-Хоакина, и выжженная пустыня Мохаве, и снежная Сьерра-Невада, и прерии Сентрал-Валли, и величественные леса Ред- Вудс...

Неудивительно, что как район Калифорния оказывается весьма неоднородной, и эта неоднородность четко закреплена в самосознании местной территориальной общности людей: каждому коренному калифорнийцу известно, что по хребту Техачапи, похожему на поджатый хвост Сьерра-Невады, проходит граница между Северной и Южной Калифорнией [100]. Еще в 1859 г. легислатура Калифорнии проголосовала за разделение ее на эти две части, но конгресс США отклонил это предложение. Идея разделения много раз всплывала потом в общественной жизни штата, и не даром: слишком разными оказались исторические судьбы этих частей, их природные и культурные особенности.

Действительно, Северная Калифорния во многом продукт «золотой лихорадки», которая слабо затронула юг штата, долго оставшийся отсталой и малолюдной аграрной окраиной. Еще в начале нашего века более трети населения Калифорнии проживало не далее 120 км от Сан-Франциско [90], который был неоспоримой столицей всего Запада и вчетверо опережал по людности Лос-Анджелес. Развитие Южной Калифорнии началось гораздо позже и базировалось на фруктоводстве и курортах, но своим нынешним обликом она обязана уже послевоенному буму, связанному во многом с милитаризацией, и последние полвека она сильно опережает северного соседа по темпам развития.

Все это предопределило и сильные культурные различия между частями штата. Сан-Франциско выглядит на фоне Лос-Анджелеса старым, несколько

даже сонным городом, с почтенными традициями либерализма, с открытой космополитической культурой портового центра, а Лос-Анджелес на фоне Сан-Франциско - «раем под пальмами» для богатых, где индустриальная мощь и напряженный деловой ритм уживаются с курортным стилем жизни и консерватизмом. Противостояние Сан-Франциско и Лос-Анджелеса - немаловажная часть социальной мифологии Калифорнии.

Преувеличивать это противостояние, разумеется, не следует. Огороженные Сьерра-Невадой и пустынями **-318-** от остальной страны, каждая из частей Калифорнии находит в другой главного партнера в хозяйственном и социальном взаимодействии. Недаром маршрут Сан-Франциско - Лос-Анджелес является самым напряженным авиатранспортным коридором в стране.

Воплощением межрайонной взаимозависимости стало водное хозяйство Калифорнии, которому присущи сильнейшие территориальные перекосы: около 75% всего поверхностного стока (65 из 90 млрд. куб. м/год) сосредоточено к северу от широты г. Сакраменто, а 80% водозабора (24 из 32 млрд куб.м/год, не считая 9 млрд. куб. м подземных вод) - к югу от нее. Еще в 1913 г. для снабжения Лос-Анджелеса соорудили акведук в 373 км от оз. Оуэнс (у восточных подножий Сьерра-Невады) на 630 млн. куб. м/год [75]. В 1929-1932 гг. к Сан-Франциско из Сьерра-Невады были построены акведуки «Моколумне» и «Хеч-Хечи». Самым же крупным межрайонным перебросом стал акведук «калифорния», который, по словам американского космонавта Н. Армстронга, принадлежит к наиболее грандиозным сооружениям человека, различимым даже с поверхности Луны. Акведук был построен в 60-х годах на средства штата в рамках программы «Стейт Уотер проджект» для переброски около 8 млрд. куб. м/год из бассейна р. Сакраменто на юг - в основном для ирригации в долине Сан-Хоакина, но 1,7 млрд. куб. м предназначались для Южной Калифорнии.

В США экономическое сотрудничество района» постоянно оказывается источником межрайонных социокультурных противоречий. Если население взаимодействующих районов обладает хорошо выраженным специфичным региональным самосознанием, подобные противоречия обостряются, а там, где сложилась традиция культурного противостояния таких районов, она становится вполне реальным тормозом взаимодействия. Именно так обстоит дело с межрайонными перебросками воды в Калифорнии. Сток бассейна Сакраменто нужен самой Северной калифорнии для ирригации и нужд городов, и по мере роста этих нужд передача стока в Южную Калифорнию вызывала на севере все больше возражений. Поэтому, когда возник проект так называемого Периферийного канала из р. Сакраменто в обход дельты для дополнительного переброса на юг, он сразу столкнулся с сильной оппозицией. Указывалось, в частности, на дороговизну проекта (10 млрд. долл.), на то, что ради нужд юга **-319-** придется превратить дельту в зловонную лужу [129], кстати, около 3 млн. долл. на кампанию против канала дали несколько богатых хлопководов дельты. Проект был поставлен на референдум, и голосованием граждан в 1982 г. он был отвергнут.

Таким образом, разделение калифорнии на две части представляется вполне очевидным для того, чтобы в рамках нашего обзора счесть ее мезорегионом, состоящим из двух микрорайонов - Северной и Южной Калифорнии, к которым тяготеют и две соответствующие части штата Невада.

Северная Калифорния

Бей. Бесспорным центром Северной Калифорнии является Сан-Франциско - самый красивый город Соединенных Штатов, по признанию подавляющего большинства граждан этой страны. Он возник в 1777 г. на плоской части западного берега зал. Сан-Франциско, одной из лучших морских гаваней мира, а после «золотой лихорадки» превратился в большой портовый город, быстро перевалил за прилегающие холмы и вышел к Тихому океану. С его крутых улиц, по которым все еще бегают старинные трамвайчики, открываются великолепные виды на далекую Сьерра-Неваду, на залив и океан, на соединяющий их пролив Золотые Ворота, над которыми словно парит знаменитый мост «Голден-Гейт». Весьма живописна и культурная среда Сан-Франциско, которой присущ типичный для портового города космополитический дух, либерализм, открытость, этническая пестрота. Принято считать, что Сан-Франциско - едва ли не самый «европейский» город США, притом с галльским привкусом, но и с азиатской примесью в виде обширного и весьма экзотичного Чайнатауна, возникшего здесь около ста лет назад. Правда, прелесть силуэта Сан-Франциско все более тускнеет по мере застройки центра огромными коробками небоскребов, из которых лишь изящную пирамиду «Трансамерика» можно признать украшением города. Подобная «манхаттанализация» вызывает острую критику властей города по всей стране, и это лишний раз подтверждает устойчивость представления американцев о Сан-Франциско **-320-** как о культурном достоянии национального масштаба.

*Engineering-News Record. 1982. vol. 208. No. 22. P. 22-23,

Еще на рубеже веков Сан-Франциско был одним из крупнейших портов мира, входил в десятку самых больших городов США и слыл столицей Запада - и экономической, и культурной - его главную деловую улицу, Монтгомери-стрит, называли «западным Уолл-стритом». Сейчас он сильно сдал свои позиции - и как порт, и как финансовый и экономический центр, но во многом лишь потому, что немалая доля его функций перешла многочисленным городам, которые постепенно возникли по всем берегам залива и даже в прилегающих долинах. В середине 80-х годов в самом Сан-Франциско жило около 680 тыс. человек, а во всем районе зал. Сан-Франциско, который принято называть Бей, на площади менее 20 тыс. км² размещалось более 4 млн. жителей. По сути дела это единый урбанизированный ареал из 5 агломераций и более чем 40 городов людностью не менее 25 тыс. жителей в каждом. Сан-Франциско остается крупнейшим из них по людности, но по развитию промышленности он далеко уступает и Сан-Хосе, и даже Саннивейлу, и Санта-Кларе, а по портовой деятельности - Окленду и Ричмонду.

Развитие городов Бея началось с восточного берега залива - так называемого другого берега (по-испански Контра-Коста - так называется один из здешних округов). Здесь в середине прошлого века вырос Окленд - типичный город-дублер, одно время претендовавший на первенство в связи с удобным положением на выходе трансконтинентальной железной дороги к Тихому океану. Ныне это важный контейнерный порт и центр судостроения, но общим обветшанием, обилием этнических трущоб, высокой долей негров (около 50%) и социальным упадком Окленд весьма напоминает Ньюарк -- дублер Нью-Йорка*.

* Ущербность культурной атмосферы города-дублера ярко описала на примере Оклеила известная американская писательница Гертруда Стайн, которой принадлежит «прославившая» Оклеил труднопереводимая фраза: «There is no there there» (примерно: «Здесь нет ничего, про что можно было бы сказать, что это именно здесь»). Впрочем, ныне Оклеил стал известен как образец реконструкции местными силами, что дает в условиях США лучший результат, чем реконструкция на федеральные средства, связанная обычно с массовым сносом обветшавших зданий и уничтожением сложившихся социальных форм общежития [57/].

Полная противоположность ему - северный сосед - **21 Л. В. Смирнягин -321-** Беркли, один из главных культурных центров Запада, оплот калифорнийского либерализма. Около трети его населения - студенты и преподаватели самого главного (хотя и не самого крупного) кампуса Калифорнийского университета. Именно здесь родилось движение битников, а ныне постоянно роятся тысячи живописных «девиантов» - сторонников различных экзотических молодежных движений и просто деклассированных элементов. К северу и к югу от этих городов тянется сплошная полоса городской застройки ее множеством заводов, и сейчас округа Контра-Коста и Аламеда дают вдвое больше промышленной продукции, чем агломерация Сан-Франциско.

Главным же средоточием промышленности Бея стала долина Санта-Клара. История развития этого подрайона весь~а примечательна, потому что трудно отыскать в США другой пример столь кардинальной и стремительной региональной трансформации. Во времена францисканцев это был процветающий скотоводческий район, во времена «золотой лихорадки»-- одна из пшеничных житниц края, а около ста лет назад на бортах долины, где осадки в 2-3 раза выше, чем на ее днище, стало быстро развиваться садоводство. В начале века путеводитель Бедекера рекомендовал Санта-Клару как «одну из красивейших и самых плодородных долин калифорнии» ,[39], где к тому же делали лучшее красное вино. К 1930 г. под садами здесь было занято 40 тыс. га, в том числе 34 тыс. га под черносливом; округ Санта-Клара давал 1/3 мирового сбора чернослива и по праву именовался «черносливовой столицей мира». По стоимости сельскохозяйственной продукции он занимал пятое место в США, а его главный город Сан-Хосе был самым крупным в стране центром плодоовощной промышленности.

1~огда в конце 30-х годов два выпускника соседнего Стенфордского университета, У. Хьюлетт и Д. Паккард, построили в Пало-Альта небольшую мастерскую, это прошло незамеченным: ведь еще в 1947 г. более 40% промышленных рабочих округа Санта-Клара были заняты на пищевых фабриках [151]. Однако этой мастерской суждено было стать родоначальницей могучей радиоэлектронной промышленности, которая бурно расцвела здесь после второй мировой войны под обильным дождем ассигнований Пентагона. В 1954 г. Стенфордский университет создал - **322-** промышленный парк, в нем быстро росло число предприятий, на которых внедрялись новинки, созданные в университете. В 1956 г. компания «ИБМ» развернула на окраине Сан-Хосе строительство большого завода вычислительных машин, а год спустя компания «Локхид» открыла в соседнем Саннивейле огромный ракетный завод, на котором впоследствии были построены для Пентагона все главные ракеты к подводным лодкам -

«поларисы», «посейдоны», а ныне зловещие «трайденцы». Строительство электронных заводов приобрело лавинообразный характер; сады пали под ножами бульдозеров, их место заняло беспорядочное скопление заводских коробок, фривеев « безликих домиков - худшее воплощение американской субурбии. Так возникла знаменитая Силиконовая долина - сплошная полоса застройки между шоссе 101 и 82 от Сан-Хосе до залива, где заводы около сотни фирм дают примерно 20% продукции полупроводниковой промышленности несоциалистических стран [87].

Силиконовая долина стала в США именем почти нарицательным-символом средоточия наукоёмкой промышленности, олицетворением ее процветания и социальных противоречий. За 1960-1980 гг. численность населения выросла в 3 раза и достигла 1,3 млн человек, 2/3 рабочих заняты уже в производстве полупроводников. По душевому уровню доходов Санта-Лара стала одним из богатейших округов калифорнии с очень низкой долей бедняков и низким уровнем безработицы. Но многие социальные проблемы, типичные для районов концентрации наукоёмких отраслей, в Силиконовой долине достигают особой остроты. Производство полупроводников - процесс трудоёмкий, но простой и монотонный, на заводах заняты в основном малоквалифицированные рабочие, среди которых много иммигрантов из Юго-Восточной Азии. Много здесь и высокооплачиваемых ученых, инженеров, менеджеров, а вот работников средней квалификации сравнительно мало, поэтому социальное расслоение чувствуется здесь особенно сильно. Оно четко выражено в расселении: рабочие обычно занимают города на дне долины, а специалисты - мелкие поселки на ее склонах. Электроника считается одной из самых «чистых» отраслей, но над долиной часто повисает шапка густого смога от выхлопов тысяч автомашин, потому что общественного транспорта в долине практически **-323-** нет. В последние годы отмечается бурный уезд торговли наркотиками, гангстеризма, процветает промышленный шпионаж. Местные власти ищут выход в ограничении дальнейшего роста людности округа.

Сходные процессы зарождаются и в долинах Напа, Вальехо и других, примыкающих к заливу с севера, но идут они медленнее, потому что здесь нет крупных вузов. Этот край, который славится лучшим в стране виноградом, идущим на отборные сорта калифорнийских вин, остается прибежищем самых состоятельных жителей района. Местные округа Сонома, Напа, Со- дано и особенно Марин относятся к числу самых богатых в штате.

На Бей приходится всего около 5% территории Северной Калифорнии, но здесь сосредоточено 40% ее населения, но его первенство в районе неоспоримо. Однако сфокусированность жизни района на Сан-Франциско или на Бей не очень велика, потому что Северная калифорния состоит из весьма контрастных частей, каждая из которых живет своими проблемами. Они сильно различаются по размерам, таксономическому рангу и степени сплочения территориальной общности. В этом свете Бей выглядит не столько фокусом Северной Калифорнии, сколько просто одним из ее подрайонов, притом весьма отличным от остальных и в известной мере инородным, противостоящим им не меньше, чем возглавляющим их.

Совсем иной мир простирается к северу от Бея вдоль Тихоокеанского побережья. Это Редвудс - малолюдный край гор и величественных «красных лесов», состоящих из береговой секвойи. В третичный период секвойя была широко распространена на нашей планете, а ныне сохранилась только в

Северной калифорнии. Секвойи - самые высокие и старые в мире деревья, их возраст достигает 1 тыс. лет, высота - 115 м. Гигантская секвойя растет обычно в горных районах, ее охраняют в национальных парках, но береговая секвойя образует целые рощи у самого побережья, и древесину отсюда можно вывозить прямо на баржах. Поэтому красные леса издавна подвергались нещадной эксплуатации. К 1960 г. было уничтожено около 90% прибрежных красных лесов, которые до прихода белых занимали около 80 тыс. га.

Истребление бесценных реликтовых деревьев стало примером хищнического отношения американского **-324-** капитализма к природным ресурсам страны, а борьба общественности за спасение красных лесов - одной из самых крупных природоохранных битв в США.

Редвудс может служить и примером того, насколько противоречивым оказывается воздействие подобных мер на местную экономику. Гибель природной сокровищницы национального значения удалось предотвратить, неповторимые красоты Редвудса спасены. Даже деловая газета «Уолл-стрит джорнэл» нашла для описания этого края возвышенные слова. «Дальнее северное побережье Калифорнии - одно из лучших творений Природы. Оно неповторимо прекрасно летними утрами, когда розовато-лиловый туман наползает на буйство диких цветов и смягчает очертания храмоподобных рощ красных лесов, - писал корреспондент газеты У. Бланделл, но тут же добавил: «Все это отлично до тех пор, пока вам не довелось поставить свое существование в зависимость от какой-нибудь из этих красот» *

Действительно, меры по охране красных лесов заставили свернуть лесной промысел. В результате тысячи местных жителей остались без работы. Не оправдался расчет на рост доходов от туризма, так как туристы предпочитают любоваться красными лесами, не вылезая из автомобилей, и тратят здесь мало денег. Безработица в Редвудсе составляет 15-25%, четверть семей живут на социальное вспомоществование.

«Радетели за природу твердят нам, что мы должны хоть что-то оставить нашим детям, - сказал Бланделлу руководитель местной планировочной организации У. Райт, --но сейчас единственное, что мы способны оставить нашим детишкам, - это билет на автобус, идущий на юг».

Своеобразный район сложился и к югу от Бея, на *Центральном побережье Калифорнии*. В культурном отношении долины между Беем и Лос-Анджелесской конурбации выглядят сегодня неким реликтом двухсотлетней давности, в котором сохранилось то смешение индейской, испанской и англосаксонской культур, ныне типичное лишь для Внутреннего Юго-Запада. Ось взаимодействия Сан-Франциско и Лос-Анджелеса проходит восточнее, по Центральной долине, побережье же осталось как бы в стороне от бурной **-325-** жизни штата, осталось тихим живописным краем небольших городков и размеренной жизни; недаром здесь так много поместий богатейших американских семей [79].

* Wall Street Journal. 1984. 21.VIII. P. 31.

Однако в экономическом отношении этот край не назовешь застойным. Богатые почвы и особый микроклимат прибрежных долин - почти идеальные условия для огородничества и виноградарства, которые достигли здесь высокого уровня развития. Недаром 4 из 5 местных округов (кроме горного Бенито) входят в число 50 ведущих в стране округов по стоимости сельскохозяйственной продукции, а округ Мойте-рей даже занимает второе

место. Лучшая часть - так называемая «салатная чаша» Америки - долина Салинас. Ежегодно здесь около 25 тыс. га занимают под салат-латук, а еще 30 тыс. га - под капусту-брокколи, шпинат, редис, помидоры, сельдерей. Огромны сборы клубники с орошаемых земель [53]. Немало и виноградников, которые дают сырье для легких белых и розовых вин [123].

Буколика этого края постепенно отступает под напором современной жизни. У берегов округа Санта-Барбара ведется активная добыча нефти с морского дна, возле г. Санта-Мария на базе «Вандерберг» садятся космические «челноки», близ г. Сан-Луис-Обиспо построена АЭС «Дьябло-Каньон». Подобные объекты вступают в мучительный конфликт с чудесной природной средой этого района, вокруг них постоянно кипят страсти, и недаром: в 1969 г. пляжи пострадали от разлива нефти при аварии на внебереговых нефтепромыслах, атомную станцию планировщики ухитрились поместить прямо над тектоническим разломом, а ведь землетрясение в Калифорнии - событие не редкое и порой крайне разрушительное. Власти штата приняли немало мер для ограничения внебереговой добычи нефти, но администрация Рейгана, придя к власти, с обычным для нее равнодушием к подобным проблемам приступила к широкой раздаче концессий в этом районе. Впрочем, возмущение калифорнийской общественности и противодействие властей штата оказались настолько сильными, что лишь немногие компании рискнули в 1983 г. принять участие в торгах на эти концессии *

*Environment Impact Assessment Review. 1983. Vol. 4. No.3-4. P. 577-596.

-326 -

Наиболее же крупным и контрастным противовесом Бек) служит в Северной калифорнии *Центральная долина* - огромное, длиной в тысячу километров, корытообразное понижение между Сьерра-Невадой и Береговыми хребтами, по которому реки Сакраменто и Сан-Хоакин текут навстречу друг другу, чтобы образовать единую дельту у восточного угла зал. Сан-Франциско. Можно без преувеличения сказать, что это самый богатый район сельского хозяйства США. Из 10 главных по стоимости его продукции округов страны 6 находятся именно здесь. Годовая выручка местных ферм превышает уровень в 3 млрд. долл., здесь выращивают более 200 различных культур и по полусотне из них калифорния занимает первые места в стране. Именно благодаря Центральной долине Калифорния дает практически весь урожай миндаля, абрикосов, фиников, фиг, оливок, грецкого ореха, гранатов, 90% сбора винограда, 3/4 урожая помидоров, 2/3 урожая персиков, дынь. Кроме того, в Центральной долине ежегодно собирают до 3,5 млн. кип хлопка, много риса, люцерны, содержат по миллиону голов овец и молочных коров. Сельское хозяйство Центральной долины выделяется в стране не только размерами, но и урожайностью. Так, по рису она в 1,5 раза выше, чем в остальных штатах, и втрое выше, чем в странах Азии или Африки.

Природа Центральной долины щедра: длинное лето, обилие солнца, добротные почвы. Но главная опора ее сельского хозяйства - рукотворная. Это прежде всего изощренная агротехника и обильное орошение. В Центральной долине агротехническое искусство американцев достигает, наверное, своего апогея, причем главная заслуга в его совершенствовании принадлежит местным вузам, которые уделяют проблемам сельского хозяйства самое пристальное внимание. Основа агротехники - предельная механизация. Например, в рисовых хозяйствах поля выравнивают сложные машины, оборудованные лазерами,

посев и внесение удобрений ведут с самолетов, урожай собирают специальные комбайны, которые не вязнут в топкой почве *

* Scientific American. 1981. Vol. 244. No 2. P. 38-47.

Рекордного размаха достигает здесь и орошение, которым охвачено более 2,5 млн га. Его основу составляют дорогостоящие системы, построенные на -327 - средства федерации и штата. Они работают в убыток и отпускают фермам воду в несколько раз ниже ее реальной цены, и в этой огромной дотации кроется один из главных секретов удивительной экономической эффективности сельского хозяйства Центральной долины. Искусственная дешевизна воды - фактор опасный в условиях капиталистической Америки. Он стимулировал разбазаривание водных ресурсов, беспечность в их использовании. Есть подсчеты, согласно которым половина поливной воды до растений не доходит, испаряясь и просачиваясь в грунт. Из-за этого угрожающе растет засоление почв, тысячи гектаров приходится выводить из употребления. Специалисты считают, что половину площадей, на которых есть ирригация, вообще не следовало бы орошать из-за отрицательных последствий~.

Дешевизна воды вызывает и социальные перекося. Федеральные власти оправдывали огромные затраты на оросительные системы долины тем, что вода по льготным ценам будет отпускаться только «семейным фермам» площадью не более 65 га на одного работающего (и притом живущего на самой ферме). На практике же, однако, к системе сумели буквально присосаться корпорации, владеющие десятками и сотнями тысяч гектаров поливных земель. Так, в округах Керн и Кингс, т. е. в самых богатых частях долины, восьми самым крупным землевладельцам в начале 80-х годов принадлежали 74% площадей виноградников, 71% площади садов, 54% посевов пропашных культур и 54% еще не освоенной земли [129]. Бессилие закона и бесстыдство воротил агробизнеса Центральной долины носят совершенно скандальный характер даже по американским меркам, и это было одной из главных причин того, что избиратели Калифорнии в 1982 г. отвергли на референдуме проект Периферийного канала, справедливо подозревая, что его вода достанется прежде всего корпорациям, а не фермерам.

Есть у агробизнеса Центральной долины еще один столп - едва ли не решающий в деле его экономической эффективности. Это многотысячная армия иммигрантов из Мексики и их потомков. Они подвергаются здесь эксплуатации столь нещадной, что давно уже заслужили прозвище «мокрые спины» (wet backs).

New Scientist. 1985. No. 1444. P. 24-27. -328 -

Ни в одном другом аграрном районе США уже нет таких возможностей выжимать соки из бесправной, забитой рабочей силы. Обследование, проведенное в 1983 г., показало, что 80% сельскохозяйственных рабочих Калифорнии - иностранные уроженцы, причем 73% родились и выросли в Мексике, не меньше 25% из них нелегалы, их среднегодовой доход в 7-8 раз ниже обычного для страны уровня *. Это подлинные изгои американского общества, отгороженные от него и расистскими предрассудками, и законом, который охотится на нелегалов, но именно они обеспечивают калифорнийскому агробизнесу небывалую эффективность, рекордные уровни применения всяческих новинок, отличный товарный вид продуктов, именно они безропотно трудятся буквально под дождем пестицидов, которые

рассыпают на поля с самолетов, именно они за мизерную плату, которой пренебрег бы американец, убирают фрукты вручную, чтобы на столе у американца фрукты имели аппетитный вид. В этом свете витрина американского агробизнеса предстает отвратительным сплетением ультрасовременной агротехники с полуфеодальной эксплуатацией человека.

Центральная долина весьма неоднородна по условиям увлажнения, дренажа, пригодности для отдельных культур. Северная ее часть-долина р. Сак-раменто - увлажнена гораздо лучше, здесь орошают лишь 0,6 млн. га, много площадей занято под пшеницу, на бортах выпасают скот. И хотя ось долины отведена под сады, общая интенсивность сельского хозяйства здесь ниже, и оно дает лишь пятую часть стоимости продукции Центральной долины.

* California Agriculture. 1985. Vol. 39. No. 5-6. P. 16-18.

Ядро района - долина р. Сан-Хоакин, где обильный естественный сток сочетается с обильным орошением и жарким солнечным климатом. Четыре из пяти местных округов входят в десятку ведущих аграрных округов страны, округ Фресно устойчиво занимает среди них первое место. Под орошение здесь отведено более 1 млн га, состав культур исключительно разнообразен. Обилие и дешевизна воды позволяют выращивать на поливе огромные урожаи хлопка, люцерны, большие площади заняты виноградниками (в основном для дешевых красных вин). Южная же треть Центральной долины - это бессточный бассейн, -329 - где степи и полупустыни соседствуют с болотами, и лишь тщательная мелиорация позволила превратить эти земли в цветущий край. Здесь особенно много хлопка, виноградников, на склонах располагаются овцеводческие фермы, но основу составляет все же плодоводство. Главная проблема этой части долины- засоление, которое напрямую угрожает примерно трети из 850 тыс. га орошаемых здесь земель. Соленость грунтовых вод составляет 3-25 тыс. мг/л, их можно собирать подземным трубным дренажом, как это делается с успехом в бассейне р. Сан-Хоакин, но для повторного полива они не годятся без опреснения, а сбрасывать их практически некуда. Проект строительства для этих вод самотечного канала от Бейкерсфилда до дельты был отвергнут по экологическим соображениям * .

Несколько особняком стоит ареал дельты Сакраменто-Сан-Хоакин. Через нее проходит около 40% естественного стока всей Калифорнии, и условия для сельского хозяйства превосходны. Первые плотины были построены здесь еще в середине прошлого века, и ныне сельское хозяйство занимает в дельте примерно 120 тыс. га, располагаясь на 57 островах между меандрами и протоками. Однако около половины площади дельты лежит почти на самом уровне моря**, и поскольку из-за переброса вод сток через дельту сократился вдвое, ей все сильнее угрожает вторжение соленых морских вод. Дело осложняется тем, что маршевая зона дельты (так называемая Суисун-Марш) - обиталище более 200 видов птиц, 45 видов млекопитающих, 36 видов рептилий и амфибий, среди которых есть редкие и исчезающие виды [140]. На эту проблему наталкиваются все проекты дополнительного переброса воды на юг, и ее до сих пор не удалось решить, несмотря на активную разработку альтернатив Периферийному каналу.

* California Agriculture 1984. Vol. 38. No. 10. P. 16-17.

** Western Water. 1981. У-У1. P. 4-7.

«Аграрный рай» Центральной долины, где количество урожая можно регулировать, что называется, поворотом вентиля оросительной системы, доживает, по-видимому, последние свои годы, потому что опорные его столпы становятся все ненадежнее. Водные ресурсы района задействованы почти полностью, а нужда в них продолжает расти, и безалаберное водопользование - **330**- в сельском хозяйстве вызывает все большее недовольство у горожан. Растет классовая солидарность и сплоченность сельскохозяйственных рабочих, и многие местные специалисты видят в этом серьезную угрозу аграрному укладу, сложившемуся в Центральной долине. Этот уклад все жестче противостоит природной среде края, а та мстит ему засолением почв, опустыниванием, ростом зловонных болот и общим спадом урожайности. 1~тому же урбанизация наступает на фермы, властям приходится принимать специальные меры по охране ценных сельскохозяйственных земель от конверсии.

Специалисты почти единодушны в своих прогнозах: агробизнесу Центральной долины предстоит решительная реконструкция, коренная рационализация водопользования, переход к более квалифицированному и выше оплачиваемому живому труду, отказ от некоторых наиболее жадных до полива культур вроде люцерны. Этого требует все развитие штата; ведь если использование воды в сельском хозяйстве удастся сократить хотя бы на 15% (а это вполне реальная перспектива), то все потребности калифорнии в дополнительной воде можно было бы удовлетворить до 2000 г. без строительства новых гидротехнических сооружений [129].

Южная Калифорния

Юго-западный угол территории США занимает район, весьма необычный во многих отношениях. Начать с того, что на всем Тихоокеанском побережье Америки это практически единственный крупный участок равнинного характера. Окаймляя полукольцом овальную равнину, горы отгораживают ее от жарких пустынь континента и принимают на себя влагу западных ветров, отдавая ее артезианским бассейнам равнины (для развития крупных поверхностных водотоков здесь не хватает места). Климат здесь классический средиземноморский; местные жители иногда говорят, что лето тут - как зима в Египте, а зима - как лето на Аляске. Щедрость природы, укрытость горными хребтами, живописный контраст океана, гор и цветущих долин придают этому краю облик укромного райского уголка.

Окружающие горы труднопроходимы. Перевал через хр. Техачапи находится на высоте 1180 м, перевал -**331**- Кахон через горы Сан-Гейбриел - на 1170 м, а перевал Горгонио через хр. Сан-Бернардино, который отгораживает равнину с востока, - на 840 м. Изолированный горами и поясом пустынь, расположенный на самом краю страны, лишенный естественной гавани, этот район долго был сонной аграрной «Аркадией». Когда в Северной Калифорнии была в разгаре «золотая лихорадка», в Южной Калифорнии жили несколько тысяч человек. Лишь после того, как в 1976 г. сюда с севера пробилась первая железная дорога, район вступил в полосу развития, но зато развитие это не только безостановочно шло все последующие сто лет, но шло к тому же бурными темпами. Об этом красноречиво свидетельствуют данные о людности агломерации Лос-Анджелеса: всего 11 тыс. жителей в 1880 г., 50 тыс. - в 1890 г. и уже 100 тыс. - в 1900 г. К 20-м годам нашего века численность населения в

Южной калифорнии перевалила за 1 млн. человек, а в 30-е годы достигла 3 млн. человек, к 1950 г. выросла до 5,5 млн. в 1960 г. составила 8,5 млн. в 1970 г.,-- 11 млн. а сейчас приближается к 15 млн. человек.

«Секрет» столь сильного и неуклонного роста заключается в том, что его постоянно подстегивала череда сменяющих друг друга импульсов, причем они не столько сменяли друг друга, сколько наслаивались, не оставляя между собой временного зазора. Более того, вспыхивая в разгар действия предыдущего импульса, новые факторы продолжали действовать очень долго. Следы каждого из них вполне различимы и сегодня, будь то аграрное процветание, «нефтяная лихорадка» или «пенсионерский бум».

Все началось с фруктоводства, унаследованного от францисканских миссий с их виртуозной ирригацией. Край оказался на редкость благодатным для произрастания самых разных субтропических культур, особенно на склонах гор*. Железные дороги открыли для Южной Калифорнии огромный рынок, и уже в 1900 г. округ Лос-Анджелес занял по стоимости сельскохозяйственной продукции первое место в стране, которое он сохранял в последующие 50 лет. Решающую роль в -332-этом сыграл открытый в 1908 г. огромный акведук длиной 373 км из оз. Оуэнс, который надолго обеспечил район водой для обильного полива и городских нужд. Фруктоводству район обязан своеобразной формой расселения, весьма плотной для сельской местности, переходного по своему облику к городу, причем со временем, по мере урбанизации района, этот переход так толком и не состоялся: за пределами не слишком обширных ареалов плотной застройки расселение здесь все еще имитирует фруктоводческие усадьбы.

* Для Южной Калифорнии характерна климатическая инверсия: на дне долины суше и холоднее, чем на склонах. Так, в Риверсайде (225 м над уровнем моря) выпадает за год 255 мм осадков, а в Сан-Бернардино (315 м) -400 мм. Поэтому на верхних склонах обычно выращивают лимоны, которые боятся заморозков, ниже - персики, а на дне долины-зерновые и травы на корм.

Со временем индустриализация и урбанизация оттеснили сельское хозяйство на второй план, округ Лос-Анджелес по стоимости его продукции откатился во второй десяток ведущих округов и фермы занимают здесь теперь менее 1,5 млн га (не считая пустынного округа Сан-Бернардино с его обширными скотоводческими ранчо). Но продукция этих ферм все еще превышает 2,5 млрд. долл. в год. Фруктоводство с удобством размещается на городских неудобьях и горных склонах, на которые не претендует урбанизация; оттесненное из окрестностей Лос-Анджелеса, оно процветает на окраинах района. Из девяти входящих в состав района округов семь занимают в стране места не ниже 30-го по стоимости продукции сельского хозяйства, притом округ Вентура входит в десятку ведущих.

Немногим позже расцвета фруктоводства возник второй импульс развития района, - импульс, который и поныне играет видную роль. Он основан на том, что утопающая в садах Южная калифорния издавна пользовалась репутацией «земли обетованной», переезд в нее был заветным желанием миллионов американцев, которые реализовали эту мечту при первой возможности. Иммиграция уже более века является главным, и притом очень мощным, источником роста людности района. На этой репутации здесь выросла уникальная по размеру киноиндустрия Голливуда, где полвека назад

было сосредоточено, по разным оценкам, от 2/3 до 3/4 мировой кинопродукции; на 75 голливудских киностудиях было занято более 50 тыс. человек, среди приезжих было немало ушедших на покой состоятельных граждан, и хотя численно преобладали, конечно, простые труженики, настроенность мигрантов на социальный миф «рая под пальмами» придала культурной обстановке Южной калифорнии тот гедонистический крен, который стал ее родимым пятном. Примечательно, что гедонизм этот весьма незамысловат. Привнесенный **-333-** сюда людьми, как правило, среднего достатка, а не самого высокого, он выражается в стремлении к удовольствиям довольно простым - сытости, физическому здоровью, денежной независимости, бытовой свободе; чисто культурная его составляющая тут довольно слаба. В гедонизме как стереотипе поведения много показного, его охотно демонстрируют и многие из тех жителей Южной калифорнии, которым приходится добывать хлеб в поте лица своего, но это лишь подчеркивает культурную устойчивость подобного стереотипа.

Южная Калифорния была не только местом, где иммигранты тратили сбережения, нажитые в других районах; она и сама располагала немалыми ресурсами помимо аграрных и рекреационных. Перед второй мировой войной здесь были открыты обильные запасы нефти. На их разработке выросли такие мощные ныне монополии мирового значения, как «Атлантик ричфилд», «Сан ойл», «Оксидентл петролеум», «Гетти ойл»; их штаб-квартиры до сих пор расположены в Лос-Анджелесе. Нефтяные вышки часто встречаются в южных пригородах Лос-Анджелеса, в самом центре Лонг-Бича, хотя фокус нефтедобычи сместился на вне- береговые месторождения в проливе Санта-Барбара.

Уже в межвоенный период Южная калифорния стала крупным сгустком населения и человеческой деятельности, приобрела весомый социально-экономический потенциал. Здесь уже сложился емкий рынок, достаточный для самодовлеющего развития хозяйствам вне зависимости от недостатков изолированного географического положения. К концу второй мировой войны в промышленности было занято более 400 тыс. человек, и по этому показателю Лос-Анджелесская агломерация занимала пятое место в стране, опережая даже Питтсбургскую, Бостонскую и Кливлендскую. Район уже располагал крупной пищевой промышленностью, заметно выделялся производством мебели, резиновых изделий, переработкой нефти, металлообработкой.

Однако главный стержень индустрии района - это, безусловно, военная промышленность, рост которой а военные и особенно послевоенные годы стал еще одним исключительно мощным стимулом дальнейшего хозяйственного развития Южной калифорнии. Зародившись в крупных масштабах в годы второй мировой войны, когда Тихий океан оказался главным для США театром **-334-** военных действий, военная промышленность возросла здесь до чудовищных размеров и сложилась в разветвленный многоотраслевой комплекс.

Ядро этого комплекса - авиаракетно-космическая промышленность (АРКП), в которой занято непосредственно около 135 тыс. человек, здесь производят примерно 1/4 всех самолетов и почти половину ракетной техники страны, имеют свои крупные (часто главные) предприятия почти все основные корпорации отрасли, за исключением, пожалуй, лишь «Боинга», но и эта фирма передает в Южную калифорнию около четверти своих заказов по линии

субконтрактов. В районе расположены огромные, более чем по 10 тыс. занятых, головные заводы «Макдоннелл-Дуглас» (в Лонг-Биче) и «Локхид» (в Бербанке), производящие авиалайнеры и военно-транспортные самолеты. В Хоторне «Нортроп» выпускает самый ходкий экспортный истребитель «Тайгер», а в Пика-Ривера, на заводе, купленном у «Форда», - прототип «малозаметного» бомбардировщика «Стелт». В Эль-Сегундо расположен головной домплекс штаб-квартир и лабораторий корпорации «Рокуэлл интернэшнл».

Ракетное производство представлено огромными, по 8-10 тыс. занятых, заводами «Дженерал дайнэмикс» в Сан-Диего (крылатые ракеты «томагавк») и Помоне (различные корабельные зенитные ракеты), заводом ракетных двигателей «Рокуэлл» в Канога-Парк, заводом ракетоносителей «Макдоннелл-Дуглас» в Хантингтон-Бич. Немало здесь и заводов по выпуску космической техники - таких, как завод «Рокуэлл» в Доуни, где собирали главные элементы корабля «Аполлон», а сейчас делают агрегаты для «шаттлов» (около 12 тыс. занятых), или завод той же фирмы в Сил-Бич, делающий навигационные спутники "НАВСТАР».

Новейший военно-промышленный узел сырое за последние годы в Палмдейле - в пустыне к северу от Лос-Анджелеса, за хребтом Сан-Гейбриел, где давно уже собираются построить новый международный аэропорт для Большого Лос-Анджелеса. Старый государственный завод № 42, расположенный на окраине Палмдейла, сдан в аренду «Рокуэлл», которая сильно расширила его - сначала для производства космических «челноков», а теперь для серийного производства левого бомбардировщика В-12. Позже фирма «Нортроп» построила здесь завод для будущего производства -335-бомбардировщика «Стелт», «Локхид» перенесла сюда из Бербанка производство патрульного самолета Р-3 «Орион» и самолета-разведчика ТР-1 (на базе пресловутого У-2) [1 1] .

Выпуск готовых летательных аппаратов опирается в Южной Калифорнии на прочную базу множества вспомогательных предприятий по производству узлов и деталей. Среди них есть и поистине гигантские заводы вроде предприятия «Рор индастрис» в Чула-Висте на 7,5 тыс. занятых (примечательно, что четверть его продукции отгружается в шт. Вашингтон для «Боинга»). На обслуживании этого производства выросла мощная радиоэлектронная промышленность в которой занято более 200 тыс. человек, из них примерно половина - в производстве средств связи и треть - в производстве электронных компонентов. Эта отрасль является главным профилем специализации округа Ориндж, где она разбросана по многим городам.

Обилие предприятий, работающих на Пентагон, большая зависимость района от заказов военного ведомства придают немало специфических черт социокультурной обстановке в Южной Калифорнии. Неустойчивость военного контрактования, которая сильно бьет по экономике многих менее крупных районов США, здесь оказывается гораздо слабее, потому что спад загрузки одних заводов может быть компенсирован расширением производства на других. Это порождает в некоторых частях района промилитаристские настроения, способствует усилению консервативности политических взглядов. Недаром округ Ориндж, где концентрация занятых в военном производстве особенно велика, считается в США настоящим

«архетипом» политического консерватизма, сложившегося на «военном процветании».

* В этом расхожем клише есть немало преувеличенного. Рабочие ареалы округа Ориндж, особенно города Санта-Дна, Уэстминстер, Бузна-Парк, издавна являются оплотами демократической партии, которая удерживала за собой один из трех местных избирательных округов по выборам в конгресс в 1962-1984 гг.

В последние годы темпы роста людности и хозяйства Южной Калифорнии несколько упали, так как чисто количественный рост подошел, по-видимому, к пределам вместимости района. Правда, есть еще немало свободных территорий для расселения на востоке **-336-** района, где людность сейчас растет особенно быстрыми темпами; много «белых пятен» сохранилось и в беспорядочной застройке главного урбанизированного ареала, и сейчас они форсированно осваиваются в ходе так называемого «инфиллинга» (заполнения). Однако массовой иммиграции приходится растекаться уже за пределы Лос-Анджелесского бассейна, и в 80-е годы урбанизированный ареал стал все шире переползать за окружающие горы в пустыни, прилегающие к нему с севера и востока. Спала «земельная лихорадка» и в округе Ориндж, где в 70-е годы участки приходилось разыгрывать в лотерею. Зато наступает, по-видимому, очередь западного соседа Лос-Анджелеса - округа Вентура, который слывет ныне «лимонной столицей» (округ дает супермаркетам страны около 60% лимонов). Сюда пробили многополосную автостраду, и людность округа быстро увеличивается, вызывая немалую тревогу местных жителей, которые опасаются повторения здесь хаотической «земельной лихорадки» Оринджа.

Отражение нехватки места - чудовищная дороговизна жилья, которое даже в среднем стоит здесь а 1,5 раза выше, чем в среднем по стране. Цена обычного односемейного дома уже в 11 раз превышает месячную зарплату средней семьи; согласно расчетам администрации, если это превышение окажется больше 12 раз, приток населения в район вообще прекратится.

Главным же ограничителем «физического» роста района стала вода. Акведук из оз. Оуэнс (сильно, кстати, обветшавший) дает району лишь 80% необходимой воды, еще 15% обеспечивают артезианские скважины, остальное-акведук из р. ~олорадо. Много надежд связывали с проектом Периферийного канала, но проект отменен, поставки же воды из р. ~олорадо придется урезать, так как калифорния забирала из нее долю, принадлежавшую, согласно решению Верховного суда, штату Аризона, который намерен теперь воспользоваться ею.

В тупик зашел и транспорт района, хотя он достиг здесь, казалось бы, небывало высокого уровня развития: автомобилю отдано около половины городской площади, могучие автострады пересекают район во всех направлениях. Однако их давно уже не хватает, потому что Южная калифорния знаменита своей небывалой автомобилизацией - пожалуй, предельной даже **-22 Л. В. Смирнягин - 337 -** по мировым масштабам. Чего стоит такое популярное в американской литературе сравнение: если все автомобили, которыми владеют жители округа Лос-Анджелес, поставить в 4 ряда бампер к бамперу, то эта ко~донна растянется от Лос-Анджелеса до Нью-Йорка) Жители Южной калифорнии не только ездят на автомобиле по любой надобности, но и смотрят в нем кино, слушают церковную службу, делают покупки... В Лос-Анджелесе нет не только привычной для крупного европейского города уличной жизни - в

нем кое-где нет даже тротуаров; на автодорогах трудно выделить часы пик: они забиты автомашинами практически все дневное время суток. Главный символ гиперавтомобилизации - печально знаменитый фотохимический смог, который ощущается здесь почти постоянно, а нередко становится настолько плотным, что срывает работу авиатранспорта.

В свое время район располагал одной из лучших в стране систем общественного транспорта. Еще в конце прошлого века из Лос-Анджелеса провели пять лучей электрички, ее красные вагоны были привычным элементом городского пейзажа еще 30 лет назад. Сейчас эту систему приходится возрождать, но дается это с большим трудом. В 80-е годы создана трамвайная линия Лос-Анджелес-Лонг-Бич, которая обошлась в 1,5 млрд. долл., проектируется метрополитен вдоль бульвара Уилшир - главной артерии Лос-Анджелеса. Однако драконовские сокращения администрации Рейгана помощи местным властям крайне осложняют финансирование подобных проектов.

Впрочем, наиболее серьезные препятствия для развития района создают не природные или инфраструктурные проблемы, а проблемы социальные. Продукт напластования разнородных факторов, район сложился в причудливый, противоречивый социокультурный конгломерат, в котором отдельные части, порожденные совершенно специфическими условиями, не успевают притереться друг к другу, и взаимодействие их протекает в обстановке мучительных противоречий, причем противоречия эти находят настолько яркое выражение в географическом аспекте, что Южная калифорния может, пожалуй, служить классическим примером того, как географический аспект не только иллюстрирует ход процессов, но и является одной из главных причин ~и факторов их протекания. Действительно, главная социальная проблема -338 - района-вопиющее социальное неравенство, социальная и этническая пестрота - исключительно ярко воплощается в его географии. Сегрегированность расселения по имущественному, расовому или профессиональному признаку стала характерна для США в целом, но здесь она достигает особого размаха. Наиболее богатая часть населения расселяется обычно вдоль южного подножия хребтов Санта-Моника и Сан-Гейбриел. Здесь расположен пресловутый Беверли-Хилс, знаменитый на всю страну «холм богатеев», куда возят туристов поглазеть на шикарные особняки, магазины с невероятно высокими ценами, супердорогие автомобили и прочие аксессуары, составляющие мечту американского мещанина. Жители западной части этой полосы настолько богаты, что голосуют обычно, как и Уэст-Сайд в Нью-Йорке, за либеральных демократов, но в целом это твердый оплот консервативных республиканцев. Сходный характер настроений и в самой восточной части района, где сейчас расселяются новоприбывшие пенсионеры побогаче. Но сразу к югу от предгорий Сан-Гейбриела начинается совсем иной мир-обширный ареал с преобладанием испаноязычного населения, где доходы в 5-8 раз ниже. Непосредственно к югу от даунтауна Лос-Анджелеса лежит знаменитый Уоттс - ядро негритянского расселения, где в 1965 г. вспыхнуло настоящее восстание местных жителей против сегрегации, отводившей им роль пари- ев в этом «раю под пальмами». Еще южнее, вплоть до Лонг-Бича, тянутся многолюдные рабочие кварталы и города, где жители безуспешно пытаются имитировать этот «рай», обзаводясь резиновыми бассейнами и плохонькими садиками. Жители всех этих районов неизменно отдают свои голоса

демократам. Западнее вдоль океана тянется полоса разношерстных городков, где заводы Эль-Сегундо перемежаются с пляжной субкультурой Санта-Моники и обветшавшими ныне следами попыток создать здесь поселения курортного типа. Особняком, на отшибе, по другую сторону г. Санта-Моника и Сан-Гейбриел лежит котловина Сан-Фернандо, которую «отцы города» предусмотрительно включили в городскую черту еще полвека назад. Сегодня это довольно унылое скопище одноэтажных домиков с длинными прямыми улицами и универмагами на перекрестках. Население, понаехавшее сюда в годы военного бума, успело пережить тягостное отрезвление после кризиса военных заводов «Локхид» в начале -22* 339- 70-х годов, и здесь так и не сложился тот консервативный политический климат, который столь характерен для округа Ориндж.

В Южной Калифорнии насчитывается около сотни городов людностью не менее 25 тыс. жителей, из них более чем у полусотни людность превышает 50 тыс. жителей (в одном округе Лос-Анджелес их 29). Почти все они срослись в единый урбанизированный ареал. Во главе его стоит Лос-Анджелес, который далеко превосходит их по людности - 3 065 тыс. жителей в 1984 г. против 945 тыс. в Сан-Диего и 370 тыс. в Лонг-Биче. Казалось бы, он должен служить надежным ядром всей агломерации. На самом же деле он сам является по сути скопищем отдельных районов, разбитых либо горами, либо «китайскими стенами» автострад, а больше всего - вопиющими контрастами разных укладов жизни. Даунтаун выделяется здесь на редкость слабо и долгое время отличался лишь тем, что в нем сходились главные автострады города, чьи неправдоподобно гигантские развязки лишь еще более изолировали даунтаун от остального города. Лос-Анджелес долго отставал от Сан-Франциско по размаху финансовой деятельности; может быть, именно поэтому в нем лишь в самые последние годы появились типичные для американских городов-гигантов небоскребы, 4 из них превышают высотой 200 м, а башня «Ферст интерстейт» вздымается до 260 м.

Слабая выраженность центра, сильнейшая дисперсия рабочих мест, их размещение впережку с селитьбой, очень низкая плотность застройки-все это привело к тому, что Лос-Анджелес стал предельным выражением полицентрической агломерации. «Сто пригородов в поисках города», как называют его в американской литературе, - это скопище изолированных, замкнутых на свои проблемы поселений, ставшее воплощением худшего социального бедствия-дезинтеграции всей социальной жизни. Так географическая структура становится и отражением, и причиной, порождающей эту культуру «толпы одиноких», где каждая семья живет своими заботами, видит остальных лишь из окон своего автомобиля, проносясь на нем на пляж или на работу, и не вспоминает о чужих заботах до тех пор, пока те не перерастут в тяжелые социальные проблемы и не ворвутся в ее быт насильно. В этом свете не покажется удивительным и то, что -Лос-Анджелес, этот многомиллионный урбанистический **-340-** колосс, до сих пор не имеет своей оперы, своего блета, что общая вялость его общественной культур .ной жизни стала притчей во языцех* .

Ныне район вступает в новый период своего развития - период своего рода интернационализации Лос-Анджелес становится одним из наиболее типичных так называемых мировых городов наряду с Нью-Йорком, Сан-Франциско, Майами. Такие города развиваются на особо оживленных

перекрестках связей капиталистического мира, для них характерна сильная зависимость от международных по своему происхождению импульсов развития, активность иностранного капитала, этническая пестрота.

Все эти черты проявляются в Лос-Анджелесе очень ярко. Это один из крупнейших в мире транспортных узлов. На его четырех главных аэропортах в Ван-Ньюис, Лонг-Биче, Санта-Ане и самом Лос-Анджелесе ежегодно совершается по 0,5 млн. взлетов-посадок. Двойной морской порт Лос-Анджелес-Лонг-Бич, сооруженный еще в 1914 г., имеет ныне годовой грузооборот более чем в 70 млн. т и входит в пятерку крупнейших морских портов США. Интернационализация привела к стремительному росту конторского дела в даунтауне, где уже в середине 80-х годов общая площадь контор перевалила за 2 млн. кв. м, а к 1990 г. дойдет, вероятно, до 4 млн м². Примечательно, что заправляют этим строительством иностранные фирмы (в основном канадские и японские), и 2/3 новой площади принадлежит иностранцам, приехавшим из Японии, ФРГ.

По своей этнической пестроте современный Лос-Анджелес напоминает многим Нью-Йорк столетней давности. По численности негров это третий город страны, по численности индейцев - даже первый (около 100 тыс. человек), в нем крупнейшая в США армянская община, много японцев, все больше выходцев из других стран Азии. Но главная не английская часть населения-это, конечно, испаноязычные жители. Даже по официальному счету их доля превышает здесь 25%, а с учетом многих десятков тысяч нелегальных иммигрантов из Мексики, вероятно, треть. Уже сегодня они составляют подавляющее большинство жителей таких городов, как Хантингтон-Парк, Пико-Ривера -341-, Эль-Мойте, Монтебелло, Саут-Гейт; принято считать, что по общей их численности Лос-Анджелес уступает во всем мире только Мехико и Мадриду. Уроженцы Калифорнии уже давно составляют меньшинство населения этого района, а к 2000 г. в меньшинстве, по-видимому, окажутся вообще все жители английской культуры.

* Вот характерный американский анекдот на эту тему: «Чем отличается Лос-Анджелес от йогурта? В йогурте есть закваска» (буквально: «живая культура» - living culture).

Интернационализация даст, по-видимому, новый толчок развитию Южной калифорнии, но пока что передовая по американским меркам культура этого небольшого по площади района, своего рода «выставка американизма», приходит в крайне болезненное столкновение с массивованным вторжением укладов, типичных для наиболее отсталых развивающихся стран. Это вторжение спровоцировано самим американским капиталом, потому что открывает перед ним возможности прямо у себя дома, а не за тридевять земель эксплуатировать бесправную иммигрантскую рабочую силу с беспощадностью, которая давно уже стала непозволительной в эксплуатации американского рабочего класса, добившегося немалых экономических завоеваний за долгие годы борьбы. Наплыв мексиканских иммигрантов привел к странному на первый взгляд извращению отраслевой структуры хозяйства района: некоторые передовые отрасли вроде автомобилестроения стали свертываться, зато небывалого расцвета достигла швейная промышленность, в которой в одном округе Лос-Анджелес занято сейчас больше 80 тыс. человек. Теперь здесь бок о бок с ультрасовременными заводами наукоемких отраслей процветают

десятки подпольных швейных фабрик, использующих полурабский труд нелегальных иммигрантов.

Сказочно обогащая предпринимателей, подобна» практика неминуемо ведет к тяжелым перекосам в социальной жизни района-поляризации имущественной, структуры, дальнейшей дезинтеграции обществам нарастанию противоречий и накоплению центробежных импульсов. Они ставят район перед угрозой таких социальных потрясений, на фоне которых восстание в негритянском Уоттсе покажется чем-то вроде уличных беспорядков. В этом лишней раз проявляется коренное противоречие капитализма, фатальное для него в историческом плане, неспособность разрешить те социальные проблемы, которые он сам неизменно порождает при форсировании экономического развития. -342 -

Аляска и Гавайи

Штаты Аляска и Гавайи располагаются изолированно, на большом удалении от остальной территории США и друг от друга. Поэтому вопрос о выделении их в районы решается сам собой, как и вопрос об их границах. К тому же они расположены так далеко от основной части страны, что оказываются в совсем иных природных зонах, и настолько сильно отличаются от других районов США, что необходимость выделения каждого из этих штатов в отдельный район выглядит бесспорной.

Аляска и Гавайи сильно не похожи друг на друга, но при сравнении с остальными США они выглядят как те самые крайности, которые, как известно, сходятся. Оба штата громадны по размерам. Аляска- самый крупный штат страны по площади. «Если вы положите ее на карту остальных 48 штатов, - пишут М. Бароун и Г. Юджифуза,-то южная часть Аляски, так называемый Пенхендл*, коснется Джэксонвилла во Флориде, последний из Алеутских островов - Лос- Анджелеса, а северный берег - Верхнего озера» [42]. У Гавайев территория на два порядка меньше, но цепь Гавайских островов протягивается по океану на 2,5 тыс. км, а это больше, чем длина всей материковой Аляски. Поэтому и для Аляски, и для Гавайев остро стоят проблемы транспорта.

Оба штата отличаются обилием высоких гор. На Аляске расположена самая высокая гора Северной Америки - Мак-Кинли (6194 м), а на о. Гавайи самый большой (по массе) в мире вулкан - Мауна-Лоа (4170 м). Аляска - самый холодный штат страны со среднегодовой температурой плюс 4,4°С, а Гавайи - самый жаркий (плюс 2~С). Аляска-воплощение суровой арктической пустыни, где морозы в многомесячную полярную ночь достигают минус 50°С, а вегетационный период на северном склоне исчисляется несколькими днями, тогда как Гавайи - «тропический рай», страна вечного лета, где дневная температура воздуха колеблется в течение года от 22 до 27°. На большей части Аляски выпадает очень мало осадков, а на гавайском о. Кауаи, на высоте 1,7 тыс. м, находится -343- одно из самых «мокрых» мест на Земле (свыше 12,5 тыс. мм осадков за год).

* Это распространенный в США топоним, который буквально означает «ручка сковороды». Так принято называть узкие и резко выступающие части штатов-например, во Флориде, Небраске, Оклахоме, Зап. Виргинии.

Оба штата резко выделяются пестротой национального состава населения. По доле коренного населения в его общей численности (16%)

Аляска занимает первое место в стране, а Гавайям принадлежит такое же место по доле небелого населения (67%). Поэтому расовые проблемы, весьма актуальные во многих других штатах страны, здесь приобретают особую важность.

Хозяйственная специализация у этих штатов разная: у Гавайев - на продуктах тропического сельского хозяйства (прежде всего на сахарном тростнике и ананасах), а у Аляски - на продуктах горнодобывающей промышленности (в основном на нефти). Нетрудное однако, заметить, что в обоих случаях речь идет о чисто сырьевой специализации. Штаты роднит также однобокость экономики, сильная зависимость от связей с основной частью США.

Надо добавить, что оба штата - самые молодые в составе США. Они получили свой статус в 1959 г., а до этого долгое время были колониями США, что наложило яркий отпечаток на весь ход их развития. Прием в состав США Аляски и Гавайев, удаленных от остальной части США на тысячи километров, заставил ввести в обиход такие выражения, как «смежные штаты» (conterminous states), «нижние 48» (lower 48) и т. п., которыми теперь принято обозначать основную территорию США. Это лишний раз подчеркивает специфичность, обособленность Аляски и Гавайев.

Аляска

Нет в США края более сурового, чем Аляска - страна высоких гор, свирепых морозов, полярной ночи» озаряемой лишь северным сиянием, и почти полного безлюдья. На ее громадной площади (около 1/4 территории США) немало контрастов, и если на так называемом Северном склоне, выходящем к Ледовитому океану, лежит безлесная тундра и 10 месяцев в году свирепствуют морозы, то на Пенхендле, т. е. на узкой полосе прибрежной суши, выступающей далеко на юго-восток, средняя температура даже зимой выше нуля. На обширном лесистом плато, расположенном между Аляскинским хребтом на севере и Алеутским хребтом на юге и орошаемом р. Юкон и ее притоками, -344 -осадков очень мало, но на архипелаге Александр 2 возле южной оконечности Пенхендла, выпадает за год 2-4 тыс. мм. Однако в целом природа Аляски отличается крайней негостеприимностью для человека, 1 лишь в долине Матануска, возле Анкориджа, защищенной от холодных ветров Арктики хребтом, возмож но ведение сельского хозяйства. С трех сторон Аляска окружена морем, ее береговая линия на Ледовитом океане превышает 1,7 тыс. км, а на Тихом достигает почти 9 тыс. км. Но моря подолгу скованы мощны л льдом, поэтому штат страдает от сильной транспорт ной изоляции. Здесь всего 6,5 тыс. км автодорог с твердым покрытием, единственная железная дорога Анкоридж- Фэрбанкс имеет длину 860 км. Главным транспортным средством служит самолет, и каждому поселку приходится иметь взлетно-посадочную полосу.

Первыми из европейцев здесь появились русские- моряки экспедиции В. Беринга и А. Чирикав; (1741 г.). Г. Шелехов в 1784 г. основал на о. Кадьяк первое на Аляске постоянное поселение, а его наследники организовали в 1799 г. Российско-Американскую компанию, которая развернула деятельный промысел на северо-западных берегах Америки. компания зало жила здесь несколько поселений - Ситку (в 1799 г.) Новоархангельск (в 1804 г.) и др. Американцы при шли сюда только в начале прошлого века, но активность их

быстро возрастала, и в 1867 г. Россия продала Аляску США за 7,2 млн. долл. Смена властей не внесла особых перемен. Заметное оживление наступило лишь в конце прошлого века, в разгар клондайкской «золотой лихорадки» в соседних районах Канады, а также во время второй мировой войны, когда большое военно-стратегическое значение приобрело географическое положение Аляски. Тем не менее к 1960 г., когда Аляска официально вошла в число штатов, ее население насчитывало 226 тыс. человек, из которых около 45 тыс. составляли коренные жители: индейцы в центральной части (около половины), эскимосы на севере и алеуты на юго-западе.

С тех пор население Аляски 'сильно выросло и приближается к рубежу в 0,5 млн. человек, но это по-прежнему самый малолюдный штат страны, далеко отстающий от остальных по плотности населения (около 0,3 человека на 1 км²). ~тому же около 40% жителей сосредоточено в районе самого крупного города штата - Анкоридж, где природные условия сравнительно - **345-** мягче. Остальная территория штата, кроме Пенхендла, выглядит бескрайней пустыней, где многие части вообще ни разу не посещались человеком.

Тем не менее сегодня Аляска играет важную роль, в экономике США, так как ее недра обладают огромными запасами полезных ископаемых, притом запасами практически нетронутыми. На фоне быстрого роста зависимости США от импорта многих топливно-сырьевых ресурсов Аляска приобретает значение главной резервной кладовой страны.

Согласно распространенным оценкам, на Аляску приходится около половины потенциальных запасов США по нефти [35], углю, металлам платиновой группы, 80% запасов олова, 30% сурьмы, 20% никеля. Здесь известны крупные месторождения асбеста, полиметаллов. Кроме того, здесь около 6 млн. га болот, запасы торфа в которых равнозначны 17 млрд. т нефти, еще 60 млрд. т содержатся в битуминозных сланцах. А ведь недра Аляски слабо изучены. Стоит добавить, что на реках штата около 2 тыс. створов, на которых можно было бы ежегодно получать по 1,7 млрд. кВт.ч электроэнергии, что равнозначно половине ее современного производства в США [137]. По площади лесов (48 млн. га) Аляска далеко опережает остальные штаты страны, а по запасам деловой древесины (445 млн. куб. м) уступает только тихоокеанским штатами Орегон, Вашингтон и Калифорния. Окружающие Аляску моря славятся исключительным обилием рыбных ресурсов.

Освоение этих ресурсов сильно осложняется, конечно, крайней суровостью природы, бездорожьем и безлюдьем. Тем не менее за 1880-1980 гг. из недр Аляски уже извлечены богатства на общую сумму 19 млрд. долл. (в ценах 1980 г.) -а это в 2,5 тыс. раз больше, чем сумма, уплаченная за Аляску России [137].

Главное, чем важна Аляска для хозяйства США, - это 'нефть, на которую приходится 95% стоимости горнопромышленной продукции штата. Нефть была обнаружена здесь еще русскими, добыча ее (возле Кордовы) началась уже в 1901 г. В начале 60-х годов на южной Аляске добывали около 1,2 млн т в год. Положение в корне изменилось, когда в 1968 г. на северном склоне было открыто огромное месторождение «Прадхо-Бей» площадью 500 км², где на глубине около 2 тыс. м обнаружены продуктивные пласты, содержащие 1,3 млрд. т нефти и 540 млрд. куб. м газа [35] -**346-**

В 1969 г. неподалеку было открыто месторождение «Купарук» (240 млн. т нефти на глубине 9 тыс. м а затем еще несколько значительных месторождений. В 70-х годах поисковые работы вышли на шельф мор Бофорта, где, по видимому, залегает основная часть аляскинской нефти. В 1977 г. вошел вострой нефтепровод Прадхо-Бей-порт Валдиз (на южном берегу длиной 1,3 тыс. км и мощностью 200 тыс. т/сутки. Уже в 1984 г. добыча нефти на Аляске превысил 70 млн. т, и ныне штат обеспечивает более 15% добычи нефти в США.

Нефтяной бум буквально преобразил жизнь Аляски. Частные корпорации ассигновали на освоение нефтяных богатств штата огромные суммы. Большие средства отчислялись в казну штата, и по душевому уровню доходов администрации ~15,8 тыс. долл. в 1981 г. Аляска далеко опережает все остальные штаты, превосходя средний для них уровень в 7-10 раз. Благодаря этому на Аляске низка стоимость многих социальных услуг (например, плата за обучение в университете), на средства штата строится много жилья для престарелых старожил. Дело дошло до того, что 1 1982 г. администрация штата посылала чек на 1 тыс. долл. каждому, кто находился на Аляске больше полугодом [42]. Да и по общему душевому доходу жителей, и по уровню их зарплаты Аляска прочно занимает первое место в стране.

Следствием бума был стремительный рост населения. За 60-е и 70-е годы оно увеличилось на 1/3. Людность самого крупного города, Анкоридж, только за 70-е годы выросла в 3,5 раза, а к середине 80-х годов перевалила за 200 тыс. жителей.

В то же время бум имел немало негативных последствий. Сейчас на Аляске самая высокая в стране стоимость жизни, и это сильно скрадывает ее преимущество по величине душевого дохода. Социальная обстановка в штате сильно напоминает фронтирную, мужчин больше, чем женщин, около трети населения - недавние приезжие, уровень убийств вдвое выше, чем в США в среднем, обеспеченность врачами в 1,5 раза ниже. Распределение доходов крайне неравномерное - ведь в горной промышленности занято менее 1/10 трудящихся, хотя этот сектор дает более половины валового продукта штата. В богатейшем штате страны более 10% населения имеют доход ниже официального уровня бедности. -347 -

Особенно тяжелым оказалось положение коренного населения. Казалось бы, по федеральному закону 1971 г. аборигены получили немалые права: власти США обязались выплатить им в течение 20 лет 962,5 млн. долл. в качестве компенсации за нарушение их привычного образа жизни в ходе колонизации [56]. Нефтяные компании отчисляют им огромные средства, строят ультрасовременные поселки. Тем не менее участь аборигенов незавидная. Согласно переписи населения 1980 г., более четверти из них имеют доход ниже уровня бедности, образовательный уровень вдвое ниже, чем у некоренного населения, смертность и безработица вдвое выше, почти четверть из них живет на пособие. Самое же печальное то, что происходит разрушение старинного уклада жизни - пусть бедняцкого, но исполненного для аборигенов глубокого смысла. Вряд ли податки нефтяных компаний способны заменить эскимосу радость охоты на морского зверя, которой он, по выражению Ж. Гарро, придает значение почти религиозное [67]. Отсюда - алкоголизма высокий уровень самоубийств, развал семей. Политические

возможности аборигенов сильно снижены тем, что они раздроблены по многим «корпорациям».

Нефтяной бум сильно обострил и проблемы окружающей среды. Природа Аляски отличается большой хрупкостью, особенно ее животный и растительный мир, в котором процессы текут крайне медленно и нанесенные раны заживают поэтому очень долго. Для эффективной охраны среды на Аляске есть хорошие предпосылки: 88% территории штата принадлежат федеральному правительству (самая высокая доля среди штатов страны), что составляет 44% всех федеральных земель. На них введены весьма жесткие, казалось бы, правила, нацеленные на охрану природы. В 1980 г. конгресс США принял специальный закон о землях Аляски, по которому под строгую охрану были взяты 63,6 млн. га; это расценивалось в то время как одна из крупнейших побед движения за охрану среды. Однако на деле эти правила содержат много исключений, и даже на охраняемых землях в ряде случаев разрешены поисково-разведочные работы.

Природоохранные проблемы достигли остроты при строительстве трансалюскинского нефтепровода. Его проект слабо учитывал экологические аспекты, и это породило в стране волну протестов. В 1973 г. строительство удалось приостановить на основе федерального **-348-** закона о среде. Дело кончилось компромиссом: конгресс согласился сделать для строительных компаний исключение, а те со своей стороны обязались в корне пересмотреть проект. Ныне на участках общей длиной около 700 км трубопровод уложен на огромных высоких пилонах, и его влияние на природу прилегающих местностей сведено к минимуму. Из-за этого и стоимость строительства, и его сроки выросли примерно вдвое.

К середине 80-х годов развитие Аляски оказалось на распутье. Мировые цены на нефть сильно упали, доходы штата сократились, пошла вверх безработица, которая уже много лет превышает здесь среднестрановой уровень. Главное месторождение штата Прадхо-Бей близко к истощению, взамен каждой тонны нефти приходится уже закачивать 1,5 т воды для поддержания давления в пласте ~24. Освоение остальных месторождений сильно запаздывает и обходится все дороже. С 1991 г. прекратятся федеральные выплаты аборигенам, и есть опасения, что их «корпорации» начнет прибирать к рукам частный капитал. Администрация Рейгана неуклонно урезала все природоохранные программы, и в 90-х годах следует, по-видимому, ожидать обострения всех главных проблем Аляски-коренного населения, охраны природы, уровня нефтедобычи.

В той территориальной общности, которая складывается на Аляске, наметился явный раскол на две части, которые здесь называют «бумеры» и «гриппи». «Бумеры» ратуют за наращивание темпов хозяйственного развития - пусть даже ценой частичного разрушения среды обитания, - за снятие государственных ограничений на этом пути и ориентируются в основном на рынки Японии и Дальнего Востока, а не США. Именно «бумерами», преуспевшими в годы нефтяного бума, заняты ведущие политические посты в штате, и Аляска уже давно стала настоящим бастионом республиканской партии. «Гриппи» радеют за более гармоничное развитие и всемерную охрану среды. Они призывают к уменьшению зависимости штата от нефтяного рынка с его постоянными, сильными и непредсказуемыми колебаниями цен, к развитию таких отраслей, как, например, туризм, который уже достиг здесь

немалого размаха (летом сюда приезжают около 1 млн туристов). -349- Пока что «грини» находятся в оппозиции, но их влияние растёт, а с ним и вероятность того, что чисто фронтальный характер Аляски как района начнет уступать место чертам, указывающим на постепенную стабилизацию, созревание этой молодой территориальной общности людей.

* Ethnos. 1984. Vol. 49. No. 3-4. P. 285-304.

Гавайи

Своим существованием Гавайские острова обязаны громадному вулканическому хребту, который поднимается с глубин 4-5 тыс. м. Во многих местах он подходит близко к поверхности Тихого океана, и здесь возникли сотни коралловых островков, протянувшихся на 2 тыс. км вдоль гребня подводного хребта. Островки ничтожны по своей площади, но на крайнем юго-востоке этой цепи вершины хребта вздымаются высоко над водной поверхностью и образуют тесную группу из больших островов, на которую приходится 97% территории штата: Гавайи, Мауи, Оаху, Кауаи, а также острова Молокаи и Лапан. Острова эти гористы, их вершины поднимаются, как правило, далеко за 1 тыс. м, а на о. Гавайи - даже до 4170 м (г. Мауна-Лоа). Поэтому ровных участков здесь мало, но они представляют огромную ценность для сельского хозяйства благодаря своим плодороднейшим почвам, которые сложились на базальтовых лавах.

Острова заселили гавайцы - австралоиды полинезийского типа, которые успели достичь самого высокого среди полинезийцев уровня развития. Накануне появления здесь первых европейцев в гавайском обществе уже началось разложение первобытнообщинного строя. К несчастью для гавайцев, их родина оказалась лакомой приманкой для колонизаторов. Уже в 20-х годах прошлого века сюда проникли американские миссионеры, которые отличались от своих европейских «коллег» редкостной деловой хваткой и агрессивностью. Еще во времена правления гавайских королей они прибрали к рукам коммерцию страны и ее внешние связи, потом взялись за организацию сахарных плантаций. В 90-х годах последний гавайский король Лилиуокалани был свергнут, США аннексировали Гавайи, и вскоре они стали важным поставщиком сахара на американский рынок.

Постепенно на Гавайских островах стала складываться территориальная общность людей, которую в -350- известном смысле можно назвать уникальной. Коренное население быстро таяло из-за истребления, болезней и других причин. Если в начале прошлого века здесь жило около 250 тыс. гавайцев, то после второй мировой войны их насчитывалось несколько десятков тысяч, а в 1980 г. - около 120 тыс. человек {7}. Американским плантаторам пришлось прибегнуть к массовому завозу рабочей силы из Японии, Китая, с Филиппин, из Кореи и других стран Тихоокеанского региона. После того как в 1959 г. Гавайи получили статус штата, здесь стала нарастать доля иммигрантов из материковой части США.

В результате сейчас Гавайи представляют собой «штат-полиглот» с редкостной пестротой национального состава населения. Примерно 1/4 населения - это японские иммигранты и их потомки, так называемые «нисеи», т. е. японцы во втором поколении. Они очень активны и в бизнесе, и в политике и составляют почти половину избирателей, принимающих участие в выборах. Писец контролируют демократическую партию штата, которая

издавна преобладает в политической жизни Гавайев. Из пяти главных политических постов штата (губернатора и четырех членов конгресса США) четыре обычно занимают лица с японской фамилией, причем сенатор Д. Иноуэ - одна из ключевых фигур в демократической партии США [42]. Примерно равны им по численности американцы с материка, которых здесь называют «хаолес»; среди них много военных и пенсионеров. На третьем месте - филиппинцы (134 тыс. человек в 1980 г.), занятые в основном физическим трудом. Много здесь и китайцев (56 тыс. человек), среди которых немало бизнесменов; миллионер Чин Хо едва ли не богатейший человек на Гавайях [42]. Есть здесь и корейцы (18 тыс. человек), и вьетнамцы, влияние которых куда меньше, но самые низкие ступени социальной лестницы занимают Коренные жители-гавайцы.

В целом доля лиц азиатского происхождения составляет на Гавайях 67%, и ныне Гавайи - первый штат страны, где белое население находится в численном меньшинстве. Это привлекает к нему особое внимание ученых, многие из которых склонны видеть в Гавайях прообраз того, что ждет некоторые другие районы страны (прежде всего калифорнию) в связи с наплывом небелых или неанглофонных иммигрантов. Однако вряд ли «штат-полиглот» сможет стать - **351** - своего рода лабораторией межрасовых отношений для остальных США. Дело в том, что на Гавайях эти отношения издавна строились относительно мирно, что не характерно для США, где расовая проблема - одна из острейших проблем общественного развития. Многие национальные общины, особенно нисеи и китайцы, поддерживают тесные связи с родиной своих предков), но жестких межрасовых барьеров нет, межрасовые браки стали обычным делом. Некоторые ученые считают это наследием чисто гавайских традиций терпимости, которую здесь называют гавайским словом «ало-ха» и которая так дорого обошлась самим гавайцам [42]. Более простым объяснением, однако, представляется то, что ни одна из национальных групп не получила на Гавайях решающего перевеса - ни по численности, ни по влиянию.

Весьма своеобразна и экономика Гавайев. У нее, как обычно отмечают пишущие о Гавайях, «три столпа»; сельское хозяйство, туризм и военные базы.

Сельское хозяйство - традиционная отрасль специализации Гавайев. Под фермами здесь занято более 800 тыс. га, на о. Гавайи есть даже обширные скотоводческие ранчо. Главным же стержнем являются плантации сахарного тростника и ананасов, расположенные в основном на о. Оаху, а также на о. Кауаи. Под полеводством всего 40-45 тыс. га, но их возделывание дает большую вырубку. В 1983 г. в США было лишь 4 штата, где в земледелии с 1 акра получали продукции в среднем больше чем на 1 тыс. долл., и среди них были Гавайи (вместе с Флоридой, Калифорнией и Аризоной), причем здесь удельная стоимость урожая была в 6 раз выше средней по стране. Один только «сахарный сектор» (сбор и обработка сахарного тростника и сбыт сахара) дает работу примерно четверти самодеятельного населения штата [42]. ~статистика, в 80-х годах на первые позиции по стоимости стала выдвигаться культура «пакалоло» - сырье для марихуаны [67].

Туризм тоже традиционен для Гавайев, но его развитию сильно препятствовала удаленность островов от (~ША и Японии; ведь от Гонолулу до Сан-Франциско морем около 4 тыс. км, а до Гонконга почти 9 тыс. км.

Туризм принял на Гавайях подлинно широкий размах только в 70-х годах в связи с внедрением больших -авиалайнеров («джамбо-джет»), вмещающих по несколько сот пассажиров. К концу 70-х годов, по мере **-352** - удешевления билетов, туризм стал входить в полосу настоящего бума. Знаменитый пляж Вайкики, воспетый еще Джеком Лондоном, обстроен ныне плотной стеной отелей до 40 этажей. Людность самого Гонолулу к середине 80-х годов перешла рубеж в 800 тыс. жителей, и теперь это 11-й по населению город США- правда, в основном благодаря тому, что в 80-х годах в административную черту города был включен весь о. Оаху, что сразу привело к удвоению численности населения. Гавайи стали очень популярным местом отдыха и в Японии; многие отели в штате принадлежат японцам или нисеям.

С расцветом туризма тесно связан и наплыв пенсионеров с материка. Они оседают, как правило, в старом Гонолулу, на северо-восточном берегу о. Оаху, на западе о. Гавайи, а в 80-х годах особенно быстрым был рост их числа на о.Мауи. Среди них немало состоятельных людей, преуспевших на материке. Для них строят роскошные комплексы-кондоминиумы, нарезают участки, сооружают поселки.

Гавайи издавна играли большую роль в планах Пентагона благодаря своему положению в центре Тихого океана. Еще в 1919 г. в Перл-Харбор (Жемчужной бухте) военные построили сухой док, который со временем превратился в огромную военно-морскую базу. С разгрома этой базы японской авиацией в 1941 г. началась война США с Японией. «Японское нападение в 1941 г., - писали М. Бароун и Г. Юджифуза, - поразило не окраинный форпост американского ВМФ, а самое его сердце» [39~. Сейчас на Гавайях находятся постоянно около 50 тыс. военнослужащих более 20 тыс. жителей Гавайев служат в качестве вольнонаемных министерства обороны, которое ежегодно расходует в этом штате более 2 млрд долл. (в расчете на душу населения - третье место среди штатов США после Виргинии и Аляски). Именно поэтому, как считают американские политологи, на Гавайях, несмотря на либеральный в общем политический климат, не в чести антивоенные выступления [42].

На фоне остальных штатов страны Гавайи выглядят порою поистине райским уголком. Уровень душевого дохода, образования, медицинской помощи здесь лучше, чем в среднем по США, безработица и уровень убийств гораздо ниже. Здесь сравнительно мало бедняков, трущоб почти нет. Политическая обстановка **-353** - спокойная, исполненная либеральных традиций. В отличие от Аляски здесь весьма популярны лозунги «нулевого роста» и тщательной охраны среды обитания. Видную роль играют профсоюзы, особенно профсоюз докеров и грузчиков, без согласия которого в 60-х годах не обходилось ни одно важное решение демократической партии штата. Репутации райского уголка способствуют, конечно, и традиции «алоха», и роскошная тропическая природа, и общий праздничный настрой, характерный для крупных центров рекреации.

Однако за фасадами отелей Вайкики кроется немало тревожных проблем. Для центров рекреации типичны не только красоты, но и высокая стоимость жизни, инфляция. На Гавайях это усугубляется тем, что в снабжении многими важнейшими товарами и услугами штат решающим образом зависит от связей с материком. Так, практически все энергетические потребности

Гавайев приходится удовлетворять подвозом жидкого топлива. Слишком велика и зависимость Гавайев от Пентагона, а это, как показал исторический опыт многих других районов США, чревато большими осложнениями в социально-экономическом развитии. Велики территориальные диспропорции. Гавайи иногда называют «штат-город», поскольку более 3/4 его населения сосредоточено в Гонолулу. В то же время остальные острова - в том числе сравнительно крупный Кауаи - выглядят порок) как настоящие «медвежьи углы».

Немало тревожных тенденций и в социально-культурной жизни Гавайев. Приток состоятельных пенсионеров размывает либеральные традиции, которые и без того испытывают давление, связанное с чрезмерной милитаризацией. На выборах 1986 г. в палату представителей от Гавайев впервые прошел республиканец (кстати, тоже нисей - Санки) . Знаменитой «алохе» все труднее 'сдерживать взрывчатую силу сив- падения барьеров социальных и национальных.

Численность населения Гавайев приближается к рубежу 1 млн. жителей. В Америке принято считать, что за этим рубежом у штата или района открываются возможности для вызревания сбалансированной экономики, способной к самообеспечению. Очевидно, именно по этому пути предстоит идти и Гавайям - по пути обогащения отраслевой структуры хозяйства и развития производств, нацеленных на рынок штата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закончен наш рассказ о региональной мозаике Соединенных Штатов. Хочется надеяться, что он оставил у читателя впечатление исключительной яркости региональных контрастов, их особой значимости для общественной жизни страны. Исследование регионального контекста этой жизни невольно приводит к заключению, что в особой роли географического фактора заключена одна из главных специфических черт американского народа.

В ходе исследования и анализа постоянно приходилось сталкиваться с некоторыми трудностями, которые встречались так часто, что их можно назвать типичными. Речь идет о тех трудностях, которые не были порождены именно американской спецификой, но которые должны, по-видимому, вставать перед каждым исследователем региональной организации общества. Поэтому анализ подобных трудностей и путей их преодоления мог бы представлять интерес не только в рамках американистики. Эти трудности распадаются на две группы: возникающие при выявлении районов и при проведении границ. Перечислим их - не столько в порядке значимости (ее не так-то просто установить), сколько в порядке взаимной увязки.

В деле выявления самих районов особенно часто встречается задача противостояния морфологическо го и ф у н к ц и о н а л ь н о г о е д и н с т в а района. Согласно точке зрения, которая господствует сейчас в нашей науке, определяющим критерием для объединения территорий в один район является не простая схожесть их друг с другом, а степень функциональной связности, которая, напротив, предусматривает несхожесть объединяемых территорий (ведь похожим территориям незачем быть связанными, да и нечем связываться: все, что есть на одной из них, есть и на другой). Между тем есть немало случаев, когда морфологическая схожесть соседствующих территории

оказывается настолько сильной, что заставляет объединять их в один район вне зависимости от того, куда направлены их связи - друг к другу или вовне. -355- Например, атлантический Мегалополис - чисто морфологическое образование, а не функциональное, но в том, что это единый район, не может быть никаких сомнений. Решение этой задачи заключается, по-видимому, в том, чтобы не абсолютизировать значение признака функционального единства и следовать той «мягкой методике», о которой говорилось в первой главе, Помогает тут и тезис «плавающего признака»; при выделении района нужно отдавать решающую роль не априорно заданному набору признаков, а тем из них, которые особенно ярко проявляются на данных территориях.

Атлантический Мегалополис может служить примером еще одной типичной трудности, которую можно назвать «коллапсом пространства». На 0,2% территории страны проживает почти 15% ее населения, живущего в городах-гигантах, их пригородах и спутниках. В условиях громадной плотности все контрасты социальной жизни (а они здесь огромны) предельно сближены, арена их взаимодействия крайне мала по площади. Ничтожность линейных и площадных параметров вступает в жесткое противоречие с огромными размерами самой территориальной общности людей. Неоднородность этой общности делает необходимым ее внутреннее районирование, но как проводить его на такой малой территории? Возможно, здесь мы имеем дело с исчерпанием нижних пределов географического масштаба исследования, коль скоро речь заходит о выделении кварталов города в виде районов, которые предстоит сопоставлять по рангу, скажем, с Пшеничным поясом, который на несколько порядков больше по площади. Создается впечатление что в образованиях, подобных Мегалополису, географическое пространство как бы сворачивается из-за сверхвысокой плотности явлений и для условий подобного «коллапса» надо разрабатывать свой вариант методики районирования.

В проблеме «коллапса пространства» высвечивается еще одна трудная задача районирования - п л а в н о с т ь и е р а р х и ч е с к и х п е р е х о д о в. Всякое здоровое районирование, претендующее на отражение объективной реальности, должно быть многоуровневым, чтобы как можно полнее отразить многообразие районных форм. Однако подчас бывает трудно установить, к какому именно уровню относится данный район. Сплошь и рядом одинаковые, казалось бы, по рангу районы оказываются расчлененными на совсем разное число подрайонов, и подрайоны одного из них становятся несопоставимыми по размерам с подрайонами другого. Для прояснения этих трудностей нужна особенно большая глубина проработки территориальной структуры районов и подрайонов, которая отнюдь не всегда доступна при исследовании зарубежной страны без полевых наблюдений и обследований. Поэтому приходится признать, что предложенная иерархическая организация выявленных районов заведомо условна, подвержена пересмотру при углублении исследования.

Эта проблема усугубляется одной из главных трудностей районирования, носящей методологический характер; ее впервые сформулировал в 1985 г. А. В. Новиков (на совещании по типологии в г.Миассе), поэтому ее позволительно назвать «парадоксом Новикова». Суть ее в следующем: если поставить задачу разделения одной и той же территории сначала, скажем, на 5 частей, а затем, независимо от предыдущего решения, на 20 или 50 частей, то мелкие части отнюдь не уложатся, словно матрешки, в более крупные,

напротив, дробная сетка сплошь и рядом будет рассекают границы более крупной сетки. Причин у этого явления немало (одна из них в том, что для столь разных по масштабу разбиений обычно используют разные наборы признаков), но их обычно игнорируют в конкретном ранжировании, строя его строго по принципу матрешки. С этим приходится согласиться ради удобства и простоты понимания результатов, однако надо отдавать себе отчет в том, что это условность, порожденная отсутствием у нас методики и навыков мышления более адекватно отражающих противоречивую реальность. С этим парадоксом связана, хотя и неявно, проблема *межрайонных и внерайонных городов*. Как известно, в системах расселения есть тенденция к возникновению главных городов не только в центре района, но и на стыках районов, то есть в наиболее контрастных точках с особо разнообразным окружением. Некоторой аналогией может служить сетка В.Кристаллера с К-4, где промежуточный центр возникает между главными центрами, т.е. на границе зон их влияния; правда, там речь идет о центрах более низкого ранга, тогда как здесь - о центрах сходного ранга. В некоторых случаях такое расположение **-356-** крупных городов на границе подрайонов может служить основанием для объединения их в один район. Так, район Роки-Маунтинс как бы сшит из Скалистых гор и Высоких равнин цепочкой городов вдоль предгорий. Но ничуть не реже подобные города возникают на границе «больших» районов. Классическими примерами могут служить Литл-Рок на стыке Озарков и долины Миссисипи или Сан-Антонио, сложившийся как центр взаимодействия Мексамерики на юге, немецкого ареала расселения на севере и англофонной полосы тexasских прерий на востоке. Иной раз такие трудности удается решить компромиссно. Так, в самом Сан-Антонио явно преобладает испаноязычная культура, и его можно отнести к Мексамерике. Но в случаях, подобных Литл-Року, ситуация выглядит тупиковой, и для отнесения города к одному из районов нужно «волевое» решение. В отдельных случаях, особенно если пограничный город очень велик, его целесообразнее выделять в самостоятельную региональную единицу. Об этом говорит пример Сент-Луиса - агломерации, в которой своеобразно сплелись черты соседних районов. Это типичный внерайонный город.

Встречаются еще два варианта внерайонных городов. Во-первых, в США есть районы, чьи главные центры расположены вне их пределов, в соседних районах. Самые яркие примеры - это «столицы» Пшеничных поясов, районов с редким аграрным населением, не располагающих базой для порождения главного города на собственной территории. У Ярового пшеничного пояса «столицей» служит Миннеаполис, расположенный в Лесном Приозерье, у Озимого - Канзас-Сити в Кукурузном поясе.

Во-вторых, не раз случалось так, что главный город как бы перерастает район по масштабу и значимости. Служа району главным проводником для внешних связей город словно «загрязняется» такими связями, теряет сходство со своим районом, у которого главным олицетворением его черт становится другой город, притом необязательно второй по величине. Так, «духовной столицей» «голуботравья» в Пограничном Юге является не Лексингтон, а сильно уступающий ему по размерам Франкфорт, в Каджунском Галфе не Новый Орлеан, а Лафайетт. Еще четверть века назад М. Е. Половицкая, подчеркивая обособленное положение Нового Орлеана в своем районе, назвала его вне-районным городом и тем самым впервые в нашей

литературе -358- подметила этот феномен. То же, хотя и не так жестко, можно сказать о Сан-Франциско в составе Северной калифорнии.

Не менее сложны проблемы, связанные с оконтуриванием районов, с проведением их границ. Больше всего трудностей вызывает феномен р а с п о л з а н и я границ. В современной географии полностью господствует один способ изображения границ- в виде «волосяных» линий, лишенных толщины; как писал по этому поводу В. Л. Каганский, «границы изображают, но не изображаются», т. е. они служат изображению районов, их пределов, но собственных характеристик в этом изображении не обнаруживают. Между тем в реальности за этими линиями почти всегда стоят переходные зоны определенной ширины, подчас настолько большой, что изображение их «волосяной» линией становится вопиющим насилием над реальностью. В пределах этих переходных зон смешение черт соседствующих районов часто порождает специфический эффект, выходящий по своему значению далеко за рамки простого межрайонного перехода. В некоторых случаях такие зоны можно принять за районы; хорошим примером может служить Пограничный Юг. Однако гораздо чаще статус этих зон остается неясным; они слишком широки для границы и слишком узки для района. География настоятельно нуждается в разработке методов полноценного изображения свойств самих границ -ширины переходной зоны, резкости перепада районных признаков и многих других. Пока же их нет, приходится пользоваться «волосяными» линиями, но с ясным осознанием всей их условности.

Другая тягостная проблема в определении границ - противоречие между процедурами о т г р а н и ч е н и я (оконтуривания) и р а з г р а н и ч е н и я. Ведь создавать сетку районов можно по-разному: либо изучая и оконтуривая район за районом, либо занимаясь непарным разграничением районов. В первом случае часто возникают противоречия в размещении той или иной границы: проводимая при оконтуривании одного района, она может поместиться совсем не там, где ее приходится проводить при оконтуривании другого района. Так, для северян Балтимор - первый (при движении на юг) южный город, а для южан - первый северный город. Граница между Севером и Югом может быть проведена по-разному, в зависимости от того, какой из этих районов оконтуривать - Север -359- или Юг. Иными словами, собственные границы Юга и Севера могут не совпадать на стыке этих районов и друг с другом, и с той «обоюдной» границей, которую доведется провести при процедуре разграничения этих районов. Может показаться, что обоюдная граница станет неким компромиссом между собственными границами соседствующих районов, но практика районирования показывает, что это не так: методические приемы разграничения и оконтуривания во многом разные, их результаты несводимы друг к другу напрямую. Методика выбора между этими вариантами практически не разработана, и здесь все еще приходится полагаться на интуицию.

С этим противоречием собственных и обоюдных границ связан феномен так называемого выморочного района. Он возникает в тех случаях, когда несколько районов с яркими собственными границами окружают некую территорию, лишенную внятного собственного облика. Такая территория оказывается оконтуренной не собственными, а чужими границами. Она превращается в район как бы по чужой воле, в связи с «соседними»

обстоятельствами, а не в силу собственных процессов, сходств и т. п. Таким «выморочным» районом стал, например, Большой бассейн на Горном Западе. Перечень подобных уроков районирования США можно было бы продолжать и далее. Ведь конкретная работа над анализом региональной организации такой большой и своеобразной страны, как США, всегда дает обильную пищу для методических и теоретических обобщений. Но у нашей книги задачи были скромнее: представить Соединенные Штаты Америки в сознании читателя не точкой, а сложным единством разнообразных районов и дать характеристику каждому из них с той полнотой, которую допускают рамки одной книги. Теоретическое же обобщение опыта, накопленного в ходе такой работы, заслуживает отдельного исследования - как, впрочем, и многие другие вопросы, затронутые в нашей книге лишь попутно.